

Гай Юлий
Орловский

Ричард Длинные Руки —
оверлорд

Гай Юлий Орловский

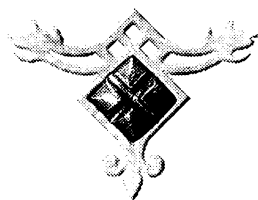

Длинные Руки —
оверлорд

Жизнь — борьба, в которой надо драться грабрю и честно. Ричарду это обычно удавалось, однако он уже не рядовой рыцарь... Увы, могущественный лорд должен быть еще и умелым политиком. Но можно ли быть грабрым и честным политиком? Может ли быть политиком рыцарь?

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ризард Длинные Руки

Ризард Длинные Руки — воин Господа

Ризард Длинные Руки — паладин Господа

Ризард Длинные Руки — сеньор

Ризард де Амальфи

Ризард Длинные Руки —

властелин трех замков

Ризард Длинные Руки — виконт

Ризард Длинные Руки — барон

Ризард Длинные Руки — ярл

Ризард Длинные Руки — граф

Ризард Длинные Руки — бурграф

Ризард Длинные Руки — ланлорд

Ризард Длинные Руки — пфальцграф

Ризард Длинные Руки —
оверлорд

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Рич@рд
Длинные Руки —
оверлорд

Москва, 2007

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

Иллюстрация на переплете *П. Трофимова*

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — оверлорд: Фантастический роман / Г. Ю. Орловский. — М.: Эксмо, 2007. — 480 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-23506-3

Жизнь — борьба, в которой надо драться храбро и честно. Ричарду это обычно удавалось, однако он уже не рядовой рыцарь... Увы, могущественный лорд должен быть еще и умелым политиком. Но можно ли быть храбрым и честным политиком? Может ли быть политиком рыцарь?

**УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 978-5-699-23506-3

© Орловский Г. Ю., 2007
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2007

Посвящение

Ребятам с сайтов:

www.orlovsky.ru

www.knor.ru

<http://www.litforum.ru>

www.kubikus.ru

...где очень помогли с разбором полетов Tamplier, Arling, Skirlan, tryn, XAZAD, slimp, Dwarkin, Som, Martisha, OlegZK, Санна, Кубикус, Ustas, Iron Hummer, 2Djak0n...и др., сожалею, не могу быстро печатать ваши заковыристые имена.

Спасибо за выявление багов и проколов в предыдущих романах. С вашей помощью удалось сделать ярче ряд образов, прорисовать характеры, добавить некоторые приключения. Все это увидите в новых изданиях.

Надеюсь на вашу помощь и в будущем!

Спасибо!

Часть 1

Глава 1

Удали первые морозы, небо пронзительно-синее, ни облачка. Даже знатные рыцари поговаривали, что надо бы снега, чтобы укрыл землю с посеянными в нее зернами. Местные знатоки сообщили, что здесь выпадает на День святого Фроста, это еще десять дней, считая от вчерашнего.

Я лихорадочно прикидывал насчет замка: оставлять без крепкой руки рискованно, но и дарить пока что некому. Слишком разношерстная команда. Да и, самое главное, все нужны под рукой, а не в далеком имении. Как, кстати сказать, пригодились бы верные Зигфрид, Гунтер, Турингем, Ульман...

Леди Беатриса сослалась на потрясения, попросила позволения отбыть в свой замок. От служанок узнал, что их хозяйка исхудала и почти не спит, тихонько плачет, но так, чтобы никто не слышал.

— Да, конечно, — сказал я самой преданной ее служанке, — да-да, как только изволит, пусть только скажет. Я подберу хорошую охрану.

Она присела в почтительном поклоне.

— Ваша милость, леди говорит, теперь разбойники не скоро появятся в этих землях!

— Твоими бы устами, — сказал я, не закончил, но надеюсь, поняла так, как надо, а не как понимают острословы, — но я не могу допустить, чтобы в дороге на нее хоть пушинка упала. Это будет урон моей рыцарской чести и моему гонору, поняла?

Она поклонилась, пряча взгляд и улыбку.

— Я так и передам, ваша милость.

Я проводил ее хмурым взглядом. Похоже, даже служанки уже знают и оживленно судачат о наших непростых и непонятных для простого народа отношениях. Для них дурь какая-то!.. Никто не мешает трахаться, тем более — оба тянемся друг другу с такой силой, что хоть к стенам приковылай. Но упираемся, сопротивляемся, находим какие-то дурацки-непонятные доводы, почему-то надо устоять, не поддаться естественным порывам...

А как это нормально для простолюдина — поддаться естественному! Да, простолюдин и живет всегда естеством, как животное, потому и всегда простолюдин. Простолюдин по сути всегда язычник, у него нет души и нет душевных терзаний, а все его огорчения разве что из-за того, что соседская коза пролезла через плетень и потравила огород.

Христианство привнесло в человеческую жизнь служение высоким идеалам, а ради этих идеалов не просто возможно, но даже человек как бы обязан жертвовать сиюминутными или, как говорят еще, мирскими утехами. Конечно, такие люди были и при язычестве, но оставались исключением. Христианство отловило эти вспышки просветления и ввело в правило, в норму. Конечно, и сейчас низовые массы живут так, словно христианства и нет, разве что не приносят человеческие жертвы и не пляшут вокруг

идолов. Но верх общества стремится возвысить души, и от этого стремления идут все эти обеты, что выглядят так смешно: не открывать левый глаз, пока не очистит Зачарованный Лес от нечисти, не снимать цепи с левой ноги, пока не сразится с воинством императора Карла и не привезет перья с трех шлемов, не знать близости с женщиной, пока не убьет дракона...

Правда, смешными эти обеты кажутся разве что мне, а я свинья еще та, так и тянет обоссать все, что вижу, к этому приучен всей жизнью демократа и общечеловека. Только здесь и среди этих людей невольно и спину держу прямее, и взгляд гордым и непреклонным, и за грязным своим языком стараюсь следить. Даже мысли иногда удается сдерживать, ибо сказано: не греши даже в мыслях, но тут я пока слаб в коленках. Иногда за одно мгновение успеваю такое намыслить, точнее — нагрезить, что Тертуллиан бы прибил собственноручно за такие пошлости, скабрёзности, пакостность и вообще...

А может, пришла другая мысль, и не прибил бы. Тертуллиан сам из языческого Рима, там такие оргии были, мама не горюй, хлебнул того меда всласть и от пуза, пока не понял, что вообще-то не мед вовсе, а говно, если посмотреть с точки зрения существа более развитого.

Но чтобы это понять, надо стать этим существом. Я из мира интеллектуально развитых простолюдинов. От этого мне и хреново, что вроде бы умнее простого и простодушного дурака в железе и с цепью на ноге, но в то же время жопой чую, что он в другом плане неизмеримо выше.

И конфликт между мной и леди Беатрисой... нет, конфликт не между нами, а в самой ситуации, когда на уровне простолюдинов мы вполне можем совокупляться, трахаться, жариться, иметься, хариться и все такое, как кролики, олени, воробьи, мухи, жуки... но сложности начинаются на том уровне, где человек действительно отличается от спаривающихся бабочек.

Ранним утром во двор вкатила, подпрыгивая на замерзших кочках, повозка. Под огромными колесами сочно, словно переламываемые тонкие прутики, трещал лед в мелких лужицах. Сэр Альбрехт, спасибо ему, добыл лучшую, отобрал для нее самых надежных и выносливых коней.

Леди Беатриса выскользнула словно бы украдкой, торопливо. Мне показалось, что пригибает голову, даже горбится. За нею так же быстро, старательно прикрывая ее породным телом, мелкими шажками спешила служанка.

Я стиснул челюсти, во рту такое, будто изжевал стог полыни и до ногтей пропитался горечью. Деревянными шагами вышел из-под арки, для леди Беатрисы уже поставили лесенку из трех ступеней, колеса повозки для большей проходимости в полтора обычных диаметра, леди Беатриса опустила ногу на подножку, я кашлянул за ее спиной.

— Леди Беатриса...

Она обернулась, полная божественного испуга в широко распахнутых глазах. Лицо в жарком румянце, явно перед выходом долго стояла у открытого окна. Нежно пахнущая, в дивной свежести своей длящейся юности, но с печалью в глазах.

— Ох!.. Сэр Ричард, как вы меня напугали...

— Простите, леди Беатриса, — проговорил я с трудом. — Видит бог, я хотел, чтобы все было иначе.

Исхудавшая и бледная, она смотрела страдающими глазами. Служанка замерла, страхась пошевелить даже пальцем.

— Все будет, — прошептала леди Беатриса, — все будет иначе...

— Леди Беатриса, — проговорил я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, — скоро повалит снег, и вся жизнь замрет. И все успокоится до весны...

Она подняла голову, наши взгляды встретились. Не лги, ответили ее глаза. Не успокоится. Я понимаю, говоришь о том, что все люди, которые привыкли в руках держать оружие, повесят мечи на стену и будут пьянствовать до весны, а

потом до лета, пока не подсохнет земля на дорогах. И что я не должна волноваться: ты будешь точно цел... И что меня никто не посмеет обидеть. Но на самом деле что тебе и мне этот покой в Армландии, если в наших душах те же бури, что и бушевали?

Я склонился к ее руке, мои губы коснулись нежной кожи, и сладкая боль пронзила все тело. Ну почему не бросить все, не поехать с ней, не зажить в покое и довольстве, в счастливой любви, как поступил бы любой нормальный мужчина?

Ее пальцы затрепетали, я длил мгновение, прижимаясь губами. Она с огромным трудом, преодолевая себя в каждый миг, медленно убрала руку. Я чувствовал, чего это ей стоило, и устыдился своей слабости. Маленькая женщина отчаянно сражается за свое «я», а я, мужчина, поддался простейшим чувствам, которые, поднявшись на ступеньку одухотворенности и возвышенности, называются уже не так, как назывались, а уже любовью.

Я отступил на шаг, снова поклонился, учтиво и деревянно, ломая себя для каждого движения. Леди Беатриса отвернулась, я смотрел, как поднимается без прежней легкости, каждая ступенька дается с великим трудом, хрупкая женщина борется со своим инстинктом, требующим спрятаться за широкой мужской спиной или юркнуть к нему в нагрудный карман и устроиться там в уюте, подогнув лапки и сладко посапывая, чтобы выглядывать лишь время от времени в ожидании, когда супруг и повелитель почешет пальцем спинку.

Наши взгляды встретились в последний раз, когда она уже села и протянула руку, чтобы закрыть дверцу. Миг длился вечность, мы оба понимаем, ради чего приносим в жертву любовь, обоих это наполняет гордостью и... горькой печалью потери.

Рыцари стоят в молчании, никто не шевельнется. Всяк понимает, что поступать так, как поступаю я, — удел паладинов, но не простых рыцарей. Даже понять паладина бы-

ваает трудно, а уж принять сердцем — нормальному мужчине практически невозможно. Только в песне можно упомянуть то или иное деяние паладина, но для песни человек и сам подтягивается, настраивается на Высокое, тогда лишь поступок паладина становится понятен и даже близок.

Но песня заканчивается, и чудесное обрывается. Все понимают, что Высокое — это Высокое, а жизнь — это вот то, что происходит с нами ежедневно. Только паладины могут в Высоком всю жизнь или хотя бы долго, а простой рыцарь если даже раз в жизни испытает этот миг высоты — то все его дальнейшее существование озарено этим мигот чистоты и святости.

Повозка проехала под острыми зубьями железной решетки, за нею скрылся из виду и десяток воинов арьергарда. Я тяжело вздохнул, вот и еще одна потеря, повернулся к своим молчаливым рыцарям. Одни отводят взоры, другие преданно смотрят в глаза. На их лицах читается, что пойдут за мной куда скажу, или даже по моему слову, куда бы я ни велел.

— Спасибо, — выдохнул я. — Спасибо... за понимание. А теперь займемся обустройством. Нам здесь зимовать... надо подготовиться.

— Вопреки видимости, — проговорил барон Альбрехт негромко, — именно зима — пора надежды. Мужайтесь, сэры Ричард!

— Зима — лучшая пора, — безапелляционно заявил сэры Растер. — Только зимою, сидя у печки, сочиняются лучшие майские песни.

— Спасибо, — повторил я. — Если что, я у себя.

Поднимаясь по лестнице, я чувствовал на спине сочувствующие, хоть и малость недопонимающие взгляды.

Вслед отъехавшей леди Беатрисе ударили морозы. Барон Альбрехт посмотрел на мое лицо и поспешно заверил, что лично распорядился насчет того, чтобы снабдить ее теплы-

ми одеждами. Он здешнюю погоду знает, снега не будет еще девять дней.

— А сколько до Сквиорре? — спросил я.

— Земля подмерзла, — напомнил он, — а это значит, повозка сама побежит!

— За десять дней будет там?

— За неделю, — уточнил он. — Если колесо сломается, то с ней какой эскорт, вспомните! А пару колес, кстати, я сам положил в запас. Новеньких!

— Спасибо, барон.

— Это и в моих интересах, — напомнил он, хмурясь, словно моя благодарность неуместна.

В самом деле, мелькнула виноватая мысль, благодарю, как чужого. А он уже свой, даже зимовать остался, хотя у него есть свое прекрасное имение, свой замок и свои земли. И явно получше обустроенные, чем это убожество.

— Вы все замечаете, — сказал я, — как вам только и удастся? А я все еще растяпа.

Он сдержанно улыбнулся.

— Вы — стратег. А я тактик.

— Мне повезло с вами, — сказал я искренне.

Он отмахнулся, сказал деловито:

— В Сквиорре леди Беатриса будет в полнейшей безопасности. Зимой из-за снегов ни один лорд не выведет войска за ворота. Я еще не знаю случая, чтобы после первого снега велись какие-то военные действия.

В тот же день я разрешил воинственному сэру Растеру собрать практически всех свободных рыцарей и воинов в единый отряд. Уже почти все вассалы барона Эстергазз прислали гонцов с заверением, что ничего не имеют против смены сюзерена, только один могущественный и удаленный сеньор отказался принести оммаж.

Сэр Растер клятвенно заверял, что успеет сбить ему рога до снега, я сомневался, но отпустил. Пусть тешат дурь на просторе, чем от избытка силы и по пьяни начнут разносить замок.

Промерзшая земля еще гремела под ударами копыт тяжелых рыцарских коней, как с другой стороны показался отряд в десяток тяжеловооруженных всадников. Доспехи блестят, рыцари в дорогих одеждах, на кончиках поднятых остриями к небу копий реют красные флажки, а кони укрыты цветными попонами.

Их пропустили по мосту и через ворота, а когда я слез со стены и вошел в донжон, все прибывшие были уже там. Восьмеро рыцарей стоят плотной группкой и чуть ли не в воинском строю, посматривают с угрюмой настороженностью. Впереди в полных воинских доспехах отменной выделки двое рослых мужчин в шлемах с поднятыми забралами.

Я пошел медленным шагом всевластного лорда, приходится себе напоминать, что я он и есть, остановился перед прибывшими, глядя на них с державностью гроссграфа.

Барон Альбрехт сказал громко:

— Сэр Ричард, к вам граф Колдуин и барон Спеос.

Имена знакомые, я порылся в памяти, зловеще ухмыльнулся.

— Как же, как же! Знаю, слышал. И что они хотят?

Рыцари смотрят молча, лица каменные. Альбрехт ответил с подъемом, чтобы слышали и в самых дальних углах зала и даже на кухне:

— Это благородные рыцари, хозяева своих земель и угодий, у каждого под рукой есть баннерные рыцари и множество безщитовых... они хотят принести вам клятву верности, сэр Ричард!

Последние слова он почти выкрикнул, а мои рыцари одобрительно зашумели. Когда стая увеличивается, это всегда хорошо.

Я оглядел обоих, смотрят выжидающе, проронил задумчиво:

— Когда я был распят в пыточном застенке барона Эстергазэ... некие вассалы Эстергазэ настойчиво требовали, чтобы меня смерти предали немедленно...

В зале стало тихо, только сэр Митчел недовольно хрюк-

нул и сдвинул брови с такой мощью, что послышался грохот. Барон Альбрехт посмотрел на меня, на ожидающих моего решения рыцарей.

— Сэр Ричард, поясните...

— Охотно, — сказал я. — Они говорили, что отпускать меня опасно. Никакой выкуп того не стоит, чтобы оставлять такого противника в живых.

В мертвом молчании один из рыцарей отвесил короткий поклон.

— Это мои слова, — сказал он грубым голосом. — Слово в слово.

— И мои, — добавил второй мужественным голосом. — Я поддержал графа Колдуина во всем.

Я кивнул.

— Ваша стойкость и правдивость говорят в вашу пользу.

— Спасибо, сэр Ричард.

Я повернулся к графу Колдуину:

— Что-нибудь можете добавить?

Тот покачал головой.

— Нет, я был прав. Вы в самом деле сумели освободиться и даже захватить замок. Так что я советовал все правильно.

— Не только советовали, — возразил я задумчиво, — вы настаивали! Сэр Эстергазэ с вами особенно не спорил, он сказал, что если вы готовы внести требуемую сумму, то можете убить пленника прямо в подвале. Вы тогда вроде бы начали торговаться и просили снизить выкуп...

Граф Колдуин кивнул с достоинством.

— Верно. Я ведь не для себя, а о благе своего господина пекся!.. Но он, увь, так и не послушал.

В зале наступило мертвое молчание. Никто не двигается, даже пламя свечей не колыхнется, все как стоп-кадр. Я выждал еще чуть, гроссграф должен быть неспешным в решениях и даже в словах, сказал с рассчитанной медлительностью:

— Я вижу, вы рыцари старой школы. Слава и честь сюзерена, которому служите, для вас не пустой звук. Потому... на колени!

Граф Колдуин опустился неспешно и с достоинством, а барон Спеос с некоторой поспешностью, словно не был уверен в исходе. Я вытащил меч из ножен, все жадно следят за каждым моим движением, и ударил каждого по плечу лезвием плашмя.

— Принимаю вашу присягу, граф Колдуин... и вашу, барон Спеос. Надеюсь, будете так же верно служить и новому сюзерену, который доказал свою силу. Встаньте!

Поднимаясь, граф Колдуин проговорил тем же густым сильным голосом:

— Мы за сильную власть, сэр Ричард. И мы не оставили бы своего господина даже в изгнании... Но он погиб, а вы тот человек, который сумеет прекратить в этих землях как грабежи лесных разбойников, их расплодилось видимо-невидимо, так и бесчинства местных лордов. Располагайте нами!

Я проговорил царственно:

— Набирайтесь сил до весны. У меня обширные планы. Армландия будет мирной и счастливой!.. А кровь проливать будет позволено только на турнирах и в боях с иноземцами, а не в драках с соседями.

Они поклонились и, чувствуя, что аудиенция на этом закончена, отступили. К ним подошли рыцари их отрядов, что, увы, не мои вассалы, но вообще-то это уже неважно, если их сюзерены принесли мне присягу. В их среду вломился сэр Митчел, взревел как огромный медведь, и заявил убежденно, что такое событие нужно отметить, крепко отметить, а покойный барон Эстергазэ все-таки сделал одно прекрасное и великое дело: создал запасы отменного вина.

Я подождал, пока они шумной толпой выплеснутся наружу, со мной остались сэр Макс и сэр Альбрехт, оба смотрят им вслед, но я не увидел, чтобы кто-то из них очень уж хотел присоединиться к пиршеству. Я тоже проводил их взглядом, а когда захлопнулась дверь, спросил в пространство:

— Ну как?

— Замечательно, — ответил сэр Макс с энтузиазмом.

Вообще-то он Максимилиан фон Брандесгерт, отпрыск

древнего рода, эта древность выражена в на редкость узком удлинённом лице с крупными синими глазами, ещё у него ресницы, как у девушки, и красивые полные губы, а также настолько заостренные уши, что иногда сомневаюсь, человек это или эльф. Как большинство молодых рыцарей, он свято верит в высокие идеалы красоты и духовности, в бою всегда думает о чести и славе, пренебрегая добычей, за что, понятно, его любят и сверстники, и старые рыцари.

Я уже сделал его баннерным рыцарем, у которого под началом десятков безщитовых, и думаю, при его молодости это только начало карьеры.

Барон Альбрехт ответил с запозданием, взгляд его все еще оставался на закрывшихся дверях:

— Хорошо... хоть и неожиданно. Это самые сильные вассалы барона Эстергазэ.

— Знаю.

Он посмотрел на меня искоса.

— А откуда известно, что настаивали на вашей смерти?

— Секрет, — ответил я. — Иногда из стен высовываются во-о-от такие уши!

Сэр Макс посмотрел на стену с опаской, а сэр Альбрехт на всякий случай ощупал пару грубо отесанных камней. Я видел, как помрачнело его лицо, а на лбу проступили глубокие морщины.

— Итак, — произнес он задумчиво, — эти двое присягу принесли... А как быть с теми лордами, что вообще ни за, ни против, а живут тихо и мирно, занимаясь овцеводством, торговлей, выделкой и продажей кож?

Я ответил глубокомысленно:

— Как истинный демократ, я верю в рыночные отношения и в здоровую экономику. Потому с окрестными лордами договоримся на понятной и правильной основе, как заключали договор волки с овцами, благодаря чему выжили те и другие: мы не будем есть их траву, а за это они будут добровольно поставлять нам свое мясо. А также кожу, вино, доски, будут копать для нас железо, медь... и платить

налоги. С последними я обещаю послабления весьма значительные.

Сэр Макс подпрыгнул, глаза блеснули, как звезды.

— А что, — спросил он, понизив голос, — удалось найти сокровища Эстергаз?

Я подумал, что проще согласиться, чем раскрывать тайну своего амулета, ответил, тоже понизив голос:

— Представьте себе, эта сволочь столько нахапала... Даже не представляю, где он набрал столько золота высшей пробы!

Он вздохнул завистливо:

— Да, некоторым везет.

Альбрехт сказал трезво:

— Дорогой сэр Макс, это не везение.

— А что?

— Барон Эстергазэ не спал, не ел, а только думал, где урвать еще. Такое впечатление, что его там на Юге здорово обидели. Знаете, так бывает, когда стараешься доказать гадам, как неправы они были... А вы, любезный сэр Макс, по большей части пьете да по бабам! Так что если и разбогатеете, то у вас это будет как раз везение. А у барона — успех.

— Закономерный, — добавил я. — Ну, вы поняли, на что я намекиваю. Работать надо, ребята.

Сэр Макс вытянулся, с готовностью откозырял.

— Я вспомнил, у меня есть неотложная работа.

— Идите, сэр Макс, — сказал я милостиво. — Сэр Альбрехт пошутил насчет пьянства. Мы все видим, что вы, как рыцарь в походе, и капли в рот не берете!

Макс покраснел, как молоденькая девушка, сказал польщенно:

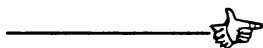
— Спасибо, сэр Ричард!

Сэр Альбрехт вздохнул.

— И у меня дела... Кто сказал, что зимой делать нечего?..

И все-таки он задержался в дверях и посмотрел на меня с немym вопросом. Мол, мы ж нахапали, теперь всю зиму жрать и пить в три горла, а если нет, то... что-то замышляется?

Я сделал каменное лицо, он вздохнул и вышел.

Глава 2

Зима наступила, если считать по морозам, задул колющий ветер, но земля остается черной, застывшей в тех рытинах и колдобинах, в каких застал ночной холод. Небо приблизилось к земле, серое, угрюмое и безрадостное, теперь нависает прямо над головами, словно каменный свод тесной пещеры.

Воины, что сопровождали леди Беатрису, вернулись и доложили, что все в порядке, госпожа уже в Скворре, там ликование, а они даже не остались ночевать, сразу обратно.

— Зря коней загоняли, — сказал я тускло, — все равно теперь до весны без дела...

Старший заметил почтительно:

— Мы спешили доложить, что леди Беатриса уже дома.

— Спасибо. Отдыхайте...

Сам я бродил по замку, впервые чувствуя полнейшую растерянность от того, что ничего делать вроде бы и не надо. Зима — это спячка, терпеливое ожидание весны, когда все проснется, оживет и зачирикает. Зимой я должен собраться и, как говорил князь Горчаков, сосредоточиться.

Но... на чем? Хотя это моя вторая зима здесь, в этом мире, но тогда я был простым потребителем, от меня ничего не зависело, зато я мог драть глотку и возмущаться, что это не так, то паршиво, и вообще все хреново, куда только власти смотрят? Но сейчас власть — я. И от меня зависит, как переживут суровую зиму мои рыцари и вообще подпавшие под мою власть земли с населяющими их крестьянами, ремесленниками, купцами и церквями.

Крестьяне всю зиму, как понимаю, неспешно чинят хомуты, седла, уздечки и прочую сбрую, ремонтируют телеги, колеса. В кузнице звенит железо, а сквозь щели блистает багровый огонь: там готовят на весну плуги и бороны. В домах женщины прядут, шьют и вяжут, мужчины сучат дратву. А что делать мне?

Даже замок барона Эстергазе не такой, как те, старой работы, в которых я побывал. В этом нет того, без чего невозможно представить себе нормальные замки, а также любые древние дома, болота, кладбища, руины — привидений. Или хотя бы призраков. Простой народ панически страшится призраков, хотя, как мне кажется, большей частью напрасно. В основном призраки безобидны, разве что иногда докучают стонами, жалобами или звоном призрачных цепей. Но пообщаться с ними бывает очень полезно, знаю по себе.

Дни потянулись тупые и серые, я смутно понимал, что надо заняться чем-то активным хотя бы для того, чтобы выдать из груди тянущее чувство потери. И хотя мы оба с леди Беатрисой понимаем, что поступили правильно, что есть ценности выше, чем любовь, но обоим очень хреново от такой жертвы.

Однажды, когда лежал, как колода, в покое на роскошном ложе, а рядом на полу тихо сопел Бобик, снизу раздались крики, топот множества ног, лязг железа. Моя рука уже привычно потянулась к рукояти меча, но понял, что вопли ликующие. Торопливо вскочил за момент до того, как распахнулись двери и вошла громыхающая железом почти квадратная глыба, вся из металла от гребня на шлеме размером с пивной котел и до сапог из стальных колец и золотых шпор.

— Сэр Ричард! — громыхнул мощный голос, под сводами заметалось испуганное эхо. — Все сделано!

Я машинально кивнул, рыцарь обеими руками снял громадный шлем, обнажив вырубленную из серого гранита квадратную голову, где между массивными надбровьями и мощными скулами узкие щели для глаз, а тяжелый массивный подбородок начинается как будто сразу от этих щелей, хотя вроде бы и нос на месте, и гранитные губы тоже намечены именно там, где должны быть.

Он шагнул ко мне с привычной легкостью, хотя железа на нем больше, чем на троих рыцарях. Я обнял гиганта, чув-

ствует, что рук не хватает: сэр Растер неимоверно широк, плечи разнесены далеко в стороны, да и тонкость талии ему ни к чему.

— Сэр Ричард, — проревел он радостно, — как вы и сказали, барон Гауэр не ожидал нашего стремительно броска! И хотя мы едва волочили ноги, но когда увидели, что мост опущен, а ворота настезь... Как не воспользоваться такой дурью? Словом, замок захвачен, противник частично истреблен, частично брошен в тюремные подвалы. Женщины изнасилованы по священному праву войны, винные склады разграблены... словом, противник перестал им быть.

— Хорошо, — ответил я с чувством глубокого удовлетворения. — Значит, еще один несогласный станет нашим счастливым верноподданным. Вы хорошо поработали, сэр Растер! Отдыхайте.

Он отмахнулся.

— Сэр Ричард, какой отдых? Вы не представляете, как способствует здоровому отдыху победа! Мы думали, что после захвата замка неделю будем отсыпаться...

— И что?

— Да всю неделю грабили, насиловали, вершили справедливый суд и тут же вешали, снова насиловали, чтобы приучить их к новому статусу... а сна и усталости ни в одном глазу! Не зря говорят, что у победителей даже раны заживают куда быстрее, чем у побежденных.

Я вздохнул.

— Боюсь, это наша последняя кампания. Земля подмерзает, что хорошо, но повалит снег, и завоевания прервутся до весны. Даже — до лета.

Он кивнул, ничуть не обескураженный.

— Как раз хватит посидеть за столом! Сколько той зимы?

Я еще раз его обнял, поблагодарил за ратный труд, и сэр Растер, довольно расхохотавшись, отбыл вниз рассказывать о подвигах и сидеть за столом, ибо в самом деле зима промелькнет — не успеешь бровью повести.

Я в своих покоях стоял у окна и тупо смотрел вниз во двор. Барон Альбрехт вошел в расшитом золотом камзоле из темно-красного бархата, зеленые штаны по последней моде, высокие сапоги из прекрасно выделанной кожи, длинные ухоженные волосы красиво падают на плечи. Серые глаза смотрят холодно и строго, настоящий аристократ. Даже когда я однажды увидел его выползающим из болота, всего облепленного зелеными листьями и в изорванной одежде, я видел именно барона, вылезающего из болота, облепленного зелеными листьями и в изорванной одежде, а не грязного измученного мужика. Не знаю, врожденное ли это или же можно как-то воспитать, но факт остается фактом, он — Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля, а я вот, увы...

Я встретил его дежурной улыбкой, рука сама совершила в воздухе красивый полукруг.

— Надеюсь, барон, вы находите замок этого Эстергазэ достаточно... гм... уютным. Во всяком случае, я рад, что вы решились проторчать зиму здесь со мной.

Барон Альбрехт отвесил церемонный поклон.

— Боюсь, от этого не уйти. Снег выпадет скоро. Да и настоящие снегопады обещают тоже.

— Ого, еще и настоящие... А когда они?

— Через пару недель, — сообщил он.

— Ну, это еще нескоро.

Он сдержанно улыбнулся.

— Похоже, сэр Ричард, в вашем королевстве иные расстояния. Или кони более... быстрые.

— Не успели бы?

— Застигнут на полдороге домой.

— Ай-яй-яй, — сказал я лицемерно.

Он взглянул мне в глаза.

— Сэр Ричард, могу ли осведомиться о ваших планах?

Я ответил с тоской:

— Планах? Дайте отдышаться. Нужно осмотреть замок,

нет ли неприятных сюрпризов. Обустроить войско... Вы же сказали насчет погоды! Когда повалит снег, всех запрет...

Он слушал с почтительным вниманием, все-таки я — гроссграф, хоть пока непризнанный, непредсказуемый и удачливый, с которым можно захватить богатую добычу, но можно и сложить голову, потому надо знать, когда вовремя отпрыгнуть в сторону.

— Но на весну какие планы?

— Никаких, — честно ответил я. — Можете себе такое представить?

Он пожал плечами.

— Легко. Все рыцари, что пируют в нижнем зале, не планируют даже завтрашнее утро.

— Ну вот и я... вроде того.

Он коротко усмехнулся:

— Вы, сэр Ричард?

— Да, я тоже такой.

Он покачал головой.

— Вы таким не сможете оставаться даже до вечера.

— Потому что дурак, — ответил я с досадой. — Повезло вам с таким сюзереном! Ладно, пойду похожу по замку. Вон, сэр Растер уже все винные подвалы знает, а я все клювом шелкаю. А вы, барон, прикидывайте, чем займемся сразу же, как растает снег. А то, как говорит сэр Растер, сколько той зимы?

Барон Альбрехт поклонился и отбыл, а я походил в раздражении по комнате, не зная чем заняться, оделся потеплее и вышел из донжона, вспомнив, что на заднем дворе какая-то странная ерунда торчит из стены. Там сохранились остатки руин старых построек, вернее, уцелел фундамент. На нем возвели новые стены, но один фрагмент допотопья сохранился: невысокая каменная колонна, дорическая или ионическая, не скажу точно, но не барокко, это уж наверняка.

Современную кладку начали вести от нее в обе стороны, так что она теперь в стене, почти незаметна, однако по

ночам над этой колонной светится шар размером с кулак. Свет от него оранжевый, солнечного спектра, мягкий и успокаивающий.

Я все дни присматривался, ждал какой-то реакции, но мимо проходят люди, никто и глазом не поведет. На этот раз я остановил одного из пробегающих слуг.

— Что это за чудо?

Он в недоумении посмотрел по сторонам.

— Где, ваша милость?.. А, это... Дык это не чудо...

— А что?

Он в затруднении пожал плечами.

— Да просто светится что-то. Камень такой, наверное.

— А давно это?

Он подумал, снова пожал плечами.

— А никто и не вспомнит. Сколько здесь люди живут, столько и горит...

Я потрогал каменную кладку, примитивная, толстая, из грубо отесанных глыб. Камень наверху — тоже камень, но светится мощно, как лампа в пятьсот-семьсот киловатт. Вряд ли это уцелело с довоенных времен, тогда были стерты с лица земли целые крепости, явно какой-то колдун пробовал силы в акте творения.

Или, мелькнула мысль, не колдун, а простак, отыскавший некий артефакт под грудой камней. Как у него получилось, и сам не знает. А сам наверняка сбежал и остаток жизни дрожал, как бы не дознались, что его рук дело, и не поволокли на костер.

— Гм, значит, не чудо...

— Не чудо, — подтвердил слуга уверенно. — Чудо — это когда чудо, а когда не чудо, то какое чудо? Это совсем не чудо, если не чудо. Светит и светит... И в погоду и в непогоду, в горе и в радость. Дедам нашим светило и сейчас светит... Какое же это чудо?

Я задрал голову, шар распространяет чистый умиротворяющий свет, сильный, но не режущий глаза. Челядин прав,

сперва ужасались, обходили стороной, крестились и молились, но так как не исчезает, а светит и светит, то все привыкли. Человек ко всему привыкает. Чудо — это когда внезапно. А чудо постоянное — уже не чудо, переходит в ряд привычных явлений. Для первых европейцев чудом были крокодилы, бегемоты, жирафы, а потом — как с этим светящимся камнем...

Через двор быстро прошел, почти пробежал вдоль стены, словно чучундр, человек в темной бесформенной одежде. Я вздохнул. В чем-то недоработка, но пока не соображу, где я что не так.

Миртус поглядывает настороженно, на глаза старается не попадаться. Одно дело, когда я был распят на стене пыточного подвала, другое — сейчас в кресле лорда замка и вообще грессграфа. Тогда мог пообещать все, что угодно, это понятно.

— Миртус, — позвал я. — Эй, Миртус!

Он остановился, мне показалось, что обреченно вздохнул, но подошел быстро и низко поклонился.

— Да, ваша светлость!

— Миртус, — сказал я жизнерадостно и как можно более дружелюбно, — ты как щас? Работаешь или после побед над супостатом и узурпатором пошел по бабам?

Он снова низко поклонился.

— Ваша светлость, очень усердно работаю. Готов выполнить любые приказания.

— Насчет любых не надо, — предостерег я. — А то послушаю и велю младенцев резать. Ну, это я так, заостряю. Для доступности. Я сам, кстати сказать, узурпатор. Ну, если взять как отдельного лорда этого замка! С другой стороны, я — грессграф, а это выше, не так ли? Могу отобрать чьи-то владения и пожаловать более достойному. Вот я отобрал и передал более достойному. Себе, естественно.

Он бледно усмехнулся:

— Все в вашей воле, ваша светлость.

Я сказал уже серьезнее:

— Миртус, я не забываю, что ты для меня сделал. Но даже если бы ты пришел в замок вот только сейчас, я бы отнесся к тебе точно так же... дружелюбно. Ты человек науки, а это архиважное дело, как говаривал один крупный государственный деятель. Хотя, конечно, никто пока так не думает. В смысле, насчет науки. Тем более что она и не наука вовсе, а причудливая смесь алхимии, астрологии, богословия... и еще какой-нибудь хрени.

Он слушал с той же настороженностью, на лице то вспыхивает надежда, то гаснет, когда переставал следить за причудами моей мысли, а если не понимаешь — подозреваешь самое худшее.

— Я чуть разгребусь с делами, — пообещал я, — займемся и наукой. Нет, ты занимайся сразу, это мне сперва надо наладить экономику, рост вэвэпэ... знать бы, что это, а еще укрепить обороноспособность единой и неделимой Армландии. Разумеется, суверенность... что, однако, находится в особых отношениях с Фоссано, ну вроде союзного государства, хотя что это, так никто и не понял... Словом, работай. Помощь будет. Если что, обращайся. В данном случае я не лорд, а тоже... этот, как его, ученый.

Он смотрел недоверчиво, но кланялся, а когда ушел, у меня осталось тягостное ощущение неискренности с обеих сторон. Я говорил слишком бодрым голосом эдакого доброго барина, а он посматривает опасливо; и в его глазах читалось: минуй нас больше всех печалей и барский гнев, и барская любовь.

— Ладно, — пробурчал я, — будет время, восстановим и доверие... Может быть. Иначе какой из меня отец народа?

Вечером замок выглядит странновато: всюду горят свечи, дубовый пол чисто вымыт даже в коридорах, каминны жарко натоплены, вымытый с душистыми травами пол со-

хнет быстро, а воздух непривычно мягкий и влажный. Я, наконец, заметил, что горят только свечи, кивнул Макс на мертвые светильники.

— Вроде бы с ними проще и дешевле? Или из меня экономист, как из...

Макс посмотрел на меня с великим удивлением:

— Так ведь сегодня день Вудлонга!

— А-а-а, — сказал я, — вот оно что! Ну, тогда все ясно...

А что это за день?

Макс даже отступил на шаг. Мне показалось, что он удержался, чтобы не перекреститься, все-таки за союзером нужно идти, куда бы ни вел, даже в ад, а также разделять его взгляды и отношение к Господу.

— Это же святой, что покровительствует Армландии! Он прожил долгую жизнь, сражаясь с варварами на востоке, с орками в Зачарованном Лесу, в Синем Болоте с ящерами, в пустынях с гигантскими червями, а еще совершил много подвигов, побивая огров, троллей, банши, смертов, агрей и гунгелингов, очищая мир от драконов и великанов!

— Он святой? — усомнился я.

— Святой, — подтвердил Макс с готовностью. — На смертном одре признал учение Христа, покаялся в грехах и открыл сердце Господу. Последний вздох и душу его принял сам архангел Михаил, что вообще-то редко отлучается с небес...

— Да, он домосед, — подтвердил я.

Макс посмотрел на меня с уважением, как на знатока небесных распорядков.

— За эти деяния церковь признала сэра Вудлонга святым.

Я поинтересовался:

— И как он?

— Что именно, сэр Ричард?

— Что делает теперь? Будучи святым?

Он поморщил лоб, развел руками.

— Он святой. Разве святые что-то делают?.. Ну, может быть, ходит по дорогам в одеждах нищего и тайком помогает страждущим...

— Сэр Вудлонг? — спросил я с сомнением.

Он подумал, развел руками.

— Вы правы, сэр Ричард, — признался он. — Честно говоря, не могу сэра Вудлонга представить этим, ну, помогающим страждущим! Раньше он так помогал, что все зубы оставались на полу. А где проходил во славу церкви с мечом в руке, там даже трава лет десять страшилась высываться на свет божий.

— Герой делает то, что можно сделать, — изрек я. — Другие этого не делают. И тем самым избегают длинных рук международного трибунала... Продолжайте веселиться, сэр Макс! Любой праздник — благородный повод для обжорства.

— И для пьянства, — ответил Макс серьезно, с юмором у него туговато. — Не так часто все собираются за одним столом.

— Ну да, — согласился я. — Сколько той зимы?

Он отковырял и ушел по направлению к главному залу. Я после коротких колебаний спустился в подвал, в ноздри ударил едкий запах химикалий. Я уловил аромат лесных трав, а когда открыл двери в лабораторию, там жарко, в трех тиглях накаляются крючки и щипцы, будто здесь мини-пыточная, а в большой колбе по кругу с большой скоростью вращается зеленая жидкость.

Я с изумлением увидел стебли дивных цветов, похожих на тюльпаны, но крупнее, золотистого солнечного цвета. Торчат из узкого горлышка простого глиняного кувшина, мои ноздри жадно затрепетали от чудесного аромата.

Миртус вылез из-под стола, где собирал разлетевшиеся высушенные стебельки трав, торопливо поклонился.

— Ваша милость, что прикажете?

— Здорово, — сказал я пораженно, — на дворе зима, а у тебя... цветы!

— Простите, ваша милость, — сказал он торопливо.

— За что?

— За это излишество.

— Цветы — это красиво, — изрек я. — Красиво и благо-
родно, а значит — никакое не излишество. Или купил из
государственных средств? В смысле, истратил на них всю
магию, что копил год?

Он испуганно замотал головой.

— Что вы, ваша милость! Это так, пустячок... В смысле
по затрате магии. Но с ними работается лучше.

— Одобряю, — сказал я важно. — Допинг тоже должен
быть красивым. Ну там цветы, вино, бабы... Хотя нет, это
все антидопинг. Лучше уж просто цветы, но без мыслей, о
том, кому дарить.

— Это никому, — заверил он. — Только для работы!..
Присядете, ваша милость?

— Успею, — ответил я барственно. — Это у тебя что? Ах
да, из свинца золото делаешь... Да знаю-знаю, пока не по-
лучается, чуть-чуть осталось... Только этого «чуть-чуть»
хватит еще на тысячу лет, пока не научитесь атомы пере-
ставлять в решетке. Так что брось это дело, понял?

Он торопливо кивнул, но молчал, не зная, что такое от-
ветить, чтобы не вызвать мой вельможный гроссграфий
гнев. Я прошелся вдоль стен, поднимая книги, артефакты,
трогая тигли, реторты, посуду с остатками порошка, зелий
и даже с потеками дурно пахнущей жидкости.

— Счастливое время, — сказал я с тоской. — Всеми нау-
ками можно заниматься сразу! С ума сойти. Даже Ломоно-
сов все науки знал и в каждой открытия делал... А теперь
где-то повар по карпу уже не умеет жарить сазана.

Миртус слушал с напряжением, на лбу глубокие склад-
ки, весь подался вперед, в глазах страх и желание угадать
мои желания. Я досадливо отмахнулся.

— Ты... просто работай. Над тем, что считаешь нужным.
Золота из неблагородных металлов мне не надо, запом-
нил?... Я вообще-то как-нибудь соберусь и подскажу тебе, с

чего начинать, но сейчас еще сам не знаю... Может быть, я вообще скоро уеду... очень далеко уеду.

— Ваша милость! — вскрикнул он со страхом.

Я успокаивающе вскинул ладонь.

— В любом случае, ты будешь защищен. Я просто так Армландию не покину. Никто из тех, кто пошел со мной, не будет отброшен за ненадобностью. Хоть я и свинья, но не совсем уж и свинская, а просто свинья, как все люди.

Из дальнего угла лаборатории медленно вышел, покачиваясь из стороны в сторону на негнувшихся лапах, огромный красный с зеленым варан. Вообще-то дракон, но для меня если дракон размером с палец или ладонь, то это не дракон, а ящерица, а если вот такой — с кошку или собаку, то варан.

Он остановился перед камином и распахнул огненно-красную пасть. Блеснули мелкие белые зубы, дракончика начало трясти, так уходит холод, лапы наконец-то подогнулись, он лег брюхом на прогретый каменный пол. Глаза начали поблескивать настороженно: это из диких драконов, пара поселилась когда-то на чердаке, от них пошли еще дракончики, но молодняк улетал, а эти живут здесь уже пару столетий.

— Грейся, грейся, — произнес я негромко. — Тебе вообще-то пора приручиться. И команды выполнять. Ну там: встать, сесть, лечь, голос, умри...

Дракончик, вздрагивая, прижимался к полу, стараясь прогреть кроме пуза еще и бока. По мере того как холод уходил, бока стали ярко-желтыми, чешуйки заблестели фиолетовыми искорками.

— Странное ты животное, — сказал я тихо. — Расцветка у тебя... гм...

Миртус спросил так же тихо:

— А что не так?

— Расцветка всегда для чего-то нужна, — объяснил я. — Будет тебе Господь раскрашивать каждую букашку просто так!.. Господь никогда ничего не творит от не фига делать, даже из рыцарской доблести. Обычно окраска нужна, чтобы

спрятаться. Значит, либо под цвет местности, либо надо закосить под опасных зверей... Есть такие мухи, что похожи на ос или пчел, есть безобидные жуки, что выглядят, как ядовитые...

Он слушал внимательно, я видел по его глазам, что он стремительно перелистывает в памяти изображения всех мух и пчел, я добавил:

— А ты видел, как бабочка садится на дерево? Сверкает красными, как раскаленный уголь, крыльями, а потом р-р-раз! — и замирает, плюхнувшись на серый ствол и сложив крылья. А когда сложит — они у нее серые, под цвет коры. И не шевелится, зараза. Рядом ходишь и не видишь!.. Так все на свете. Но почему этот такой разноцветный?.. Либо его привезли из самых-самых южных стран, где все яркое... Представляешь, как попугаи — всех цветов радуги? Это такие местные вороны, тоже по помойкам мусор разгребают.

Миртус спросил почтительно:

— Вы и на Юге были?

Я загадочно промолчал, снова погладил дракона по чешуйчатой спине.

— Или же, — проговорил я другим тоном, — его вывели здешние маги. Уже таким, разноцветным.

Миртус встрепнулся:

— Зачем?

Я пожал плечами:

— Когда общество становится богатым, оно многое делает просто так. Дурью мается. Это называется по-разному, кто-то выражает свое «я», кто-то ищет новые грани прекрасного, а многие просто дурака валяют. Так что этот дракончик может быть просто забавной игрушкой. А когда мир рухнул в преисподнюю, уцелевшие дракончики одичали. Селятся по-прежнему в людских домах, но люди уже не принимают их, как раньше.

Он посмотрел на меня с опаской и сказал осторожно:

— Я вообще-то принимаю.

— Из научного интереса? — спросил я.

Он сказал торопливо:

— Да-да, они могут оказаться полезными...

— Ничего, — обронил я. — Ничего страшного, даже если просто для красоты. Как вон цветы на столе! Так и этот дракончик. Он тоже... цветы, только под столом.

Глава 3

Северный ветер, надрываясь от натуги, притащил огромную, как горный хребет, тучу. От нее прогибался и опасно потрескивал небосвод, на землю пала грозная тень, я ожидал светопреставления, но посыпался редкий мелкий снежок.

Наступил вечер, в черной и страшной земле кое-где начали белеть трещины, туда забивался снег, но в остальном мир голый, бедный и страшный. Я удалился в свои покои мыслить о человечестве, то есть спать, а когда утром, шлепая босыми ступнями по холодному полу, подбежал к окну, ахнул.

В воздухе кружат огромные снежинки, блестя на солнце, так мне показалось, но присмотрелся, раскрыл рот: снежно-белые бабочки, сверкая крылышками, выются над уже запорошенной землей, гоняются друг за другом, словно в брачный период, небольшая стайка кружится над заснеженными кустами.

Одевшись потеплее, я выскочил во двор, странно преобразившийся: белый, испещренный следами тех, кто встает раньше меня. У кузницы бородатый мужик с широкой лопатой в руках мыслит, но снег едва запорошил землю, чистить еще рано. Воздух морозный, я сдуру хватанул его, как медведь меду бегемотьевой пастью, закашлялся. Странные бабочки не исчезли, порхают, нелепо дергаясь из стороны в сторону, это чтоб воробы, которые ловко хватают летающих по просчитываемым траекториям стрекоз, мух и прочих жуков, на этот раз промахивались.

Из кузницы вышел Макс, в овчинной шубе, теплых са-

погах с меховыми отворотами. В руках кинжал, Макс осматривал его придирчиво, поворачивая лезвие, будто ловил лучи солнца.

— Что, — спросил я, — снова затупился?

— Да, — ответил он сокрушенно, дыхание вырывается легким облачком и возгоняется гаснущей струйкой ввысь, — плохая сталь...

— Дело не в стали, — заметил я и тоже проследил, как с каждым словом облачко пара вырывается изо рта, как из носика закипающего чайника. — Не в стали.

— А в чем?

— Ты, наверное, им пользовался?

— Ну да, — ответил он с недоумением. — А как иначе мясо нарезать?

— Ну вот, — сказал я нравоучительно, — а единственное оружие, которое от частого употребления становится острее, — это язык!.. Слушай, у меня что, в глазах мерещится? Это вот что?

Он проследил за моим взглядом, на лице отразилось непонимание.

— Бабочки, сэр Ричард!

— Гм... но бабочки должны лететь на огонек, — сказал я глупо, — а баран бодать новые ворота! А здесь и бараны какие-то странные, и бабочки не совсем бабочки.

— Самые настоящие, — заверил сэр Макс. — Всегда летят на огонь! А жаль...

— Сгорают?

— Нет, раньше успевают растаять.

Я кивнул, Макс отсалютовал и вернулся в кузницу, а я пошел вдоль стены. Испуганные бабочки улетели к дереву. Похоже, не только тараканы способны пережить всякие катаклизмы. Вон и бабочки, созданные каким-то чудачком, любителем зимних красот, все еще порхают, безмозгленькие, крылышками бяк-бяк-бяк...

Из конюшни показался сэр Альбрехт, блестящие доспехи, как и нарядный камзол, исчезли под шубейкой, впро-

чем, умело и изящно подогнанной по его фигуре. Он охлопывал себя со всех сторон, затем вывернул голову к плечу, как скрипач, и сбросил щелчком только ему видимую соломинку.

— Сэр Альбрехт, — сказал я, — приветствую! Как спалось?

— Покойники не тревожили, — сообщил он, — хотя перед отъездом к вам кое-кого повесил.

— Сэр Альбрехт, — сказал я, — вот вы гордитесь, что можете без драки попасть в большие забияки. Я вам даю шанс проявить себя...

Он прервал обиженно:

— Сэр Ричард! Обижаете. Я никогда не уклонялся от необходимости, разве не так?

— Простите, — сказал я с покаянием, — наверное, я недостаточно четко оформил свою уникальную мысль. С этой куртуазностью всегда в какое-то говно вступишь. Ради изысканности речи такую херню, бывает, спорешь! Я хотел сказать, вы никогда не уклонялись, все верно, но сами не нарывались, что вообще-то похвально. Это говорю не как рыцарь... понятно, что должен сказать рыцарь, а как мудрый государь... это я о себе, а то смотрите по сторонам с таким недоумением, что мне, право, неловко. За вас, конечно.

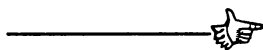
Он переспросил медленно:

— Как государь?

— Ну да, — ответил я поспешно. — Как государь Сквиоре и Коце. И грессграф, конечно. Потому что если хочу быть грессграфом, то должен и держаться, как грессграф. А это значит — поменьше драк, мы ж одна семья. А то соседи смотрят через забор и втихую скалят зубы. Радуются, значит, сволочи.

— Сэр Ричард, — напомнил он, — вы хотели преподнести мне какую-то гадость...

— Вот вы как думаете о своем сюзерене, — упрекнул я. — Наоборот, радость преподношу! Снег завалит все дороги, воевать станет невозможно, но силы копить можно.

— Скорее яд, — уточнил он.

Я покачал головой.

— Какой яд, мы ж рыцари! К тому же Бог за нас, разве не видно?.. Зима наступает как раз тогда, когда мы нахапали всего, теперь задача удержать. До весны должны продумать все и подготовиться. Как к труду, так и к обороне.

— К труду?

Я кивнул:

— Полагаю, сумеем интенсифицировать систему труда. Мы ж когда надо, то самые что ни есть демократы: умеем выжать из человека все соки!.. Причем так, что выдавит досуха себя сам, по доброй воле!.. И вообще, как гроссграф Армландии, я хотел бы...

Барон Альбрехт прервал:

— Сэр Ричард, не в обиду, но чтоб вам не нарваться на... скажем помягче, на грубое непонимание, а то и на-смешки, вам лучше бы...

Он остановился, подбирая точное слово, педант, я спросил нетерпеливо:

— Ну что за гадость вы никак не решаетесь вымолвить?.. Барон, я вас не узнаю.

Он ответил с достоинством:

— Вы уже несколько раз с эдакой гордостью называли себя гроссграфом, что я просто вынужден в ваших же интересах все-таки напомнить...

— О чем?

— Вы еще не гроссграф, сэр Ричард, — сказал он холодно. — То, что часть графов Армландии предложила этот звучный титул, хорошо и весьма обнадеживает...

Я спросил саркастически:

— Только обнадеживает?

Он кивнул, лицо серьезное.

— Не зарывайтесь, — предостерег он, глядя на меня упор глазами цвета спелого желудя. — Не зарывайтесь...

— В желуди? — уточнил я задиристо.

Он усмехнулся, абсолютно не реагируя на провокацию.

— Нет, свиньей я вас не называю даже в мыслях. Другими словами — да, но не свиньей. Просто к гротсграфству стремиться надо, однако...

Я спросил раздраженно:

— Что «однако»?

— Пока Совет лордов еще не признал вас гротсграфом, — закончил он хладнокровно. — Так что давайте и мы воздержимся, чтобы гусей не дразнить. Весьма родовитых гусей. Вы пока что сюзерен множества земель и замков, то есть оверлорд. Оверлорд — хорошее емкое слово. Как раз для такого вот положения, когда вы фактически уже гротсграф, осталось чуть-чуть дожать, но пока еще не гротсграф. Но уже и не простой граф, у которого под властью только одно графство. У вас в вассалах дюжина графов с их графствами, так что фактически вы гротсграф...

Я отмахнулся.

— Не повторяйтесь, барон. Когда занудствуете, я бы вас придушил с великим наслаждением. Вот уже ладони зачесались, видите? Я не буду называть себя гротсграфом, удовлетворены?

Он поклонился, расшаркался, развел руками:

— Только для вашей же, а значит, и для нашей пользы. Мы связали свои судьбы с вашей, потому заинтересованы, чтобы вы не дурили... слишком. А то и нас с вами перетопят.

Я фыркнул:

— Вы же дипломат, барон! Не поверю, что не успеете вовремя переметнуться на другую сторону!

Он посмотрел с сомнением.

— С вами никогда не угадаешь, когда пора. Вы из таких безнадежных положений выныривали, да еще со шукой в зубах!

— А еще вы хотели меня связанного в воду, — напомнил я враждебным голосом.

Он рассмеялся, я ощутил облегчение, этот расчетливый гад обладает умом и обаянием. И хотя наверняка предаст в

нужный момент, но сейчас просто незаменим с его острым умом и невероятной способностью все замечать, анализировать и делать верные выводы.

— Пойдемте в дом, — предложил я. — Зима только начинается, а я уже мерзну.

— Вот что значит воевать только на Юге, — посочувствовал он с лицемерным вздохом.

Я сделал вид, что не заметил провокацию.

Миртус по распоряжению барона Альбрехта собрал в библиотеке труды по военному искусству и принес в зал, где продолжается бесконечный, как в Вальгалле, пир. Альбрехт и Макс тут же принялись с увлечением разбирать всякие тактические уловки греков и римлян, спорили, к ним было присоединился Растер, но быстро потерял интерес и вернулся к столу.

Меня тоже пытались вовлечь в обсуждение, правы ли были греки в расчетах, когда дали бой при Саламине, или им просто повезло, я вздохнул, покачал головой.

— Спасибо, это не по мне.

— Почему? — удивился Макс. Он покраснел от смущения и смелости, возражая сюзерену. — Здесь мемуары Юлия Цезаря, Ксенофонта и других великих стратегов!

Сэр Растер пробасил, поднимая кубок с вином:

— Ну да, ну да, Анабазис в своем «Ксенофонте» очень подробно разбирает стратегию и тактику великих полководцев. У него там примеры как удачных, так и неудачных тактических построений... Так что вы зря, сэр Ричард.

— Я не о том, — ответил я с неохотой, — примеры, конечно, хороши и полезны. Да, много примеров... гм... и очень удачных...

Альбрехт смотрел с ожиданием, а нетерпеливый Макс спросил:

— И что лично вы применяете?

Я покачал головой.

— Покажется хвастовством, но я в самом деле знаю больше Ксенофонта и... э-э... Анабазиса. Не по количеству тактических приемов, а по... диапазону, что ли.

Альбрехт спросил настороженно:

— Это как?

Я развел руками:

— Давайте, пока сохранию в тайне. Вообще-то такое благородное дело как война со временем опошлили и сделали почти таким же грязным, как политика или даже искусство.

Они застыли, шокированные, на лицах уважение ко мне борется с недоверием к моим словам, слишком уж страшные и совсем крамольные вещи говорю. Макс спросил жалобно:

— Но как же... как войну... можно?..

— Нашлись такие сволочи, — ответил я со вздохом. — Там, где церковь слаба и не пользуется авторитетом, война начинает обходиться без правил и ограничений. Как следствие, быстро превращается в омерзительное чудовище. Увы, я видел такую войну...

На их лицах отразилось омерзение, Растер с несвойственной ему живостью переспросил:

— Вы лично?..

— Я не участвовал, — ответил я торопливо, — но видел... Так что знаю о войне больше Ксенофонта.

Растер размашисто перекрестился:

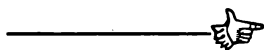
— Господи, сохрани меня от того, чтобы даже увидеть такое!

— Увы, — сказал я, — войны будут повторяться и повторяться. До тех пор, пока вопрос: вступать в войну или нет, будет решаться не теми, кто умирает на полях сражений.

Растер возразил:

— Сэр Ричард, есть же справедливые войны!

— Есть, — согласился я, — но нет справедливых войск. И вообще... тот, кто не пережил ни одной войны, никогда не узнает, в какое прекрасное довоенное время он жил.

Поздней ночью я спустился в подвал, где совсем недавно меня пытали по приказу Эстергазэ. Стражей, что пытались сопровождать меня, а то и забежать вперед, я оставил в нижнем коридоре по ту сторону двери. Спустившись по ступенькам, прислушался, наверху за дверью тихо, стражи дисциплинированно ждут.

Выйдя на середину подвала, я сказал негромко:

— Дух Огня!.. Твой сюзерен призывает тебя.

В подвале все так же тихо, я настороженно посматривал по сторонам, выждал, повторил громче:

— Дух Огня!.. Появись, ты мне нужен. Я — твой сюзерен. В смысле, Тот, Который Вправе.

В мертвой тишине слабо доносились далекие звуки свержу. В третий раз я сказал еще громче и настойчивее:

— Дух Огня, Демон Камня... Огненный Червь... Обрушитель... Проникатель... Как тебя еще? Ага, Последний Из Роющих, — отзовись, это я призываю, хозяин!

Полная тишина, даже наверху все затихло, словно опустили толстую могильную плиту. Я вздохнул, и раньше пробовал вызвать этот подземный силовой вихрь: когда был в герцогстве Брабант, когда дожидался корабля в Тарасконе, хотя Дух Огня и сказал, что услышит, где бы я ни находился, и тут же появится в толще земли подо мной, но явно переоценил свои возможности. Просто не знает, что и за пределами того комплекса, который обслуживает, есть мир.

Здесь я к Югу настолько близко, что не слышу Санегерийю, сюда с трудом проламывается Тертуллиан, а по ту сторону Хребта так и вообще таинственный и зловещий Юг... в том значении, как Крым был Грецией: хоть и не греки, но эллинское влияние перебивало местное.

Убедившись, что силовой вихрь так и не появится, я щелкнул пальцами. Вспыхнул зловеще багровый свет. В двух шагах появилась фигура из кипящего огня. Демон все так же стоит, ни на что не реагируя, чуть-чуть покачивается на слегка согнутых ногах. Глаза из-под массивных надбровных дуг смотрят люто, но мимо меня.

— Привет, — сказал я невесело, — хоть ты подай знак, что слышишь... Да знаю, что слышишь, но не слушаешь... На какой козе подъехать, чтобы начал реагировать?

Багровый демон невидяще смотрел мимо меня в пространство. Когда истекло время ожидания, исчез, даже не мигнув, а я потащился обратно.

Стражи грохнули в каменный пол древками копий. Я прошел мимо, буркнул:

— Бдите, бдите... А я пойду мыслить.

Не знаю, зачем такое брякнул, но иногда почему-то чувствую потребность оправдаться, что вот я — феодал, а они — народ попроще. Хотя оправдываться вряд ли надо: никто и не оспаривает моего права владеть, судить и карать, а также права первой брачной ночи, как же оно меня достало: все время помню, а пока еще ни разу не воспользовался, лопух.

Рано утром вызвал управляющего, тот кланялся так часто, что я не успевал рассмотреть его лицо, наконец, сказал раздраженно:

— Изволю велеть выкопать глубокий колодец!

— Во дворе очень хороший колодец, — сказал он поспешно.

— Хороший, — согласился я, — но я изволю поиметь колодец прямо в замке. В подвале!

— В подвале?

— В том самом, — прорычал я угрожающе, — в котором та сволочь, что считалась недавно хозяином замка, приковала меня к стене.

Он охнул:

— В подвале? Какой же там колодец?

— Глубокий, — объяснил я. — Понял? Колодец должен быть глубоким.

Он развел руками, поклонился, не осмеливаясь даже комментировать: лорд есть лорд.

— Будет сделано, ваша светлость.

Рыцари не сразу узнали, что в подвале ведутся странные работы. Я объяснил, что колодец будет на случай осады, на что Растер резонно возразил, что достаточно и того, что во дворе. Я сказал, что если двор захватят, можно будет держаться в самом донжоне.

Барон Альбрехт, более сметливый, предположил, что я подумываю вырыть тайный ход, чтобы в случае опасности можно было покинуть замок незамеченным. Другие просто молча посматривали с опаской, не рехнулся ли, кто же роет колодец в таком неудобном месте. Наконец, я высокомерно объяснил, что мне вожжа под хвост попала, изволью и все.

Когда докопали до бог знает какой глубины, но воды не оказалось, Растер, Макс и Митчел посмотрели с недоумением. Мне было жутко неловко, верят в меня как не знаю во что, всякий раз стыдно, словно обманываю девственников, я сказал тихонько:

— Ладно, открою тайну...

Все трое оживились, придвинулись ближе, Растер опасно огляделся по сторонам.

— Насчет колодца?

— Да, — ответил я шепотом. — Дело в том, что удачи не могут идти одна за другой. Если что-то удастся, а потом еще и еще раз удастся, то следом будет такой облом... мало не покажется!

Макс пробормотал:

— Я такое тоже заметил...

— Чем больше удача, — сказал и Растер авторитетно, — тем глыбже потом яма.

— Молодцы, — сказал я обрадованно. — Мне повезло, что у меня такие орлы! На лету хватают. Потому я посмотрел на звезды и увидел, что следующая моя затея будет крупной неудачей. Вот я и затеял это важное дело... ибо что может быть важнее, чем снабжение замка водой во время осады? Но, как видите, мой замысел с треском провалился.

Они тупо смотрели на меня, потом до обоих дошло, Растер просиял, как умытая дождем гора, а Макс пробормотал ошарашенно:

— Это вы так судьбу обманули?.. Ну ничего себе... Хотя правильно, эта зараза столько нас обижала, что надо и ее мордой в собственное дерьмо потыкать!

Я сказал подбадривающе:

— Так что, ребята, следующее предприятие обязательно приведет к победе! Я хитрый.

Макс возразил:

— Сэр Ричард, вы не хитрый. Вы — мудрый.

— Да, я такой, — согласился я скромно. — Такое намудрю... Ладно, ребята, а теперь продолжайте пировать, а то сколько той зимы?.. Глазом не успеешь моргнуть, как все завалит снегом, потом растает, надо будет готовиться к ратным подвигам во славу наших прекрасных дам-с, а мы еще не готовы.

— И то правда, — согласился поспешно Растер. — Пойдемте, сэр Макс! В самом деле, сколько той зимы, как мудро говорит наш лорд. А в подвалах столько вина!

— Да, — согласился сэр Макс, — столько вина пропадает зря, сэр Растер...

Глава 4

На другой день с утра я поднялся сонный и с торопливой жадностью глотал крепкий горячий кофе, за дверью загремело железо, а стражи привычно грохнули в пол тупыми концами копий. Дверь приоткрылась, барон Альбрехт просунул голову в покои.

— К вам сейчас можно, сэр Ричард?

— Заходите...

— Я не один, — предупредил он и, не ожидая ответа, повернул голову, крикнул что-то в коридор. Ему отвечали торопливо и бубняще. Послышался топот убегающих ног.

— Что случилось? — спросил я.

Он пожал плечами:

— К вам еще вчера просился на прием один... Я велел подождать, пока вы ужинаете. А потом что-то помешало. Говорит, у него карта.

Я поморщился.

— Карта? Армландии? У меня уже есть.

— Это хорошо, — одобрил барон. — Сказать, чтобы гнали в шею?

— Погодите, — сказал я. — Сравним. Вдруг на моей неточности?

— Разумно, сэр Ричард.

В коридоре приближался топот, Альбрехт открыл дверь, что-то сказал отрывисто и пропустил человека среднего роста и в простой одежде, не то горожанина, не то странствующего торговца. Тот уже мял в руках шляпу, суетливо поклонился и, сделав несколько шагов к моему столу, поклонился снова. Из-под мышки сиротливо выглядывает свернутый в трубку лист пергамента.

— Сом, — произнес он быстро. — Ваша милость, меня зовут Сом, сын Маиса, я из рода картографистов. Могу ли представить вашей светлости труд всей моей жизни?

— Можешь, — буркнул я. — Вижу, ты не очень себя утруждал... э-э... трудом.

Он смутился, взгляд его метнулся к столу. Я приглашающе указал на свободную половину столешницы.

— Расстилай. Твоя карта там поместится.

Он поклонился, я уловил на губах загадочную усмешку. Альбрехт с непроницаемым лицом смотрел, как умелец развернул лист и, прижав края, расположил на указанном участке стола. Я обратил внимание, что в расстеленном виде она несколько больше, чем в свернутом, как раз на всю ширину стола, будто он заранее рассчитал, где будет проводить презентацию.

Чуть желтоватый лист пергамента показался мне абсолютно чистым. Барон нахмурился и посмотрел на картогра-

фиста грозно и с неким намеком. Мол, за обман лорда могут просто выпороть на конюшне, а могут и вздернуть.

Картографист наклонился над столом, губы зашевелились. Я услышал длинную фразу на колдовском языке. Растопыренные ладони задвигались над картой, словно размешивал невидимое тесто. Возникло белое облачко, Альбрехт заинтересованно подошел ближе, я внимательно следил за картографистом. Тот закусил губу, на лбу застыли глубокие морщины. С застывшим лицом он повел руки вниз ладонями, плечи напряглись, будто придавливает нечто брыкающееся. Облачко быстро уплотнялось.

— Уф-ф, — произнес он, облачко легло на стол и растеклось, как огромный блин. — Я уж начал волноваться, что в вашем присутствии, ваша милость, не получится.

— Не ты один, — пробурчал я. — Все телепаты и ясновидцы почему-то скисают, когда вместо суеверных старух надо выступать перед учеными.

— Получилось, ваша милость.

— Да ну?

— Взгляните.

Я шагнул к столу и, несмотря на скептицизм, застыл в восхищении. Карта Армландии, самая совершенная из увиденных. Первую карту по моему приказу делал Саксон, но то каракули, леди Беатриса многое поправила, но она знает только соседей, за время похода я сам нанес на карту почти все, что встретил, однако сейчас настоящая карта! Не только проработанная до мельчайших деталей, но и с четко обозначенными границами. Как с Фоссано, где правит король Барбаросса, так и с королевством Турнедо, где рулит крутой и властный Гиллеберд Фруассар... ага, а вот еще граничит с кем-то на крохотном участке...

Картографист сказал торопливо:

— Сэр Ричард, я не сомневаюсь, что у вас есть уже, но моя...

— Лучше, — прервал я великодушно. — Твоя явно луч-

ше. Я не знаток, но такое оценить может даже рыцарь. А то и пфальцграф.

Он сказал смиренно:

— Ваша милость, у этой карты есть одна важная особенность.

Он замолчал с тем смирением, что паче гордыни, я спросил заинтересованно:

— Ну-ну, какая?

— Теперь на карте отмечается все, что... меняется, — сказал он, потупив глаза. — Я работал над этим тридцать лет, ваша милость! Сперва это была просто карта, но теперь уже не просто. Словом, если лес исчезает под натиском озера или река меняет русло, все меняется и на карте.

Альбрехт торопливо перекрестился, еще и поплевал через плечо. Я изумленно покрутил головой.

— Твоей карте цены нет... Просто нет. А это что за отметки?

— Рудники, — подсказал он почтительно. — Это вот медь, а это олово. Если их смешать...

— Знаю, — прервал я, — бронза. Проходили. А это?

— Железо, — ответил он.

— Хорошо, — сказал я, — все куплю, сказала злато, все возьму, сказал булат.

Он чуть подбодрился, но сказал все еще виновато:

— Золотые рудники тоже были... в древности, но золото выбрали. Еще тогда.

— Неважно, — сказал я бодро, — не ты же выбрал? Или ты? С такой картой это легко... Ладно, лишь бы железа хватило. Железом и кровью, как сказал великий Бисмарк, объединим и добьемся, а также получим и нагнем. Это вот что за кочки?

— Деревни, ваша милость. Если присмотритесь, там видны точки. Это дома.

— Здорово, — сказал я пораженно. — Я думал, болота. Все, значит, учтено? Прекрасно, никто от налогов не увер-

нется. А людей отсюда рассмотреть нельзя? Через лупу, например?

Он развел руками, на лице отразилась обида.

— Ваша милость...

— Ладно-ладно, — прервал я, — ты сделал великое дело! Это я так, вдруг да себя отыщу на глобусе? Хотя в этом направлении работать, полагаю, можно. Река изменила русло, и это стало заметно — понятно, силы природы, но лес — органика, почти люди... Если требуется финансирование, скажи. Могу выделить гранты. И еще...

Я указал Альбрехту взглядом на мой меч в ножнах, что в красивой позе отдыхает у изголовья ложа. Барон удивился, но подал мне церемонно, обеими руками, еще и поклонился. Я взялся за рукоять, сверкающее лезвие покинуло ножны легко и с легким музыкальным звоном.

Альбрехт сказал картографисту строго:

— На колени! Быстро!

Тот испуганно опустился, я хлопнул плашмя лезвием по плечу.

— Сом, сын Маиса, — сказал я громко, — властью, данной мне королем и Господом Богом, жалую тебя званием рыцаря за особые заслуги в деле укрепления государства, его священных границ и обороноспособности! Если мы изволим жаловать рыцарским званием молодого дворянина, выказавшего доблесть и отвагу в бою, то ты сделал намного больше, чем разгромил войско противника в одиночку!.. Встаньте, сэр Сом!

Он торопливо вскочил, глаза как блюдца, ошалевший и обалдевший. Я обнял его и, отстранив на вытянутые руки, сказал требовательно:

— Сэр Сом, вам поручается дальнейшая работа и усовершенствование карты. Требуйте необходимые материалы, все вам будет обеспечено, за исключением крови христианских младенцев и человеческих жертв... ну, разве что мигрантов каких неучтенных... В смысле, иностранцев из числа военнопленных. Вам по рангу положены помощники,

допуск в важнейшие библиотеки, служанки для естественных нужд и баннер. Главное, конечно, баннер, не так ли?

Сом, сын Маиса, а теперь уже сэр Сом, растерянно хлопал глазами, но нашел в себе силы развести руками:

— Ваша милость...

— Сэр Ричард, — напомнил я. — Отныне не «ваша милость», а «сэр Ричард»!

Он пролепетал совсем смущенно:

— Сэр Ричард, я бы лучше доступ в библиотеки...

Альбрехт хохотнул, поинтересовался:

— А почему не служанки?

Сэр Маис вздохнул.

— Да служанки для этого полезного и нужного дела годятся и чужие, а вот допуск в библиотеки...

— Хорошо, — сообщил я бодро, — будет тебе допуск во все библиотеки! Будет. Как только сами библиотеки заведем. Полный допуск обеспечим. С причитающимися льготами. Пока дело за мелочью — библиотек еще нет... Кстати, а что у тебя вот здесь за муть? Не то деревня, не то рудники, а еще и вроде болото...

Он прямо посмотрел мне в глаза, я уловил затаенную усмешку.

— Когда ваша... когда сэр Ричард изволит восхотеть посмотреть своим пфальцграфьим оком на мелкие детали, он, может быть, изволит очистить больше места на столе.

Я фыркнул.

— И что? Твоя карта растягивается, что ли?

— Да, — ответил он с такой гордостью, что хоть сейчас в бароны. — Это же шагреня!

— Гм, — сказал я озадаченно, — я слышал, шагреневая кожа умеет только сокращаться.

— Кто вам такое сказал?

— Барон Оноре... гм... де Бальзак!

— Он не все знал, — заверил сэр Сом.

— Да, — согласился я, — он больше специалист по бабам. Наверное, потому, что вообще-то Бальса.

Альбрехт смотрел озадаченно то на одного, то на другого, а мы, знатоки по колдовским козам, быстро освободили вторую половинку стола, переложив все на кресла. Сам взялся за один край, я за другой. Ухватив покрепче углы, потянули, кожа начала потрескивать, Сом успокаивающе заверил, что залежалась просто, долго не растягивали, все хорошо...

Растянув шагреновую кожу на весь стол, снова закрепили углы, Альбрехт первым рассмотрел карту, охнул, восхищенно выругался. Помимо укрупнившихся деталей, появилось великое множество мелких. Теперь и я видел, что в том непонятном месте обычная деревня расположилась на болоте и прямо оттуда добывает железную руду, болотная считается самой лучшей. И что рядом еще два болота поменьше, но глубоких, дорогу сверху не проложишь, лучше всего вон там прямо через небольшой лесок...

Я присвистнул.

— Да-а, карта твоя... чудо. А еще растянуть можно?

Он кивнул.

— Да. Но если порвется, то такой и останется. Огромной.

Я подумал, кивнул Альбрехту.

— Любезный барон, возьмитесь за тот край, а вы, сэр Сом, за другой. Я с этой стороны, надо же оправдывать прозвище длиннорукого... Потянули, потянули... еще... еще... стоп, хватит!

Карта заняла полкомнаты. Я крикнул стражей, вбежали трое, я поручил им держать края и опустил пониже, к самому полу, а сам пошел по периметру, восторгаясь и хлопая руками. В той деревне, что на болоте, видны не только дома, и мелкие плавильные печи, но и кузницы, сараи, загон для скота...

Барон тоже ахал, сэр Сом сиял, а стражи тупо тарасились и явно пытались перекреститься хотя бы ногами. Наконец, я велел с сожалением:

— Ладно, отпускай!

Карта стремительно свернулась в рулон, что моментально уменьшился до размеров туго свернутой брошюры. Сэр Сом подхватил и подал в одно движение, я поблагодарил кивком.

— Спасибо! Это не просто карта, благодаря которой я смогу расставить войска. С этой карты начнем планировать удвоение ВВП и большой скачок в экономике! Догнать и перегнать прочие развитые по неразвитости страны. Все свободны... а вы, сэр Альбрехт, задержитесь.

Когда стражи и сэр Сом вышли, барон Альбрехт сказал с сомнением:

— Сэр Ричард, а стоило ли все-таки простолюдина в рыцари... не за рыцарское дело? Одно дело — подвиг, другое дело... гм...

Я сказал строго:

— Сэр Альбрехт, этот человек принес большую пользу. Давайте не кривить душой: сколько рыцарей, получивши высокое звание, только пьянствуют и таскают девок в постель?.. Какая от них польза в невоенное время? А это как раз воинский специалист. Труд всей его жизни представил! Вот теперь баб и пьянки заслужил, верно? Так ему не баб, а библиотеки подавай! Еще трудиться желает. Мы по его картам всю страну обустроим и перестроим. И все границы на замок. И выйдем на ту сторону Хребта.

Он насторожился, я видел, как напряглось лицо, а глаза вспыхнули.

— Это... в каком смысле?

Я понизил голос.

— Запомните, я вам ничего не говорил! Но благодаря этой карте я уже понял, как копыта наших коней оставят следы на мокром песке Великого Океана.

Его лицо напряглось, а глаза сузились. После долгой паузы он произнес холодноватым тоном:

— Сэр Ричард, вы теряете голову от успехов. Именно в таком состоянии и ломают шею.

Я подумал, кивнул.

— Вы правы. Оставим эту тему. Прошу вас, сэр Альбрехт, пригласите вечером самых доверенных рыцарей на военный совет. Посмотрим карту еще, выявим опасные места. Как внутри, так и на границах. Пора подумать, что нужно успеть до весны. Опасаюсь, что наши противники не станут спать всю зиму.

Глава 5

Весь день отовсюду доносится стук молотков и молотов. По замку шныряют, торопливо кланясь при встрече, каменщики, плотники и столяры. Я велел заделать все дыры и щели, пусть это выглядит немужественно, но почему-то вот попала вожжа под хвост с идеей зиму провести в не продуваемых насквозь помещениях.

Когда тщательно заделали верхние покои и пришли за расчетом, я отправил так же тщательно заделать все и внизу, чтоб ни малейшего сквозняка в помещениях для людских. Сэр Растер удивился такой заботе, только Альбрехт понимающе кивнул. Когда челядь простужена и болеет, то и обед не готов, и дров для очага никто не внесет, и вообще все быстро зарастает паутиной. Но рыцари по своему высокомерию не замечают такой явной связи.

Когда меня благодарили за такую заботу, в самом деле чувствовал себя неловко: для себя старался, не для них, чумазах.

Вечером малый зал, куда я перенес карту, начал наполняться запахами вина, жареного мяса и печеной дичи: сэр Растер, сэр Митчел и барон Альбрехт явились прямо из-за праздничного стола. Зима, а зимой что мужчинам делать, кроме как пировать и прикидывать, с кем скрестить оружие, когда растает снег и подсохнут дороги?

Чуть позже прибежал запыхавшийся сэр Макс, румяный с мороза, синие глаза светятся, как крупные сапфиры.

Громко топал у порога, стряхивая с сапог снег, вытягивал шею, стараясь поскорее понять, что мы там рассматриваем.

Я указал на карту, что заняла весь стол.

— Итак, вот она, Армландия!..

Рыцари окружили стол, сэр Растер всмотрелся, радостно заржал:

— Здорово, вон даже та дорога, на которой мы с сэром Ричардом встретились! И познакомились, да... это она.

Я отмахнулся.

— О прошлых подвигах будем рассказывать у камина, когда от старости руки не смогут держать меч. А пока давай о будущем. Расскажи про соседей. Зима зимой, но почему-то мне кажется, что весна все-таки придет... как думаешь?

Сэр Растер перекрестился.

— Если Господу будет угодно, сэр Ричард. Все в его руке. А захочет, то и не придет. Соседи у нас известные: Барбаросса, Гиллеберд, Кейдан и король Роджер Найтингейл, у него небольшое королевство вот здесь... ага, вот здесь! Но Армландии повезло, сэр Ричард. Только земли Гиллеберда переходят в наши без всяких границ, если не считать речушку, что в жаркие дни... можете в такой снегопад представить себе жаркие дни?.. пересыхает вовсе... А так Барбаросса за болотами, Кейдан за Хребтом, а Найтингейл — за Орочьим Лесом, что такой же непроходимый, как и Хребет.

Я склонился над картой, упершись обеими руками в края стола. Сом, молодец, сумел на одном листе соединить физическую карту, политическую и даже метеорологическую. Или тектоническую. Могу рассматривать леса, реки, озера, болота, но также границы баронств, графств и герцогств. Кроме того здесь, как уже понимаю, отмечены «горячие точки», то есть места, которые раньше обозначались как «здесь водятся неведомые звери».

Вот сильно вытянутый, словно ложноножка амебы, в сторону Армландии краешек земли рядом с обширными владениями Хоффманна. Бывшими владениями, ныне — будакерские.

Митчел пару раз зыркнул встревоженно:

— Что-то случилось, сэр Ричард?

Я указал на карту:

— Что за клочок земли рядом с Хоффманном... э-э... сэром Будакером?

Он чуть ухмыльнулся на обмолвку, но тут же брови сошлись на переносице, а взгляд стал озабоченным.

— Барон Гяуссер. Человек ничем не примечательный, но чванливый и гонористый без меры. К сожалению, сэр Ричард, он первым попал под влияние Гиллеберда. Фактически его земли уже включены в состав королевства Турнедо.

Я переспросил осторожно, теперь надо следить за языком, ко мне прислушиваются, а это обязывает:

— Это как?

— К нему наезжают то королевский судья из Турнедо, то королевский лесничий, то посланцы. Все распоряжаются в его землях, словно в Турнедо. Зато сэр Гяуссер принят при дворце Гиллеберда, как почетный гость, даже — друг. Должен заметить, что так он чувствует себя намного лучше. Сам по себе он воин плохой, а как хозяин понимает, что лучше принять защиту сильного, чем слабого.

Я молчал. Это не нравится, даже не в силу ущемленного самолюбия, я все еще не чувствую себя ни пфальцграфом, ни гроссграфом, но такая замороженная горячая точка всегда нехорошо.

— Наверное, — сказал я, — не нужно спрашивать, на чьей он стороне.

— В ваших претензиях на титул гроссграфа? — правильно догадался барон Альбрехт. — Больше всего он на стороне Гиллеберда, а тот, естественно, предпочел бы видеть Армландию без королевского наместника Барбароссы.

— Понятно. Его замок хорош?

Митчел пренебрежительно отмахнулся.

— Коровник, а не замок. В сравнении с замком Будакера, конечно. И земли раз в пять меньше. И расположен не на горе или отвесной скале, а прямо среди равнины.

— Такой защищать трудно, — заметил я. — А почему так?

Он пожал плечами:

— Когда-то это была чья-то резиденция. Но земля дробилась, щедрый господарь раздавал наделы детям, так и получилось, что тот клочок остался за Гяуссерами.

Я всматривался в карту, земля барона Гяуссера узким клином вошла в королевство Турнедо, с двух сторон ее зажимают весьма населенные владения воинственных баронов Байру Руаяля и Доминика Волтона, это уже владения Гиллеберда, так что барон Гяуссер поступил мудро, даже не стараясь укрепить замок. Все равно при необходимости захватят без труда, а любые попытки нарастить воинскую мощь и укрепить оборону будут приняты соседями насто-роженно и с подозрением.

Альбрехт наблюдал за моим лицом, вздохнул, предостерег:

— Даже не пытайтесь, сэр Ричард.

— Вижу, — буркнул я.

— Захватить замок барона легко, — все же объяснил он на случай, если я дурак, такое с правителями сплошь да рядом, — но как оборонять? Сам Гиллеберд не придет, ему достаточно кивнуть одному из пограничных баронов. Я не говорю уж о том, что королевство Гиллеберда сильнее, чем Фоссано, но не будем же мы держать огромное войско возле замка Гяуссера в постоянной готовности?

Я махнул рукой.

— Все-все, вы меня убедили, любезный барон. Забудем о такой ерунде, займемся животрепещущим. Как у нас с местными достопримечательностями?..

Альбрехт пожал плечами, а Растер переспросил непонимающе:

— Чем-чем?

— Ну, чем можем удивить туристов, в том смысле, где какие диковинки?

— А-а-а, — протянул он, — этого добра хватает...

— Где?

— Точнее расскажет сэр Альбрехт, он все запоминает! А у меня с глаз долой — из памяти вон.

Сэр Альбрехт высокомерно усмехнулся, я жестом пригласил его ближе к карте. Он тут же очень подробно и с каким-то мстительным наслаждением перечислил «горячие точки» и «замороженные конфликты»: непроходимые болота с ужасными тварями, зыбучие пески, леса с дурной славой, призрачные замки, загорающиеся реки, зачарованные мосты, раскаленные земли...

— Что за раскаленные? — перебил я. — И сейчас, зимой?

Он кивнул, в его хорошо поставленном голосе странно звучало восхищение нехорошими чудесами:

— Снег становится дождем еще в небе! Земля накалена так, что давно спеклась в черный корж. Говорят, когда трескается, в щелях полыхает адский огонь. Такое место только у нас в Армландии, сэр Ричард!

— Ах, как я счастлив, — воскликнул я саркастически.

— Да, это диковинка...

— Еще какая, — сказал я, досадуя на себя за тупость.

Мог бы сразу сообразить, что сэром Альбрехтом движет естественный и вполне объяснимый патриотизм. Даже у могучего Гиллеберда, который со всего света стаскивает в свой дворец диковинки, нет во владениях такого места. А у нас есть. И ни один мудрец не объяснит, почему и как это, зачем и кто.

— И давно?

— Испокон веков, сэр Ричард!

— Ясно, после последней из Великих Войн. Сильно все это мешает жить?

Он взглянул с недоумением.

— Сэр Ричард, люди везде приживаются. В плохие места не заходят, в зачарованные леса не суются, в опасных реках рыбу не ловят...

— Ясно, — повторил я. — Не мы здесь хозяева, а монст-

ры?.. В смысле, люди ходят по одной половице? Шаг вправо, шаг влево — отгрызают головы без предупреждения?

Он спросил обидчиво:

— Как можно, сэр Ричард? Все давно предупреждены. Разве что чужак какой побредет, не порасспросив насчет безопасной дороги... Но не ставить же ради них столбы с надписями, что, мол, дальше опасные твари?

— Не ставить, — согласился я, — конечно, не ставить... От дураков надо избавляться. Да, работы здесь непочатый край. Геракла бы с его опытом. Вот уж профессионал по очистке авгиевых земель от хищных тварей. Но за неимением Геракла... придется этим заняться благородным рыцарям. Им честь, сюзерену слава, а землям — процветание. А также увеличение инвестиций в экономику. Конечно, весной.

Макс сказал, покраснев:

— А Шар Водана?

— Что за шар? — поинтересовался я.

Он покраснел еще больше, беспомощно посмотрел на барона Альбрехта. Тот кивнул:

— Сэр Макс прав, мы просто о нем забыли. Дважды через Армлиндию прокатывался Огненный Шар. Размером с трехэтажный дом, остановить его невозможно. По преданию, его выпустил один из древних магов за минуту до гибели, потому Шар вечно катится и катится.

Я спросил невольно:

— Когда он был замечен? И где?

— Десять лет тому, — сообщил сэр Растер, опережая барона. — За ним осталась полоса выжженной земли.

— А предыдущий раз, — добавил Альбрехт, — это было восемьсот лет тому. Тоже все аккуратно занесено в летописи.

Сэр Растер воскликнул пораженно:

— Подумать только, восемьсот лет! И такую ерунду записывают...

Барон Альбрехт кашлянул и продолжил озабоченно:

— Сложность ситуации еще в том, что замок барона Эстергазэ, в котором мы сейчас, как раз в центре схватки между кланами Иблингов, Канцеров и даже Эддингсов. Между тремя враждующими кланами, между бароном де Маре и графом Винстоуном. Из быстро наступающего леса выходят странные люди и нападают на скот и пастухов, а теперь начали нападать и на деревни. Барон Эстергазэ укрепился в очень удачный момент: Иблинги и Канцеры сцепились между собой, граф Винстоун с войском отбыл к королю Гиллеберду помочь тому в войне с Шарлем Глостером, это сюзерен королевства Алькантаро, а небывало жаркое лето остановило наступление леса, откуда в это время лесные люди перестали показываться.

Макс спросил с надеждой:

— А может, исчезли?

Сэр Растер переспросил несколько обиженно:

— Это как это исчезли?

— Ну, как и явились, — огрызнулся Макс.

Растер сказал со вздохом много повидавшего человека:

— Из ниоткуда может взяться любая гадость, запомните, сэр Макс, житейскую мудрость! Но чтоб сама пропала... гм, такого еще не было. Нет уж, всякий раз приходится поработать мечом! Чувствую, нам еще предстоит, предстоит...

— И святым словом, — добавил кротко, но настойчиво Макс. Пояснил: — Там нечисти много, ее мечи не берут.

Растер поморщился, но кивнул.

— Да-да, и святыми молитвами. Вы правы, святой отец... Тыфу, это ты, сэр Макс! Но сейчас зима, лес перестал придвигаться, крестьяне пока не бегут, спасая жизни. А весной лесные люди наверняка выйдут. Да еще в неимоверном количестве! Они велики ростом, свирепы и вечно голодны. Сэр Ричард, вы поняли, на что я намекаю?

— Как же, как же, — ответил я, — на великие подвиги. Только у этих лесных людей добычи вряд ли... Что могли наgrabить у крестьян?

Сэр Растер шумно поскреб пятерней затылок.

— Да-а, — признал он, — вы всегда смотрите в самый что ни есть корень, сэра Ричард! Тогда, может, ну их, этих орков? Пойдем грабить соседних лордов?

— Разве грабить хорошо? — спросил я кротко.

Он удивился:

— Так ведь доблестно же!

— А-а-а, если доблестно, тогда да, конечно...

— По праву, — сказал он значительно.

Я вздохнул.

— Завидую вам. Грабите, насилуете... А вот меня угораздило вляпаться в гроссграфство. А это значит, придется защищать и простых крестьян, и прочую экологию. Даже бороться с парниковым эффектом и всеобщим потеплением. Словом, кончаются золотые деньки бездумных гулянок за драконьими головами и прочими удовольствиями! Как я понимаю Гарун аль-Рашида...

Барон Альбрехт, не слушая нас, вел пальцем по карте, прослеживая вероятные пути продвижения войск. Макс поглядывал одним глазом, в то же время старался не пропустить откровений сэра Растера, которого глубоко чтит за воинский опыт.

— Этот мост, — сказал вдруг барон, кончик пальца за-мер на синей вене реки, — лучше не пересекать.

Растер спросил тут же грозно:

— А что там?

— Тамплиер, — ответил коротко Альбрехт. Видя на моем лице недоумение, пояснил: — Он еще этой осенью выезжал, но сейчас наверняка вернулся в родительский замок. Но весной, как он сказал, не позволит никому пересечь мост на его землю. И не только на его.

Я насторожился, последние слова задели, спросил настороженно:

— Что значит, не только на его?

— За землями его отца, — пояснил Альбрехт, — еще несколько феодов, где бароны предпочли бы никому не приносить присяги.

— Его вассалы?

— Нет, но он считает долгом их защищать. Он вообще защищает, как сам полагает, все человечество. Больно религиозен.

В голосе барона звучала откровенная издевка. При всем почтении к церкви должна присутствовать и обязательная фронда. О священниках полагается рассказывать скабрёзные истории, считается хорошим тоном отпускать шуточки насчет всемогущества Господа. Кто этого не делает, тот выглядит несколько по-идиотски.

— А что за имя такое? — спросил я. — Почему именно Тамплиер?

Растер и даже Макс оживились, а барон осторожно поинтересовался:

— Его знают и за пределами Армландии?

Я ответил осторожно:

— Просто имя показалось знакомым. Или похожим... Так почему все-таки Тамплиер? Это свое имя или родовое?

Они снова почему-то переглянулись, Альбрехт ответил понимающе:

— Сэр Ричард, вы что-то о нем знаете, не отнекивайтесь. Потому что и насчет имени спросили очень точно.

— А что с именем? — спросил я.

— Древнее заветное на их роде, — пояснил Альбрехт. — По поводу имени.

— Благословение, — поправил Макс почтительно.

Альбрехт поморщился.

— Я бы так не сказал. По-моему, это больше заветное... Не проклетие, конечно, но больше заветное, чем благословение.

Я сказал с нетерпением:

— Простите, любезный барон, но что за тайна связана с его именем?

Он покачал головой.

— Никакой тайны, сэр Ричард.

— А что?

— Заклятие. Хотя сэра Максимилиан и не согласен со мной, но я считаю это все же закланием, слишком много признаков... гм... так вот, в древние-древние времена, если верить легендам, существовал могучий и обширный род Тамплиеров. Его власть была безгранична, мудрость всеобъемлюща, а земли под их рукой процветали. Все противники, рисковавшие бросить им вызов, неизменно повергались в прах. Так длилось веками, но Враг рода человеческого сумел рыцарскую надменность превратить в высокомерие... а вы ведь знаете, какая тонкая грань разделяет эти близкие понятия! И с того времени начались распри в некогда едином роде, что давно превратился в обширный клан, междоусобицы и даже столкновения...

Я слушал, вспоминая обрывки сведений о тамплиерах. Вроде бы у них не было особых распрей, а сумели их задавить завидующие короли, великих магистров сожгли на площади, предъявив обвинения в колдовстве, и на том тамплиеры кончились. Хотя, конечно, так хочется верить, что Чапаев выплыл, Экзюпери не погиб, а рядовые тамплиеры уцелели и восстановили свой орден, только уже тайно.

— ...Из всего великого рода уцелел только один рыцарь, — продолжал звучать холодноватый голос барона, — что оставался верен идеалам древнего рыцарства. И никто не может его победить, пока он служит Господу. На склоне лет он передал свою ношу старшему сыну, тот — внуку. Так и передается до сих пор!

Сэр Растер добавил наставительно:

— И еще один момент: отныне этот рыцарь всегда носит имя Тамплиер. Как напоминание о его великом долге.

Глава 6

В ожидании снега дни пошли суровые, серые, без всяких красок. Только черное, серое и белое. Даже люди притихли и слишком цветную одежду отложили до весны. Во

двор часто завозят на телегах горы покрытых инеем коровьих туш, свиней, овец, а также великое множество битой и промерзлой птицы. В кузнице полыхает огонь, из трубы вылетают с синим дымом оранжевые и красные искры.

Первый снег, что и не снег, а так, мелкая труха, заполнил только мелкие рытвины в промерзлой земле, что кажется еще чернее и отвратительнее, чем на самом деле.

Рыцари пируют в нижнем зале, у всех есть что рассказать и чем похвастаться, на всю зиму хватит. Я томился и как тень отца Гамлета скитался по замку. Надо чем-то себя занять, а то мысли сами перескакивают на воспоминания о леди Беатрисе, начинаю с нею говорить, что-то доказывать, а что доказывать, если мы и так идеально понимали друг друга? Настолько идеально, что таким... ну никак нельзя быть вместе. И она это понимает так же отчетливо, как и я.

Сегодня сон вообще не идет, хотя вроде бы давно уже ночь. Однако летом в это время солнце только начинает сползать к горизонту, а сейчас вот уже несколько часов как глухая чернота, в небе — звезды. Жарким летом они заманчиво выглядят милыми такими льдинками, но сейчас это осколки насквозь промерзшей стали: в руки не взять — без пальцев останешься, вообще небо выглядит чужим и враждебным.

Я расстелил карту на столе и рассматривал то так, то эдак, я ж теперь правитель, а это в самом деле что-то новое. Раньше я все старался делать хорошо, но... править? Это сложнее, чем выбить какого-то здоровяка из седла или даже захватить замок!

В ладонях возникла чашка с кофе, я бездумно отхлебывал горячий густой напиток. В дальнее окно видно крохотные домики ближайшей деревни, свет едва пробивается в щели между ставнями, красный и тусклый, сами домики сливаются с тьмой ночи. Собачий лай разносится в морозном воздухе далеко, так же непривычно отчетливо слышно из леса тоскливый волчий вой.

Снег никак не выпадет, но замерзшие лужи сохраняют

лед и днем, а это значит, что когда снег выпадет, то пролежит до весны.

Бобик расположился было у моего ложа, мол, так принято, но когда огонь в камине начал догорать, поднялся и с тяжелым вздохом перебрался поближе к каминной решетке. Глаза стали багровыми, но это всего лишь отблеск догорающих углей, а когда опустил веки, то ну просто огромный черный щенок, разве что размерами с теленка. А весом с молодого быка...

От камина то и дело поднимал голову, я все еще за картой, однажды даже не поленился встать, потянулся всласть, но все же обнюхал меня старательно, ничего не обнаружил, я машинально почесал ему за ухом, но Бобик разочарованно вздохнул и отправился обратно. Когда укладывался, в глазах укоризна, это ж я не даю ему выспаться всласть.

— Иду-иду, — ответил я с досадой. — Сейчас...

Вот так повелеваешь тысячами людей, а сам подчиняешься своей собаке. Скажи кому, засмеют.

Тихохонько открылась дверь, вошла, пятясь, молоденькая служанка, босая и с длинной русой косой. Когда повернулась, я увидел, как она прижимает к груди целую охапку березовых чурок. Испуганно охнула, наткнувшись на мой взгляд, быстро-быстро, как пугливая мышь, пробежала к камину и высыпала рядом с Бобиком поленья.

— Простите, ваша милость...

— За что? — буркнул я.

Ее лиловые от холода губы распухли и еле шевелились, а босые ступни тоже стали сизыми. Я смотрел, как она, присев, умело складывает поленья шалашиком. Огонь сразу же охватил сооружение, раздувать не пришлось, тоненькое платье и без того просвечивает, обрисовывая девичью фигуру с тонкой талией и довольно широким задом, а когда с той стороны огонь, то вроде платья и нет вовсе.

Когда огонь разгорелся, Бобик вздохнул еще горестнее, отодвинулся, а потом и вовсе вернулся к своему месту возле ложа. Служанка поднялась и, опустив руки вдоль тела,

смотрела на меня с тупым ожиданием. На лице появилось покорное выражение, а в теплых коричневых глазах проступило что-то от молодой коровы.

— Спасибо, — сказал я благосклонно. — До утра тепла хватит.

— Стараюсь, ваша милость.

— Молодец.

Она все еще стояла, опустив руки, на лице проступило что-то вроде непонимания.

— Ваша милость...

— Можешь идти, — сказал я милостиво, но с нажимом.

Она поклонилась, быстро отступила к двери, там обернулась, лицо диковатое, в глазах удивление.

— До утра не хватит, — сообщила она. — Все прогорит. Я приду ближе к утру. Надо будет подложить дров.

— Хорошо, — согласился я. — Это ты следила за огнем при прошлом хозяине?

Ее щек чуть коснулся румянец, но это могло быть просто действие теплого воздуха.

— Да, ваша милость...

— Хорошо, — повторил я. — Молодец. Иди.

Она переступила порог, а там, придерживая дверь, сказала торопливо:

— Мы поддерживаем огонь по очереди с Далилой.

— А-а-а, — сказал я. — Кажется, я ее видел. Такая пышная хохотушка?

— Да, ваша милость. Прислать ее?

Я отмахнулся.

— Нет. Пусть спит. Иди.

Дверь за нею захлопнулась, я поморщился, что-то никак не войду в роль феодала, это же нормально — грести всех женщин под себя. Я щас в роли эволюции. В замке все, даже слуги, довольно крепкие, сильные и сравнительно здоровые. В селах же народец хилый, слабый, отягощенный разными болезнями, с хрупким сложением и пугливым характером. Но и у трусливых родителей, бывает, появляется

сильный и отважный ребенок, так вот при этой системе его тут же заметят, заберут в замок. Либо на дворцовую службу, либо в воинский отряд.

Да и сам феодал, как я понимаю, всегда тот, кто своей мощью, силой и напором сумел собрать вокруг себя шайку самых отважных и сильных. Да что там феодал, даже короли этой эпохи как раз те ребята, которые сумели сплотить, создать, возглавить. И не умением красиво говорить на митингах, здешние короли не умеют читать и писать, а именно железным кулаком, могучей глоткой и готовностью в любой момент схватиться за меч. Я сам знаю такого отважного и напористого вожака рыцарского отряда, который в королевстве Фоссано вообще ухитрился стать Его Величеством.

Так что даже пресловутое право первой брачной ночи не от нездоровой похоти феодала, как подают в школьных учебниках. В любом стаде потомство стараются заполучить от самого здорового и самого сильного, в этом залог выживаемости вида. Так что в большинстве своем слабые и хилые крестьянки сами счастливы заполучить гарантированно здорового и сильного ребенка от лорда. Стоит только посмотреть на него, огромного и могучего, как сразу представляешь, что твой ребенок будет лупить соседских, а его, такого здоровяка, все будут бояться.

Эти мысли текли сперва как слабый ручеек, затем превратились в реку, где скакали через пороги христианизации, как горные бараны, затем неслись в оглушающем грохоте конского табуна... а потом я сказал себе, что вот так и начинается превращение паладина в простого рыцаря, рыцаря — в мужчину, мужчины — в мужика, мужика — в простолюдина, а того, стыдно сказать, вообще в общечеловека.

Вздохнув, я лег, натянул одеяло на ухо и заставил себя погрузиться в сон.

Санегерийя не пришла, а жаль. Проклятый Хребет как-то экранирует многие виды магии. Вообще-то он виноват и в других грехах, помасштабнее, но этот вот пустячок задевает больше. Потому что личный, такой вот из меня паладин.

Помылся, велел подать завтрак в покои, чем вызвал недоумевающие взгляды. Сеньор должен своим присутствием все время напоминать вассалам, что он — сеньор, что ему не должны забывать кланяться и вообще оказывать надлежащие знаки внимания. А для этого существуют совместные завтраки, обеды и ужины, а между ними — пиры, чтобы все время ощущать единство, а также чтобы никто не забывал, кто в стае главный.

Барон Альбрехт явился свеженький и подтянутый, очень внимательный, будто и не барон вовсе. Я отодвинул на край стола чашку с темной мутью на дне, барон повел носом и посмотрел на меня с вопросом.

— Магия, — объяснил я небрежно. — Хотите?

Барон покачал головой.

— Сэр Ричард, я не настолько набожен, как... гм... вы должны бы, но все-таки не рискну.

— Почему? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Магия противна Господу. Кто пользуется магией, тому гореть в аду.

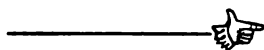
— Все создано Господом, — возразил я. — Даже магия.

Он кивнул, глаза оставались серьезными.

— Да, Господь создал хорошее и плохое. А нам дал свободу выбора.

Я взял чашку и швырнул в мусорную корзину.

— Знаете, барон, иногда вы смотрите гораздо дальше меня. Даже в таких вопросах, где я не совсем дурак... Итак, барон, давайте перейдем к карте. У меня ночью, как у всякого гения, появились гениальные мысли. Жаль, что я их все забыл... Даже то забыл, что вчера помнил. Кстати, о чем я хотел с вами поговорить?

— О карте, — напомнил барон терпеливо.

— Ах да. Посмотрим на карту Армландии державными глазами, как отцы народов. Вон эта дорога... это же дорога?

Барон всмотрелся в карту.

— Дорога. Более того, это главная дорога.

— Которая, как я понимаю, идет из северных земель?

Он кивнул.

— Да, сэр Ричард. Вы смотрите в корень. Это главная из дорог, что через несколько королевств тянется к Перевалу. Если кто намеревается перейти Хребет, то ему только по этой дороге. Надеюсь, король Барбаросса не станет чинить препятствий купцам и торговцам. Как видите, дальше дорога вдоль Хребта до Перевала, а затем через герцогство Брабантское к морю...

Я проследил за дорогой, взгляд зацепился за непонятную петлю.

— А это что? Вроде бы место ровное...

Он покачал головой.

— Рядом лес.

— И что?

— Это тот самый лес, — объяснил он. Увидев в моих глазах непонимание, пояснил: — Темный Лес, в котором происходит всегда непонятное и всегда неприятное. Никто проезжающий вблизи не может быть уверен за свою жизнь.

— А охрана?

Он снова покачал головой.

— Бесполезно. Единственное, что спасает, — держаться от этого Леса подальше. Потому и такая петля. Была бы короче, но приходится обойти и болота, а также Огненные утесы...

— А эта дорога, что пересекает ее... погоди, дай сам догадаюсь. Там, если не ошибаюсь, богатые рудники?

Он кивнул.

— Верно, сэр Ричард. Горы богаты медью и оловом, а железа много в окрестных болотах. Есть и в горах, правда.

Только придется рыть глубже. Руду везут в Фоссано, там выплавляют железо...

— А почему не на месте?

Он пожал плечами.

— Это уметь надо. Копать проще.

— Ну, — протянул я с неудовольствием, — я не хотел бы превращения Армландии в сырьевой придаток! Надо развивать собственное производство.

— Железо выплавляют тоже в Армландии, — объяснил он. — Просто так сложилось, что дальше к северу проживают умелые ремесленники, что умеют не только выплавлять железо, но и превращать его в хорошую сталь. В основном, эти цеха сосредоточены в той части, что уже не Армландия...

— В Фоссано?

— Да.

Я сказал упрямо:

— Нерационально! Одно дело везти за сотню миль руду, другое — железные слитки. А еще лучше — построить там же, кроме плавильни, еще и оружейные. Тогда из Армландии можно будет вывозить готовые изделия.

Он промолчал, хотя я видел, мог бы напомнить, что и так вывозим хорошее оружие и доспехи, однако я тоже прав: если организовать производство на месте, где добывается руда, то готовые изделия станут намного дешевле.

— Это будет сделать непросто, — сказал он и посмотрел на меня пылливо. — Вы знаете, почему.

— В смысле, нужно сперва закрепить на троне?

— Вы угадали.

— Да что угадывать, это ясно... Закрепимся, барон. И, наверное, вот здесь... да-да, где эта петля, нужно что-то построить. Замок или крепость. Во-первых, защита дороги от разбойников из леса. Во-вторых, другой дороги нет, так что...

— ...сами будем собирать налог, — закончил он, — вместо разбойников.

— Но мы будем давать и защиту! — возразил я. — К тому же, если разбойники в эпоху перераспределения капитала захватывают власть, они уже зовутся не разбойниками, а королями, президентами, премьер-министрами... А там нужно переждать короткий период дикого капитализма, и все — мы вполне респектабельные жители цивилизованного мира!

Он зевнул, с намеком в глазах оглянулся на дверь.

— Вы собираетесь почтить своих вассалов совместным завтраком?

— А как же, — ответил я, — вот только шнурки завяжу.

Он поднялся.

— Тогда мы ждем. Сэр Растер вспомнил какую-то веселую историю...

Я проворчал:

— Знаем его истории. Когда он повзрослеет?

— Такие не взрослеют, — возразил Альбрехт. — Еще и гордятся этим. Представляете?

— Слышал, — признался я, — но в голове не укладывается.

— Попробуйте уложить вдоль спинного хребта, — посоветовал Альбрехт. — Там тоже мозг, кстати.

Он удалился, а я, одеваясь к завтраку, одним глазом поглядывал на карту, обращая на этот раз больше внимания на, так сказать, политическое деление. Или административное. В том смысле, что здесь примерно та же норма, что существовала в Европе тех времен. На бумаге ее оформил французский король Филипп Красивый. Тот самый гад, что живьем сжег тамплиеров, никогда ему не прощу.

В той норме сказано, что земля может считаться королевством, если в ней не менее четырех герцогств или шестнадцати графств, герцогство — не менее четырех графств,

маркизат — пять-шесть бароний, и чтоб не менее десяти дворян в каждой, графство — четыре баронии, виконтство — две-три баронии, а сама барония — по меньшей мере шесть дворянских земель, каждая из которых принадлежит одному рыцарю.

Что такое рыцарь, понятно: владелец лена, способный на свои средства сформировать небольшой отряд. Собственно, в этом отряде рыцарь только он, зато весь в железе, под ним тяжелый боевой конь, тоже в доспехах и кольчуге, а при рыцаре группа поддержки в виде оруженосца и одетых полегче, но все равно хорошо вооруженных конных слуг.

В Армландии, как показывает карта, четырнадцать графств, два герцогства. На королевство, увы, по этим параметрам не тянет, зато по маркизатам и барониям превосходит почти втрое. Что говорит о феодальной раздробленности, как учат в школе. В сильных королевствах идет укрупнение, а где центральная власть слаба — там все дробится и дробится. К счастью, земля здесь велика и обильна, а порядок в ней наведу, наведу. Я не демократ и не демофил, это на Тверской почему-то нельзя вешать на столбах всяких, хоть и руки чешутся, а здесь еще как можно, нужно и полезно для здорового образа жизни всего общества!

Бобик поднялся, огромный и сонный, подошел, широко зевая, положил морду на колени в безмолвном вопросе: а ты меня любишь?

— Люблю-люблю, — заверил я. — Как тебя не любить, чудище мое нелепое?

Он помахал хвостом, требуя подтверждения. Я почесал ему за ушами, холку, спину, а когда он намеревался брякнуться на спину и подставить подобно огромному кабану пузо, я сказал с укором:

— Что-то наглеешь не по дням, а по часам! Не стыдно?

Он вздохнул и всем своим видом сказал, что вот ничуть не стыдно. Это мне должно быть стыдно, у меня ж обезьяньи руки, мог бы чесать его день и ночь, но увиливую, а это нехорошо, настоящие сюзерены так не поступа-

ют, они заботятся о своих подданных, тем более — о друзьях и соратниках!

Но я держался непреклонно, он еще раз вздохнул и потащился к двери, вид обиженный, мол, пока не позовешь, не подойду, ну позови же, ну позови, почему так долго не зовешь?

— Иди-иди, — сказал я. — Гуляй, а то пролежни будут. Только кухню не разори... Я знаю, где ты гуляешь!

Он виновато прижал уши и поспешно выскользнул за порог. Я закрыл за ним дверь и, сняв с крюка на стене пояс, приготовился привычно застегнуть его вокруг талии. Пальцы в который раз сомкнули и снова разомкнули пояс, пряжка с легким щелчком замкнулась и разомкнулась, послушная и покорная, но я чувствовал, что эта зараза что-то таит от нуба.

Снова защелкнул, блестящие пазы из незнакомого металла входят настолько легко, словно посмеиваются: а нуба догадайся, для чего мы предназначены на самом деле.

В какой-то момент, в сотый раз нажимая на все уголки и выступы барельефа, я ощутил, как нечто подалось под пальцами. Неуловимо быстро массивная пряжка из квадратной стала шестиугольной. Вместо массивной бычьей головы сейчас на барельефе изображены три дивные башни, высокие и тонкие. Между ними отчетливо виден пролетающий дракон. Я напрягся, всматриваясь в летящую рептилию, изображение придвинулось, я рассмотрел горящие злобой глаза, костяные выступы над глазами, расширенные ноздри...

Сердце стучит, я сосредоточился и, ограничив мир крохотным клочком, приблизил изображение драконьей морды. Глаза желтые, зрачок вертикальный, отчетливо вижу мелкие кровяные сосудики глазного яблока...

Я отшатнулся, мысль жутковатая, но объясняющая такое невероятное искусство ювелира: дракон... живой! А если и не живой, то заморожен, скажем так, в живом виде. Дракон, уменьшенный до размеров небольшой стрекозы.

Именно уменьшенный, в действительности таких крохотных пресмыкающихся просто не может быть по законам биологии...

Глава 7

Внезапно я ощутил, что в комнате уже не один. Резко повернулся, хватаясь за рукоять меча. Через плотно запертую дверь вошел и остановился, вопросительно глядя на меня, мужчина среднего роста, подчеркнуто скромно и неприметно одет, с острым, как топор, лицом и очень живыми черными глазами.

Он сдержанно улыбался, глядя на меня, как на старого друга. Я расслабил мышцы, рука сделала широкий жест, указывая в сторону стола.

— Прошу вас, сэр Люцифер.

Он поморщился.

— Я давно отказался от этого имени.

Я удивился:

— А почему? Все-таки напоминание, что вы были первым после Творца. И даже Михаил, ныне всесильный, был ниже. А то уже многие забыли.

Он опустил в кресло по ту сторону стола, лицо потемнело.

— Мне не нужны воспоминания о прошлом блеске. Я предпочитаю работать над будущими победами.

Я указал взглядом на его серый костюм.

— Вы всегда так скромно одеты. Это позиция?

Он поморщился, мне показалось, что вопрос ему неприятен, но ответ прозвучал спокойный и достойный:

— Я не сторонник роскоши и блеска. Все это суета. Детство. Надо блистать тем, что из себя представляешь, а не...

Понятно, подумал я. Ангелы и архангелы все так же блистают в золотом огне, как некогда блистал ты, потому сейчас, чтобы не проигрывать так уж явно, нарочито выгля-

дишь вот так. Мол, это позиция, а не какое-то нищенство. Все правильно, я бы поступил точно так же.

— Вина? — спросил я. — Гулящих девок?

Он сдержанно улыбнулся, показывая, что оценил мой юмор.

— Это удовольствия, — согласился он, — довольно значимые, но... для низшего уровня.

— Все там бываем, — напомнил я.

— Все, — подтвердил он. — Нельзя все время жить высокими радостями государей. Поесть всласть, выпить хорошего вина, потешить плоть — это свойственно и властелинам мира. Но, кроме того, есть и другие радости, не так ли?

— Пока не вижу, — пробормотал я. — Чаю, кофе?.. Извините, марципанами угостить пока не могу...

Я сосредоточился, сотворил две простые глиняные чашки, другие не умею, наполнил их ароматным горячим кофе. Сатана с удовольствием поймал ноздрями и втянул пахучую струю.

— Великолечно... И вы хотите из такого мира вернуться в свой? Там такое вам будет недоступно, не так ли?

Он осторожно отхлебывал кофе, его черные и блестящие, как антрацит, глаза весело поблескивали. Я пожал плечами.

— А зачем мне такие сложности?.. Любой кофе у нас в изобилии. И любые продукты. И вообще всего в изобилии. Напротив, приходится отбиваться! А то со всех сторон стараются что-то впарить.

Он смотрел с интересом, затем улыбка стала шире.

— Тогда, мне кажется, — произнес он с расстановкой, словно предваряя выход на сцену клоуна с коронным номером, — я смогу вас обрадовать.

Я посмотрел с подозрением.

— В самом деле?

Он улыбнулся шире.

— Не смотрите на меня, как на врага. Это выдает в вас человека... низшей формации. Вернее, можно такое пред-

положить, хотя я прекрасно понимаю, что это далеко не так. Однако только дикари видят в каждом встречном врага, а вот культурные люди зрят прежде всего возможного собеседника.

— Да возлюби врага своего, — пробормотал я, — как самого себя... Это не вы сказали, так ведь? Или в бою надо пользоваться любым оружием? Честно говоря, не представляю, что можете такое уж радостное предложить. Разве что кресло гроссграфа?

Он хитро прищурился:

— А оно для вас радостное?

Я помотал головой.

— Догадаться нетрудно.

— Я тоже так подумал, — ответил он уже серьезнее. — Это только со стороны одни преимущества, а когда оказываешься во власти, тут и зришь, что от малых неприятностей пришел к большим. Даже к бедам.

— Согласен, — ответил я чуточку нервно. — К тому же, я не люблю быть... отвечающим. Можно и не отвечать, я могу быть и хамлом, но так еще хуже. Когда-то был лидером клана в одном королевстве, сперва гордился, дурак, из реала деньги вбрасывал, чтобы у всех доспехи, абилки и оружие, но никто и спасибо не сказал, а только дай, дай, дай! И еще подозрение, что я из кланового сундука что-то приворовываю. И постоянные склоки, споры... Но все равно угораздило обзавестись замками, титулами, землями, людьми, о которых теперь обязан заботиться...

Он кивал, слушал, снова кивал, наконец, обворожительная улыбка проступила на его интеллигентном лице.

— Вот и хорошо, — сказал он с облегчением. — Вам в это трудно поверить, но я в самом деле люблю помогать. При более высоких формациях общества, как я уже говорил, больше взаимопомощи, чем в дикарских, где в каждом встречном видят врага.

Я спросил:

— И в чем эта ваша помощь?

Он посмотрел на меня удивленно, засмеялся весело и заразительно:

— Почему с таким недоверием? Мне удалось договориться с... Той Стороной, чтобы выполнить ваше самое сильное желание. Ну, вы понимаете, о чем я.

Сердце мое внезапно резко застучало. К лицу прихлынула горячая кровь, я спросил, чуточку задыхаясь:

— Речь о том, как я попал сюда?

Он кивнул, глаза стали серьезными, он внимательно наблюдал за мной.

— Да.

— И о том...

Горло мое сдавило, я поперхнулся.

Он сказал благожелательно:

— И о том, чтобы вернуть вас в ваш мир.

Я замер, потом спросил медленно, стараясь держать себя в руках:

— Как? Когда?

Он ответил, продолжая наблюдать за мной:

— С Той Стороной, как я уже говорил, достигнута договоренность. Вопреки общему мнению, с ними вообще легко договариваться. Обычно они никогда не возражают, хотя в данном случае были некоторые сложности!.. А перенести вас обратно можно в любой момент. Хоть сейчас.

Сердце мое остановилось, я едва не вскрикнул, что да, переноси поскорее в тот уютный теплый мир, где я ни за что не отвечаю, где так защищено, где все дураки, а я один умный, и даже знаю, как опустить доллар и поднять ВВП...

Он спросил, видя, как я окаменел:

— Так что же?

Я пробормотал:

— Слишком неожиданно...

Он удивился:

— Это понятно, но все-таки?

— Да согласен я, согласен, — вырвалось у меня. — Просто как-то врасплох...

— Раньше вы были готовы без колебаний, — напомнил он, — едва удалось бы.

— И сейчас готов, — признался я, — и тоже без колебаний! Но если исчезну вот так, сразу, в замке начнется... ну, не знаю, паника не паника, но замешательство будет нехилое. А враг силен, может опрокинуть все мое нестройное войско! Я их сюда привел, а тут вдруг брошу? Нет, надо бы сперва подготовить, защитить... Эх, сам не знаю, что бормочу!

Он смотрел с неодобрением.

— То есть вы хотите сперва выиграть какое-то сражение?

Я поднялся, не в силах сидеть и ничего не делать, быстро ходил взад-вперед по комнате, отшвырнул угодливо забежавшее вперед и растопырившееся кресло. Сатана с интересом следил за мной глубоко запавшими умными глазами.

— Да, — ответил я резко, — да! Только еще не знаю, как это сделать! Если вот сейчас исчезну, то получится, что привел их на бойню. Не хвастаясь скажу, что от меня тоже кое-что зависит.

Он поморщился.

— Раньше вам было бы наплевать, что случится с этим... этими. Они же вам не ровня, кого вам здесь жалеть? Даже ровню не очень-то жалеют... Впрочем, дело ваше, хотя такое поведение выглядит странным. Недостаточно, как мне, уж простите, показалось, просчитанным.

Он умолк, взглядом показывая, что смягчил свои слова из деликатности. На самом деле мое решение не просто недостаточно просчитанное, а вообще непросчитанное. Немотивированное. И даже дурацкое. Просчитанность идет от ума, а во мне заговорила вообще какая-то динозавровость.

— Чуть позже, — ответил я просительно. — Хорошо? Чуть-чуть! Я сам не рад, что взял на свои плечи эту обузу, но раз уж взял... или не смог увильнуть, неважно, надо либо дотащить до места, либо переложить на чьи-то плечи, но не сбрасывать кому-то на ноги.

Он поднялся, в глазах чернота, а лицо — сплошная холодная любезность.

— Хорошо. Я появлюсь сразу же, как только... Недели вам хватит?

— Надеюсь!

— Тогда до встречи.

— Спасибо, — сказал я искренне.

Он исчез, а я, замерев как соляной столб, прокручивал в сознании все сказанное и все отвеченное, наконец снова рухнул в кресло. Сердце колотится, в черепе миллионы гудящих, как злые пчелы, мыслей. Я сдавил голову ладонями, так мыслится лучше, не сбегут. В Армландии меня ожидают битвы иного рода, когда не мечами и топорами, а устроенностью против неустроенности, порядком против хаоса после войны и передела власти, распределения полномочий, когда сюзерен не сует нос в мелочи, но зато вассалы отвечают за свое губернаторство...

Но как это сделать быстро, чтобы кому-то передать это вот все и чтобы переданное не рухнуло в кровавом хаосе?

В зале меня встретили дружным хохотом. Я не понял, в чем прикол, наконец, сэр Растер прокричал сквозь смех:

— Сэр Ричард, вы обещали к завтраку, а уже подали обед!

— Но из-за стола не поднимались? — уточнил я.

— А зачем?

— Тогда это завтрак, — возразил я под смешки, — переходящий в обед. Только и всего. Так что я не опоздал.

Альбрехт сказал с улыбкой:

— Нет, сэр Ричард, это правило важно только, если вы пригласили на ужин хорошенькую леди. Тогда очень важно, чтобы ужин плавно перешел в завтрак...

Все заржали, я тоже растягивал рот в улыбке и показывал зубы, мол, весело, как клево, надо чаще встречаться, конечно — за столом, и вообще жизнь хороша.

— Вы правы, — согласился я. — Вообще устроить пир и выстроить боевую линию для рыцарской атаки — задачи сходные. Первый должен быть как можно приятнее в глазах

дорогих друзей, вторая — как можно страшнее в глазах врагов.

Смех умолк, я видел раскрытые рты и вытаращенные глаза, первым хмыкнул и мотнул головой Альбрехт, потом улыбнулся Макс. Митчел довольно грохнул кулаком по столу, а сэр Растер громыхнул, как будто рухнул на пол во всех доспехах:

— Ну, сэр Ричард, вы все мечтаете о крови, боевых подвигах и криках умирающих трупов противника!.. Я счастлив, что встретил вас и первым встал под ваше победное знамя.

Все заорали и поднялись с уже наполненными кубками, в глазах жажда побед и завоеваний. Под моим победным баннером. Знали бы...

Кажется, я влип, всплыла горькая мысль, когда я тяжело поднялся в свои покои. Или, как говорят, попал. И с этим нелепым гроссграфством, и с рыцарями, Барбароссой, и даже с леди Беатрисой. С моей философией современного и продвинутого человека, когда государство мне все должно дать, предоставить и обеспечить, а я никому и ничего не обязан, — дико и нелепо оказаться в мире, где от меня требуется так много.

Я инстинктивно стремился на Юг еще и потому, что это оправдывает мое нежелание заниматься приобретениями: хоть земельными, хоть имущественными — в виде зачарованных мечей, назначение которых нужно сперва разгадать. Я привык если что и получать, то с подробнейшим мануалом и гарантией хотя бы на двенадцать месяцев.

А сейчас на мне столько всего, и я прекрасно понимаю, что если исчезну, тут хрен знает что начнется. Так что надо бы сперва все устроить, всех пристроить, а потом с облегчением прыгнуть в свой благополучный и защищенный мир.

— И побыстрее, — сказал я вслух.

В камине догорают поленья, неслышно вошла уже дру-

гая служанка с вязанкой дров и, осторожно ступая босыми ногами по холодному полу, обошла Бобика, что спит прямо на том месте, где она складывает поленья. Бобик приоткрыл один глаз, недовольно хрюкнул и засопел снова.

Я смотрел, как девушка подкладывает дрова в камин. Эта строит «колодец», только так и отличаю одну от другой, настоящий феодал, рывком поднялся, сердце бьется учащенно, требует немедленно что-то делать.

Служаночка оглянулась, детское округлое личико, невинно распахнутые голубые глаза и приоткрытый в испуге пухлый ротик. В низком вырезе платья, конечно же, блистают нежной кожей сиськи, как же без них, она в мужском мире, а мужчинам надо постоянно показывать то сиськи, то попку, иначе потеряют интерес, а это недопустимое снижение статуса.

— Ваша милость, — пролепетала она.

— Что?

Она почти прошептала:

— Вам... что-то нужно?

— Не с утра, — отрубил я, подумал, что поймет как повеление явиться вечером, отмахнулся. — Иди, твой лорд будет о великом думать.

— Думать?

— Даже мыслить, если получится.

Огонь уже разгорелся, и девчушка поспешно исчезла, но в дверях украдкой оглянулась: смотрит ли лорд, как тонкая ткань ее платья смачно обрисовывает ее сочные ягодички. Я в самом деле смотрел, но не на ягодички, а просто в ту сторону, не видя ни служанки, ни двери, ни стен дворца.

Зато видел хитро улыбающиеся глаза Сатаны.

У открытого окна щеки охватило холодом, снег все-таки выпал, напоминая, что зима. Деревья укрыты как толстым слоем ваты, за близким горизонтом холодно и бледно алеет край неба и часть небосвода. Маленькое озябшее солнце медленно и с трудом проплывает по ту сторону туч, поднимается по обледеневшему небосводу, а когда удастся

проглянуть в щель, золотые лучи сразу же воспаляют снег, блистают мириадами золотых искр.

В чистом морозном воздухе отчетливо различимы домики ближайшей деревушки. В полном безветрии клубы дыма из труб поднимаются прямо к небу, похожие на толстые веревки, на которые навязали множество узлов. Стерильно белые, на фоне ослепительно синего неба выделяются отчетливо, уходят и уходят ввысь, постепенно истончаясь, так что все домики кажутся забавными игрушками, спущенными на веревочках с неба.

Крестьяне уже прорубают на озере полыньи, лед толстый, искрящиеся льдины с трудом выволакивают баграми. На солнце сколы блестят, как драгоценные камни, постоянно меняясь в цвете: синий, зеленый, даже ярко-оранжевый, словно горящее золото. Рыбаки тут же подхватывают и тащат из воды огромных рыб. Дуры стремились к проруби, чтобы посмотреть на небо...

Я закашлялся от резкого морозного воздуха, вот и прелести жизни в этом времени: холод из окон и сухой жар от огромного камина, где постоянно горят целые поленицы березовых чурок.

Внезапно яркая вспышка осветила комнату, выжгла все тени, комната преобразилась в белом плазменном свете, я отчетливо видел даже самые мелкие трещинки в камне и все заусеницы в дереве.

Тертуллиан медленно превращался из плазменного шара в человеческую фигуру. От него пахло мощью звездных энергий, укрошенных и подвластных.

Я с трудом перевел дыхание:

— Ты так меня зайкой сделаешь!

— Тебя? — прогудел могучий голос. — Тем и отличаешься от всех, что не падаешь ниц и не бьешь поклоны! Даже не дрогнул.

— А ты мечтал напугать?

— Зачем? — поинтересовался он. — Было бы нужно...

Ну, что решаешь, доблестный сэр Ричард, надежда угнетенных?

Я фыркнул:

— Это я? Не смейся. Никогда я не брался защищать угнетенных. А встречу Робин Гуда — повешу без всяких судебных разбирательств.

— Ладно, это я сам неудачно восшутил. Я узнал, что у тебя был разговор с Князем Лжи.

Я поморщился:

— Мог бы соврать, что просто пришел меня навестить? А там бы за разговором и выведал бы все! Я такой, сразу проболтаюсь.

— Врать нехорошо, — сообщил он, но, как я заметил, без особой убежденности. — Грех.

— Это не вранье, а комплимент.

— Ты ж мужчина!

— Мужчины легче ловятся на комплименты, — сообщил я, — чем женщины. Да, разговор был. Хочешь сказать, обманывает?

Огненная фигура, медленно ступая, прошла по комнате, словно проверяя работу плазменных суставов. Когда Тертуллиан повернулся ко мне, сердце мое дрогнуло при виде бешеного огня на месте лица.

— Нет, — гулко ответил он. — Не обманывает.

— Точно?

— Да.

— Потому что не один, — уточнил я. — Обе стороны согласились, что меня нужно убрать?

Он покачал головой, по ярко освещенным стенам пробежал ослепляющий свет.

— Не убрать, — уточнил он. — А позволить тебе вернуться.

Я перевел дыхание.

— Вот так и начнешь снова верить в доброту и милосердие... гм... нечеловеческое.

— Ты должен всегда верить, — ответил он наставительно. — Все-таки ты родился христианином.

Я буркнул:

— Христианами становятся, а не рождаются... как сказал один великий философ. Не припомню его имени...

Тертуллиан отмахнулся:

— Да кто его теперь помнит. Так что ты решил?

Я сказал задумчиво:

— И еще он сказал, щас процитирую, у меня теперь с памятью все в порядке: «Душа, сколько я знаю, не христианка: ведь душа обыкновенно становится христианкой, а не рождается ею». Смелая и оригинальная мысль! Довольно еретическая, кстати, зато открывающая перспективы... Гм, так как же его звали?

Он сказал с неудовольствием:

— Да какая тебе разница?

— Да просто интересно. Какая-то смешная фамилия...

Он сказал раздраженно:

— Ничего в ней смешного! И хватит прикидываться, будто не знаешь автора. Я это сказал, я! Ну и что?

— А то, — ответил я с удовлетворением, — что в Армландии людские души далеки от христианства. А это значит, что будут множиться адвокаты, договора, а слово чести исчезнет. Я тоже тут посоветовался с Господом, и мы решили...

Тертуллиан прервал строго:

— С Господом? А ты хоть одну молитву знаешь?

Я ответил ехидно:

— А кто сказал: «Кто есть истинный Бог, Тот все свое одинаково дает как почитателям, так и непочитателям?» Я благодарен Богу за то, что он не создал меня человеком набожным. Потому я смог объяснить ему ясно и просто, без всяких молитв и поклонов, чего хочу. И получил такой же ясный и четкий ответ... в своей душе, конечно, иначе Господь ни с кем не говорит, что я должен делать, что делаю, а

слава меня найдет и даст пряников. А потом догонит и еще даст.

Он слушал, насупившись, не нравится такое фамильярничание с Творцом, но, думаю, Богу с его высоты одинаково смешны и мелки как бравада атеистов, так и церковные песнопения. Сам Тертуллиан атеист и вольнодумец, как и остальные отцы церкви, но к другим атеистам относится с понятным подозрением. Мол, мне можно, я свой, а остальные — кто их знает, морды косоротые.

— И что ты решил?

— Оставлю обширный план, — сказал я, — что и как делать. Рекомендую построить монастырь, при нем открыть школу, университет...

Он слушал, насупившись, а я, увлекшись, разворачивал грандиозную панораму переустройства и технического перевооружения Армландии, экономического взлета, ошеломляющего роста ВВП, почти поголовной грамотности, постройки парового двигателя, что будет и воду качать, и шахтерам помогать, а потом и по железнодорожным рельсам потащит тяжелые составы с природными ископаемыми и доблестными войсками Христа...

Когда я не то чтобы устал или захлебнулся слюной, но умолк на мгновение, он хмыкнул и спросил хмуро:

— Ты в самом деле веришь, что это осуществимо?

— Голову даю на отрез!

— А как отрезать, — возразил он резонно, — если уйдешь в другой мир? Но я спрашивал о другом. Ты уверен, что кто-то, кроме тебя, все это даже поймет, а не то что воплотит?

Я прикусил язык. Сверкающий огонь на какое-то время померк, словно тяжелые мрачные мысли вошли в огненный мир пламенной души. Я перевел дыхание и буркнул расстроенно:

— А как иначе?

Он ответил сухо:

— Ты знаешь как.

— Не пойдет, — отрезал я твердо. — Я хочу в свой мир.

— Знаю, — ответил он. — Господь всем дал свободу воли. И даже таким, как ты. Не понимаю, правда, зачем. Ты же сам не знаешь, чего хочешь.

— Знаю, — возразил я.

— Чего?

— Лежать на диване, — ответил я зло. — Ни хрена не делать. Ни за что не отвечать. С добродетельными женщинами не связываться, а только с теми, что попроще... Правда, они все это учили, так что теперь они все проще некуда. Никаких друзей, а только приятели и собутыльники. Жить легко, никаких обязанностей, а значит — стрессов! Нервные клетки не восстанавливаются. Я и так хорош, принимайте меня таким, какой я есть. У нас даже содомия разрешена... чтоб не конфликтовать и беречь нервы.

На его огненном лице, где нет выразительных черточек, проступило сильнейшее отвращение. На какой-то миг его перекосило так, что я испугался, вдруг взорвется, но, к счастью, у Тертуллиана была бурная молодость и загулы в знаменитых римских оргиях, удержал кипящую плазму под контролем, она медленно и трудно собралась в прежние очертания человеческой фигуры.

— Ричард, — прорычал он, — ты... нет, я не стану тебя удерживать. Ты в самом деле пришел из такого сладко-омерзительного мира, что просто удивительно, как долго сумел продержаться в благородстве и чистоте души! Для тебя это было потруднее, чем аскету простоять тысячу лет на столбе!

— Да уж, — согласился я, — не спорю.

Глава 8

В покоях после его исчезновения стало мрачно, я прошелся вдоль стен и добавил масла в светильники. Слабый оранжевый свет с трудом разгонял тьму и сумрак. Из ниж-

него зала доносится привычный довольный рев двух десятков мужских голосов, на мой этаж поднимаются одуряющие запахи жареного мяса и пахучих листьев, в которых готовят ягнят и целых баранов. Я смутно подивился, как это могут вот так целую зиму. Потом вспомнил, что некоторые ухитряются всю жизнь на диване, не выпуская телевизионного пульта, и все нормально, все по-мужски.

Пока еще продолжался обед, плавно переходящий в ужин, я спустился в зал, пообщался, вскользь обронил, что изволю малость освежиться морозным воздухом, взглянуть на земли в снегу. Может быть, успею погонять какую-нибудь зверюшку. Растер обрадованно заорал, что давно пора, он пойдет со мной. Митчел и другие рыцари поддержали идею довольным ревом. Даже Альбрехт кивнул, что да, охота — хорошее дело, но взгляд темных глаз был вопрошающим.

— Обязательно, — заверил я. — Обязательно поохотимся!.. Заодно проверим, вмерзли в лед болотные чудища или все еще барахтаются?.. Но не в этот раз.

Растер спросил озадаченно:

— Это как?

— В другой раз, — объяснил я. — Сперва съезжу на разведку.

Макс спросил удивленно:

— Зимой?

— Как-то получилось, — объяснил я, — что зимой еще не охотился. Столько дел, столько дел...

В глазах Растера сперва я читал недоумение, как это дожить до таких лет — и без охоты, пусть даже зимой, потом враз на лице отразилось глубокое уважение. Ага, это значит, я так воевал, так воевал и еще раз воевал даже зимой, что было не до охоты.

Барон Альбрехт сказал громко:

— У сэра Ричарда конь пройдет по любому снегу, а мы завяжем. Лучше пусть сэр Ричард сперва осмотрит... охотничьи места, а мы с ним потом на готовенькое!

На него гневно зашикали, как это сюзерен будет, как простой загонщик, искать хорошие места для охоты своей свиты, но Альбрехт невозмутимо молчал, а я вскинул руки.

— Тихо, тихо!.. Барон Альбрехт прав. Мой конь пройдет везде, а для охоты подберу место посвободнее от снега...

Растер пошел за мной в кладовую, где вытарашил глаза, когда я перебирал одежду и большую часть отверг, оделся тепло, но особенно тщательно перетряхнул плащи, отдавая предпочтение самым длинным. Он так и не понял, по какому принципу я выбрал темный плащ из медвежьих шкур: тяжелый, с длинным ворсом, мрачного цвета, настоящая шуба, даже шубища, в котором не то что охотиться, поворачиваться тяжело.

— Сэр Ричард, — сказал он вдогонку, — какого зверя надеетесь отыскать в такое время?

— Крупного, — заверил я.

— Медведи спят, — сообщил он, — это на случай, если вы не знали.

— Правда? — удивился я. — Ну, что-нить найду... может быть.

Он вздохнул:

— Да, найдете. Или вас найдут.

Середина двора от снега очищена до самых каменных плит, зато под стенами целые горы. Впрочем, для Зайчика любой снег не помеха.

Он вышел из конюшни шагом, я послал к воротам рысью, снег вскипает по обе стороны, как белоснежное молоко. Воздух холодный, но ветра нет, небо ясное. Когда замок отдалился, я поплотнее закутался в плащ, нахлобучив капюшон и подобрав ноги.

— Теперь быстро!.. — сказал я почему-то шепотом. — В Фоссано.

Зайчик тут же сделал первый мощный прыжок. Я поспешно припал к его шее и зарылся в гриву. Встречный ревуший ветер дергал и злобно выл над головой всю дорогу. Четверть часа прошли терпимо, затем лютый холод начал

пробиваться и через толстый плащ. Я рискнул чуть приподнять голову и взглянуть на стремительно летящий навстречу мир, но в глаза нещадно блистал ослепляющий на солнце снег.

Ровное снежное поле на месте непроходимых болот, в двух местах ветер сдул снег, обнажив желто-серый лед с вмерзшими в него хрупкими, как тонкие льдинки, стеблями болотных трав. Мне даже почудилось вмерзшее в толщу льда огромное чудовище, но при скорости Зайчика не разглядеть: даже стука копыт не слышно, только нечто вроде шелеста...

Мир пуст, за все время не встретил ни человека, ни зверя: глубокий снег одних запирает в домах, других в норах. Дорога вела через пустынное вечернее поле, впереди тусклый закат, по сторонам низкие голые холмы, снег сдуло в низины. Солнце уже село, закат не столько горит, сколько догорает.

— Ого, — сказал я с тревогой, — Зайчушенька, давай прямо к воротам Вексена!

Он рванулся, я сам едва не пропустил момент, когда на горизонте показались покрытые инеем красные в лучах заката каменные стены. Остановив Зайчика, с трудом пошевелился. Раздался сухой треск, посыпались хрустальные льдинки настывшего слоя льда.

Зайчик отряхивался, как пес, выбравшийся на берег из озера. Ледышки и комья снега разлетелись, как брызги воды, но я пощупал его бок и ощутил горячее от долгого бега тело, похожее на жарко натопленную деревенскую печь.

Городская стена еще краснеет, но уже поднялась над нею молодая луна, бледная и болезненная, словно озябшая, ее безжизненный свет быстро вытесняет последние краски дня.

Я перевел дыхание и сказал с облегчением:

— А теперь галопом... но не слишком, к воротам!

Подо мной дернулось, как ускользящая из-под ног платформа, но я в рыцарском седле как влитой, подпирает

и поясницу. Ворота стремительно приблизились, вблизи Зайчик в самом деле сбавил бег до среднеконского, стражи вытаращили глаза.

— Привет, ребята!.. — сказал я и помахал рукой. — Успел я до большого снега? Бог меня любит...

Перед воротами дворца Барбароссы расхаживают взад-вперед, согреваясь, крупные мужчины, похожие больше на купцов, чем на стражников: теплая одежда на теле, сверху — доспехи, а поверх доспехов еще и плащи, укрывая железо от забивающегося во все щели и сочленения снега.

— Привет, — сказал я им, — ветреная погодка?

На меня смотрели настороженно, острия длинных копий направлены в мою сторону: самое надежное оружие против всадника.

Один после короткого замешательства изумленно вскрикнул:

— Да это сэръ Ричард!

— Молодец, — сказал я поощрительно и метнул ему серебряную монету. — Героев надо знать в лицо!

Он ловко поймал монету, лицо расплылось в улыбке. Из караулки вышел рыцарь, лицо красное от студеного ветра, благородные не прячутся от непогоды, как простой люд, гордость не позволяет, посмотрел на меня остро.

— Сэр Ричард? — спросил он с сомнением.

Я бросил ему поводья в лицо.

— Позаботьтесь о моей лошадке.

Он инстинктивно поймал, я легко спрыгнул, успев заметить, как искривилось его лицо сперва в злости, затем приняло выражение почтения и понимания ситуации. Явился лорд, имеет право даже высокородного рыцаря заставить позаботиться о его боевом коне. Это не крестьянская лошадь, нет ничего постыдного услужить высокочтимому лорду.

Я взбежал по обледенелым ступенькам. Стражи, видевшие инцидент с караульным офицером, почтительно рас-

пахнули передо мной дверь. Я оглянулся, указал на блестящие под луной мраморные ступеньки.

— Если лень сколоть лед, хоть песочком посыпьте!

— Будет сделано, ваша светлость, — ответил один из стражей.

Я бодро взбежал по покрытым льдом ступенькам, двери передо мной угодливо распахнули. В прихожей я с наслаждением сбросил в руки лакеям тяжеленную и покрытую снегом и сосульками шубу. Из дальнего зала доносится музыка, я вытер платком мокрое лицо, старшие слуги, почтительно кланяясь, повели меня в нагретый воздух, в аромат человеческого тепла, женских тел, а сбоку коварно коснулась ноздрей струя запахов жареного мяса, печеной рыбы, горячей каши...

Пока я изгонял холод из тела за столом, отогревая ладони о серебряный кубок с горячим грогом... или чем-то вроде глинтвейна, весть о моем прибытии торопливо катилась по дворцу. В дверях то и дело показывались морды, но исчезали, едва я поднимал на них тяжелый взгляд.

По пищеводу процарапался вниз горячий ком, я удержался, чтобы не закашляться, грозно проревел:

— И долго буду ждать аудиенции?

Один из придворных, что следил за мной, как за опасным животным, сказал торопливо:

— К Его Величеству уже отправились с докладом...

— Вот и хорошо, — сказал я и вылез из-за стола.

Придворный вскрикнул:

— Нужно подождать, что ответят!

— Зачем? — удивился я. — Главное, что сообщат.

В большом зале, где толпятся придворные, сбиваются в кучки и плетут интриги, на меня сразу обратили внимание. В другое время я бы скромненько подождал, но сейчас, когда вот так смотрят, надо держать марку. Я прошел, громко топая, к дверям внутреннего зала, стражи тут же скрестили перед моим лицом богато украшенные копыя.

— Хамите, ребята, — сказал я негромко. — Неужто не велено встречать меня дудением на трубах?

Стражи молчали, только переглянулись чуть, зато тут же подошел осанистый придворный с удивительно толстой мордой, щеками на плечах и целой серией подбородков на груди. Оглядел меня с неудовольствием, я выше почти на голову, осведомился:

— Что угодно, сэр?

— Угодно повидать Его Величество, — ответил я мирно. — Что-то у короля неладно с кадрами. Все время новые... гм, лица. Это я ваше назвал лицом, оцените мою куртуазность!

Он поморщился сильнее:

— Его Величество очень занят.

— Ну и что? — спросил я нагло.

— Это значит, что оне заняты! — повторил он злее.

— Дык я ж пришел!

Он прорычал:

— Я не знаю, почему вас вообще допустили во дворец...

Я сказал строго:

— Прибыл пфальцграф Армландии, сэр. Извольте следить за своей речью с превеликой осторожностью! Я бываю весьма свиреп и необуздан в пфальцграфьем гнев... Сперва вешаю, потом задаю анкетные вопросы.

Он чуть струхнул, отступил на шаг и ответил, бледнея:

— Здесь дворец короля! И каким бы вы ни были пфальцграфом... о чем я слышу впервые...

Я сказал еще строже, уже зловещим голосом:

— А велю-ка я тебя, нелюбезный, вздернуть прямо здесь в зале?.. Для примера другим. Чтoб знали.

Толпа вельмож и придворных вокруг нас собиралась все теснее, глазают жадно. Щекастый злобно зыркал по сторонам, с ним стараются не встречаться взглядами, не простит свидетелям позора, но и не хотят упускать зрелища.

Вдруг раздался почтительный голос:

— Это же сам сэр Ричард!

В толпе началось шевеление, я уловил заинтересованно-испуганные взгляды, что значит, становлюсь известным. Щекастый тут же отступил, на лице сменилась целая гамма чувств, наконец, проговорил сладким, как дешевая патока, голосом:

— Как же, как же, наслышаны... Но что случилось, почему без приглашения... где свита? Достойные сеньоры не передвигаются без соответствующей свиты!

— Много ты знаешь о достойных, — ответил я равнодушно и, помня, что я в грубом и суровом веке, добавил буднично: — Говнюк.

Не обращая внимания на его слабые протесты, я пошел на стражей. Те колебались недолго, отскочили в стороны. Я пнул ногой дверь, в голове мелькнуло опасно-восхищенное: да, я крут, ногой к самому королю, это же надо, так и зарваться недолго.

В небольшом уютном зале хорошая старинная мебель, двое склонились над столом, один пишет, другой негромко диктует. За их спинами дверь с эмблемой золотой короны, что значит покои короля. Оба подняли головы, я узнал сэра Уильяма Маршалла и его помощника.

Маршалл спросил быстро:

— Сэр Ричард? Это вы или ваше привидение?.. Что стряслось?

Я поморщился.

— Почему стряслось?

— Но ваше неожиданное появление...

— Господи, — сказал я с тоской, — ну что тут такого? Неужели я, в самом деле, обязан за собой таскать кучу народу, чтобы все играли мой статус?

Он покачал головой, глаза оставались настороженными. Его помощник просто застыл и смотрел на меня выпученными глазами.

— Никакой обычай не возникает просто так.

— Согласен, — ответил я, — но со мной все в порядке. Или если вот так, то обязательно нужно считать, что я откуда-то бежал?

Он вздохнул.

— Сэр Ричард, вас послали в такое место... гм... что ожидать можно было всего.

Он приблизился, обнял за плечи. Руки его оставались крепкими и тяжелыми, как рыцарские копыя, которые он ломал в турнирных боях двадцать лет кряду.

— В самом деле все хорошо?

— В самом, в самом, — ответил я. — Но появились некоторые возможности, о которых я хотел бы поговорить с Его Величеством.

Он оглянулся на дверь, в глазах появилось сомнение, но перевел взгляд на меня, неожиданно улыбнулся.

— Его Величество сейчас никого не принимает, но... у вас особые отношения, так что рискну.

— Спасибо, сэр Уильям.

— Не за что.

— За понимание.

Он скривил губы:

— Поживите с мое, тоже научитесь понимать не только коней.

Он подошел к двери, постучал, прислушался, снова постучал. Я услышал приглушенный дверью недовольный рев. Уильям оглянулся на меня.

— Его Величество не в духе, — сообщил он бесстрастно.

— Предлагаете зайти в другой раз? — уточнил я с интересом.

Он вздохнул:

— Вам такое предлагать бесполезно. Идите на свой страх и риск.

Я шагнул к двери.

— Спасибо, сэр Уильям. Буду возносить за вас молитвы. Как-нибудь.

— А вы хоть одну знаете?

Я в ответ загадочно улыбнулся. Тяжелая дверь открылась без скрипа, Барбаросса в глубоком кресле, в толстом, как одеяло, халате, до пояса укрыт таким же толстым пледом, в руках солидный фолиант.

Я от двери отвесил изысканный поклон.

— Поздравляю, Ваше Величество!

Он уставился оторопело, словно я выскочил прямо из пола, но природная подозрительность взяла верх, прорычал раздраженно:

— С чем?

— Читаете! — сказал я радостно. — Научились! Наконец-то грамотный король во главе королевства!.. Зрю в будущее, настанут дни просвещения и благодати!..

Он хмуро изучал меня, я чувствовал, как в его никогда не дремлющем мозгу проносятся сотни вариантов, комбинируются, высказывают новые идеи и мысли. Наконец, он прорычал чуть тише:

— И что значит ваше внезапное появление?

Я развел руками.

— Надеюсь, хоть вы не станете инсвинировать, что я едва убежал, спасая шкуру и теряя штаны?

— В этом не стану, — проговорил он медленнее, — но что ваше появление к неприятностям — уверен. Садитесь, сэр Ричард. Вы прямо с дороги, как мне показалось? Вина, девок?..

— Мяса, — ответил я честно. — Жареного. Прямо с огня. Вроде сегодня уже ел, но что-то дрожь меня бьет так, будто и мозг в костях промерз.

— А девок?

— Девок не надо, — ответил я.

— Значит, хорошо погуляли, — резюмировал он.

— Не завидуйте, Ваше Величество. Все суета и тлен.

Его рука дернула толстый шнур, далеко за стеной раздался приглушенный звон. Появился молчаливый человек, Барба-

росса отдал ему короткие распоряжения. Тот исчез, а буквально через пару минут внесли парящее блюдо с жареным гусем. Вбежал повар, держа обеими руками огромную сковороду, на меня пахнуло жаром. Морщась, он переложил на мою тарелку куски шкварчащего мяса, мои ноздри затрепетали.

Барбаросса кивнул.

— Насыщайтесь без стеснения. Считайте, мы в полевом лагере.

— И вы?

— И я.

Я подхватывал на кончик ножа горячее обжигающее мясо, зубы впиваются с жадностью, сладкий сок потек по пальцам, я подхватывал языком от самых локтей. Барбаросса наблюдал из-под приспущенных бровей молча, даже не двигался, чтобы не отвлекать меня от насыщения. Во взгляде я успел заметить что-то вроде сочувствия: понятно, что я не жрамши очень-очень долго, а также я углядел и оттенок зависти: а вот он уже не может нажираться с такой молодой алчностью.

Когда мои челюсти начали двигаться медленнее, а в желудке появилась приятная теплая тяжесть, Барбаросса проронил:

— Дорога прошла благополучно?

— И вы, — спросил я, — интересуетесь, почему без почетного эскорта?

Он хмуро скривил губы.

— С ним вам добираться месяц. Да и то завязли бы в снегах. Что-то экстренное, сэр Ричард? Говорите, я сижу крепко. Если сомлею от ваших слов, то не упаду.

— Ничего экстренного, — заверил я.

Он спросил с еще большим подозрением:

— Может быть, мне вообще лечь?

Я торопливо дожевал последний кус, вытер куском теплого свежего хлеба остаток подливы и отправил в рот.

— Вкусно у вас готовят, Ваше Величество! Чувствуется ваша рука. В смысле, руководящая и направляющая. Хоро-

ший король должен все уметь. У него и лицо, и одежда, и мысли — прекрасны, как у Чехова. Был такой кургузый рыцарь. Вот как вы, Ваше Величество!.. Я прискакал со всей поспешностью, чтобы еще раз сказать вам, что вы были правы, Ваше Величество! Правы абсолютно во всем. А я вот был такой дурак, такой дурак...

Он все больше морщился, прервал раздраженно:

— Когда вот так хвалят, явно чего-то попросят. И чем больше хвалят, тем большую гадость подsunут! Что у вас за пазухой, сэр Ричард?

Я похлопал себя по груди.

— Только крест, Ваше Величество.

— А если копнуть поглубже?

— Бравое сердце, — бодро ответил я, — пылающее любовью к вам, Ваше Величество!

Он помолчал, взгляд стал колючим. Прорычал чуть громче:

— Ты стал часто употреблять «Ваше Величество». Явно не к добру...

Я ощутил мурашки на коже, что-то меня видят насквозь, а я был уверен, что я такой загадочный, непознанный и таинственный, что хоть в маске ходи.

— Но вы ведь Величество? — спросил я. — А я всего лишь пфальцграф.

Он спросил тут же:

— Что, титул маловат?

— Да что мне титулы, — отмахнулся я. — К тому же это не титул, а должность. Причем такая должность, которую никто в Армландии не признал.

Он молчал, смотрел пытливо, стараясь прочесть мои тайные мысли. Лицо его на глазах постарело, во взгляде проступила сильнейшая усталость.

— Так и не признали?

— А вы разве ожидали? — ответил я вопросом на вопрос.

Он развел руками.

— Король тоже человек, сэра Ричард. И тоже иногда бывает слаб и потому надеется на чудо. Вот, мол, придет молодой и сильный рыцарь, отважный и чистый, а с ним сразу все переменится.

— Не переменялось, — ответил я честно. — К вам настроены враждебно. Не как к человеку, а как к некой силе, что грозит уничтожить их независимость. Могу утешить разве тем, что к королю Гиллеберду относятся не лучше. Даже хуже... Правда, лишь потому, что от вас отделены болотами, а от Гиллеберда — крохотной речушкой, ее куры переходят вброд. Гиллеберд опаснее. Это все-таки утешительно, Ваше Величество.

Он побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. Глаза остались настороженными, а посматривает с тем же ожиданием подвоха.

— Да, — проговорил он неохотно, — я понимаю, один человек, как бы ни был успешен в бою, переменить взгляды, вкусы и мнения множества лордов просто не в состоянии. К сожалению, бывают случаи, когда мечи бессильны.

— Почему к сожалению? — спросил я. — К счастью, Ваше Величество.

Он посмотрел строго, но уловил мысль, кивнул.

— Да, — сказал он вынужденно, — иначе весь мир уже завоевала бы какая-нибудь умная и энергичная сволочь. Но умы так легко не завоевать... И каково положение дел в Армландии на сегодня?

Я посмотрел ему в глаза.

— Ваше Величество, с благородным сэром Киллпатриком ничего не случилось?

Он ответил медленно:

— Здравствует. Сейчас он далеко от столицы, но вообще-то я на него опираюсь, как и на сэра Уильяма.

— Тогда не надо делать вид, — сказал я, — что ничего не знаете. Я послал его сообщить, что мне лорды Армландии предложили титул гроссграфа. А вообще-то они готовились

объявить Армландию независимым государством. В этом их усиленно поддерживает Гиллеберд... понятно, рассчитывая резко увеличить свое влияние, а затем присоединить к своему королевству Турнедо. Возможно, даже без вооруженной борьбы.

Он помолчал, затем его рука, действуя словно независимо от остального тела, дернула за шнур. Появился тот же неприметный человек, Барбаросса сказал устало:

— Пригласи ко мне сэра Уильяма и святого отца Феофана.

Глава 9

Слуга внес кувшин с вином и серебряные кубки. Барбаросса мрачно помалкивал, я старался сидеть спокойно и с достойным видом. Кто суетится — тот нервничает, так что надо выказывать уверенность полнейшую, да, полнейшую, тогда мое чувство уверенности в своей правоте передастся, да, передастся. Беда только, что в этом грубом мире я не загрубел, а вроде бы даже, стыдно признаться, заинтеллигентнел, что ли. Тут уж не скажешь, что в лесу что-то крупное сдохло. Тут бери масштабнее: к глобальному потеплению, наверно.

Дверь распахнулась, вошли сэр Уильям и отец Феофан. Сэр Уильям — седой и статный, все еще с печатью лучшего турнирного бойца былых времен, отец Феофан — внимательноглазый, тихий и углубленный в свои нелегкие беседы с Господом.

Барбаросса небрежным взмахом указал на стулья за столом. Маршалл и отец Феофан поприветствовали меня сдержанно, любезно, в присутствии короля радоваться можно только наличию короля, сели напротив, словно у нас на повестке дня трудные переговоры по разоружению. Или статусе непризнанных республик.

Сэр Уильям внимательно посмотрел на Барбароссу, на меня, снова на Барбароссу.

— Снова проблемы с сэром Ричардом? — спросил он любезно. — А ведь у вас был шанс все проблемы решить разом.

Отец Феофан обронил равнодушно:

— Помост с виселицей нетрудно и восстановить.

Лица их оставались серьезными, даже я не мог уловить, стараются развеселить короля или говорят серьезно. Барбаросса сдвинул брови, вид грозный, шутить не намерен, сказал резко:

— Серьезные новости из Армландии.

Сэр Уильям потер ладони:

— Наконец-то!

— Не радуйтесь, — сказал Барбаросса раздраженно. — Сепаратисты приготовились отделиться. А сэр Ричард, похоже, им потакает.

— Ну да, — сказал я обидчиво, — я должен был красиво сложить голову, угождая вашим имперским амбициям, да?.. А как же насчет волеизъявления народа? А если свободолубивый народ не изволит жить под гнетом?

Сэр Уильям быстро взглянул на потемневшее лицо Барбароссы, сказал просительно:

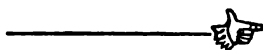
— Сэр Ричард, вы шутите, что значит — не все ужасно, но все-таки держитесь серьезнее. Я догадываюсь, проблем много.

— Больше, чем предполагаете, — согласился я. — Однако все они, как думаю, решаемы. В смысле, девяносто из ста решатся сами, а за оставшиеся десять и браться не стоит.

Барбаросса буркнул:

— Сэр Ричард... расскажите о положении в Армландии. Сэр Уильям и отец Феофан бывали там, представляют, с чем придется столкнуться.

— Надеюсь, — ответил я, — нам не придется сталкиваться с оружием в руках. Хочу предупредить сразу, Армландия переполнена оружием и теми людьми, что умеют его держать в руках. То ли железные руды там на поверхности, то ли кузнецы и оружейники свое дело знают лучше своих

собратьев в других регионах, но народ хорошо вооружен и настроен решительно. Мне предложили титул гроссграфа!

Маршалл и отец Феофан молчали, ошеломленные и не знающие, что сказать. Барбаросса после паузы проронил с подозрением в голосе:

— На каких условиях?

— На условиях отделения от владений Вашего Величества, — ответил я честно, уточнил на всякий случай: — Они имеют в виду королевство Фоссано.

Я нарочито сделал паузу, все трое сразу насторожились, подобрались, словно гончие псы при виде зайца. Барбаросса снова заговорил первым:

— И что вы ответили? Хотя, конечно, представляю...

— Ваше Величество, — спросил я, — а что можно было ответить? Вы представляете верно, ведь вы мудрый король, а не какая-нибудь шелупень! Скажи я, что не согласен, тут же выбрали бы другого гроссграфа! Из своих. И так чудно, что предложили этот титул мне. Правда, объяснение есть, но такое обидное, что даже губами шевелить не хочется.

Сэр Уильям сказал сухо:

— Сэр Ричард, вы не искушены в подобных делах, потому вам оно кажется обидным. На самом деле сплошь и рядом выбирают чужаков. Потому что соседей ненавидят больше. Значит, вы приняли этот титул?

— Я принял предложение, — пояснил я. — Титулом меня только поманили, но еще не дали. Должны утвердить на совете лордов. Может быть, весной... Или летом! Однако сразу хочу сообщить, что я принял предложение только затем, чтобы избежать гражданской войны! И в самой Армландии, и с Фоссано. Я считаю Армландию неотъемлемой частью Фоссано, и намерен проводить именно эту политику.

— Как? — спросил сэр Уильям в упор.

— Торговые связи без всяких таможенных пошлин, — объяснил я. — Общие законы. Правда, визиты королевских судей придется временно отложить, чтобы не раздражать

лордов, но в остальном будем себя держать так, словно ничего не случилось.

Отец Феофан, дотоле молчавший, спросил тихо:

— Сэр Ричард, скажите честно, как перед Богом... а сами вы не подумывали, чтобы встать во главе Армлиндии? Как отдельного государства? То ли крохотного королевства, то ли гроссграфства?

Барбаросса прорычал:

— Да, сейчас он так прямо и признается!

— Не скажет? — спросил отец Феофан.

— Это тот еще лис, — сказал Барбаросса с угрозой.

Я повернулся к нему и взглянул прямо в глаза.

— Ваше Величество, если позволите, я скажу вам прямо в глаза... вот прямо возьму и скажу, как доблестный рыцарь без всякого страха... а там хоть режьте меня!

Он насупился, по-волчьи зыркнул на сэра Уильяма и отца Феофана, но я загнал его в ловушку, и он с превеликой неохотой выдавил из себя, как будто рожал огромную шипастую жабу:

— Сэр Ричард, уж вы меня точно ничем не удивите. От вас я ожидаю всего.

Я поклонился и сказал громко:

— Вот так прямо в глаза вам и выдам всю правду-матку, а там как хотите... Так вот, Ваше Величество, положив руку на сердце, я скажу открыто и честно вам прямо в глаза: вы — великий государь!

Он дернулся, будто я ему тараном в лоб, вельможи застыли. Сэр Уильям и отец Феофан, а также сам Барбаросса, смотрели на меня, как на Вовочку, что явился в класс подстриженным, в чистой рубашке, никого не ударил, не обматерил, а с учительницей еще и поздоровался.

Барбаросса, наконец, с трудом прочистил горло:

— Э-э-э... Что-то я не понял...

— Чего? — спросил я невинно.

— Где это вы меня, сэр Ричард, облили помоями. Вроде бы нет, а чувство какое-то...

— Вы стали подозрительным человеком, — произнес я сокрушенно. — Ничего не поделаешь, издержки профессии. Но я в самом деле отношусь к вам с великим уважением и считаю вас законно избранным королем.

Он спросил с еще большим сомнением:

— Да? Но вот некоторые до сих пор все еще называют меня узурпатором.

Я махнул рукой:

— Это отъявленные монархисты, не принимайте их всерьез. Они помешаны на так называемом законном престолонаследии. Что значит: отец передает корону сыну, тот — внуку, внук — правнуку... и пошло-поехало. Дурь несусветная.

Он всматривался в меня с великим недоверием, все еще выискивая подвох.

— Дурь?

— Несусветная, — подсказал я любезно.

Он пробурчал с подозрением в голосе:

— А что в этом плохого?

— Все, — ответил я уверенно.

— Да? — спросил он с сомнением. — Зато исключается кровавая борьба за престол. Юные принцы с детства учатся управлять государством, получают настоящее образование, общаются с принцами и принцессами других стран, крепят связи династическими браками...

Сэр Уильям и отец Феофан поддержали его слова сдержанным гулом одобрения. На меня смотрели с нескрываемой подозрительностью, как на человека, что сумел лучше всех польстить королю и втереться на первые места, оттеснив их, действительно преданных и знающих свое дело.

— Ваше Величество, — объяснил я, — я демократ. Хотя и лягаю демократов обоими копытами при каждом удобном случае, но я демократ, хотя половину нынешних демократов перестрелял бы немедленно, а вторую половину — перевешал. Если остался бы еще кто, ну там третья половина, у нас такое бывает, тех на кол. И — рукоятью, рукоятью! Но

все-таки я демократ по убеждениям, потому для меня демократические ценности — не пустой звук. Я признаю вас королем, потому что вы единственный, насколько я знаю, из окружающих королей, кто пришел к власти законным демократическим путем.

Барбаросса молчал, вконец обалделый, а сэр Маршалл осторожно напомнил:

— Его Величество тогда еще изволил быть вожаком вольных рыцарей... вторгся в королевство с северо-востока, разбил небольшой отряд сэра Руерга, а затем, пользуясь междоусобной войной, ворвался в столицу и низверг прежнего короля с трона.

Отец Феофан перекрестился и уточнил:

— Низверг с трона, а затем и с балкона. Прямо на камни городской площади.

— Сперва с трона, — поправил сэр Маршалл, — впрочем, можно считать, что это получилось одновременно. И тут же Его Величество ухватил слетевшую с головы короля корону и, даже не обтерев от крови, водрузил на голову.

— На свою собственную голову, — лъстиво добавил отец Феофан. — А потом еще и кивнул ею в знак согласия.

Барбаросса буркнул:

— Кровь врага украшает мужчин.

Он все зыркал на меня с недоумением, а я сказал с твердым, как адамант, достоинством:

— Вот это и есть демократия в чистом виде! Которую я, как истинный демократ, приветствую и признаю. Вам никто не передавал власть всего лишь на том смехотворном основании, что вы родились в королевской семье сыном короля. А если этот сынок дурак? Все равно власть надо передать ему, таковы идиотские законы престолонаследия! Нет, это грубейшее нарушение прав человека, ко всему прочему. Мы все рождаемся равными, потому и на престол у нас должны быть равные права. При таком раскладе получает трон, естественно, лучший. Потому я, как убежденный демократ, полностью признаю вас законным королем на

свободных демократичных выборах, когда шансы на престол были у всех!

Барбаросса не отрывал от меня пронизывающего взгляда. Пожив на свете немало, еще больше повидав, он видел, что я говорю искренне, это озадачивало его больше, чем если бы я сложил свои полномочия и отправился в монастырь.

Сэр Уильям проговорил озадаченно:

— Многое крамольно, однако... сэр Ричард как будто бы прав...

— Как будто бы, — рыкнул Барбаросса.

— С точки зрения церкви, — сказал отец Феофан, — сэр Ричард говорит как правоверный сын церкви и понимающий христианин...

Я раскланялся, как на сцене перед залом, и, заканчивая речь, сказал горячо:

— Потому, Ваше Величество, вы можете быть целиком и полностью уверены в моей полнейшей лояльности. Как рыцарь без страха и упрека я мог бы не подчиняться незаконной или коррупционной власти, но вашу власть короля признаю не только как оверлорд, но и как человек. Повторяю, потому что вы — единственно избранный на престол законным демократическим путем... ну, пока в таком чистом виде! Зато без всякой подтасовки бюллетеней и манипуляции общественным мнением.

Я отвесил средний поклон, исполненный собственного достоинства, на меня устремлены три пары глаз, гордо выпрямился, бросил ладонь на рукоять меча.

Сэр Уильям проговорил задумчиво:

— Вообще-то я знаю сэра Ричарда как человека чести... Не думаю, что жажда власти затмит у него морально-этические ценности.

— Я тоже не стал бы спешить с выводами, — ответил отец Феофан осторожно, — сэр Ричард только что ясно и недвусмысленно подтвердил, что считает вас, Ваше Вели-

чество, вполне законным королем. И доводы его показались мне, хоть и странными, но убедительными.

Барбаросса прорычал, как старый, но все еще могучий лев:

— Все равно я ему не верю. Что-то он держит за пазухой! Я прям вижу, как там шевелится камешек... размером с Хребет!

Я с достоинством поклонился.

— Ваше Величество, у меня за пазухой целый склад камней и скал. Но там нет даже песчинки в ваш королевский огород. У меня нет к вам претензий... как к королю. Я считаю вас легитимным правителем. А это значит, что Армландия — ваша. Однако в целях предотвращения бесполезного кровопролития нужно этот вопрос пока опустить...

Барбаросса вскинулся.

— Как это? — рыкнул он. — Позволить утверждать, что Армландию сумели оторвать от Фоссано?

— Собака лает, — сказал я, — ветер носит. Мы не станем такое подтверждать, это главное. Ваше Величество, уверяю вас, это самый лучший вариант! Лорды тоже не дураки, прекрасно понимают, что вы не в состоянии послать туда войска.

— Почему? — возразил Барбаросса.

— Болота, — напомнил я. — Вы сами их называли непроходимыми. Кроме того, дома и стены помогают. В том смысле, что крестьяне не останутся в стороне. Будут помогать своим сюзеренам, а вашим войскам ставить ловушки. Но даже, если сумеете сломить сопротивление, это потребует таких сил, что обескровит не только Армландию, но и Фоссано! И любой сосед, гораздо более слабый, легко захватит ваше королевство, воспользовавшись случаем... как вы в свое время захватили корону, воспользовавшись слабостью королевской власти.

— И что вы предлагаете?

— Есть другой выход, — сказал я напористо. — Привязать Армландию к Фоссано так, чтобы она не оторвалась.

Чтобы сами лорды и даже простолюдины считали себя частью Фоссано... неотъемлемой частью!

Барбаросса спросил с недоверием:

— Это как?

— Торговлей, — объяснил я. — Обменом товарами. В Фоссано много крупного и мелкого рогатого скота, просто девать некуда, а у нас вы могли бы сбывать дороже. В то же время в Армландии очень хорошо с железными рудами, отчего там развито литье и вообще металлургия, начиная от изготовления оружия, куда ж без него, родимого, а также всего, что можно сделать из металла. У нас даже у простолюдинов миски железные, представляете? И ложки. А у ваших баронов — миски глиняные, ложки деревянные...

Он поморщился, но промолчал. Я видел, как сдвинулись складки на лбу, взгляд стал отстраненным. После недолгого обдумывания проронил:

— В Армландии в самом деле с дорогами сложно... Не зимой же, когда все болота застынут.

— Не надо зимой, — согласился я. — Наполеон первым попробовал, еле копыта унес. Зато купцы в любой сезон дороги протопчут, если запахнет прибылью! Возможно, даже не понадобится спонсировать. Частная инициатива — вещь! Это не какой-нибудь коммунизм: ради высокой прибыли мать родную продадут. Хотите хорошие дороги для вторжения с миротворческой миссией? Все будет! Под предлогом, что помогаете торговому делу, можно кое-где дороги укрепить, расширить, проложить мосты... Из королевского бюджета.

На этот раз он задумался уже всерьез, вижу по лицу, а сэр Уильям сказал негромко:

— Сэр Ричард, я вижу, как вы устали с дороги, не отпирайтесь.

— И не подумаю отпираться, — заверил я.

— Уже ночь, — напомнил он, — утром продолжим. Его Величество изволит хорошенько все обдумать и даже посоветоваться со своими ближайшими советниками.

Я поднялся, учтиво поклонился. Тело, в самом деле, ломит, как после болезни, налилось тяжестью, даже слова даются с трудом.

— С великим сожалением покидаю вас до утра. Всем спокойной ночи!

Барбаросса прорычал:

— Вы прибыли, сэр Ричард, какая теперь спокойная ночь?

Я улыбнулся, помягче, помягче, мол, шутку понял, открыл дверь и вышел. В кабинете, где в прошлый раз трудились сэр Уильям и его помощник, навстречу мне поднялся осанистый придворный.

— Счастлив приветствовать героя, — произнес он сладким голосом и приятно улыбнулся. — Позвольте показать вам покои, достойные отдыха героя!

Я буркнул:

— Героизм — одна из самых недолговечных профессий. Вы желаете моей скорой смерти?

Он испуганно вскрикнул:

— Сэр Ричард, как вы можете?

— Я все могу, — ответил я нагло. — Широкий человек, широкий, как сказал один богоискатель.

Мы прошли через людный зал, мой спутник сразу выпрямился и посматривал горделиво, а морду лица держит таинственно-загадочной. Мол, сэр Ричард поверил ему все свои тайны, но вон он хрен кому что расскажет. Ну, разве что за солидную протекцию...

Глава 10

Меня привели в покой для особо знатных, я зачем-то проверил окна и решетки, странно, словно во дворце не Барбароссы, а тирана, с которым нужно держать ухо востро, вот что значит — вжился, осмотрел камин с горящими дровами, широкое ложе, больше приспособленное для утех, чем для сна одинокого сеньора.

Пальцы мои привычно расстегнули пояс с мечом в ножнах, уже настолько сроднившаяся тяжесть, что не замечаю, взгляд заметался по стене в поисках крюка поближе к изголовью. Можно, конечно, просто прислонить к ложу, но иногда падает с таким грохотом, что сердце подпрыгивает в испуге до самого горла.

Огни светильников затрепетали, будто треснула стена, и в щель ворвался ледяной сквозняк. Я резко обернулся, Сатана уже шагнул в комнату, на лице приятная улыбка, снова в сером костюме, только этот потемнее, изящного покроя, великолепная отделка серебром, скромненько, но с отменным вкусом. Все настолько уместно и здорово и настолько выгодно отличается от нелепых ряс православных попов или демонстративного пренебрежения к внешнему виду католических священников, что сразу понятно, кто выдумал моду и кто ее усиленно развивает.

— Доброго здравия, сэра Ричард!..

— И вам того же, — ответил я автоматически и тут же подумал, что надо бы что-то более нейтральное, типа «привет!» или «хай!», а то я только что пожелал доброго здоровья Сатане, а это как будто некое предательство своего лагеря. — Не спится?

— Я никогда не сплю, — заверил он и добавил многозначительно: — И всегда начеку.

— Вот что значит, — сказал я, — не иметь друзей.

Он удивился:

— Друзей? Вы шутите! Друзья и совесть бывают у человека до тех пор, пока они не нужны. А что, у вас они есть?

— Есть, — ответил я сердито. — Вы соскучились по мне?

— И это тоже, — заверил он. — И еще хотел узнать, что надумали?

Я развел руками.

— Сэр Сатана, вы только вчера огорошили меня известием насчет возможности вернуться. А я такой тугодум, такой тугодум...

Он покачал головой.

— Мне казалось, вы сразу должны были ухватиться за такую возможность. Но раз уж так удивились, я дал вам время прийти в себя. Наверное, я сотворил доброе дело, да?

Глаза его смеялись. Конечно же, мелькнула мысль, это у него такая шутка юмора. На самом деле Сатану не интересует Зло, оно ему давно и хорошо известно, привычно, обыденно. Для него массовые человеческие гекатомбы инка, майя и ацтеков — норма, как и пять тысяч распятых соратников Спартака, геноцид армян турками или газовые печи Бухенвальда. А вот Добро — да, это интересно, этот странный феномен, вроде бы абсолютно нежизнеспособный, в его стройное и геометрически правильное мировоззрение не вписывается.

— Решения, принятые стгоряча, — сказал я нравоучительно, — всегда представляются нам необычайно благородными и героическими, но, как правило, приводят к глупостям...

— Это верно, — согласился он. — Вы абсолютно правы! Нужно всячески избегать как героизма, так и благородства. Вы правы, абсолютно правы! И сказали очень хорошо. Просто я решил почему-то, что, рассуждая логически, вы и поступите логически.

— Хе, — ответил я саркастически. — Я что, не человек? Даже мужчины не всегда обожают логику. Помните, Аристотель, когда открыл логику, на радостях велел зарезать для пира сто баранов...

Он засмеялся:

— С тех пор бараны не любят логику? Ха-ха, интересно!

Я сказал примирительно:

— Нам была дана заповедь: «Люби ближнего, как самого себя», но если правильно понять, то можно прочесть и обратное утверждение: «Ты обязан любить себя должным образом». Вот я и думаю, что же значит любить себя должным образом? Толкований на самом деле очень много... Намного больше, чем кажется на первый взгляд.

Он внимательно слушал, лицо становилось все яснее. Я забеспокоился, где же прокол, в каком месте я начал лить воду на его мельницу. Он увидел в моих глазах вопрос, улыбнулся с так раздражающим меня превосходством.

— Вы даже не предполагаете, — произнес он мягко, — как у вас, людей, много от меня.

Я поинтересовался почти враждебно:

— Что же?

— Меня называют, — напомнил он, — духом сомнения, духом противоречия... Вам это ничего не говорит? Когда человек был создан, он внимал абсолютно всему с широко раскрытым ртом и распахнутыми глазами. Но я сумел внушить ему некоторые базовые сомнения. Еще там, в Эдеме. Это привело к выдворению из рая, зато это свойство сомневаться и противоречить позволило сперва выжить, а затем и начинать создавать свою цивилизацию.

Я возразил:

— Это все приписываете духу противоречия? А мне кажется, все отрицать — полная анархия! И снова в пещеры...

— Пещеры тоже можно отрицать, — возразил он мягко. — Чем выше человек... я имею в виду весь человек, то есть человечество, так вот чем выше человечество вскарабкивается по социальной лестнице, тем сильнее в нем дух противоречия и подозрительности.

Я смолчал, лихорадочно вспоминая, что вроде бы в самом деле, как говорила моя бабушка, раньше люди верили друг другу на слово, а теперь, мол, все договора, договора... Только в моем «срединном королевстве» за последние десять лет количество адвокатов выросло в десятки раз. А раньше, мол, достаточно было честного слова.

— И что, — спросил я тупенько, — это хорошо?

— Замечательно! — воскликнул он. — Когда никому не веришь — это же великолепно!

— Чем?

Он объяснил с улыбкой:

— Никакая сволочь не может обмануть!

— Но зато сама жизнь станет черной, — возразил я. — Никому не верить, в каждом подозревать обманщика, а то и врага — разве это жизнь? С колыбели надо начинать лечиться от стресса...

Он спросил с интересом:

— А что это?

— То, чего не было в мире, — пояснил я, — когда в ходу было слово чести. Даже среди простолюдинов. А когда пошли адвокаты... появились и стрессы. И где больше адвокатов — там больше стрессов. У нас самая развитая страна за океаном, так вот там стрессы у каждого. И адвокатов столько, сколько во всем остальном мире.

Он подумал, посмотрел на меня с большим уважением.

— Вы еще не были на Юге, а уже понимаете его основы... И хотя вам это не нравится, но все-таки, все-таки: принимать с большим недоверием все, что видите, слышите и что вам внушают — залог целостности вашей личности. Если хотите жить без забот — никогда не спорьте, принимайте на веру, что говорят старшие. Неважно, кто именно эти старшие: враги, нейтралы или даже друзья.

— А почему от друзей?

Он хитро прищурился:

— Надо ли объяснять?

— А все-таки?

Он указал на окно:

— Взгляните во двор. Почти всем доверите напоить своего коня, некоторым можете позволить наточить ваш меч, но есть там те, кого послушаете безоговорочно, что одеть, что пить, с кем общаться, кого взять в жены, кого любить, а кого ненавидеть?.. Друзья опаснее врагов! Врагов воспринимашь настороженно сразу, а друзья могут вполне искренне завести вас на ложную тропку. Потому друзей надо остерегаться больше, чем врагов. И каждое слово от друга проверять... гм, с большим подозрением, чем от врага.

Я молчал, рассуждения абсолютно логичны, но какая-то нечеловеческая логика. Слишком правильная, словно ма-

шинная или вещает насекомое, чей интеллект превосходит человеческий в десятки раз, но... только интеллект.

— Человек, — проговорил я, — не только интеллект.

— Ну да, — сказал он саркастически, — как я мог забыть про душу!

— А зря, — отпарировал я. — Вообще-то считается, что весь хваленый интеллект всего лишь слуга на побегушках у души! Правда, у той, что ниже пояса.

Он запнулся на миг, глаза блеснули остро, как лезвия кинжалов.

— Мне нравятся рассуждения о душе, — проговорил он медленно, я видел в его лице скрытое торжество, — любые, даже самые высокопарные.

— Почему?

Он усмехнулся.

— Любая душа — узница. А вот грубая плоть бежит совершенно свободно. Так кто из нас сильнее?

Он поклонился и так в поклоне исчез. Я задумался, зачем приходил: то ли ждал, что уже готов прямо сейчас, то ли ему интересно, что я попытаюсь сделать перед возвращением.

Рассвет пришел не только поздно, но и страшно медленно, словно не решался выйти на мороз, пройтись по хрустящему снегу. Я замерз, несмотря на огонь в камине, то ли ложе далеко от огня, то ли дров подбросили мало. Или же нужно ложиться в свитере, а не голым, как я привык издавна. Правда, для сугрева можно брать одну из служанок, а то и не одну, но что-то в этом от насилия. Сами служанки так не думают, это право сеньора брать любую из них на ложе, они к этому относятся не только философски, но и с юмором, сами напрашиваются, однако во мне что-то протестует... Не виргинность моя, конечно, а то, что смахивает на принуждение, такое меня оскорбляет: мол, как будто я не лучшая в мире цаца, к которой жен-

щины и так охотно лезут в постель, не спрашивая о моей зарплате.

Вообще привык к более свободным отношениям, когда ни я не должен, ни женщина ничем не обязана.

С утра странный сизый туман, словно летом над болотом, но когда я подошел к окну, сразу закашлялся от морозного воздуха. Горло обожгло, как спиртом, крепостные стены внутреннего двора в снегу, столбы коновязи в инее, а земля скрыта под слоем пушистого, белого и нежного, как лебяжий пух, снега, что выпал ночью.

Вчера за весь день солнце так и не проглянуло сквозь плотный слой туч, даже не туч, а многослойного толстого одеяла, накрывшего мир от горизонта и до горизонта. Сегодня намечается нечто похожее на надежду: на западе проступает сквозь облачный слой мутно-багровое, сейчас там еще догорает заря, похожая на брошенный костер, а потом, возможно, солнце все-таки разгонит муть.

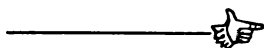
Я послал слугу с напоминанием, что хотел бы до наступления ночи закончить все дела и вернуться к себе. На меня посмотрели с кривыми улыбками: раз лорд шутит, и пусть так глупо, надо улыбаться. Ближе к обеду явился придворный, учтиво кланялся и многословно рассказывал, что Его Величество в своих бдениях не забывает о своих подданных и в своей милости вот вспомнил обо мне и сейчас изволил пригласить к себе в покои...

С трудом удержался, чтобы не напомнить, что я не подданный Барбароссы, потом подумал, а что это, всем доказываю, словно сам не уверен, комплексы какие-то, я же орел, а орлы мышей не бьют.

— Веди, — велел я. — Хотя вообще-то дорогу я и сам знаю.

— Нет-нет, — воскликнул он поспешно. — Это моя почетная обязанность, я никому ее не уступлю.

— Это чего? — спросил я с подозрением. — Проследишь, чтоб я по дороге столовое серебро не спер?

— Сэр Ричард, как можно! — вскрикнул он шокированно. — Неужели вы станете воровать такую мелочь?

— Не стану, — заверил я. — Мелочь — не стану.

И все-таки всю дорогу он посматривал недоверчиво и следил за моими руками, особенно когда я проходил мимо крупной дорогой мебели.

Я прикидывал, что сэр Уильям после моего ухода сразу же принялся с энтузиазмом разрабатывать проекты масштабных торговых договоров от имени короля Фоссано с гроссграфом Армландии, это в его характере. Сам Барбаросса тоже мог бы внести пару толковых дополнений, только отец Феофан все еще сомневается в моих добрососедских намерениях и полной лояльности к королю Барбароссе.

Конечно, Барбаросса тоже вряд ли поверил целиком и полностью, положение обязывает никому не верить, на то и король, но я пока еще не подводил, и сейчас вроде бы все экономические предпосылки к тому, что Армландия и без войны будет привязана к Фоссано крепче, чем расположенными там королевскими войсками.

Провожатый оставил меня у дверей королевских покоев, на лице безграничное почтение, я кивнул и перешагнул порог.

В королевском логове помимо короля — сэр Уильям, отец Феофан и некий молчаливый сеньор, немолодой, сумрачный и посматривающий исподлобья. По тому, как все выглядят и держатся, я ощутил, что собрались задолго до моего прихода, успели поспорить и поругаться насчет статей договора. Я приветствовал всех с тем воодушевлением, которого не жалко, все равно сейчас уеду. Мне ответили хмурыми взглядами и сдержанными поклонами.

Барбаросса смотрит зверем, но это его обычный вид, король должен быть недоверчив, особенно — узурпатор. Я сказал громко и радостно:

— Я рад, что договор осталось только подписать! Все-таки глобализация неизбежна, сепаратизм не имеет будущего.

Сэр Уильям спросил с недоумением:

— Не имеет? Но королевства дробятся и дробятся...

Отец Феофан добавил со вздохом:

— Что королевства... Империи распадаются на такие мелкие уделы, что и подумать страшно.

— Трудности роста, — заверил я. — Интеграция неизбежна. Мы начнем ее с заключения взаимовыгодных договоров и долгосрочных торговых связей. Нужно скрепить страны взаимной торговлей и обменом ресурсами так, чтобы любая война была весьма разорительной для обеих сторон. И тогда любой лорд трижды подумает, прежде чем... ну, вы понимаете.

Сэр Уильям кивал, однако отец Феофан сказал настороженно:

— Сэр Ричард, что-то вы не то говорите.

Я посмотрел на его строгое лицо, отец Феофан поднял руку к горлу и крепко сжал в ладони крестик. Барбаросса тяжело вздохнул. Я сказал торопливо:

— Совершенно верно, отец Феофан, вы ухватили самую суть! Нет на свете таких мирских ценностей, ради которых нужно отказаться от даже самого малого бриллиантика духовности. А за духовность нужно сражаться до последней капли крови, не говоря уже о презренных материальных ценностях... Если потерять духовность, то зачем все мирские блага? У человека нет ничего, кроме души!.. Лучше сжечь всю страну, испепелить города и села, перебить в сражениях или уморить от голода все население, но зато спасти их души!

Отец Феофан перевел дыхание и кивал с полным одобрением.

— Как вы правы, сэр Ричард!

Я поклонился.

— Я ж истинный сын церкви, отец Феофан.

— Да, я вижу ваше рвение, сын мой. Но все-таки... мне больно такое говорить, но слегка умерьте свой пыл.

Я удивился:

— Почему?

Он горестно вздохнул.

— Это мы с вами знаем, что у человека нет ничего, кроме души. Но простые люди этого не знают, цепляются за мирские блага, за плотские утехы... Если слишком резко сказать им всю правду, не поверят. И еще нельзя их силой тащить в царство небесное...

— А как насчет, — уточнил я деловито, — строительства царства небесного на земле?

Он вздохнул еще печальнее.

— Только очень медленно и очень осторожно, сын мой. Не забывай, Господь создал людей из глины, а от себя вдохнул только искорку! Ма-а-алую, совсем малую. Раздувать надо медленно и бережно. И царство Божье можно начинать строить только с теми, у кого искорка возгорится в пламенный огонь... в смысле, в жаркое пламя.

Я вздохнул, развел руками, но прикусил язык. Хотел со-строить еще, всегда можно найти, над чем приколоться, но стало стыдно. Я хоть и самый умный и вообще крут, но отец Феофан говорит серьезные и правильные вещи, а я, малолетний идиотик, что никак не вырастет, — ерничаю по своему обыкновению. Тот, кто прикалывается, как бы всегда умнее того, над кем ехидничают. Ну, типа студент умнее профессора! Ага, как же, умнее.

Глава 11

В зал вошли один за другим пышно одетые слуги, у всех в руках тяжело груженные едой подносы, молча и без лишних движений вышколенно расставили по столу жареных гусей, рябчиков, поджаренное баранье мясо с торчащими ребрышками, тут же исчезли, словно испарились.

Мы с сэром Уильямом терпеливо дождались, пока король обратит внимание на еду, тут же отдали ей должное, с урчанием разрывая прожаренные тушки пополам и отправ-

ля горячее и сочное мясо в желудки. Прожевав, я охнул и сказал торопливо:

— Да, кстати, Ваше Величество...

— Ну, — прорычал Барбаросса настороженно.

— Только сейчас вспомнил!

— Ну-ну, — буркнул Барбаросса. Он опустил на тарелку полуобглоданную тушку голубя. — Это и есть та гадость, которую ты берег напоследок?

— И которую не решился сказать сразу, — добавил отец Феофан елейным голосом.

Я вскричал обиженно:

— Ваше Величество? Как вы можете!

— Король все может, — лицемерно посочувствовал мне сэр Уильям. — Так что не забывайте, сэр Ричард.

— Говори, — посоветовал Барбаросса мрачно. — Говори. Чую, это то, ради чего ты ехал. Я угадал?

Я сказал с достоинством:

— Ваше Величество, обижаете! Ничего такого у меня в голове нет. И за пазухой. Просто я вспомнил, что сейчас чисто по техническим причинам я не могу исполнять функции пфальцграфа. Я мог бы, конечно, смолчать, зачем вам слушать неприятные вещи, короли этого не любят... все предпочитаем приятное, но лорды Армландии весьма ревностно пекутся о своей независимости. И не позволят королевскому судье распоряжаться в их владениях, как будто дело происходит в Вексене.

Барбаросса зарычал, кулаки сжались. Сэр Уильям сказал поспешно:

— Сэр Ричард, Его Величество понимает ситуацию. Ведь понимаете же, Ваше Величество?

Барбаросса рыкнул:

— Я вижу, этот прохвост все же подумывает об отделении Армландии?

— Абсолютно нет, — заверил я. — Ваше Величество, посмотрите в мои бесстыжие глаза. Вы увидите, там нет ничего, кроме бесконечной преданности вам... И вообще, Ваше

Величество, не надо делать удивленный вид руками, что вы в благородной раздумчивости о державе забыли... или что я забыл о Киллпатрике, которого я вам сразу же послал с подробнейшим посланием, что у нас, как, кому и в какое место. Кстати, где он? Или вы удавили верного рыцаря для сохранения государственной тайны?

Сэр Уильям хмыкнул, отец Феофан отвел взгляд. У меня закралось нехорошее предчувствие, что угадал, но Барбаросса раздраженно отмахнулся.

— Я же сказал, сэр Киллпатрик сейчас во главе большого гарнизона обустривает земли в одном пограничном городе. Или вы проверяете мою память?

— Да вроде бы в прошлый раз сказали нечто другое, — нагло заметил я. — Впрочем, королю все можно. Кроме женьшеньбы по любви.

Он буркнул:

— Там тоже было некоторое... некоторые попытки отделаться. Потому я и послал Киллпатрика, как надежного человека, уладить такие мелочи.

— Даже порекомендовали ему, — вставил сэр Уильям, — не слишком много жечь и вешать. Во имя этого... как его... совсем забыл... ага, милосердия!

Я вздохнул с облегчением, сэр Уильям проговорил задумчиво:

— При нынешней ситуации, все верно, пфальцграфство не совсем... гм... уместно. Это не поможет, а только затруднит сэру Ричарду работу...

— Если он, — ввернул отец Феофан, — на стороне Его Величества.

— Да, конечно, — согласился сэр Уильям.

— Я на стороне единства земель, — возразил я. — Можете толковать сие, что я на вашей. Но, скажем честно, Ваше Величество, если бы даже королем был кто-то другой, даже неприятный мне, я все равно против раздробленности. Это всегда бедность, ограниченность в ресурсах, высокие налоги...

Барбаросса зло зыркнул, но, как ни странно, успокоился. Хотя почему странно, я как раз и рассчитываю на его мудрость. Симпатии меняются чаще, чем убеждения.

Сэр Уильям сказал нерешительно:

— Ваше Величество, если дозволено будет мне сказать...

Барбаросса огрызнулся:

— А когда это тебе было не дозволено?

— Да так, — ответил Уильям, слегка ухмыльнувшись, — это я от сэра Ричарда заразился предельной вежливостью. Куртуазностью даже... Как хорошо было в наши старые добрые времена: сразу в рыло бронированной десницей и — за меч! А теперь пошли эти дурацкие расшаркивания.

— То ли еще будет, — заверил я.

— Что, — спросил недоверчиво Маршалл, — будет еще хуже?

— Вообще жуть будет, — ответил я. — Вы еще не представляете, что такое политкорректность...

Он перекрестился.

— То-то говорят, конец мира близок.

— Да, — согласился я, — политкорректность — это конец. Сэр Уильям, телитесь своей идеей, а то Его Величество уже глазами сверкает. Щас нас обоих на клочки по заколючкам. Вас за дело, понятно, а меня за что?

— Да, — согласился сэр Уильям, — вы ж у нас белый голубь, виноватым ну прям никогда... А предложить я хотел Его Величеству удостоить вас высоким званием коннетабля.

Барбаросса посмотрел с удивлением, хмыкнул, но задумался. Я торопливо рылся в памяти, стараясь вспомнить, что это такое, с чем едят и чем коннетабль занимается. Получалось что-то вроде министра обороны. Это значит, король по-прежнему пытается удержать меня на привязи. Однако эта должность, в отличие от пфальцграфства, распространяет мои права и на Фоссано. Мне, конечно, и коннетабльство по фигу, я ж понимаю, что должность реальна только при больном или не покидающем замок короле. Барбаросса сам предпочитает водить войска в бой и соб-

ственноручно наметать план сражения, так что в реальности это он — коннетабль, но, с другой стороны, моим лордам я буду больше приемлем в роли коннетабля Фоссано и Армландии, чем только королевского пфальцграфа Армландии.

Пока эти мысли суматошно проносились в моей голове, король тоже раздумывал, наконец, крикнул досадливо:

— Сэр Уильям... а тебе не кажется, что этот молодчик слишком быстро растет?

— Ваше Величество, — ответил Маршалл с легким поклоном, — лучше пусть растет в нашем лагере, чем у противника.

Барбаросса вздохнул, лицо помрачнело, словно туча, что несколько недель собирала в себе снег и тащила, чернея от натуги, через все королевство.

— Беда в том, — проговорил он устало, — что этот молодчик никогда не приносил мне клятву верности.

Маршалл посмотрел на меня. Я покачал головой.

— Нет, сэр Уильям.

— Разве Его Величество не достойный король? — спросил он.

— Достойный, — согласился я и окинул взглядом Барбароссу. Он зло кривился. Разглядываем, будто козу на базаре. — Просто замечательный... Но, сэр Уильям, в данном случае гораздо важнее, что я присягнул еще более важному, чем отдельный человек!

Оба насторожились.

— Чему? — спросил Маршалл после паузы.

— Легитимности, — пояснил я. — Демократической передаче власти! Честным и прозрачным выборам. Как в человеке я могу в короле Барбароссе усомниться, могу перестать доверять, могу счесть его мерзавцем, однако же он остается человеком, заполучившем трон, как я уже говорил вчера, на честной демократической основе! Потому я всегда буду считать его законным правителем Фоссано и ее неотъемлемой губернии — Армландии. А это, сэр Уильям, на-

много важнее, чем если бы я принес присягу именно королю Барбароссе. Присягу в личной преданности.

Маршалл пожал плечами.

— Что-то я смутно улавливаю, но я, как в старину, предпочел бы проверенные методы... Клятву верности своему королю!

— Красиво, — согласился я. — Но уж слишком похоже на клятву верности вожаку бандитской шайки. А Его Величество уже не совсем бандит. Скажу больше: совсем не бандит, а Его легитимное Величество! Это все-таки повыше и уже почище. Сидение на троне очищает! И чем дольше сидишь, тем легитимнее и легитимнее.

Барбаросса поморщился.

— Что-то вы в такие дебри зашли, я перестал понимать, где вы меня лицом об стену... Сэр Уильям, готовь королевское распоряжение о назначении сэра Ричарда коннетаблем. И чтоб его сразу же огласили на городской площади. Чтоб сэр Ричард выехал отсюда уже коннетаблем всего Фоссано, а не какой-то Армландии.

Я прервал:

— Которая является законной и неотъемлемой частью Фоссано! Я стою на этом, Ваше Величество. Это мои гражданские убеждения, а это выше, чем личная привязанность. Я ж говорю еще раз, чтоб вам понятнее за государственными интересами: симпатии к отдельному человеку легче сменить, чем к общественному строю!

На меня смотрели с отвращением, только отец Феофан перекрестился и произнес растроганно:

— Ты прав, сын мой. Что человек? Душа, обремененная трупом. А идея всегда живет дольше...

— Ваше Величество, — сказал я, — с вашего позволения отбываю. За месяц, думаю, доберусь до своих пенальтей... или пенатов, уж и не помню точно, как говорил мой наставник. А там до весны буду плести паучьи сети интриг и торговых договоров.

Они тепло прощались со мной, я улыбался и кивал, а в

черепе крутилось: какое до весны, срок у меня неделя, и уже пару дней истратил. Надо спешить...

Сатана не понимает, зачем мне отсрочка, когда можно всё просто сбросить, как стрекоза сбрасывает пересохшую шкуру личинки.

Да я и сам, честно говоря, не понимаю.

Ветер, наигравшись за ночь, создал из снега настоящие шедевры: исполинские раковины с нависающими кромками, странные сугробы, что с одной стороны взбираются на столб для коновязи чуть ли не до макушки, а с другой — голая земля, выметенная так чисто, словно камни скребли щеткой.

Челядины спешно работают лопатами и скребками, но в первую очередь прорыли дороги к тем местам, куда ходят чаще всего, так что к конюшне никто не чистил, туда просто наскоро протоптали, явно конюх с работниками.

Зайчик выметнулся веселый и бодрый, снег всколыхнулся белыми волнами, словно в озеро с молоком обрушился гигантский метеорит. Я устрасился, что бросится мне на грудь, научившись у Бобики, но Зайчик вспомнил вовремя, что он — черный единорог, хоть и без рога, а еще арбогаст и, может быть, еще что-то большое и грозное, чему неприлично быть похожим на простого пса. Даже — на непростого.

— И я тебя люблю, — ответил я ему, как отвечал Бобику. — Правда-правда...

Зайчик тоже требовал свою порцию ласки, я его трепал по холке, целовал в умную аристократичную морду, гладил по шее и говорил, что он просто супер, самый замечательный на свете, вообще золотце.

Сэр Уильям вышел проводить, в огромной шубе, полы метут снег, он выглядел уютным и домашним, совсем не тем крутым турнирным бойцом, что сколотил состояние на победах.

— Не опасно, — поинтересовался он, — передвигаться зимой? Скажу по правде, многое я повидал, но зимой сидел дома. Как и все.

— Только потому, — сказал я, — что зимой нет даже плохих дорог. Это я ставлю в числе первых задач! Дороги, дороги... Дороги долговечнее пирамид, сэр Уильям. Тем более — замков.

Он подумал, кивнул.

— Непривычный взгляд. Но какие сейчас дороги?.. Ваши рыцари отвернутся от вас. Любой военачальник зависит от войска больше, чем оно от него.

— Победоносное войско редко бунтует, — сказал я. — Можно представить себе, что река потечет вверх — но не поперек. Пока все удастся, мои рыцари одобряют любые чудачества! Тем более что по этим дорогам их управляющие повезут шерсть на продажу в соседние земли, железо в брусках...

Он посмотрел внимательно, в глазах мелькнул хитрый огонек.

— Где нет общности интересов, — проговорил он задумчиво, — там не может быть единства целей, не говоря уже о единстве действий. А общность интересов сплачивает больше, чем самые жаркие клятвы верности. Странно, откуда вы это знаете? Я только-только начал это понимать, но я долго жил и много видел.

— А я старые книги читал, — ответил я многозначительно.

— И что там?

— Ну, например, сказано, что редко можно разглядеть трещину в колоколе. Узнается она лишь по звуку. Вы увидите, что Армландия станет с Фоссано одним целым!

Я вспрыгнул в седло, а пока разбирал поводья, сэр Уильям перекрестил меня, я услышал его густой сильный голос:

— Жизнь, сэр Ричард, имеет смысл лишь как задача или долг. Вы избрали путь мужины. Легкой вам дороги!

— Спасибо, сэр Уильям!

Глава 12

Обратный путь показался короче и легче. Приспособившись, я укрыл харю капюшоном, чтобы только узкая щель для глаз, нос и ниже прикрыто, толстой меховой шкурой, встречный ветер разбивается о Зайчика, мне терпеть можно, и я теперь замечал, где мчимся, как мчимся и где, в принципе, хорошо бы провести дорогу. А через болота — на эстакадах, конечно, платную, гм...

Далеко впереди над ровной ледяной гладью возник лиловый шар и стремительно рванулся в небо. Спустя мгновение донесся грохот разламываемого льда. Под ногами дрогнула земля, Зайчик сбавил бег, но все равно двигался слишком быстро, и я едва успел отвернуть его в сторону от клочущего провала.

Темная вода кипит, по бурунам скачут злые искры, воздух переполнен электричеством. В небе темная дыра, холодно блещут звезды. Я с трепетом смотрел, задрав голову, а дыра неспешно сошлась, словно диафрагма старинного фотоаппарата, остался только быстро рассеивающийся лиловый след кипящей воды, поглощаемой небом.

— Поехали, — сказал я дрожащим голосом.

Некстати вспомнилось, что дьявол вообще-то остается с богом в особых отношениях: свободно восходит на небо и клеветает, как говорит церковь, на человека, своего основного противника, из-за которого и загремел вверх тормашками из правительства.

Но, надеюсь, такое исключение относится только лично к дьяволу, а не всяким там его заместителям, помощникам и тем более простым болотным духам. Будем считать, что это просто очередной пузырек болотного газа. Просто очень большой. И газ очень даже болотный. Даже зимой сработал.

Зайчик уносил быстрыми скачками, я иногда поднимал голову и всматривался в окрестности, прикрывая глаза от режущего ветра. Надо бы что-то вроде стеклянного щитка

для морды, чтобы и от ветра защищал и чтоб можно было видеть...

Впереди ровное пространство необъятного болота, копыта звонко стучали по льду, потом звон перешел в шелест, Зайчик буквально летит над поверхностью, словно крылатая ракета, я вжался в гриву, борясь со встречным ревущим ураганом.

Краем глаза уловил движение слева, ахнул, и порыв ветра едва не вырвал меня из седла. Зайчик понимающе начал сбрасывать скорость.

На таком же великолепном черном коне, блестящем, словно из эпоксидной смолы, скачет всадник в легких парадных латах. Конь его идет с такой же легкостью, как и Зайчик, но всадник не прячется от ветра, лицо открыто, глаза не жмурятся.

— На вас, — спросил я, — физические законы не действуют, сэр Сатана?

Он помахал рукой, на лице появилась вежливая улыбка. Наши кони пошли рядом, Зайчик ревниво посматривал на сатанинского коня, в самом ли деле тот выше и крупнее, нельзя ли как-то притереть к дереву по дороге и проверить...

— Вы совершаете рискованные путешествия, — ответил Сатана неодобрительно. — Зима... но не все монстры спят! Есть свои, зимние. Их мало, но они очень опасны.

— Зато вы очень любезны, — сказал я. — Явились, чтобы предупредить!

Он усмехнулся:

— Прекрасно понимаете, я не для этого явился. Какие планы, сэр Ричард?

— Готовлю почву.

— Какую?

— Чтобы все шло без меня.

Он покрутил головой.

— А вам не все равно, что будет без вас?

Я добросовестно прогнал перед внутренним взором лица Растера, Митчела, Альбрехта, Макса, леди Беатрисы...

— Нет, — ответил я со вздохом.

Он вздохнул.

— Впрочем, мы об этом уже говорили. Странно, с чего бы вы вздумали считать себя обязанным этим людям. Ни-кому вы ничего не обязаны!

— Я знаю, — ответил я. — Знаю! А все равно чувство такое...

Он передразнил дружески:

— Чувство! Вы же умный человек... Как вы можете жить примитивными чувствами?

— Да я ими вроде бы и не живу, — огрызнулся я. — Это так, иногда просыпается что-то древнее.

— И вы не давите? — спросил он с интересом.

— Давлю!

— И как?

— Вы же видите, как...

Он засмеялся, но не обидно, а все так же по-дружески, как будто сам такой, тоже иногда ничего не может с собой поделатъ, но все-таки с собой борется, вот и мне намекает, что надо бы пожестче брать за горло собственную песню.

Я поглядывал на него искоса, неожиданно спросил:

— Признайтесь, вы с такой настойчивостью стараетесь меня убрать, что начинаю думать... гм... у вас здесь какие-то особые интересы?

Он ухмыльнулся.

— Вы очень точно улавливаете оттенки. Чем я себя выдал: интонацией? Тембром? Сменил позу?.. Я знаю, язык движений может выдать хозяина, хотя тот будет врать очень искусно. Ладно, я в самом деле имею виды на эту богатейшую провинцию.

— В чем же?

— Здесь сложилась уникальная ситуация. Край несметно богат рудами, но в то же время здесь очень развито скотоводство, склоны холмов заняты уникальными виноград-

никами, а еще здесь сложился слой богатых крестьян и горожан, могут представлять силу... ну, вы этого еще не представляете...

— Представляю, — ответил я неохотно, — даже знаю, что эти ваши зажиточные горожане и похоронят рыцарство. Но чем я мешаю? Если все делаю, как вы говорите, точно по вашим планам?

Он засмеялся, закидывая голову и показывая ровные красивые зубы.

— Все так, но вы следуете моему плану, так сказать, стратегически, а вот по мелочам допускаете небольшие... совсем крохотные!.. шажки в сторону. И хотя придете, куда и должны прийти, но все же я хочу эту провинцию немедленно, прямо сейчас! А вы со своими морально-этическими шараханьями можете замедлить процесс... увы, я нетерпелив, я очень нетерпелив.

Я развел руками.

— Вот-вот, вы тоже... позвольте ответить любезностью на любезность, очень точно подметили одну деталь. Я хоть и скептически отношусь ко всей этой ерунде вроде морали и непонятной вообще-то этики, до сих пор не знаю, что это, но иногда какая-то вождя попадает под хвост... или шлея, уж не помню, но нечто меня ведет, как вы верно заметили, в угоду этим моральным вывихам. И потому даже сейчас не могу все бросить и уйти в свой мир.

Он помолчал, я гордо смотрел вперед, но чувствовал его вопрошающий взгляд.

— Но вы же уладили все с Барбароссой?

— С Барбароссой, — ответил я. — Но я не знаю насчет других соседей.

Он подумал, кивнул:

— Да, вы правы. Есть еще некоторые шероховатости, но...

— Что?

— Вы их уладите, — ответил он спокойно. Улыбнулся и добавил: — И сравнительно быстро.

Я уже неся по Армландии, почти что узнавал места, когда впервые встретил зимнего, как говорил сэр Сатана, зверя. Мы как раз мчались через небольшой лесок, звериная тропка извилистая, скорость пришлось сбросить, как вдруг слева раздался леденящий кровь рев.

Затрещали деревья, я в страхе увидел, как закачались столетние сосны, а одно деревцо переломилось от удара. На дорогу выскочил медведь, так я сперва подумал, но второе крупнее, а когда распахнул пасть, я охнул: туда поместится голова моего Зайчика.

Руки мои автоматически ухватили копьё, затем пальцы скользнули к рукояти меча, но я напомнил себе, что мы в лесу, а не на арене цирка, красоваться удалю не перед кем, и в руке оказался молот.

Зверь прыгнул, за один скачок одолев метров десять, я поспешно швырнул молот и подал Зайчика в сторону. Бешено вертящийся молот успел сделать не больше двух оборотов, как монстр оказался на том месте, где только что стоял Зайчик.

Я содрогнулся от жуткого хряска и треска костей. Монстр вздрогнул, словно столетний дуб, по которому ударили тараном, молот ударил рукоятью в подставленную ладонь, я тщательно его вытер и повесил на пояс.

Монстр повалился на звериную тропку, все четыре лапы задергались, а из-под морды потекла красная лужа, пропитывая чистый белый снег.

— Ни фиги себе... — проговорил я дрожащим голосом. — Вот так едешь себе, едешь, никого не трогаешь... И откуда он взялся? Может быть, из кого-то выскочил?

Зайчик повернул голову и посмотрел с вопросом в умных глазах.

— Нет человека, — объяснил я, — в котором не был бы скрыт лютый зверь. Вот кто-то выпустил из себя зверя ненадолго, а я взял и убил... Станет ли тот человек праведником?

Зайчик начал набирать скорость, но я хлопнул себя по лбу, не придется придумывать отмазки, велел вернуться, а

там с великим трудом сумел затащить чудовище на круп Зайчика, что и так лег на снег, облегчая мне труды.

К счастью, на фоне кровавого заката показались башни моего Замка. Зайчик кряхтел и поглядывал на меня укоризненно, я виновато объяснял, что уже почти приехали.

С ворот меня увидели издали, молодцы, опустили мост и подняли решетку. На середине двора я красиво спихнул с конского крупа тушу. Земля дрогнула от удара, чудовище в самом деле огромное и страшное. Народ сбежался, все ахают и таращат глаза. Сэр Растер и Макс тут же начали измерять рост, длину лап и клыков. Прибежали новые рыцари, что явились под мои знамена после захвата замка Эстергазэ. Эти ликовали больше всех: во-первых, я доказал свое благородное происхождение тем, что не утерпел и в охотничьем азарте даже зимой выехал на охоту, во-вторых — вернулся с добычей, а в одиночку добыть такого зверя просто невозможно. Что значит, у них правильный лорд.

Я вошел в холл, слуги подхватили с плеч шубу. Я с трудом потопал застывшими ногами, стряхивая снег. Сверху сбежали барон Альбрехт и Митчел.

— Большая добыча? — спросил Митчел жадно.

— Не знаю, — ответил я. — Там во дворе сейчас меряют...

Он опрометью бросился наружу, а барон Альбрехт смотрел на меня с недоверием.

— И как? — спросил он.

Я ухмыльнулся.

— Выйдите во двор!

— Успею, — сообщил он. — И далеко вы ездили за такой добычей?

— Далеко, — ответил я. — Но попалась, честно говоря, совсем рядом с замком. Пойдемте, дорогой барон, по чашечке кофе... или грога, если предпочитаете крепкое.

На втором этаже в моих покоях тепло и сухо. В камине полыхают толстые березовые поленья, чистый жар заставляет кровь быстрее струиться по жилам. Барон выждал, по-

ка я небрежным жестом не приглашу сесть. На столе возникли две чашки с горячим кофе.

— Угощайтесь, — предложил я и ухватил чашку. — Это годится не только для тех, кто с мороза...

Барон Альбрехт поморщился, но на этот раз как-то забыв о своих нравственных принципах и верности Господу Богу, осторожно отхлебывал черный странно пахнущий напиток. Его внимательные глаза наблюдали, с какой жадностью пью я, наконец, напомнил небрежно:

— Вы отсутствовали сутки...

— Да, — согласился я, — дороги здесь не очень.

— И как далеко удалось забраться? — осведомился он.

— Далеко, — сказал я сокрушенно. — Хотелось бы, чтоб все жили поближе.

Он покачал головой.

— Не все. Некоторым хорошо бы жить вообще на краю света. Даже если они хорошие люди.

— Ну, — ответил я, — если врага поселить на краю света, то и он станет для нас хорошим. С дальними никогда не ссоримся!

Он кивнул.

— А у кого из соседей вы побывали?

Я пробормотал недовольно:

— Барон, вы слишком прямолинейны. Вам бы при королевских дворах потереться! Враз бы научились говорить долго и красиво, так ничего и не сказав. Это основа любой интеллигентности!

Он развел руками.

— Я ведь барон и воин, сэра Ричард!

— Ну да, — согласился я, — очень удобно вспоминаете о разных гранях своего... характера. Да принесут ли, наконец, что-то горячее?

Дверь распахнулась, вбежали запыхавшиеся слуги с подносами. Комната наполнилась ароматами жареных гусей, печеной рыбы, гречневой каши, супа из баранины, свежего хлеба и сыра.

Пока расставляли блюда по столу, барон поглядывал на меня с улыбкой. Я молчал, и лишь когда дверь за слугами хлопнулась, посмотрел на барона, раскрыл рот для ответа и... мои пальцы сами по себе ухватили толстую тушку гуся. Хрустящая корочка сразу начала послушно слезать, обнажая нежнейшее мясо, я выломал лапу и чуть ли не рыча начал пожирать, чувствуя, как по пищеводу проваливается то, что сразу превращается в силу, энергию, радость.

— Дорога в самом деле была трудная, — заметил барон. Он ел неспешно, благородно, изящно. — Это заметно, сэръ Ричард. Заметно!

— Да я еще та свинья, — признался я. — Надо бы следить за манерами, но... раз лорд, то мне вроде бы все можно.

Он улыбнулся уголками губ, смолчал. Незачем говорить очевидное людям благородного звания: чем выше по рангу — тем строже правила этикета, а не наоборот, как наивно думают простолюдины. Королю в манерах позволено намного меньше, чем простому крестьянину.

— Что-то изменилось? — спросил он после паузы.

Я проглотил кусок жареной баранины, ответил придуренным голосом:

— Немного.

— Что именно?

— Можно не опасаться удара, — просипел я, запил вином, добавил: — Со стороны Барбароссы.

— Ого!

— Сдипломатничал, — сказал я скромно. — Пришел к королю и намекнул, что повинную голову меч не сечет... а секут другое место. Сечь он не стал, король должен быть великодушным, поговорили, подписали договор... на словах, правда, о взаимовыгодной торговле. Но королевское слово тверже булата, если король, конечно, рыцарь. Теперь главное внимание нужно сосредоточить на границах с Турнедо и королевством Шателлен.

Он смотрел на меня со странным выражением.

— Знаете, сэръ Ричард, я от вас, честно говоря, и ждал

чего-то подобного. Просто не думал, что сумеете так быстро добраться до Фоссано. А что договоритесь с Барбаросой — не сомневался. Но когда вижу такой блестящий успех, а следом — наивные рассуждения...

— Какие еще? — спросил я, задетый. — Где наивность?

— Вы еще не гроссграф, — напомнил он, — а уже думаете, как обезопасить границы Армландии. Для вас куда важнее удержаться в самой Армландии! Учтите, только часть лордов желает видеть вас гроссграфом. Остальные продвигают родню!

Я отмахнулся:

— Удержусь.

— Уверены?

— Почти, — ответил я. — Я не силен в интригах, но если родина требует... Да и ваше коварство, барон, будет потребовано в полной мере.

Он аккуратно объедал гусиную ногу, улыбнулся, но сказал лишь:

— Ну-ну... Прекрасно ваш повар готовит гуся с кашей! Пальчики оближешь. Не понимаю, почему церковь запрещает есть четырехлапых...

Я перевел взгляд на гуся, из туловища торчит последняя культяшка, хотя две лапы съел я, одну обглаживает барон.

— Четырехлапый гусь? — переспросил я в замешательстве. — Гм, не заметил...

Барон спросил с интересом:

— А если бы заметили раньше?

— Не стал бы, — пробормотал я. — Конечно, умирая с голоду, съел бы, но... при наличии выбора...

— А почему? — поинтересовался барон с ленивым интересом. — Я вот не вижу разницы. А в проклятия не верю. Человека проклинаят — понятно, но гуся...

— Да дело не в проклятии, — ответил я в замешательстве, — это уж слишком модифицированный продукт. Хорошо, если генетиками... колдунами то есть, а если радиацией... или загрязнением... Ладно, этого доедим, но вообще-

то я предпочитаю более консерваторную пищу... Итак, барон, нам нужно вернуться к карте. И поставить флажок.

— Флажок?

— Отметить, — пояснил я, — где очередная и заслуженная победа. А также наметить, где нанесем очередной победный удар.

Глава 13

Мы рассматривали карту, когда за дверью раздался частый топот, издали донесся испуганный крик. Мой меч в ножнах уже у изголовья кровати, я сделал два быстрых шага и ухватился за рукоять. Пес посмотрел на меня с удивлением, барон Альбрехт вскочил, весь как взведенная пружина, ладонь на рукояти меча, глаза обшаривают окна, откуда может влететь стрела или просунуться рука с метательным ножом.

Дверь распахнулась, на пороге возник Макс. Пес прыгнул к нему и, прижав к косяку, начал деловито и с пристрастием обнюхивать.

Я убрал руку с меча.

— Что стряслось?

— Сэр Ричард, — сказал он сдавленным голосом и даже не опустил взгляд на Пса, которого побаивался, — в замке нечистая сила...

— Ого, — ответил я мужественно. — Неужели наконец-то привидения? А то даже призраки?

Он ответил торопливо:

— Нет, ваша светлость. Гораздо хуже.

— Где? — спросил я. — Сколько? Чем вооружены?

Он покачал головой:

— Вам лучше посмотреть самому.

— Веди!

Пес выскочил с нами, быстро сообразил, в какую сторону бежим, и, обогнав, исчез за поворотом. Макс явно торопился, мы с бароном прогрохотали по лестнице вниз, в хол-

ле полно перепуганной челяди. Я услышал женский плач, причитания, мужчины хмурили брови и сжимали кулаки, но я видел, что все напуганы. Макс указал на стену, но я уже и сам увидел, ноги ослабели, в груди похолодело.

Под самым потолком, куда не дотянуться даже очень высокому человеку, пламенеют зловещие буквы: «Вы все умрете!», написанные густой свежей кровью. Буквы постепенно деформируются: кровь медленно стекает по камням стены.

Я задействовал все виды чувств, голова закружилась, но ничего нового не увидел. Сбоку раздался встревоженный голос барона Альбрехта:

— Сэр Ричард, с вами все в порядке?

— Лорду дурно, — проговорил кто-то озабоченно.

Я ответил нетвердым голосом:

— Все в порядке...

Макс спросил тут же:

— Сэр Ричард, что делать будем?

— Миртуса позвали? — спросил я.

— Нет, — ответил он виновато и, не дожидаясь пинка с моей стороны, гаркнул в сторону челяди: — Быстро за Миртусом!

— Я уже здесь, — послышался голос за спиной.

Миртус, с бледным наряженным лицом, держался незаметно в сторонке и, запрокинув голову, рассматривал надпись. Пес сел с ним рядом и тоже с интересом смотрел на ползущие к полу красные струйки. Миртус застыл с задранной головой, обнажая тонкое незащитное горло с большим кадыком, в глазах испуг и непонимание. Я старался держаться уверенно, на стену смотрел с ленивым интересом, как на детские шалости, но сердце болезненно сжалось.

— Я примерно понимаю, — сказал Миртус тихо, — как это сделано.

— Магия?

Он не удивился тупому вопросу, от лордов ума не требуется, ответил почтительно:

— Да, но достаточно сильная.

— А ты можешь, — сказал я, — наложить на стены защитное заклятие, чтобы этот пакостник больше не развлекался, пугая народ?

Он посмотрел с некоторым уважением.

— В принципе это возможно... хотя мне в голову не приходило. Однако слишком долго и сложно.

— А что проще?

Он опустил взгляд.

— Найти этого человека.

Я стиснул челюсти, но тут же заставил себя растянуть губы в улыбке всегда уверенного и всегда побеждающего лорда, за которым должны идти без страха, так как победа будет быстрой и блистательной.

— Да, ты прав. Этим и займемся. А то что-то давно никого не вешали. Ты можешь сделать для поимки что-нить хитрое?

Он развел руками.

— Ваша светлость, уже думаю над этим. Но, боюсь, этот человек знает много заклятий, мне неизвестных.

— Знаю-знаю, — подбодрил я, — ты больше занимался наукой, чем магией. Это хорошо. А стервеца поймаем, поймаем... Ты думай над поимкой со своей стороны, я — со своей, а сэр Альбрехт с Максом — со своей. И скоро висеть пакостнику над воротами!

Пес посмотрел на меня выжидающе, но, не получив указаний, поскакал, как жеребенок, на кухню. Я посмотрел вслед с сожалением. Если бы эта сволочь, расписывающая стены, оставила какую-то вещь, мы бы отыскиали по запаху. По крайней мере могли бы попытаться отыскать. Но этот гад, похоже, оставил надпись бесконтактным способом.

Я все так же держался уверенно, шутил и смеялся громко, однако, несмотря на мою демонстративную выправку, обитатели замка потихоньку погружались в тихую панику. Растер и Митчел удалились усиливать караулы, расставлять часовых так, чтобы мышь не проскользнула, а я, не зная, с

какого конца взяться, свистнул Пса, и мы пошли по этажам, по коридорам, заглядывали в заброшенные комнаты.

На самом верху я остановился у лестницы. Чутье подсказывает, что на чердак подниматься глупо. Этот пакостник, если это только пакостник, вряд ли туда полезет.

Предостерегающий холод пробежал вдоль позвоночника, я инстинктивно застыл, уstraшенный таким явным сигналом опасности. Уstraшенный тем более, что я в своем теперь замке. В нем ничего необычного, магического или потайного, я здесь все облазил и проверил, стандартный рыцарский замок.

Всю челядь знаю в лицо, всех просмотрел с пристрастием, никто прежнему владельцу не настолько верен, чтобы таить на меня злобу. Напротив, расположить народ я сумел, и хотя никто за меня в огонь не кинется, но и вредить не станет. Но сейчас всем холодеющим нутром чую приближение огромной опасности.

— Назад, — пробормотал я. — Нет постыдного в отступлении... И вообще я не отступаю, а заманиваю.

Но повернулся и пошел сперва тихо, а затем резво побежал по коридору, остро жалея, что нельзя прикинуться бегущим трусцой от инфаркта.

К счастью, до самого зала никто не встретился, а когда вбежал в помещение, где Альбрехт и Макс разговаривали тихо и озабоченно, я первым сказал с ходу:

— Размял малость мышцы. А то засиделся.

Макс с готовностью откликнулся:

— А я за столом вообще не могу, разве что за обеденным. Сразу и спину ломит, и в боку колет, будто я старик какой!.. Вам бы с мечом в руках во дворе во всем блеске! И здешнему народу показались бы. А то и забудут, как их замок захватили.

— В другой раз, — пообещал я.

Барон Альбрехт по моему кивку пошел за мной, в уединенном месте я сказал шепотом:

— Он все еще здесь.

Он ответил тоже шепотом:

— И все еще невидим?

Я кивнул, барон сразу хватается за главное, несмотря на мое косноязычие. Чужие в замок приходят и уходят, всякие паломники, менестрели, бродяги, но дальше кухни их не пускают. А если в зал, то по особому распоряжению. Понятно, под видом странствующего торговца или барда могут подослать убийцу или шпиона.

— Маг? — спросил он.

— Похоже, — ответил я в затруднении. — Я вообще не уверен, что это... человек.

— Нечеловек?

— Скорее не человек, — ответил я честно. — Я только ощутил опасность, но врага не видел. Возможно, это очень сильный маг.

— Почему именно сильный? — потребовал он.

— Слабого бы увидел, — пояснил я. — Да и не испугался бы. А так я весь заледенел! Ну, не весь, но шкура в гусиках до самых пяток.

Он смотрел на меня пытливо.

— Та-а-ак, — протянул он, — значит, вы в каких-то случаях способны о щ у щ а т ь?

— Да, — согласился я. — В каких-то особых. Думаю, враг сумел бы скрыть следы... этот магический запах, неслышный топот или чем он там себя выдал, если бы предположил, что у меня такие чуткие уши. Это пугает особенно.

Он задумался, но я видел, насколько он насторожен. В камине громко треснуло полено, барон подпрыгнул, хватаясь за рукоять меча.

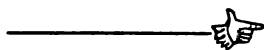
— Ну вот, — проворчал он, — теперь и я начинаю нервничать.

— Не вы один, барон, — утешил я.

Он вздохнул:

— Правда, нервничаете?

— Правда-правда, — заверил я.

Он вздохнул уже с облегчением.

— Ладно, с вами, сэр Ричард, не стыдно.

Мы прошлись вдоль стен, со двора зашел Растер, злой и настороженный.

— Ничего?

— Ничего, — ответил я.

— Вот сволочь!

— Еще какая, — согласился я невесело. — Не понимает, что зима не для войны вовсе, а для пира...

— Ничего, изловим, напомним.

Я хлопнул себя по лбу:

— Ах да! Сэр Растер, не в службу, а в дружбу: соберите народ в холле. Нужно успокоить и дать правильную оценку событий.

— Правильно, — сказал он быстро, — а то надумают себе черт-те чего...

— Это надо пресекать, — согласился я. — Вовремя. Во избежание!

Растер, несмотря на свою носорожистую грацию, исчез, словно пар на морозе, но вскоре вернулся, доложив, что народ согнан в нижний зал. Я хотел одернуть, не сгонять нужно, а приглашать вежливо, но вовремя напомнил себе, что если только приглашать, то даже в моем серединном пойдет пара любопытствующих пенсионеров, а вот меры принуждения срабатывают даже в самом демократическом обществе.

Я встал на лестнице, челядины сгрудились внизу, глядя со страхом и почтением. Я простер длань и постарался, чтобы голос мой звучал уверенно и властно:

— По моей воле в замке сейчас проводим тактические учения. По отражению атаки чужих колдунов и лазутчиков. Мы проверяем состояние боевого и прочего духа жителей замка, готовность противостоять проискам вражеской пропаганды, запугиванию и задавливанию, а также зомбированию и агитации!

Со двора зашли воины и тоже остановились, зачарованно слушая.

— Единственно правильная линия поведения, — сказал я строго, — работать в прежнем режиме, как будто и нет никакого вражеского окружения, как будто нас не порочат и не пытаются выставить какими-то дикарями, которые не в состоянии сами распорядиться своими богатейшими ресурсами, из-за чего нас надо поставить под контроль чужой державы!

Испуганные лица медленно светлели, морщины на лицах разглаживались, страх испарялся из глаз. Я подумал гордо, какой я молодец, умею, потом списал на высокую внушаемость людей этой эпохи, вон и церковь имеет влияние, а попробовала бы в моем срединном.

Подошел неслышно Альбрехт, остановился за спиной. Я услышал его одобрителный шепот:

— Прекрасно, сэр Ричард.

— Главное, — ответил я тоже шепотом, — успеть перехватить инициативу. Людям нужны ориентиры.

Из толпы челядинов спросили робко:

— А если где необычное появится... что делать?

— Руками не трогать, — сказал я строго, — а немедленно докладывать вышестоящим товарищам! Все должны быть сплочены в едином трудовом и патриотическом порыве! Враг не пройдет с его штуками и зарубежными попытками дестабилизировать обстановку!

На ночь я удвоил караулы, велел никому поодиночке не отлучаться, но и не стоять рядом, чтобы гад не вырубил одним ударом двоих, маги такие штуки могут. Держаться один от другого на расстоянии, но чтоб каждый мог видеть разом еще двух-трех стражей, нарушитель суверенитета будет замечен. Миртус не спал ночь, перерыл все книги, наставил везде магических ловушек, сэр Растер с бароном Альбрех-

том позаботились о простых: начиная с осколков глиняных кувшинов, разбросанных на полу в темных проходах, если наступить — хрустят так, что слышно по всему замку, и заканчивая падающими с потолка рыбацкими сетями.

Я лечь не стал тоже, не так уж и нуждаюсь во сне, обошел снова и снова сверху донизу замок, еще дважды наткнулся на пугающие надписи, уже свежие, в одном месте намалевана жуткая рожа с оскаленными зубами, а когда на обратном пути заглянул в свои покои, застыл на пороге.

У ложа изящный туалетный столик, обычно он у меня пуст, это женщина сумела бы его заставить так, что потребовались бы откидные доски, а у меня всегда поверхность блестит девственной невинностью, но сейчас... там холодно и загадочно поблескивает отделанный драгоценными камнями кинжал. Лезвие упрятано в ножны, но, судя по тщательно отделанной рукояти из рога или зуба неведомого зверя, сталь должна быть древней и очень хорошей.

Я осторожно приблизился, мои пальцы замерли в дюйме от кинжала. Холод кольнул в кончики, как острыми иглами. Я застыл, в мозгу вспыхнуло запоздалое: а откуда здесь эта штука? Я не оставлял, это не мой, а кроме меня никто сюда не входит. Кто-то оставил в расчете на чисто мужской инстинкт: любой самец, увидев оружие, да еще вот такое великолепное, сразу же бездумно схватит в руки и начнет рассматривать. А уж потом начнет спрашивать себя, чье это...

Рукоять таинственно поблескивает, отполирована явно ладонью, такое чувствуется. Пальцы дрожат от жажды взять, я с трудом убрал руку за спину.

Не оглядываясь, крикнул:

— Стража! Немедленно мага!.. Миртуса!

Миртус примчался, словно ждал за дверью. Одетый, натянутый как струна, в глазах ни тени сна, явно не из постели я его вытащил, бодрствует, ломает голову над проблемой поймки.

— Не прикасаться! — закричал он издали. — Простите, ваша светлость!.. Это не от недостатка почтения, я испугался за вашу жизнь.

— Спасибо, — ответил я без тени благодарности. Еще бы не испугаться: все со мной повязаны, и все потонут, если мне каюк. — Но я волк битый.

Он остановился в шаге от кинжала, повел в воздухе руками. Я увидел зеленоватое мерцающее облачко вокруг подброшенного оружия, похоже на туман, однако туман уже рассеялся бы, а эту гадость что-то держит внутри незримого кокона.

— Яд? — спросил я.

— Магический, — ответил Миртус шепотом. — Пожалуйста, не отвлекайте, ваша светлость.

Он шептал заклинания, я изучал даже с виду ядовитое облачко. Ну, это же ясно, что ядовитое, раз зеленое. Лекарство всегда красное, а пополнение магии — синее, знаем, грамотные.

Легонько хлопнуло, будто взорвался надувной шарик. Зеленый туман всколыхнулся, начал расширяться во все стороны, как наша вселенная. Я отступил на шаг, Миртус тоже отодвинулся.

— Не отравимся? — спросил я.

Миртус делал быстрые пассы, зеленый туман, быстро истончаясь, коснулся его вытянутых рук, но рассеялся раньше, чем достиг головы.

— Нет, — ответил он с опозданием. — Уже нет... Ваша светлость, пока не трогайте!

Я не думал хватать кинжал, я хоть и мужчина, что предполагает любовь к оружию прямо в крови, но на самом деле довольно равнодушен ко всему колющему и режущему. Нет, я люблю мечами, топорами, доспехами, охотно беру в руки и рассматриваю, даже повесил бы на стене, но у меня не дрожат руки от жадности, и я не стал бы платить нехилые деньги за коллекционные издания раритетного оружия.

Миртус наклонился к кинжалу, как близорукий, и

всматривался с превеликим тщанием. Наконец, я понял, что он еще и внюхивается.

— Бобик, — сказал я, — нюхай!.. Нюхай!.. Хорошо нюхай.

Пес понюхал, посмотрел на меня с недоумением. Миртус тоже поглядывал с вымученной улыбкой. Я посмотрел Псу в глаза:

— Тебе задание, дружище. Надо отыскать этого мецената.

Мой бодрый тон его не обманул, Пес с сочувствием помахал хвостом и лизнул меня в нос прежде, чем я успел увернуться. В восторге, что удалось, он ринулся мне на грудь и, прижав к стене, еще несколько раз быстро лизнул в лицо.

Миртус шумно вздохнул:

— Ваша светлость, чары еще не сняты.

Я придержал Пса за шкуру на загривке.

— А что еще?

— Пока не трогайте, — предупредил он. — Самое опасное...

— Что?

— ...если вытащить из ножен.

Я кивнул: это понятно, любой нормальный мужчина сразу бы ухватил и не просто вытащил из ножен, а лихо и красиво выдернул, жадно любясь сверкающим лезвием.

— Имитация под древность? — спросил я.

Миртус, не поворачивая головы, ответил почтительно:

— Вы угадали, ваша светлость. Это совсем не старая вещь, но ей придан облик той, что находят в руинах Великих Войн.

— Это чтоб хватали не думая?

— Совершенно верно, ваша светлость.

— Ты тоже будь осторожен, — сказал я. — Не рискуй зря. Я не требую немедленного решения.

Он ответил, все еще не поворачивая головы:

— Но торопиться надо, ваша светлость... Я чувствую руку человека, оставившего надпись в холле.

— Да уж, — согласился я, — вряд ли на такое дело послали группу.

— Вы правы, одного сильного мага поймать труднее, чем десять слабых.

Глава 14

Он говорил с предельной вежливостью, но слова звучали отстраненно, глаза смотрят вдаль. Я пристыженно умолк. Он обошел всю комнату, всматривался и внюхивался, я тоже задействовал сперва тепловое, затем запаховое, перед глазами поплыло, мир стал другим, но уже знакомым: еще в первый день я осмотрел весь замок от чердака и до подвалов во всех спектрах, чтобы потом не было неожиданностей.

— Я пока ничего не увидел, — сообщил я.

— Я тоже, — ответил Миртус с горечью. Вдохнул. — Тогда попробуем кинжал. Только, ваша светлость, я сам!

— Да-да, — согласился я. — Попробуй разминировать, только будь осторожен.

Он потрогал столик вокруг кинжала, губы зашевелились. Я не услышал слов, но чувствовал, как напрягается Миртус, проламывается через что-то мощное, а вот теперь идет, как по тонкому льду, а сейчас у него такой вид, словно готовится прыгнуть через пропасть...

— Погодите, — сказал вдруг Миртус.

Он отпрыгнул к камину, в его руке появилась длинная железная кочерга, которой служанка мешает угли в камине. Миртус осторожно прикоснулся концом к рукояти кинжала. Выждал, нажал сильнее. Я вздрогнул всем телом: сухо и злобно щелкнуло. Рукоять кинжала мгновенно ошестинилась острейшими иглами, ставши похожей на стального ежа.

— Яд, — сказал Миртус коротко. В его сдержанном го- лосе не чувствовалось удовлетворения, только прежний испуг: — Сильнейший яд. Я его ощутил, только не знаю как...

— Сволочи, — выругался я. — Не зря святая церковь

всех колдунов на костер по своей великой милости! Я бы сперва шкуры сдирал.

Он все еще осторожно подвигал кочергой кинжал, я видел, как в отсветах каминного пламени на кончиках игл поблескивает влага. По телу прокатывался холод, воображение услужливо подсказывало, как все это вонзилось бы в мою ладонь, едва я взял бы кинжал и сжал рукоять.

— А церковь лучше? — спросил Миртус.

Он чуть осмелел, доказав свою нужность, как человек, способствующий безопасности замка.

— Лучше, — ответил я сердито. — Церковь за честность! И за честный бой.

— А что есть честный?

— По правилам, — объяснил я. — И чем больше правил — тем лучше. В конце концов правил будет столько, что воевать станет невозможно. Церковь даже луки и арбалеты запрещает, потому что с их помощью убивать легче!

Он коротко взглянул на меня и быстро отвел взгляд, словно испугавшись собственной дерзости. Я смолчал, не стал объяснять, что пользуюсь луком, потому что... ну хотя бы потому, что не хочу давать противнику преимуществ. А вот если луки действительно запретят, да так запретят, что никто не посмеет воспользоваться луком, то и я откажусь от своего замечательного лука. Чувство безопасности, что мне не выстрелят издали в спину, перевесит желание ходить обещанным оружием.

— Я бы убрал этот кинжал, — сказал Миртус. — Но вам, ваше светлость, виднее.

— Забирай, — разрешил я. — Может, еще какую загадку откроешь! А нет, будешь гордиться, что разгадал секрет коварного противника. Нет, даже врага!

Миртус переложил кочергу в другую руку, я видел, что примеривается взять кинжал голый рукой, крикнул:

— Сдурел? Возьми тряпкой.

Он огляделся, я сдернул со спинки кресла толстый шарф, Миртус поймал на лету. Я смотрел, как он обмотал

руку, оба мы задержали дыхание, Миртус навис над кинжалом...

— Это еще не все! — вдруг произнес он быстро.

Я замер, но кинжал оставался все таким же, я спросил шепотом:

— Еще одна мина?

— Ловушка, — ответил он. — Я даже не знаю, что в ней.

Я крикнул громко:

— Стража! Позвать Альбрехта! И трех лучших арбалетчиков. Нет, лучше пятерых.

Миртус бросил на меня косой взгляд, у меня вообще арбалетчиков негусто, хорошо, если вообще наберется пятеро, и не факт, что у них окажутся исправные арбалеты. За дверью топало, грюкало, наконец, в помещение под командой Альбрехта вбежали крепкие, пропахшие морозной свежестью люди, сорвали с плеч арбалеты, послышался скрип натягиваемых стальных струн.

— Стрелять будете по команде, — объяснил я строго, — когда скажу.

— В кого стрелять? — спросил один деловито.

— В кого или во что, — ответил я, — увидим. Нарушитель границы ведет себя нагло, попирает наши принципы, глумится над нашими освященными обрядами и традициями, потому и скрывает лицо! Но все тайное станет явным. Не трусьте, цель этого гада — я... Так что готовы будьте. Ко всему.

Миртус поморщился, много чести разъяснять простолюдинам, но я, как Суворов, полагаю, что каждый солдат должен знать свой маневр. Арбалетчики сразу стали серьезнее, подобрались. В движениях появилась та четкость, что позволяет сэкономить секунды и тем самым спасти шкуру. Свою или своего лорда.

— Готов? — спросил я Миртуса.

Он кивнул, руки поднялись в угрожающем жесте. Мы все услышали жесткие полужнакомые слова, у магов свой язык, тайный, но при желании разобраться можно. В ком-

нате негромко затрещало, под каменными плитами пола невообразимо огромное шевельнулось и шумно вздохнуло.

Арбалетчики медленно бледнели, я взял в одну руку меч, в другую молот. Сердце колотится, страх вырабатывает целый океан адреналина. Миртус выкрикнул последнее слово, поспешно отступил.

Вокруг кинжала вспыхнуло сиреневое сияние. Кто-то охнул, начал креститься, слышались слова молитвы. Сияние разрослось, превратилось в шар. Я потрясенно увидел в нем холодно блещущие звезды. И там, по жуткому небу, в нашу сторону движется нечто огромное, ужасное, смертоносное...

Кто-то вскрикнул, из сиреневого шара с грохотом и лязгом выпрыгнули двое закованных в железо рыцарей. Оголенные мечи уже в руках, в прорези шлемов жутко горит красный огонь, словно там пылающие угли костра.

— Бей! — выкрикнул я.

Звонко щелкнули по дереву дуги тетивы. Стальные болты с жутким скрежетом ударили в панцири. Я страшился, что срикошетят, доспехи выглядят... хорошо, однако оба рыцаря страшно закричали. Одному болт пробил панцирь, торчит только короткий треугольный кончик, второму попали в грудь и голову.

Первый рыцарь с болтом в груди с криком ярости бросился вперед. Я подставил щит, а лезвие моего меча чиркнуло его по коленям. Скрежетнуло, будто я вскрывал гигантскую консервную банку. Рыцарь вскрикнул, колени подломились, он с жутким грохотом рухнул лицом вниз.

Миртус говорил быстро и горячо, двигал руками, я видел за его пальцами быстро тающие нити, однако дыра стала даже шире, а звезды заблестели ярче, торжествуя. Я ощутил холод, рядом поежился Альбрехт. Мне совсем не чудится, из дыры в самом деле тянет смертельным холодом космоса.

Рыцари уже дергались, как железные червяки, на полу. Я метнул молот в то огромное, что приближается из космо-

са. Рыцари — ложная цель, отвлечение внимания, а это значит...

Молот исчез, через долгое мгновение донесся глухой удар. Замок качнулся, а созвездия в чужом небе перекошило. Мой чуткий слух уловил жуткий вой, настолько низкий, словно кричит раненая звезда, кроме меня никто не услышал, из пустоты вынырнул молот, моя пятерня уже привычно растопырена, ударило рукоятью...

Я едва не заорал от дикой боли: рука мгновенно превратилась в лед, и только ускоренная регенерация не пустила холод дальше по телу. Сцепив зубы, я погнал волну горячей крови по руке, наконец, обрел возможность шевелить пальцами.

Миртус закончил помогать дланями. Сиреневое окно затянулось, с кинжала осыпались иглы, а на полу корчились две фигуры в стальных доспехах.

— Не исчезли! — воскликнул Миртус пораженно. — Ваша милость...

— Забирай, — разрешил я. — Надеюсь, это не люди, никаких конвенций мы не нарушаем, так что ставь над ними любые опыты.

— Спасибо, ваша милость!

— Не за что. Ты хорошо поработал.

Он поклонился.

— Ваша милость, я даже не решаюсь сказать, как держалась вы...

— Почему?

— Сочтете за лесть.

— А-а-а, — протянул я. — Так как я держался?

— Великолепно, — признался он. — Я не ожидал, что откроется такое окно, а там будет такое... такое! И если бы не ваша отвага...

— Гм, — ответил я. — Тут одной отвагой не обошлось.

Уже без особой опаски забрав кинжал, Миртус направился к выходу, но добычу все-таки держал на вытянутой руке. Арбалетчики переворачивали трупы, шлемы с убитых

сняли, там оказались лица, а не морды или черепа скелетов, как почему-то ожидалось, однако что-то в этих лицах показалось не совсем...

Я не успел додумать мысль, как тут же блеснула другая, я сказал торопливо:

— Миртус, погоди! У тебя не найдется, случаем, средства... обостряющего запахи?

— Запахи? — переспросил он с недоумением.

— Не сами запахи, — поправился я, — а их... восприятие. Я вот подумал, что любой зверь оставляет следы, а человек — еще тот зверь! Но даже зверь умеет замечать следы. Человек — тем более. Но все равно опытные охотники распутывают следы хитроумных зверей. Колдун прячется от наших глаз, но у человека есть еще и слух, нос, щупалки...

Он слушал внимательно.

— Ваша светлость, — сказал он серьезно, — даже собаки не почуяли!

— И что?

— А уж у них носы...

— Тот гад принял меры, — согласился я. — Знал, что прокрадывается на важный и защищенный объект. Еще он старается не топать, когда ходит невидимкой, не сопит, не хрюкает, не чешется, как сэр... ну, некоторые, некоторые. Я не вижу другого пути, как обострить восприятие... ну, скажем, запахов! Их контролировать труднее всего.

— Почему именно запахи? — пробормотал он. — С ними не просто.

— Все-таки подумай, — сказал я настойчиво.

Он сказал несчастливым голосом:

— Есть у меня травка...

— О, — сказал я, оживая, — что-то знакомое!

— Правда? Только эта травка усилит ваше чувство запахов на полсутки, не больше. А потом вам будет настолько плохо, что...

— Изблуюсь?

Он сказал, отводя глаза:

— И это тоже.

— Давай, — велел я твердо. — Время не ждет, как сказала королева. А туалет у меня отдельный.

— Еще приготовить надо...

— Берись сейчас же!

Под утро Миртус осторожно сообщил, что все в порядке, зелье готово, но, может быть, не стоит сеньору лично, у него много отважных рыцарей...

— Много, — согласился я. — Особенно отважных. А что, отвага сейчас много решает?

Он отвел взгляд в сторону.

— Как скажете, ваша светлость.

— Наливай, — сказал я.

Он вздохнул, на свет из-под полы халата появилась массивная фляга из темного металла. Я придвинул к нему кубок, Мартус налил почти до половины, взглянул с вопросом в глаза.

— Можно разбавить водой...

— Будет слаще? — спросил я.

— Нет...

— Тогда зачем?

— Не так горько, — объяснил он.

— Зато пить дольше, — сказал я невесело.

Он молча наблюдал, как я, задержав дыхание, медленно пил зеленоватую жидкость. Горло слегка жгло, а когда я допил и опустил пустой кубок на стол, на лице Миртуса я увидел громадное уважение.

— Что? — спросил я непонимающе.

— Вы крепкий человек, — проронил он.

Я отмахнулся:

— Вы ж ничего, кроме вина, еще не знаете... Счастливые, у вас еще не было Менделеева с его самым гениальным открытием, я имею в виду водку, да и про коньяк знаете только, что есть такой мелкий городишко...

Я говорил, преодолевая головокружение. Лицо Миртуса деформируется, глаза то прячутся, как у орка, то вылезают наружу, словно рачьи. Меня погрузило в уже знакомый мир причудливых запахов и красок, ароматы стали интенсивнее, мощнее, появились новые оттенки, мир покачнулся...

Я поспешно схватился за стол.

— Ваша светлость, — донесся встревоженный голос Миртуса — Как вы?

— Хреново, — буркнул я.

— Потерпите, — посоветовал он жалким голосом. — Скоро пройдет...

— Совсем?

— Нет, но... можно будет терпеть.

— Оставайся здесь, — велел я, — а я иду на большую охоту. Бобик!.. Бобик!

В цветную меняющуюся вселенную ворвался блестящий вихрь, похожий на бешенодвигающийся огромный ком ртути. Потом Бобик превратился в жуткое чудовище, похожее на выплавленного из темного стекла медведя. Я тупо всматривался, не понимая, почему черный, как украинская ночь в новолуние, Пес светится, почему от него не привычные запахи пота, кожи, шерсти, загнивающего мяса в зубах. а серебристый свет с радужной каемкой, каким бывает вокруг луны гало, что раньше толковалось, как предвестник войны, потом — к изменению погоды, а теперь вот снова к войне, мору, вторжению троллей...

— Ладно, — сказал я, осторожно вылезая из-за стола, — время не ждет. Бобик, сидеть!

Серебристое чудовище подняло голову, глаза как блюдца. Я осторожно погладил по огромной башке, странное чувство, когда под пальцами привычная шерсть, а вижу совсем другое. Комната качнулась, как корабль на волнах, но я удержал ее на месте и пошел к двери.

Шпион уверен в своих силах, потому будет поблизости. Местных магов опасается, но, похоже, не слишком. Значит, не придется слишком долго искать, а то зелье слишком за-

бористое, в моем срединном Миртус стал бы королем нар-
кобаронов...

В коридоре я напустил на себя задумчивый вид. Бобик
вышколенно идет рядом, я спустился по лестнице, заглянул
в кладовки. Везде цветные струи запахов, все знакомое, по
каждой скажу не только где чья, но кто в каком настроении,
в какой форме, здоров или нет.

Когда начал уже устывать, среди ярких и насыщенных
цветных струй увидел прижавшуюся к полу бледно-фиоле-
товую с кисловатым оттенком и шероховатую. Бобик тоже
повел в ее сторону носом. Я остановился, он посмотрел на
меня с вопросом в умных глазах.

— Эх ты, — сказал я, — что ж не сказал раньше?

Он ответил укоризненным взглядом, что нужно было
спрашивать правильно, а то теперь легко умничать.

Я виновато развел руками.

— Ты прав, прав... Но теперь ищи! Именно этого гада
ищи!

Вообще-то можно теперь и без него, но струя слишком
уж жметя к полу, в то время как все остальные медленно
рассеиваются во всем пространстве, от стены и до стены, от
пола и до потолка. Кроме того, действие зелья уже ослабе-
вает.

Бобик посмотрел вопросительно, понюхал еще, я видел,
как его раздувшиеся ноздри потянули к себе струю. Она
красиво и томно изогнулась, словно работающая при доро-
гой гостинице шлюха, поплыла послушно и обещающе.
Ноздри начали поглощать ее, как мощные турбины с метро-
выми лопастями. Бобик чихнул, я сказал, что на здоровье,
все путем, он посмотрел обиженно, мол, сам нюхай такое, у
него обоняние в сто тысяч раз более тонкое и нежное.

— Ну что? — спросил я. — Проанатомировал?

Вместо ответа он повернулся и побежал к выходу. Я бро-
сился за ним, крича, чтоб помедленнее, мне дожить бы...

Струя не прерываясь плыла над полом. В тихих местах,
где нет движения воздуха, даже сохраняла очертания челове-

ческой фигуры, состоящей из запахов. Волосы и лицо пахнут бархатно-оранжево, корпус — кисловато-коричнево, а ноги так вообще едко-зеленым, что и понятно: после долгой дороги шпион приступил сразу к заданию, минуя ванну.

На лестнице попался барон Альбрехт, глаза удивленные, я махнул рукой, объяснять некогда, а когда избежали на последний этаж, услышал за спиной грохот его сапог.

Бобик бросился к двери на смотровую башню. Я несся следом, как по той самой трубе, что есть ли жизнь после смерти. Чувство иррациональности охватило с такой силой, словно уже не то что бегу по планете Сириуса, а вообще я в другом измерении и с другими фундаментальными законами.

Светящееся чудовище выметнулось на лестницу. Я прыгал по цветным ступенькам, испещренным кисло-сладкими и шероховато-острыми следами, но теперь замечаю все более четкие отпечатки, что резко разнятся от остальных.

Бобик исчез на минуту за поворотом, а когда я оказался на последнем витке, он выметнулся на верхнюю площадку. Я, задыхаясь, выскочил следом. В лицо словно плеснули жидким гелием: чувствительное к холоду лицо сразу застыло коркой, морозный воздух моментально сжег трахею.

У края парашюта черная тень, смутно напоминающая человеческую, только в полтора раза крупнее. Святящийся Бобик ринулся к ней. Я выхватил меч сразу же на последней ступеньке.

— Сдавайся!.. — прохрипел я промороженным ртом. — Или умрешь!

Тень сдвинулась в сторону, я понял, что неизвестный рассматривал в щель между зубцами народ во дворе. Бобик остановился перед ним, темная фигура задвигалась, я со страхом ощутил, что маг творит заклинание.

— Замри!.. — заорал я, разрывая связки. — Или умрешь!

Продолжая угрожать мечом, я левой рукой сдернул с пояса молот и метнул в темную фигуру. Бобик повернул голову, следя за моими руками, хлопки рукоятью по воздуху, чмокающий удар, болезненный вскрик и — сухой треск.

Глава 15

На площадку посыпались осколки темного льда. Фигуру отшвырнуло к каменному зубцу, тот выдержал смягченный удар, а человек сполз на пол. Окружающая тьма исчезла, теперь неизвестный ничем не отличался от тех, кого я вижу в замке. Я поспешно вернул себе прежнее примитивное, зато привычное зрение, ускоренная регенерация сращивает порванные сосуды в горле, жжет, словно поел столовой ложкой васаби.

Человек много мельче, чем выглядел в темном доспехе колдовской тьмы, но, странно и пугающе, остался жив после чудовищного удара молотом. Я похолодел, когда он начал медленно подниматься на ноги.

— Застынь! — проревел я люто. Молот ударил рукоятью по ладони, я тут же поспешно швырнул снова. — Или умри!

Молот, способный разнести одним ударом скалу, ударил с прежней силой. Я слышал, как маг вскрикнул от боли, мой обостренный слух уловил треск костей, но чужак все еще поднимал руки и пытался что-то начертить в воздухе.

Я поймал молот, подбежал. Бобик смотрел на меня с вопросом, я сказал громко:

— Это Пес Ада! Он разорвет на клочья, если шевельнешь хоть пальцем! Замри!

Острые меча Арианта уперлось магу в горло. Он застыл, скосив глаза на дивное лезвие, по его белому от сдерживаемой боли лицу я понял, что он знает, что это за меч. Глаза страдальческие, изо рта вытекает темно-красная струйка. Дыхание вырывается из груди с хрипами и хлопаньем. Я перехватил взгляд, полный ужаса и недоумения.

— Застынь, — повторил я. — Вполне возможно, останешься жив. Пес, рви, если хоть подумает шевельнуться. Или шевельнет губами.

Пленник часто и хрипло дышал. Я посмотрел в щель между каменными зубцами, прокричал:

— Срочно Миртуса ко мне!

Снизу донеслось:

— Он побежал за вами на башню!

Молодец, мелькнуло у меня в голове. Миртус старается угадывать, что мне нужно, образцовый слуга.

Через пару минут маг выскочил к нам, глаза расширенные.

— Я ощутил... — прохрипел он, хватая широко распахнутым ртом воздух. — Он здесь... А, вы его уже...

— Уже, — подтвердил я. — Сможешь его обезопасить?

— Теперь да, — ответил Миртус. — Он вообще все истратил. Пуст, как бурдюк без вина.

Объясняя, он быстро чертил в воздухе геометрические фигуры, лицо сосредоточенное, брови сдвинуты, челюсти крепко стиснуты. Черный маг хрипел, но струйка крови из рта иссякала. Глаза его упрямо зыркали из-под мясистых век.

Миртус коротко бросил ему:

— Останови кровь! Это можно.

Маг осторожно покосился на Бобика, на меня.

— Можно, — подтвердил я упрямо. — Но не больше, понял?

Его рука медленно поднялась к груди, пальцы помассировали сердце. Капюшон свалился на плечи, открыв немолодое лицо с черными, уже седеющими волосами. Длинный крючковатый нос, черные кустистые брови, пронзительные глаза навывкате, впавшие щеки и узкий рот с бледными тонкими губами. Такой может быть политиком, магом, но не крестьянином.

— Будь осторожен, — предупредил я. — Вычислили мы тебя быстро. Просто следили, чтобы понять, что тебе нужно и... что ты можешь. Так что справимся легко, но... рисковать не станем. Как только ты... словом, уьем сразу.

Миртус наблюдал за ним еще внимательнее. Он время от времени добавлял заклятия, а когда на площадку, грохоча тяжелыми сапогами, ворвались воины снизу, он сам, не дожидаясь моего распоряжения, велел связать пленника, заткнуть ему на всякий случай рот и тащить вниз.

Арестовывали раньше, как я слышал, обычно по ночам, а допрашивали на Лубянке уже под утро: самое удобное время, воля схваченных в это время дает трещину. Арестованные все выкладывают и во всем признаются.

Из-за окна донесся крик петуха, я уже привык, что эти идиоты орут среди ночи, это раньше наивно считал, что кричат на восходе солнца. Пленника доставили в пыточный подвал, растянули у стены и приковали к ней толстыми железными цепями.

Миртус следил очень внимательно, маг поглядывал на него угрюмо и настороженно. Для меня принесли кресло, я сел напротив схваченного, развалился понебрежнее, я же лорд, жестокий и самовластный, казнь без всякой жалости. Если не понравится поведение пленника, весь арсенал применение к нему, начиная от разбивания молотком пальцев на руках и ногах и заканчивая сдиранием шкуры с живого.

Миртус поглядывал на меня с удивлением, я должен бы корчиться в зверской ломке после его зелья, я в самом деле чувствовал себя временами хреново, но ускоренная регенерация бдит, перехватывает симптомы и тут же принимает меры.

По моему сигналу изо рта пленника выдернули кляп. Он осторожно подвигал занемевшими губами, чуть приоткрыл и закрыл рот, проверяя челюсть. Миртус наблюдал очень внимательно, как и Бобик.

Пленный маг чаще поглядывал на Адского Пса, чем на Миртуса. Лицо при всей неподвижности каменело, когда Пес поворачивал к нему голову.

— Вы не взяты в плен, — сообщил я мрачно, — на поле боя, когда берут... э-э-э... пленных. Вы захвачены за контрафактными и противоправными действиями. Следовательно, на вас не распространяются гааго-женевские конвенции о гуманном обращении с военнопленными. Мародеры, партизаны и парашютисты не считаются ими... в смысле, военнопленными, а являются всего лишь диверсантами. Их над-

лежит расстреливать на месте. Предварительно, конечно, подвергнув всяким и разным пыткам.

Пленник посмотрел на меня надменно.

— И зачем вы мне это говорите?

Голос его звучал хрипло, но с достоинством. Я кивнул, соглашаясь.

— Я тоже всегда удивляюсь, зачем схваченным зачитывают их права?.. Какие могут быть права у арестованных? А вот мы воспользуемся своими демократическими свободами во всю ширь!.. Эй, палач!

Палач погромел жуткого вида инструментами своего ремесла, раскладывая поудобнее, ответил густым голосом медведя-шатуна:

— Да, ваша светлость?

— Готов?

— Полностью, — сообщил он радостно. — Я тут придумал новый способ, как с живого шкуру снять так, чтобы жил еще недели две... В муках, правда, но жил! А из его шкуры можно сделать барабан и прямо тут играть на нем что-нить веселое, жизнерадостное...

— Хорошо, — одобрил я. — Люблю, когда веселое... Надеюсь, он тоже запоет.

Палач захохотал:

— Еще как! Громко.

От меня не укрылась легкая гримаса отвращения Миртуса. Я всматривался в пленника, стараясь как можно быстрее понять, с кем имею дело. На той стороне подвала добровольные помощники раздувают горн, палач с удовольствием перебирает металлические крючья, щипцы, длинные спицы. Двое слуг спешно заменили ремни на дыбе, еще двое плотников прямо в подвале тешут кол и готовят приспособление, чтобы лишь поворачивать легонько ворот, а заостренный кол будет по сантиметру загоняться в задницу допрашиваемого.

— Жаль, — обронил я, — что вы не благородного сословия. Тогда вас судили бы лица равного ранга. И не было бы

этих пыток, придуманных исключительно для простолюдинов.

Он высокомерно смолчал, не заорал, что он-де дворянин, но я внимательно наблюдал за его лицом и заметил то крохотное изменение, промелькнувшее на долю секунды, что выдавало его с головой.

— Но, — продолжил я как ни в чем не бывало, — вы шпион из простонародья, так что все самые унижительные пытки испробуете на себе...

И снова он смолчал, хотя теперь я замечал и другие признаки благородного: прямую спину, надменный взгляд, гордую осанку. Как ни прикидывайся простолюдином, но это может пройти только в толпе, что бредет через распахнутые ворота, а вот так, с глазу на глаз, при внимательнейшем просмотре, шила в мешке не утаишь. Слишком уж по-разному приучают держаться простолюдинов и благородных, начиная с раннего детства.

— Имя? — спросил я.

Пленник посмотрел на меня мутно, промолчал. Я кивнул палачу, тот зловеще ухмыльнулся и начал заново деловито перекладывать щипцы, клещи, крючки, длинные штыри для протыкания тел насквозь, эти пугают особенно, хотя далеко не всегда смертельно.

— Все равно скажешь, — обронил я небрежно. — Когда от боли потеряешь создание... но не способность говорить, то будешь рассказывать все, даже самое что ни есть сокровенное. В том числе и то, что сам забыл! Как в штанишки писал в детстве, как за голой мамкой подглядывал...

Он ухитрился взглянуть на меня свысока, но промолчал, а я благоразумно не сообщил, что даже молча уже дает ясные и недвусмысленные ответы. Сейчас вот сказал громко и четко, что защитил себя если не от пыток, то от боли. И мои угрозы — пустое бахвальство неумного лорда, который и захватил его лишь по случайности да при помощи Адского Пса.

Я внимательно посмотрел на пленника.

— Миртус, мне иногда кажется, что он все же человек благородного сословия. Потому после обязательной программы подвергни его еще и утонченным пыткам. Изысканным!

Миртус молча кивнул, а палач спросил непонимающе:

— Куртуаэным?

— Можешь и куртуаэным, — разрешил я. — Это просто-людина будешь молотком по ногтям, а человеку благородному надо либо иголки под них же, либо красиво сдерживать щипцами.

Он чесал затылок:

— Ваша светлость, но мы ж не знаем, благородный он или нет.

Я вздохнул:

— Да, молчит... Ладно, тогда, чтоб не ошибиться, сперва как простого, а потом как благородного. Только пусть сперва Миртус снимет с него защиту от боли, а то некоторые трусы стараются себя защитить, хотя настоящие мужчины так не поступают! Они без всякого обезболивания смотрят даже в глаза зубному врачу... Кстати, пусть ему спилят зубы до самых десен. Это такая изысканная, даже, не побоюсь этого слова, куртуаэнейшая боль!

Пленник заметно побледнел, а палач с довольным видом взял молоток и посмотрел на тонкие пальцы пленного с красивыми ногтями.

— Значит, я сперва расплющу, а иголки потом?.. Красота... Как-то в детстве попал себя молотком по пальцу, вот с тех пор помню и считаю, что это такое... такое... удовольствие! Когда не тебе, а ты кому-то... га-га-га!

Я сказал пленнику сочувствующе:

— Не хотите что-нить сказать?

Я видел по его лицу, что ему отчаянно хочется сказать, все выложить, во всем признаться и даже написать обращение к своему королю с просьбой о выкупе, но, увы, благородство происхождения накладывает печать на все естественные, что значит трусливые позывы души.

После недолгой борьбы он проговорил надменно:

— С быдлом не разговариваю.

Заскрипела дверь, в подвал спустился барон Альбрехт. Со ступенек помахал рукой.

— Я не помешаю?

— Если не броситесь защищать, — ответил я.

— Боже упаси, — сказал он. — Я только и думаю, что бы этому мерзавцу такое придумать, чтобы его окровавленная туша висела посреди двора, а он чтоб жил и все чувствовал!

— Гуманный вы человек, — согласился я. — На миру и смерть красна. А мы вот тут его планируем и... кончить. И закопать то, что от него останется.

— Лучше собачке отдать, — напомнил Альбрехт. Он подошел к пленнику, оглядел его с головы до ног. — Это ей как раз на один обед.

— Обижаете, барон, — возразил я с укоризной, — моя собачка сразу добавки запросит!

Я повернулся к пленнику, снова смерил взглядом его с головы до ног, но уже снисходительно, даже весело, как Петр Первый смотрел на захваченных в плен под Полтавой шведских генералов.

— Вы допустили ряд промахов, — сказал я доверительно и подмигнул, мол, мы же свои, маги высокого ранга, остальные даже не поймут, о чем мы говорим.

Он поинтересовался надменно:

— Каких же?

— Первый, — ответил я с удовольствием и продумал, что становлюсь похож на того стандартного злодея, что начинает нудно рассказывать главному герою, как и на чем поймал, а тот тем временем перетирает за спиной роялем веревку на связанных руках. — Первый промах в том, что вы написали это «Вы все умрете!», а ведь практически все население неграмотно. Это показало, что вы из того круга, где читать и писать умеют все.

Он смотрел бесстрастно, но я и не ждал немедленного

отклика. Я замолчал, наконец, его красиво вычерченные губы изогнулись в презрительной усмешке.

— Допустим. А дальше?

— Затем, — продолжил я, — спохватившись, вы нарисовали жуткую харю. Понимаете?

Он поинтересовался ядовито:

— И где здесь промах?

— Вы нарисовали профессионально, — объяснил я. — Знаете, даже по самому простому рисунку можно определить, есть у человека способности к рисованию или нет. Для этого не надо рисовать масштабные полотна! Заставьте крестьянина... или даже рыцаря нарисовать круг, квадрат или рожицу — будет совсем не то, что выйдет из-под одного взмаха руки умельца.

Он спросил уже с интересом:

— И что дало вам такое знание?

— Во-первых, показало, что имеем дело не с человеком, который прибыл просто убить лорда. Тогда бы прислали диверсанта попроще. Ваша задача была масштабнее. Во-первых, запугать людей в замке и показать, что с такой силой, какую представляете вы, бороться невозможно. Для этого недостаточно пугнуть один раз, это могло быть случайностью и скоро бы забылось. Я прикинул, что нужно было повторить не меньше пяти раз, чтобы челядь уверилась в полной беспомощности сюзерена, а напуганные рыцари начали разъезжаться по домам, не желая погибать вместе с обреченным лордом.

Его лицо не изменилось, но я уловил, что попал в цель.

— Это дало мне время без спешки изготавиться к поимке, — сказал я. — Именно без спешки!.. Не роняя достоинства. А так как рыцари и не думали разъезжаться, вы начали творить эти непотребства с разливанием супа на кухне, жуткими воплями и сталкиванием слуг с лестницы. Особенно когда они важно так шествуют с подносом, полным еды... Но так поступают и другие гости, так что ничего особенного.

Альбрехт сказал быстро:

— Мой лорд, можно слово?

— Да, — ответил я, — говорите, любезнейший барон Альбрехт.

Альбрехт уничтожающе посмотрел на пленника.

— Вы свое происхождение выдали еще и тем, что даже не попытались убить кого-то из гостей сэра Ричарда! Ведь это подействовало бы больше!.. Но не попытались. Почему?

Пленник скривил губы:

— Виной мой добрый нрав.

— Не увиливайте, — возразил Альбрехт. — Виной ваше происхождение! Рыцарь рыцаря убивает только в случае самой крайней необходимости. Мы все члены одного ордена — рыцарского, и мы верны прежде всего ордену, а уж потом — королям. А простолюдин бы убил с охотой!

Глава 16

Пленник надменно смолчал, но по лицу мы видели, что по крайней мере что-то узнали и даже доказали. В моих владениях уже есть один маг благородного происхождения, фон Рихтер, но тот сразу стал магом, а этот, похоже, долгое время не выпускал из руки меч, а магией заинтересовался недавно, да и то потому, что, вероятно, обнаружил в себе немалые природные возможности.

Я сказал пленнику:

— Однако вы не признаете ни своей вины, ни происхождения. Отказываетесь даже сообщить свое имя. Увы, я просто обязан подвергнуть вас жестоким пыткам.

Он гордо вскинул голову:

— Меня это не страшит.

— Не сомневаюсь, — ответил я. — Король Гиллеберд не производит впечатление дурака. Он послал на такое задание явно не простого человека. Вы ему верны и преданны... возможно, даже какой-то родственник? Или старый друг? Или

человек, которому он некогда оказал важную услугу, и теперь вы считаете себя в долгу?

Веки его в какой-то миг чуть дрогнули, я понял, что одна из моих трех стрел ударила в самое яблочко. Но пленник молчал, не сообразив, что, смолчав, согласился с утверждением, что его прислал Гиллеберд. Как маг он силен, как рыцарь — благороден, но как шпион — простак, прокаляется даже при таком лопухом следователе, как я.

Сэр Альбрехт недовольно засопел.

— Сэр Ричард, — предложил он, — отдайте его мне. У меня есть пара таких умельцев, что он к утру все расскажет! И своего Гиллеберда будет поносить всеми словами.

Пленник скривил губы, презрение его было столь велико, что не изволил даже раскошелиться на реплику. Я сказал задумчиво:

— Теперь... по нашим мужским понятиям... гм... я должен нанести ответный удар... Я знаю пару заклятий, которыми можно обрушить дворец короля Гиллеберда... Одно просто разрушит здание, а другое и вовсе расколет под ним землю, так что все рухнет в бездну... геенну, так сказать... Правда, оба заклятия довольно дорогие, но чего не сделаешь для такого великого человека, как мой сосед, Его Величество король Гиллеберд!

Щеки пленника посерели. В глазах метнулся ужас, но стоял он по-прежнему прямо, лицо гордое, левая нога чуть выдвинута вперед, насколько позволяют цепи, а плечи развернуты.

Барон Альбрехт оживился.

— Хорошо, хорошо, — произнес он, потирая руки. — Вы только скажите, сэр Ричард, каких компонентов недостает! Вмиг разошлю людей, всех колдунов и магов перетрясем.

Я отмахнулся:

— Да все есть. Даже на два дворца. Но берегу на особые случаи.

— Так это и есть особый! — возразил Альбрехт.

Я сказал с сомнением:

— Да как-то еще не уверен...

— Что? — изумился барон. — К вам заслали такого врага, а вы не считаете это особым случаем?

— Нет, — ответил я честно.

— Почему?

— Да все не забываю, что я — гроссграф. Неважно, признали меня все лорды или нет, но для большинства я уже гроссграф. А это обязывает.

Пленник тоже смотрел с недоумением, Альбрехт спросил настороженно:

— К чему обязывает?

Я вздохнул.

— Принимая регалии, принимаешь и все, связанное с ними. Не только власть, но ответственность и даже риски. Короли и банкиры... в смысле, ростовщики, самая опасная профа, даже если окружаешь себя телохранителями. Покушения — обыденность для королей и вообще любых элпээров.

Он переспросил:

— Элпээров?

— ЛПР, — сказал я, — в моем королевстве так называют лиц, принимающих решение. Я вот сейчас ЛПР, то есть еще не гроссграф, но принимаю решения за правителя всей Армландии. Такие люди, как понимаете, тоже мишени, да еще какие! Так что не расцениваю покушение, как личное оскорбление или месть. Это просто одно из средств государственной политики. Вынужден отдать должное королю Гиллеберду, он поступил дальновидно и мудро: не стал вторгаться большой армией в наши земли, что вызвало бы ненужный резонанс, а попытался просто устранить помеху весьма эффективно и с помощью точечного удара.

Барон Альбрехт морщился, кривился, зло гримасничал и даже хватался за рукоять меча при таком славословии заклятого врага, теперь уже явно врага и явно заклятого.

Пленник слушал с непроницаемым лицом, но в глазах я уловил сильнейшее удивление.

— Пожалуй, — проговорил я в раздумье, — поступим мы следующим образом. Признавая, что я вел себя достаточно грубо и вызываясь во дворце Его Величества короля Гиллеберда... в смысле, вел себя достойно и безупречно рыцарски, но для государя, гм, все же нормы несколько иные, а гроссграф — тоже государь в известном смысле... да, так вот, я предлагаю считать инцидент исчерпанным.

Оба смотрели на меня, вытаращив глаза. Даже пленник, уже изготовившийся к мученической смерти, набрал в грудь воздух и застыл так, а потом, поперхнувшись, закашлялся. Барон Альбрехт побагровел, но с усилием взял себя в руки. Глаза его сверкали, как обнаженные клинки.

— Сэр Ричард, — прорычал он, — но я настаиваю, чтобы в королевство Гиллеберда послали нашего человека!

— Нет, — сказал я.

— Не для прямой и немедленной акции, — пояснил Альбрехт настойчиво.

— А на тот случай, если какие местные круги убедят Его Величество короля Гиллеберда повторить нынешнее покушение...

Я задумался. Альбрехт смотрит немигающе, лицо дергается в злых гримасах, что для него очень нехарактерно. Зато, конечно, вполне убедительно для тех, кто его не знает.

Я посмотрел на пленника, тот превратился в слух, еще не верит, но не пропускает ни единого слова, ни единого жеста. Я вздохнул горестно, развел руками.

— Впрочем, вы правы. Я вообще-то надеюсь, что король Гиллеберд, известный своей мудростью и дальновидностью, предпочтет мир и торговые договоры бесконтрольному обмену ударами... но учитываю и то, что позиции лордов сильны и в его королевстве. Потому... гм... только на тот случай, если король все же поддастся их нажиму... эх, как не хочется!.. все же придется принять меры предосторожности. Да, пошлите туда человека... нет, лучше двух.

И чтоб они действовали независимо один от другого. Если одного вдруг схватят, чтобы второй не медлил... В смысле, бил сразу. Или если что случится здесь, ну, вы понимаете...

Барон Альбрехт отчеканил громко и кровожадно:

— Весь дворец со всеми его жителями — в бездну!.. Нет, сперва на мелкие камешки, так страшнее, а потом — в геенну!

Я вздохнул, повторил:

— Но только в крайнем случае!

— Как только на вас совершат покушение, — подтвердил барон.

— Как только преуспеют, — возразил я.

Он сказал упрямо:

— Нет, даже если будет неудачное! Не спорьте, сэр Ричард, это касается всех нас. Как рыцарь вы сами за себя, но как гроссграф... это уже и наше дело.

Я всем своим видом постарался показать, как огорчен и вообще поник, хотел бы иначе, но любой правитель опирается на своих подданных и потому зависим от их мнения, вот и я с великой неохотой, но сказал роковые слова:

— Хорошо, хорошо... будь по-вашему. Как только здесь на меня попытаются совершить покушение, пусть сразу же нанесут ответный удар. Но только проверьте, чтобы король был именно во дворце. Если же тайком выедет в какой-нибудь загородный замок, разверзнем землю под тем его... местом пребывания. Я предпочитаю, чтобы случайных жертв было поменьше.

К пленнику подошли с молотками кузнецы. Он все еще не верил, но они сбили с него оковы и отшвырнули цепи. Я кивком указал на дверь из подвала. Пошатываясь, он начал подниматься по ступенькам, на верхней оглянулся, на лице все еще сильнейшее изумление.

— Сэр Ричард, насчет покушения...

— Слушаю вас, — ответил я почти любезно.

— А если Его Величество король Гиллеберд будет ни при чем?

— Как это?

— Если на вас попытаются совершить покушение ваши же лорды?

Я не успел открыть рот, только подумал с уважением, что Гиллеберд очень умело выбрал человека, настолько преданного, что даже сейчас думает прежде всего о деле, с которым его послали, но Альбрехт вскочил и, с грохотом ударив руками по столу, заорал запальчиво:

— Клянусь всеми святыми, ответный удар будет нанесен по королю Гиллеберду тут же! А уже потом начнем разбираться: сами они додумались до такой дури или же посланцы вашего короля поработали, как всегда, сдуру и спяну.

Пленник проигнорировал его, взгляд только на меня, я развел руками:

— Увы, все так сложно... Боюсь, что сэр Альбрехт прав. Кто бы ни попытался меня убить, подозрение падет на Его Величество короля Гиллеберда. Так что ответный удар, боюсь, неминуем. Мои лорды будут оскорблены, если не ответим сразу же и со всей жестокостью. Се ля ви, сэр!.. Мир жесток и не всегда справедлив. Но я надеюсь, что мы с Его Величеством королем Гиллебердом приложим все усилия, дабы сделать его светлее и радостнее. Передайте, что я не так жду посла, как советника по экономическим вопросам. С полномочиями заключать торговые договоры.

Стражи продолжали держать ворота распахнутыми. Пленный маг поклонился.

— Я все передам Его Величеству.

Двери за ним закрылись. Барон Альбрехт вздохнул, лицо из разъяренно-заносчивого сразу стало строгим и деловым.

— А что, — спросил он, приглушив голос, — у вас в самом деле есть такое...

— Нет, — ответил я шепотом, лицо Альбрехта не изменилось, но я ощутил, что он разочарован, и я добавил: — Но кое-что в рукаве есть, есть. Не со всем еще и разобрался, честно говоря! Мне бы в самом деле залечь в этой норе

на зиму, чтобы не тревожили. Вдруг да смог бы разобраться, что нахал по дороге?

— Много нахалели? — спросил он деловито.

— Много, — признался я. — Или не очень, определить трудно. Сперва нужно собрать все в кучу, а потом, когда разберусь... и если разберусь, тогда и пойму — много нахал или... мусор подбирал. Кстати, выношу высочайшую благодарность, что мгновенно сообразили, как надо сыграть.

Он отмахнулся:

— Сэр Ричард, я же лорд... Я и должен быть вспыльчивым и заносчивым! Это признак благородного происхождения. От меня этого ждут. — Его улыбка стала шире, он сказал с уважением: — Он готов был вытерпеть любые пытки! Но вы его переиграли.

Я пожал плечами:

— Я не слишком... гуманист. Если бы можно было все получить пытками, я не стал бы ломать голову. Увы, стойкие и благородные люди почему-то есть и на той стороне.

Все это время Миртус молчал и вообще старался не двигаться, чтобы не привлекать внимание. Сейчас он глубоко вздохнул, спросил тихо:

— Ваша светлость... мне можно идти?

— Иди, — разрешил я. — Ты хорошо поработал, Миртус.

Часть 2

Глава 1

Белая ярость вьюги погрузила замок в пелену наподобие густого тумана. Я выглянул в окно, на миг почудилось, что утонули в молоке. Только когда перешел на другую сторону башни, там через белую круговерть рассмотрел мутное оранжевое пятно: светящийся камень продолжает работать, хотя в такую метель хозяин собаку из дому не выгонит и сам предпочтет, чтобы его повесили в тепле, чем выйти в такую жуть.

Прямо из стены вышел человек, на удлиннном лице саркастическая улыбка, брови резко изломаны в том стиле, что признан «мефистофельским», но глаза как у Паскаля: мудрые и все понимающие.

— Холодно? — спросил он бодро. — Не одобряете зиму?

Я ответил так же приподнято:

— У природы нет плохой погоды, когда в душе человека огненная искра. Если ее раздуть, то что морозы?

Он удивленно вскинул брови.

— Огненная искорка? Это, простите за выражение, частичка Творца? Душа?..

— Именно.

Он покачал головой, в темных, как бездонные омуты, глазах я прочел немой укор.

— Простите, сэр Ричард, — сказал он несколько отстраненно, подчеркивая, что некое установив-

шееся понимание между нами начинает быстро истаять, — но вы что-то не то говорите. Наши противники сделали все, чтобы извратить суть наших идей. Вот даже вы уверены, что мы пытаемся загасить эту искру... Не так ли?

Я пробормотал в смущении:

— Ну... у меня пока слишком мало информации для окончательных выводов...

Он вскинул брови, внимательно вслушиваясь в слова, то ли незнакомые, то ли непривычно звучащие.

— Гм... Уже хорошо, что не делаете скоропалительных выводов. На самом деле между нашей фракцией и фракцией Михаила борьба за человека... продолжается. Не за то, чтобы загасить или раздуть эту искру, об этом не может быть и речи, а за наследство Творца...

Я буркнул:

— Он еще не умер, а вы уже имущество делите?

— Он все бросил, — отрезал Сатана жестко. — Бросил и покинул. Где он и что с ним — неизвестно. Не только мне, но и Михаилу. Как и всем другим архангелам, силам и престолом. А имущество, да будет вам известно, приходит в негодность, если о нем не заботиться!

Я сказал, защищаясь:

— Да вроде бы мир устроен так, что все в нем саморемонтируется! И саморазвивается.

— А в какую сторону развивается? — спросил Сатана. — Вот за выбор путей для человека и длится этот бой.

Я стиснул челюсти. Ненавижу, когда за меня кто-то выбирает: родители, воспитатели в детском саду, в школе и в армии, на работе, а кроме того — политики, дизайнеры, модельеры... За меня решают, что мне читать, надевать, каким шуткам смеяться, а каким хмуриться, я должен ненавидеть расизм и негров, говорить политкорректно и осуждать патриотизм, заниматься сексом часто и на виду — это говорит о моей лояльности, террористы и подпольщики сексом вроде бы не занимаются, во всяком случае не говорят о нем постоянно, кроме того, я должен голосовать только за...

— Да пошли вы все, — вырвалось у меня, я поспешно добавил: — Простите, я выразил вслух реакцию нормально-го человека со здоровой психикой. За Творца никто не решает?.. Ну вот, а человек — по его образу и подобию. Он дал возможность человеку самому решать.

Он поморщился.

— Не смешите. Сами прекрасно знаете, что все на вас действует. Даже погода, дурное настроение, ушибленный палец, подгорелое мясо... А уж бродячие проповедники так и вообще способны увлечь за собой массы на любую дурь. Потому мы следим за человеком и пытаемся на него воздействовать так же, как и Михаил со своей шайкой лизоблюдов.

— Ого!

— Представьте себе! И человек по-прежнему — яростное поле боя. И каждый ваш поступок, как бы вы ни говорили о свободе воли, — следствие нашего воздействия. То есть фракции Михаила или моей!

Я помолчал, оглушенный и подавленный, но бунтарская нотка заставила промямлить:

— Да... кто спорит... Белый ангел за правым, афроамериканец за левым... Каждый нашептывает свое... Ага, но все-таки, все-таки только нашептывают, но не рулят! А куда идти и в какую дурь вляпаться — выбираем сами. Так что насчет воздействия не преувеличивайте. Сами же сказали, что на нас действует даже поданный без сахара кофе, давка в транспорте или девка с вот такими!..

Он смотрел бесстрастно, но я уловил, что отыграл карту, и притоптанная было душа моя ожила и возрадовалась. Никто мною не рулит. А эти белый и черный за спиной — что-то вроде надоедливой рекламы. Мы так быстро научились не замечать ее только потому, что за века притерпелись к постоянным советам над правым и левым ухом и тоже научились на них не обращать ни малейшего, да, ни малейшего.

Или обращать, но не больше, чем на ту же рекламу. То есть замечаем, но она не рулит нашими поступками. Изво-

лим — купим, не изволим — пошел бабочек ловить, и без разницы, кто подал совет: белый, черный или китаец.

Сатана уловил, что я отыскал какие-то прочные доводы и взобрался на них, как лягушка на болотную кочку, это я понял по его чуть помрачневшему лицу.

Заговорил он с прежней мягкостью и убедительностью опытного адвоката:

— Сэр Ричард, вы в своей понятной настороженности полагаете, что противник ваш — я, а Та Сторона — союзник. Точнее, ваш сюзерен, которому вы принесли присягу и должны повиноваться.

Я подумал невольно, что присягу я не приносил и Той Стороне, то есть Творцу, так что свободен, аки птица в поднебесье, что срет на всех, ползающих на поверхности, не разбирая, кто простолюдин, а кто король. А для меня, как демократа, очень важно как раз срать на все обязанности и устаревшие моральные ценности. А они все — устаревшие.

Он смотрел на меня неотрывно, я старался удержать неподвижной морду лица, да не уловит колебаний, физиономист хренов, нет во мне колебаний, я аки утес на Волге, под которым персидскую царевну.

Не дождавшись реакции, он продолжил с мягкой интеллигентной улыбкой:

— Сэр Ричард, я не просто говорю с вами, но говорю уважительно. Вы это заметили, конечно.

Я кивнул.

— Ну-ну, сперва вы мне на «ты».

— Но сразу же исправился, — возразил он, — как только вы свое неудовольствие извоили выразить! Теперь иначе, чем «сэр Ричард», я не обращаюсь.

— Согласен, — сказал я.

— А как обращается к вам Михаил?

— А это кто?

Он победно усмехнулся:

— Вот видите, даже не знаете.

Я не стал ртыться в памяти: конечно, знаю, это так, уел

просто. Но что верно, то верно, здесь Сатана попал в яблочко, архангел Михаил еще ни разу не снисходил до общения со мной. Видимо, держит ту же дистанцию, что и Творец в общении с бывшим соратником Люцифером, а ныне — Сатаной. Сатана, как понимаю, это вроде подпольной клочки. Люцифер — правая рука Творца, а тут уж если рвать связи, то рвать все.

Да и вообще вспомнил, как описывалась та заваруха: когда был создан человек и Творец сказал, что мир будет принадлежать ему, человеку, потому, дескать, вы все, крылатые, поклонитесь новому владыке мира, ангелы поголовно возмутились: мол, мы — выше, мы — огненная стихия, мы — сама мысль, а это существо из глины, мокрое и противное...

Господь на них цыкнул, большинство умолкло, но самые независимые продолжали возмущаться, пока не выступили вообще против. Их побил та партия, что «за решения Господа, какую бы тот дурь ни решил», но вообще-то все ангелы к человеку относятся ревниво. И недолюбливают его, если честно.

Михаил же не просто ангел, он архангел, на свете всего их семеро, все они как генералы среди рядовых ангелов, а тех миллионы, не считая ангелов-хранителей. Михаил же, как скромно пишут, и среди архангелов — «первый среди равных». Ну, как был Юлий Цезарь «первым среди равных» в сенате, пока ему не надоела та бодяга и не провозгласил себя императором. Михаил осторожничает, вон сколько о Творце ни слуху ни духу, но все еще не решается объявить себя не только Первым, но и Единственным.

Но кто знает, что задумал на самом деле.

Сатана смотрел на меня с интересом, быстрая, как ящерица, улыбка пробежала по его узким губам. Он сказал легко:

— Ладно, даже не спрашиваю насчет ваших дел...

— Вы же видите, — буркнул я.

— Не вижу, — возразил он, — что вам мешает оставить этот мир.

— Не все закруглил.

— Еще что-то есть?

— Да.

— Ладно, — произнес он, подумав, — отбываю, а вам на прощанье такой детский вопрос: если Бог есть, то почему его нет?

Он давно исчез, а я ходил по комнате, стискивая кулаки и сжимая челюсти. В самом деле, дьявол вот он — всегда есть, всегда зрим, а где же Бог? Почему оставил наедине?.. Впрочем, даже Иисус на кресте, когда распинали, закричал в отчаянии: Господи, Отец Мой, почему ты меня оставил?

Так что не надо ныть, я не один... оставленный. Может быть, это как раз и означает, что я — взрослый. Папа и мама то и дело спасают ребеночка, а когда ребеночек вырастает, он уже сам должен решать свои дела. Сейчас вот, размышляя по-взрослому, я начинаю улавливать, в каком месте и в чем натяжка. Как бы он ни говорил о Той Стороне, намекая, что они-де с Богом в контрах и каждый из них доказывает свое, но я-то вижу, вижу... Кто-то не заметит, везде ж дураки, один я умный, а где неумный, там знаком с яндексом, а это уже знак, что умный, раз ни одну порнуху искал.

На самом деле, основным оппонентом моего собеседника является не Бог, как бы Сатана ни подтасовывал факты, а кто-то из минионов Бога. Ну там архангел Михаил, Гавриил или Израил. Сам Господь с того момента, как низверг этого революционера с небес, внес его в игнор и больше с ним не общается.

Правда, известно и то, что у Сатаны сохранился свободный допуск на небеса. Мол, хоть и оппозиционер, но имеет право лично возносить жалобы Верховному. Но опять же, нет сведений, в какой форме это происходит. Возможно, он обращается к Господу, а отвечает ему кто-то из архангелов,

занявших освободившееся после его бунта место по правую или левую руку Бога.

Так что не надо про личные контры. Может быть, когда-то Люцифер был настолько силен и блистал, оправдывая свое имя, что в самом деле был равен по силе Богу... Я вообще-то могу предположить и вовсе крамольное, что раньше Люцифер вообще был неизмеримо сильнее, ну там в эпоху Древнего Египта, расцвета майя и ацтеков, Древнего Рима с его оргиями. Будучи гордым и надменным, он таким и остался и как-то не заметил, что родился младенец, который хоть и медленно, но постоянно набирал силу. И однажды стал настолько силен, что тысячи людей признали Его главным.

Конечно, Люцифер постарался уничтожить Его влияние массовыми казнями сторонников нового бога на аренах Колизея, тысячами распятых вдоль всех главных дорог из города в город, а также устраивал грандиозные цирковые зрелища для плебса с сотнями сражающихся гладиаторов, даже морскими битвами в специально выкопанных котлованах... но та новая вера оказалась сильнее старой, построенной на довольно простеньких, скажем прямо, чувственных удовольствиях.

И вот произошло открытое столкновение, деталей которого не знаем. Наверняка будут раскрыты, как и большинство секретных документов, только по истечении длительного времени, в данном случае — через два-три миллиарда лет, а то и больше. Словом, Люцифер в результате битвы... которая вполне могла быть заурядными выборами, но под пером хронистов превратилась в низвержение этого самого блистательного архангела, рухнул с его сторонниками вниз, в оппозицию.

Детали столкновения никому не известны, знаем только результат: Бог на небе, Люцифер — на земле. Ссора произошла из-за человека, которого Бог назвал своим наместником, что очень обидело ангелов. Теперь стараются всеми силами подосрать человеку и доказать Богу, что тот сильно

ошибся, отдав землю и весь мир человеку, а не им, более совершенным созданиям.

Главное же в том, что Бог в самом деле, что бы там церковь ни говорила о чудесах и явлениях, оставил человека наедине с Сатаной. Вдохнув в него душу, то есть частицу себя, он полагает, что этого достаточно. Люцифер же уверен, что если самого Бога чуть-чуть не свергли, то человека, в котором огонек едва теплится, намного проще накрыть мокрым одеялом чувственной страсти, пороков, пристрастий, чревоугодия и прочей похоти.

Я отвлекся от высокого, услышав, как далеко по коридору Макс жизнерадостно крикнул:

— Сэр Растер! Я там внизу велел наносить горячей воды в бочки! Пойдемте, искупаемся?

И едва слышный густой голос Растера:

— В бочках? Что это за купание?.. Я люблю в реке или в озере...

— В реке здорово, — послышался затихающий голос Макса. — Или в тихом озере, когда плывешь, как по зеркалу... Но сейчас же зима!

И ответ Растера:

— Да сколько той зимы?

Я вздохнул. Зима вообще-то всегда тянется бесконечно. Но потом да, как будто и не было. И все потому, что зимой ничего не происходит. А вот мне надо успеть многое. И не за зиму.

Приоткрыв дверь, я сказал вытянувшемуся стражу:

— Тут только что сэр Растер прошел. Пригласи его, если он не утопал далеко.

Послышались удаляющиеся голоса, я вернулся к столу с расстеленной картой. Как и вся Европа во времена Средневековья, Армландия покрыта, можно сказать, сплошным лесом, что прерывается то широкими реками, то горными цепями, а где стеклянными глазами озер.

Потому те изолированные участки вселенского леса

именуются местными по-своему: вот знаменитый Арденнский лес с жутким монстром-вепрем, на другом конце отмечен лес Оденвальд, а там, если память не изменяет, великий герой Костяной Зигфрид наклонился испить воды у ручья, и предатель Гаген нанес удар копьем в вышитый кленовый листок на спине, единственное уязвимое место...

Когда был в Тарасконе, кто-то рассказал мне, что в непроходимом лесу обитал чудовищный тараск, что пожирал всех путешественников, паломников и просто охотников. Его прокляла святая Марта, он издох, а на месте его гибели выстроили город, названный Тарасконом.

Вот этот лес, судя по названию, зовется Броселиандом, хотя это вряд ли тот самый. Скорее всего, реминисценция, ибо в настоящем Броселианде жили Мерлин с его Вивиян... ага, а вот и лес Оберон, знаменитое место чародейств... чувствую, придется пролить немало поту, очищая эти дебри и стараясь сделать их доступными для жизни. В Обероне Гунон Бордоский поддался чарам гнома, а в мрачной чаще Гекалла сгинул отряд христианских рыцарей вместе с доблестным бароном Луисом Корваланом во главе и приором Эрдочетом, который должен был защищать рыцарей от темных сил...

Сэр Растер явился с лязгом и грохотом. Он даже на отдыхе обычно в доспехах, чтобы не разнеживаться, шумно поприветствовал лорда и сюзерена и сразу завертел головой в поисках второго стола с яствами и кувшином доброго старого вина.

— Сэр Растер, — сказал я, — раз уж вы шли мимо, топайте ближе... В Армландии я новичок, а вы здесь не одного медведя съели. Нужна консультация.

Он приосанился.

— Ну да, кто же еще расскажет про здешние дороги? Знаю все до единой тропки! Разве что в Орочий Лес не заглядывал да в Зачарованный как-то не довелось. Просто не довелось, но собирался.

Я отмахнулся:

— Очистим и Орочий, и Зачарованный, и вообще все места сделаем пригодными для экономической экспансии. А орков приспособим камень добывать в каменоломнях! Камня понадобится много.

Он ахнул, опасливо посмотрел по сторонам и пугливо прикрыл рот ладонью.

— Я ничего не слышал, — заверил он. — Господи, да если это получится... вот где слава, вот где подвиги! Сэр Ричард, располагайте мною. Я хоть и старый конь, но моя остывающая кровь вскипает, когда растопыренные уши ловят звуки боевой трубы.

— Да это что, — ответил я почти равнодушно, — это наведение порядка в доме. А потом надо будет и с соседями... гм... подружиться покрепче. Чтоб без всякой автотаркии. Экономика и фрейдизм правят миром, а мы будем править экономикой и этим самым, если духу хватит.

Он посмотрел на меня с великим уважением:

— Как много вы знаете, сэр Ричард...

Я скривился:

— Истинный рыцарь, как бы он ни был беден, никогда не унижится до какой-либо полезной работы. Потому мы так хороши в сражениях, их полезным делом назвать трудно... Да ладно, не оглядывайся с таким испугом, мы тут одни, никто не слышит такой крамолы. Сэр Растер, я все изучаю карту... Как вы думаете, можно будет одновременно решить проблему бунтующих лордов и безопасность границ Армландии?

Он сказал осторожно:

— Как подскажет Господь.

Я покачал головой:

— Бог думает о нас, но он не думает за нас.

Карта растянута на всю столешницу, Растер заходил то с одного конца, то с другого, хмыкал, крутил головой, иногда рассматривал что-то с таким вниманием, словно наблюдал за красивой мужской дракой.

— Да, чудесная карта, — сказал он, — как будто лечу на драконе и рассматриваю все с его спины.

— Да, — согласился я равнодушно, — здесь, как я понимаю, мы граничим не с Турнедо?

Он наклонился над картой.

— Где?.. А здесь, в самом деле, нашим соседом является королевство Шателлен. Столица там Дартмут, это я так, на всякий случай. А то вдруг не спросите, а мне осведомленность показать хочется.

— Что за королевство? — потребовал я.

Он пренебрежительно отмахнулся:

— Да так, самое обычное, вдобавок мелкое. Меньше, чем Фоссано Барбароссы, меньше, чем Турнедо Гилленберга. Даже меньше, пожалуй, Армландии. Но все-таки королевство. Там достаточно графств и герцогств, чтобы считаться королевством. Земли населены неплохо.

Я в недоумении всматривался в карту.

— Не понимаю, — сказал я.

Растер повернул голову ко мне.

— Чего, сэр Ричард?

— Полоска тоненькая, — пояснил я. — И длинная. Тянется между Хребтом и королевством Гиллеберда.

— Верно, сэр Ричард. Наша Армландия соприкасается с Шателленом полосой не шире, чем в три-пять миль. А то и меньше.

— Не понимаю, — повторил я. — Для меня странно, что воинственный Гиллеберд не перехватил этот коридор, чтобы отрезать любые дороги из Армландии! Тем более что королевство Шателлен, как вы говорите, маленькое и слабое. Ведь слабее, чем Турнедо?

— Слабее, — подтвердил Растер. — Король Роджер Найтингейл, он правит сейчас Шателленом, воевать не любит. Сразу отдал бы Гиллеберду, если бы тот попытался отнять те земли.

— Так почему же?

Он посмотрел на меня с удивлением и некоторой жалостью. Мол, как ты живешь, если не знаешь таких простых вещей?

— Там на границе Орочий Лес, — пояснил он. — Туда все равно никто не смеет входить. Пока еще никто не вернулся. Король Шателлен охотно отдаст, но Гиллеберд не дурак. Если вдруг объявил бы тот лес своим, то, возможно, некоторые лорды начали бы предлагать отправиться туда всем войском и перебить всю нечисть. А Гиллеберд — расчетливый военачальник, хоть и король. В нем нет привычной королевской дурости. В смысле, не станет воевать с противником, силы которого неизвестны.

Я кивнул.

— Разумно. Гиллеберд — предсказуемый политик, что для меня очень удобно. Значит, на границе Армландии с Шателленом этот Орочий Лес, половина в Шателлене, половина у нас, и самый краешек заходит на земли Гиллеберда... и только он мешает дружественным связям наших братских народов?

Растер посмотрел на меня с удивлением.

— Вообще-то две трети на землях Шателлена, — сообщил он почти злорадно. — Потому Гиллеберд и не хочет отрезать их королевство от Армландии.

Я потребовал:

— Сэр Растер, расскажите о нашем восточном соседе.

— Что именно?

— Все. И подробнее, подробнее.

Глава 2

Он рассказывал, а я мыслил, строил планы, хотя странными путями бродит человеческая мысль: вот ломаю голову, как наладить отношения и с этим правителем, сосед все-таки, а следующая мысль уже о волосах в носу сэра Растера: такие длинные, что первыми пробуют суп в ложке, когда

подносит ко рту... И случайно или нарочно вошедшая служанка не присела к полу, укладывая поленья в камин, а нагнулась так, что определенные мысли сразу же во всей красе, такие яркие картинки, что прямо не знаю, а пальцы уже разок дернулись, что-то им тоже привиделось...

— Хорошо, — сказал я. — Картина, в целом, понятна.

— Будем воевать? — спросил он радостно.

— Безусловно, — ответил я бодро. — Но когда и с кем — пока неизвестно. Подумаю, кому бы дать отпор. Если понадобится, даже заранее... А есть у нас какая-то информация об императоре Карле?

Растер отшатнулся в удивлении.

— Карле? Да кто о нем не знает!.. Хотя и далековато от нас, но земля слухами полнится. Неустрашимый воитель, покори́л уже больше двадцати королевств, но, исполненный неустрашимости и воинской доблести, готов идти до последнего моря, как он сам изрек!.. Господи, сэ́р Ричард? Неужели... неужели с самим императором?

Голос его упал до шепота, в глазах ужас. Я поспешно покачал головой:

— Не так сразу, сэ́р Растер. Все должно созреть... Кстати, что вот за странная дорога? Какая-то непонятная петля вот здесь.

Я провел пальцем над дорогой, что шла прямая, как будто ее строили всемогущие инженеры, а потом вдруг начала пугливо шархаться в стороны.

Растер с лязгом пожал плечами.

— Там Сад Фей...

— Ого, — сказал я с удовольствием, — хоть что-то красивое! А то Орочий, Гиблый, Синее Болото... Когда метель уляжется, надо бы съездить... Вроде недалеко.

Он посмотрел на меня с сомнением, словно не был уверен в моем рассудке.

— Сэ́р Ричард, — сказал он, — я понимаю, у вас настолько горячее сердце, любой мороз вам... словом, нипочем. Но какие феи зимой?

В дверь заглянул страж.

— Сэр Ричард, к вам барон Альбрехт. Пустить или в шею?

— Что за грубый народ, — проворчал я. — В шею... Барона в шею нельзя. Их иначе, иначе... Впрочем, пусть входит, вопросы есть.

Альбрехт вошел сосредоточенный, совсем незимний, когда одно веселье как на уме, так и в других местах, отвесил на ходу учтивый поклон.

— Здравствуйте, барон, — сказал я. — Что-то вы серьезный... Вы правы, сэр Растер, как-то не подумал. Какой из меня гроссграф? Феи — это ж вроде бабочки-переростки, ну крыловским стрекозам родня... Муравьи в норках зимуют, а феи в каждом сезоне новые?

Растер покачал головой в сомнении.

— Да вроде тоже куда-то деваются на зиму. Потом у них все расцветает. Весной, правда, никто у них не бывал, грязь, дорог нет, а когда подсохнет, кое-кто попадал к ним. Рассказывают, крестьяне из деревни Брехаловка там не раз бывали.

Альбрехт перебил насмешливо:

— Сэр Растер, это все бабьи сказки. Я трижды туда приезжал. Никаких фей! Сад, правда, великолепный. Но бабочки там мелкие, как и жуки. И муравьев много!.. Муравьи, правда, крупные. Думаю, что если бы феи были, они бы в первую очередь извели муравьев.

Растер спросил недоверчиво:

— Но крестьяне ж видели фей? А кто-то и общался?

Барон Альбрехт фыркнул, выпрямился, весь из себя достоинство.

— Сэр Растер, вы можете допустить, что грубые простолюдины смогли узреть дивных фей, а человек мыслящий и с тонкой галантной душой, исполненной деликатности и всяческих достоинств, не заметил бы?

Растер протянул:

— Так это исполненный деликатности! А где такие? Вымерли...

Альбрехт улыбнулся, показывая, что оценил попытку старого вояки сострить. Но только попытку.

— Какие планы, сэр Ричард? Могут быть чем-то полезны?

— Можете, — сказал я. — Я отлучусь ненадолго, а вы тут присматривайте совместно, чтобы замок не растащили.

Альбрехт смотрел остро и недоверчиво.

— Я не должен спрашивать, куда направляетесь?

— Спрашивать можете, — сообщил я, — но вот ответа не обещаю.

— Тогда не буду, — улыбнулся Альбрехт, а специально для Растера пояснил: — Когда спрашиваю, а не получаю ответа — это урон престижу и рыцарскому достоинству.

— Вот как? — удивился Растер.

Лицо его просияло, явно начал вспоминать всех, кто ему не ответил, это ж какой пропадает великолепный повод вызвать на дуэль!

Сколько той зимы, если провести ее за хорошо накрытым столом, но мне нужно успеть даже не за зиму, а за оставшиеся пять дней, а то снова Сатана появится, а я разведу руками.

Что такое Зорр — помню так ясно, что иной раз мурашки по коже. Потому вылез из-под толстого одеяла затемно, хорошо — если доберусь за световой день, вооружился до зубов и поднялся в седло в доспехе Арианта, с его мечом и луком, с молотом у пояса и не забыл проверить, все ли кольца на пальцах. Пусть даже те, с которыми еще не разобравшись. Я запасливый.

И лишь потом закутался в теплый плащ, подгреб под себя длинные полы, к путешествию готов. Пес выбежал и прыгал вокруг, я наклонился и поцеловал в холодный нос.

— Я тебя люблю, — сказал я. — Отлучусь ненадолго! Замок оставляю под твоей руководящей и направляющей, понял?..

Горячий язык, как мокрой тряпкой, молниеносно очистил мое лицо от микробов. Я отшатнулся, вытерся рукавом, а Пес радостно гавкнул: подловил!

— Подловил, — согласился я. — Итак, бди и жди нашего возвращения!

Решетка заскрипела, поднимаясь, копыта Зайчика простучали по превратившимся в матовое стекло доскам моста. Я оглянулся пару раз, а когда замок отделился, пригнулся, зарылся в пышную гриву и шепнул:

— На север... На север, мой дорогой Зайчик...

Встречный ветер все усиливался, я страшился поднять голову, только рев урагана, затем свист и визг, а внизу немолчный шелест. Я не знаю, сколько так мчались, наконец, тело занемело настолько, что мои руки на конской шее закоченели и стали разжиматься.

Я прошептал:

— Стоп... Надо перевести дух.

Зайчик резко начал сбавлять скорость, визг перешел в рев, потом и тот утих, Зайчик остановился, я подивился внезапному безветрию, губы еле шевелились, но со второй попытки в ладони опустилась чашка с горячим кофе.

Над Зайчиком струится перегретый воздух, как над выпавшим из костра накаленным камнем. Он повернул голову, глаза багровые, в них бушует неистовый огонь, словно я заглянул через них в плавильную печь.

Кофе прогрел застывшую глотку, вторая порция согрела желудок. Я подумал насчет третьей чашки крепкого бодрящего напитка, но это уже допинг, надо уметь на своих ресурсах.

— Погнали дальше, — сказал я со вздохом. — Если бы я тоже умел так разогреваться...

Еще пару раз остановился ближе к полудню, снова напился горячего кофе, пятый раз пустил в обычный конский галоп, когда закат уже начал окрашиваться в багровый цвет.

Надо бы заскочить в какой-нибудь город по дороге, спросить: в том ли направлении двигаюсь. Я вертел головой

по сторонам, когда впереди начал вырастать необычный серый столб. Я успел рассмотреть статую человека, торопливо крикнул:

— Зайчик, стой, стой!

Он остановился как вкопанный, я едва не перелетел через его голову. Скалу из серого гранита умело обтесали так, что теперь это огромный косматый мужик с молотом в руке и скверной усмешкой. Широкие мускулистые плечи и вздутая грудь говорят о неимоверной силе, а внизу на постаменте старинными рунами высечено: «Тор, сын Одина».

— Так, — сказал я с облегчением, — похоже, я знаю, где мы... Едем верно, скоро покажется и сам стольный град.

Можно бы ехать, но странное чувство удержало, я смотрел на Тора, самого могучего из северных богов, пытался собрать в кучку новые мысли, что разбегаются, как тараканы. Сейчас вот чудится, что христианство выросло совсем не из смирения, как ему приписывают. Ну не могу я преклонить колени перед этим мужиком, пусть он даже в сто раз сильнее меня! Мужчине всегда трудно преклонить колени перед другим мужчиной. Он может преклонить их перед женщиной, ребенком или старцем, что уже как бы не мужчина, но не перед таким же здоровяком, налитым грубой силой и с такими мышцами. Даже если преклонишь из уважения, все равно останется гаденький подтекст, что преклонишь из страха перед его мощью.

Совсем другое дело — преклонить перед Господом Богом, что уж точно не здоровенный мужчина, а некий святой дух... даже не дух, а вообще нечто лучшее, что есть в человеке, то есть душа... Это как бы преклонить колени перед Идеей, перед своим служением чему-то чистому и великому, что есть одновременно и Бог, и то, к чему стремишься всей душой, всем сердцем и всеми фибрами.

Рыцарство настолько щепетильно в таких делах, что даже отправляясь на отвоевывание Гроба Господнего от неверных, относилось к Христу с покровительственным сочувствием, как к несчастному, которого надо спасти. Даже

колени преклоняли не перед ним, а перед Пречистой Девой. А перед Христом... гм... хоть и Бог, но все-таки мужчина, а к мужчинам в крови чувство соперничества, мы ж из той глины, из которой Сатана налепил потом обезьян, стараясь создать свое человечество.

— Из гордости выросло христианство, — сказал я вслух, чтобы самому услышать такую крамольную мысль, — из гордости и чувства достоинства... А смирение, послушание — брехня, все брехня. Из смирения только буддизм вырастет...

Задолго до крепости Зорр я начал останавливаться, сверять направление, и наконец узнал знакомые места, когда выехал из Зорра в поисках доблестнейшего рыцаря, верного слуги церкви, отважного сэра Галантлара.

Небо в облаках, запад воспламенился, а красное крохотное солнце неумолимо приближается к пылающей земле, словно намеревается окунуться в озеро расплавленного металла.

— Быстрее, — поторопил я, но не столько Зайчика, как себя, — не лето, ночь зимой не наступает, а прямо прыгает на плечи.

Зайчик наддал, на фоне пылающего неба, словно мы повернули на запад, грозно заблестали огнем каменные башни Зорра, приблизились. Снег скрыл выжженную землю, но кое-где ветер сдул все до земли, и я содрогнулся, видя прокаленную до твердости камня почву. Стена, самая толстая из всех, что я видел, с оплавленными камнями, кое-где вмятины, словно неведомая магия размягчила в каком-то месте гранит до вязкости мокрой глины, а затем туда камнем из катапульты...

Ворота в следах жестоких боев, высокие башни закопчены. Я привстал на стремянах, лагерь противника все-таки на почтительном расстоянии от ворот и от стен. Десяток шатров, около сотни костров, с таким войском столицу Зорра не взять.

Сердце сперва ликующе подпрыгнуло: Зорр выстоял,

хотя что-то в этом неправильное. Зорр не сдался, несмотря на пленение короля Шарлегайла. На башнях гордо реют его флаги, со стен на лагерь противника смотрят часовые. В лагере возле самого высокого роскошного шатра развевается имперское знамя грозного Карла. Такое войско не даст выйти обессиленным отрядам Зорра, но штурмовать, понятно, уже не сможет.

Я пустил коня в галоп, часовые на стене сразу повернулись в мою сторону. У ворот я остановился, крикнул:

— Свой!..

Сверху крикнули:

— Кто это «свой»?

— Здесь меня произвели в рыцари, — крикнул я. — Если помните, кто привез вам мощи Тертуллиана, я был с ними!

— Это было давно, — ответил стражник. — Назови имя!

— Да кто помнит мое имя, — ответил я тоскливо. — Сэр Ричард Длинные Руки!

На стене заговорили, а в лагере несколько человек вскочили на уже оседланных коней и понеслись в мою сторону. Со стены кто-то побежал вниз во двор, грохоча сапогами по каменным ступеням. Я на всякий случай снял с плеча лук и натянул тетиву.

Со стены крикнули:

— Сейчас откроем калитку!..

— Жду, — ответил я.

Со стены зло закричали стражникам ворот:

— Да побыстрее там! У нас нечем их отгонять, убьют парня...

Со стороны лагеря ко мне несутся пятеро, доспехи легкие, кони тоже сухие, поджарые, быстроногие. Я натянул тетиву, выждал чуть, пусть все пятеро войдут в зону поражения, разжал пальцы и тут же выхватил вторую стрелу, выстрелил и выхватил третью.

Только пятый всадник ощутил неладное, начал натягивать повод, повернул коня. Стрела ударила его сбоку в шею.

Калитка со скрипом отворилась, я пригнулся и, протискиваясь вместе с конем, посоветовал:

— Кони хорошие! Я бы на вашем месте их забрал.

— Господи! Да как же вы...

— Не теряйте времени, — подсказал я.

— Ну, парень...

— Он был с теми, кто привез мощи Тертуллиана, — напомнил ему другой.

Трое тут же выскочили наружу, никто из пятерых даже не дергается, стражники торопливо бросились ловить коней с опустевшими седлами. Я некоторое время наблюдал, готовый прикрыть их стрельбой, в лагере еще несколько человек вскочили на коней, но ощутили неладное, остались на месте. Коней переловили, только один не дался в руки и убежал обратно в лагерь.

Я вернулся в крепость. Меня окружили крепкие мужчины с суровыми лицами, я поймал себя на том, что смотрю с высоты седла с тем же трепетом, как и тогда, в первый раз.

— Коннетабль королевства Фоссано, — назвался я. — До нас докатилась печальная весть, что король Шарлегайл пленен. Я хотел бы повидаться со своими друзьями, которые могли бы рассказать мне, как это случилось. Ланселот в городе?.. Принцесса Азалинда?.. Кто вообще сейчас правит королевством?

Вперед шагнул высокий мужчина.

— Временно правит благородный сэра Беольдр, — сообщил он. — Сэр, вы можете оставить коня, о нем позаботятся. Пустых комнат у нас теперь много, вон в той башне можете выбрать любую.

Я спрыгнул с коня.

— Спасибо. Буду счастлив снова встретиться с сэром Беольдром! Но как случилось, что Карл отвел войска?

— Торн, — ответил он коротко. — Пока Торн не взят, королевство Зорр все еще вне власти Карла.

— А как Шарлегайл оказался в руках Карла?

Лицо воина потемнело.

— Он переодел своих рыцарей в паломников и захватил нашего сюзерена, когда тот отправился поклониться мощам святого Матвея в годовщину его распятия. Подлый трюк, но, увы, Карл сумел нанести нам большой урон...

— Но Зорр вы не сдали, — сказал я ободряюще.

Он качнул головой.

— Еще нет. Но такой день близок.

— Я это слышал еще два года тому, — возразил я. — Карл даже въехал в Зорр, это было при мне! И как бежал, как бежал...

Он оскалил зубы в беззвучной усмешке, глаза его смотрели с симпатией на человека, кто видел это своими глазами.

— Вы прекрасно стреляете, сэр, — заметил он.

В его словах почудился невысказанный вопрос, я ответил легко:

— Как рыцарь я не должен брать в руки лук, но как воин Господа я имею право бить врага всем, чем могу. Даже оглоблей! И все это будет красиво, мужественно и вполне по-рыцарски.

Один из воинов показал, как пройти в башню, хотя мне здесь все знакомо. Я осмотрел небольшую комнату, решил — подходит, и, заперев ее символическим прутиком в петлях для замка, вышел в город.

Глава 3

В храме закончилась служба. Я выждал, пока отец Дитрих переговорит с желающими пообщаться лично, вышел из тени. Он охнул, глаза расширились от удивления. Я приблизился и, смиренно склонив голову, попросил благословения.

Перекрестив, он обнял за плечи, всмотрелся в мое лицо, не выпуская из рук.

— Ты возмужал, Дик... Как быстро ты возмужал!

— Спасибо, отец Дитрих, — ответил я. — Но перед вами я все тот же щенок с мокрым носом. И сразу же вот прибежал за советом и помощью.

Он огляделся, кивнул на дверь во внутренние помещения.

— Пойдем, там все расскажешь. Чувствую, тебе есть что рассказать.

— Ох, отец Дитрих!

— Ты повзрослел, сын мой.

— Постарел, — проворчал я. — Заботы, святой отец, заботы! Как хорошо было беззаботным.

— Хорошо ли? — спросил он.

— Хорошо, — ответил я с горячностью.

Комната, в которую мы вошли, маленькая, чистая, пахнет ладаном. Отец Дитрих к моему великому удивлению извлек из стола два серебряных кубка и кувшин с вином. Когда темно-красная струя красивой дугой начала наполнять кубки, отец Дитрих объяснил:

— Кагор — единственное вино, освященное церковью. Итак, ты отбыл из Зорра...

— ...по поручению святейшей инквизиции, — продолжил я, — дабы узнать, что случилось с верным сыном церкви, доблестнейшим рыцарем сэром Галантларом, уехавшим в южном направлении. Он сумел одолеть черного колдуна, жившего в замке Амальфи, и с вестью об этом послал к вам оруженосца. И — все. Больше вы ничего о нем не знали. И послали меня проверить, как и что.

Он кивнул:

— Все верно. Ты узнал?

— Еще бы, — ответил я. — Отец Дитрих, если у вас есть еще и пожевать что-нибудь, а то рассказ мой, боюсь, затянется. Я ведь, в самом деле, отыскал Галантлара...

Он хлопнул в ладоши, появился неприметный монашек, выслушал приказ, через пару минут на столе появились полголовки сыра, миска творога и тарелка с белым хлебом. Отец Дитрих внимательно слушал, я рассказывал и сам на-

чал удивляться, как много вообще-то сделал и что время не совсем уж прошмыгнуло серой мышкой.

Монашек появился еще раз, заменив пустой кувшин на полный. Я во время повествования обнаружил, что уже разрываю ломти сочной ветчины, откуда только и взялась, а на соседнем блюде нас ждут куски буженины. Отец Дитрих охнул, когда я рассказал о попытке захвата власти во время Каталаунского турнира, потом слушал с неослабевающим вниманием, как я пробивался на Юг, постепенно обрастая титулами, землями и званиями.

Наконец, я дошел до гроссграфства, зябко передернул плечами, на фиг мне такая махина, посмотрел на отца Дитриха уже с надеждой.

— Запутался я, отец Дитрих. К счастью, пришла зима, все замерло, самое время остановиться и осмотреться. Ну, что натворил и что еще можно поправить при такой пустоголовости. А чтоб легче разобраться, я вот к вам... Да и недостает мне, честно говоря, вас, отец Дитрих. Все-таки Сатана — серьезный оппонент...

Он вздрогнул, подобрался. Взгляд стал острым, колючим. Но не перекрестился, не забормотал молитвы, даже не отшатнулся.

— Он снова тебя искушал?

— И не один раз, — признался я. — К тому же я такая свинья, отец Дитрих, что только и жду, чтобы искустись. Или чтоб меня кто-то хоть чуть искусил! Оправдание мне, значитца, надо...

Он пробормотал:

— Если оправдания, то еще не совсем погряз... А тебе в самом деле нужны оправдания или поддержка?

— Да лучше бы поддержка, — сказал я убито. — Хотя грех так сладок... Должен признаться, отец Дитрих, Сатана настолько умен и образован, что с ним общаться приятно. Намного интереснее, чем с большинством толкователей Слова Господня, то бишь, священниками. Их послушать, можно заподозрить, что Бог глуп.

Он не сводил с меня вопрошающего взгляда.

— Что он тебе предложил за душу?

Я вздохнул.

— Отец Дитрих...

— Да, сын мой?

— Оставим это для простолюдинов. И просто королей. Дьявол не дурак. Дурака Господь Бог не стал бы держать по праву длань. Десницу то есть. Так что он даже и не затевал этот дурацкий торг. Возможно, он и покупает так души у простонародья, но, полагаю, для людей высокого ранга у него есть другие соблазны.

Он кивнул, спросил коротко:

— Что он предложил?

Я развел руками.

— Отец Дитрих, я всегда восхищался вами. Вы смотрите всегда в корень. У вас нет заостренности церковных догм... К счастью, большинство еще в самом деле не заострились. У вас нет обычного невежества церковников, потому отвечаю честно: ничего он не предложил! Он просто ободрил меня на моем пути.

Впервые отец Дитрих дрогнул, впалые щеки покрылись смертельной бледностью. В глазах метнулся испуг, но через минуту я услышал тяжелый вздох. Отец Дитрих перевел дыхание, сухие пальцы все еще стискивают подлокотники кресла, но голос прозвучал почти так же ровно:

— Значит, полагает, идешь по дьявольскому пути?

Я сказал поспешно:

— Отец Дитрих! Не забывайте, что я сразу же пришел к вам. А мог бы сразу в бордель, раз уж я дьяволист. Даже если сбился с пути, то вас не собью. А вы как раз и можете помочь выправить ситуацию.

Он помолчал, поколебленный. Я видел по его лицу, что предыдущая мысль, явно опасная для меня, медленно уступает под напором сомнений.

— Сын мой, — проговорил он, — мне кажется, у тебя один путь...

— Какой?

— Уйти в монастырь, — ответил он коротко.

— Мне?

— Или в отшельники, — сказал он. — Нет, ты можешь не выдержать искуса. Вон как мучился соблазнами святой Антоний... Лучше все-таки в монастырь. Там, если понадобится, братья поддержат, помогут, укрепят дух.

Я, не раздумывая, покачал головой:

— Отец Дитрих, это не мой путь.

Он сказал печально:

— Я боялся, что ты так ответишь.

— Отец Дитрих!

— Сын мой, в монастырь уходили короли и даже императоры. Отказывались от власти, снимали с себя короны, все знаки власти, надевали простые власяницы и удалялись в тесные кельи замаливать грехи.

Я снова качнул головой.

— Отец Дитрих, а что тогда бегство от ответственности? Не знаю, как там короли, но я хочу дать бой. Я не замечал в себе такой воинственности, но сейчас я зол. Я никому не позволю записывать себя в свою партию и пользоваться моим бюллетенем. Я сам решаю, куда идти и с какой скоростью. Отец Дитрих, сейчас речь идет не о спасении моей души!

Он смотрел долго и печально. В глазах проступило новое выражение, нечто вроде глубочайшего сочувствия и соболезнования.

— Сын мой, — прошелестел его негромкий голос, — в тебе слишком много ярости. Ты оскорблен, что тебе предложили спасти свою бессмертную душу... всего лишь свою!.. Ты хочешь большего. Что ж, дьявол, в самом деле, намного активнее. Он наступает везде, где человек слаб. Как ты хочешь дать ему бой?

Я сказал обрадованно:

— Прекрасно, отец Дитрих, теперь переходим к техническим деталям!

Он помолчал, все еще нахмуренный и в сильнейшем беспокойстве, наконец, проговорил негромко:

— А ты уверен...

Он снова умолк, не в силах выговорить, я запоздало понял, воскликнул с укором:

— Отец Дитрих! Вы вольны сомневаться во мне, даже подозревать во мне эмиссара дьявола... но в себе-то вы не сомневаетесь?

Он ответил кротко:

— Сомневаюсь, сын мой.

— Отец Дитрих!

Он тяжело вздохнул.

— Не сомневаются только люди невежественные. Они уверены, что все знают, обо всем судят. Но знающий человек видит безумную сложность мира, пугается, теряется, чувствует свою полнейшую беспомощность...

— Этим дьявол и пользуется, — возразил я. — Он делает ставку на массового человека, на общечеловека, что есть быдло, плебс и демократ. Массового вести легко. Особенно — если в кабак, бордель и легализацию содомии. Потому и говорю, что умные люди обязаны быть деятельными. Я бы перестрелял всю эту... интеллигентствующую шваль, что на кухнях под водочку и соленые огурчики поносит любую власть, но сама никогда и нигде пальцем не пошевелит, чтобы что-то сделать полезное!.. Для страны, народа, общества — хоть для кого-нибудь! Но вы-то не интеллигентская гниль, вы — воинствующая церковь?

Он вздохнул еще тяжелее.

— Сын мой, я понял из твоей горячей речи, что дьявол в твоей стране сумел подчинить себе наиболее умных и грамотных... а с такой страной можно делать все, что угодно, ты прав. Но, боюсь, церковь тоже начинает терять свою воинственность.

Я простонал сквозь зубы:

— Только не это! Это поражение.

— Сын мой, а если в этом тоже рука Господа?

— Нет, — отрезал я люто. — В этом рука Сатаны!.. А рука Господа ведет сейчас нас, которые прибудут в мою Армландию и дадут бой Сатане на его поле и по его же правилам!

Отец Дитрих нахмурился:

— Сын мой, поясни свои странные слова.

— Я говорю, — сказал я с чуть меньшим жаром, — мы можем просвещать народ, повышать его экономическое... благосостояние, какие слова длинные и противные!.. выстроим школы... но не дадим взять Сатане верх! Господи, да постройка железной дороги вовсе не означает, что отвернемся от Бога и ринемся в объятия Сатаны, как это постарались показать в моей стране!.. И войска для крестового похода вполне можно перебрасывать и с помощью паровозов, а не только пешкодралом да на конях!.. Отец Дитрих, какие-то вещи я говорю непонятно, но это потому, что тороплюсь высказаться, убедить, доказать... Народ может быть богатым и просвещенным, но при этом оставаться верным настоящему сюзерену, а не его восставшему вассалу!

Отец Дитрих опустил веки, я временами думал, что уже не слушает, ушел в свои мысли, но когда я закончил, услышал его хрипловатый голос:

— Сын мой, твои речи непонятны, но я улавливаю суть.

— Слава Богу! Отец Дитрих, я в вас не ошибся.

Он перекрестился.

— Не ошибаются только в Боге.

— Отец Дитрих, — возразил я, — многие люди смотрят на Господа Бога как на слугу, который должен сделать за них всю грязную работу, потому и достают его тупыми и назойливыми молитвами. Но мы знаем, что никто не сделает работу кроме нас самих.

Он кивал, глаза оставались внимательными.

— Верно рассуждаешь, сын мой...

— А это значит, отец Дитрих, — подытожил я, — что я сейчас властвую над огромной областью, равной иному королевству. Как по землям, так и по населению. Очень хоро-

шо с природными ископаемыми... Ну, железной рудой, углем, медью. Может, и нефть есть, но это потом. У меня громадные, но реальные планы. Но мне хотелось бы, чтобы церковь держала руку на пульсе.

— Это как?

— Идеологическая работа запущена, — объяснил я. — Вражеские лазутчики свободно бродят по всем землям и насаждают чуждый образ жизни. Вернее, чуждый образ мыслей, что гораздо опаснее.

Он кивнул понимающе.

— Понятно, ты хочешь, чтобы мы послали туда миссионеров?

Я помотал головой.

— Нет.

— А чего же?

— Нужно строить школы на месте.

Он задумался, сказал с сомнением:

— Я не уверен, что у церкви найдутся свободные деньги. Наоборот, немало долгов...

— На роскошные ризы для епископов? — спросил я саркастически. — Чтоб золота и алмазов на рясе архиепископа было больше, чем на трех королевах?

Он вздохнул.

— Это не от стремления к роскоши, — произнес он грустно.

— А из-за чего?

— Чтобы быть вхожими в круг людей, вершащих судьбы королевств, — объяснил он. — На равных вхожими.

— Зачем? Ах да, для пьянства еще и с королями?

Он вздохнул и сказал нравоучительно:

— Чьи одеяния великолепны, того и слова весомы, но кто бедно одет, словам того не придают значения. Такой наш мир, сын мой. С этим надо считаться. Многие не так почтительно выслушают совет, исходящий из уст человека во власянице, подвязанного простой веревкой, даже если тот человек — святой.

Я отмахнулся:

— Отговорки! Не верю. Ну, почти... Вообще-то да, встречаются по одежке... Эх, думал, хоть в церкви не так!

— В церкви не так, — напомнил отец Дитрих строго. — Это для общения с миром.

— Ладно, — сказал я угрюмо, — вопрос с финансированием решим. Я уже прикинул, где отыскать средства на постройку целого монастыря, отец Дитрих! А при нем откроем школу. А то и университет забабахаем. Альму-матер. Так что создание руками монахов парового двигателя не будет означать победу дьявола и сатанизма во всем отдельно взятом мире.

Он долго молчал, я затаил дыхание, наконец, он произнес устало:

— Смелые замыслы. И дерзкие. Сын мой, я ничего не могу ответить... сейчас. Я должен поговорить с Господом. На всенощном бдении раскрою ему душу, поделюсь сомнениями. Утром сообщу, сын мой, о своем решении.

Из церкви я отправился в главную крепость. К моему удивлению, нашелся стражник, что признал меня в лицо. Оказывается, запомнили еще со дня, когда мы привезли мощи Тертуллиана, а потом еще я вернулся с вещами Арианта, что сразу прибавило славы и ввело меня в первый ряд героев Зорра.

Один из знатных рыцарей провел через анфиладу пустых залов в главный королевский зал. На троне девушка в голубом платье, длинные волосы блистают золотом так ярко, что затмевают корону. Она неслышно беседует с гигантом, что даже сидя возвышается над принцессой на голову.

Офицер остановился на пороге. Я пошел быстрыми шагами, сердце колотится, Азалинда изумленно вскрикнула, Беольдр оглянулся, нахмурился, но тут же на суровом лице проступило недоумение.

— Дик?

— Сэр Ричард, — напомнила Азалинда. — Господи, как давно...

Я приблизился, преклонил колено и почтительно поцеловал ей руку. Беольдр дождался, когда поднимусь, коротко обнял и, отстранив, внимательно посмотрел в мое лицо:

— Дик, а ты возмужал...

Голос остался тем же громыхающим, словно говорили горы. И сам как гора, огромный и массивный, весь из каменных мышц, лицо все то же, тронутое временем, но морщины никак не закрепятся на толстой коже и соскальзывают, как мухи со стекла.

— Спасибо, — ответил я, — это мне уже сказали. Но я себя чувствую все тем же растяпой.

— Ты не был растяпой, — возразил Беольдр. — Наоборот, чересчур диковат и жесток, словно язычник... Но был молодым язычником, а сейчас — настоящий христианский воин. Где ты странствовал?

— Пытался добраться до Юга, — признался я. — Даже через Великий Хребет перешел, только море не переплыл... Услышал, что благородный и великодушный король Шарлегайл попал в плен. Боюсь, это ослабит воинский дух рыцарства! Не говоря уже, что мое сердце пылает негодованием. Где сейчас Его Величество?

Беольдр, сразу помрачнев, усадил меня на свободное кресло. Они с Азалиндой всматривались в меня, словно в самом деле изменился, хотя не вижу разницы с тем, прежним. Правда, со стороны виднее.

— Никто не знает, — громыхнул Беольдр тяжело. — Наши рыцари, как узнали, сразу собрались идти отбивать короля, пусть даже ценой своей гибели. Однако Карл все просчитал и поспешно увез Шарлегайла. Никто не знает, в какой из своих крепостей он его держит.

— Ты вернулся насовсем? — спросила Азалинда.

Я помялся, врать не хочется, ответил с осторожным смирением:

— У меня незаконченные дела с инквизицией. Обвиня-

ли в какой-то хрени, уж и не помню... вот и вернулся, чтобы ни одна собака потом не гавкнула, будто скрылся от суда праведного.

— Очень благородно, — гроыхнул Беольдр. — Это по-рыцарски!

— Я уже говорил с отцом Дитрихом, — сообщил я. — Он переговорит с остальными, а уж там, как решит суд.

— Благородно, — повторил Беольдр. — Рыцарь должен быть незапятнанным!

Азалинда поглядывала тревожно, помнит вывихи моего рыцарства. А про то, как я не дал ее тете захватить власть в Зорре, долго пересказывали и комментировали во дворце. Говорят, возникали даже дуэли, половина рыцарей сочла, что я — последний скот, нельзя так ни с доблестным рыцарем де Мертцем, ни с сестрой короля Зингильдой.

— Планируешь остаться в Зорре? — спросил Беольдр.

— Нет-нет, — ответил я поспешно, — у меня и там куча неоконченных дел... Мечусь вон, как загнанный заяц.

— Это хорошо, — сказал Беольдр одобряюще. — Рыцарь, пока молод, должен стремиться повидать свет и не обраться к имуществу.

Я спросил осторожно:

— А Ее Величество, королева Шартреза?

Беольдр вздохнул, я впервые увидел, как его лицо дрогнуло, а взгляд скользнул в сторону, словно стыдясь за своего хозяина. Азалинда тоже вздохнула, на ее лицо набежала печаль.

— Поднялась в башню, — произнесла она тихо. — Там, на самом верху, есть крохотная комната с распятием. Шартреза поклялась, что не выйдет оттуда, пока ее супруг не вернется. А если умрет, то и она... умрет.

Мои кулаки сжались, я сглотнул ком в горле и спросил больше для того, чтобы увести разговор в сторону:

— Мои высокородные друзья — сэр Ланселот, Бернارد, Асмер... они в Зорре?

— Да, — коротко ответил Беольдр. — Повидайся с ними обязательно.

Я поднялся, отвесил обоим почтительный поклон.

— Не смею отрывать ваше высокое внимание. Государственные дела — превыше всего.

Глава 4

Все, что в избытке, обесценивается, в том числе и героизм. В любом другом королевстве Ланселот, Бернард, Асмер, даже отец Совнаролл — были бы предметом постоянных восторгов, но здесь, где все постоянно отражают атаки огромной армии императора Карла, где героизм — обыденность, они просто одни из лучших.

На длинном участке десятков стрелков азартно всаживали стрелы в мишень. Еще человек двадцать застыли под стеной, у каждого на ладони вытянутой руки большой камень. Я видел, как у некоторых дрожат руки и вздуваются жилы на шее. Один с жалобным всхлипом уронил камень и, закрыв лицо ладонями, со стыдом убежал.

Я зашел к стрелкам со спины, у Асмера лук за спиной, понятно, он здесь инструктор. Я постоял рядом, он не обращал внимания, весь там, у мишени, а что кто-то стоит рядом, ну и пусть стоит, даже в Зорре можно отыскать бездельника.

Я позвал тихонько:

— Асмер...

Он досадливо дернул щекой, взгляд провожает стрелы, затем лицо застыло, он резко повернулся, в глазах великое изумление.

— Дик?

Мы обнялись, лучники тут же прекратили стрельбу и с облегчением глазели на встречу друзей. Асмер хлопал меня по спине, по плечам не получится, я повыше ростом, хохотал и тормозил меня во все стороны.

Я глупо улыбался, в сердце защемило. Асмер был практически первым, кто встретил меня в этом мире и помогал, когда испуганного и непонимающего взяли в отряд, определив на должность слуги.

— Как ты здесь очутился?

— Долго рассказывать, — ответил я.

Он повернулся к лучникам:

— Лоренц, замени меня. Гоняй этих лодырей без жалости. А вы все помните, что стрельба в цель упражняет руку и причиняет верность глазу!.. Пойдем, Дик, посидим у меня, расскажешь о своих скитаниях.

Я отмахнулся.

— Да какие такие скитания...

— Ладно-ладно, я же тебя знаю! Обязательно во что-нибудь ввяжешься!

— Ввязался, — ответил я невесело.

Мы прошли через двор, жилище Асмера отыскалось на самом верху северной башни: тесное, зато без лишней мебели, аскетичное, только широкая лавка для сна, стол и простая лавка, да еще вещи на крючьях вдоль стены.

— Пить будешь? — спросил Асмер.

— Лучше без вина, — ответил я. — Если можно, конечно.

— Можно, — сообщил Асмер. — У меня это необязательно. Но еду сюда не носят, слуг нет, все обедают внизу сообща.

Я отмахнулся:

— Я уже перекусил.

— Кого? — спросил он в недоумении.

— Да это так говорится...

Он покачал головой:

— Все еще чувствуется, что ты из дальних стран, Дик. Так во что ты ввязался?

Я вздохнул.

— Только не смеяться, хорошо? Я уже граф, коннетабль и гроссграф, а также не простолюдин, но потомок очень знатного рода. Это обязательно скажи Ланселоту... насчет

потомка, а то он морщил свой аристократический нос, что простолюдину так быстро рыцарское звание!

Лавка, на которой уселся Асмер, простая, без спинки, и он в изумлении откинулся на стену, глаза как блюдца, медленно покачал головой.

— Ну, Дик... ты и успел... Извини, теперь уже не Дик, ты же Ричард...

Я отмахнулся.

— Для всех старых друзей я все тот же Дик. И для тебя, конечно. Но в то же время я гроссграф немалой провинции, что как стадо черепах расползается во все стороны. А я, как пастух или пастырь, должен снова все это собрать... желательно в некий монолит! Это я сразу к тому, что очень хотел бы помочь Зорру, однако у меня и власти такой еще нет, да и трудно посылать куда-то помощь, когда под ногами все рушится.

Он слушал внимательно, тонкие аристократические пальцы нервно постукивали по столешнице. Он спохватывался и убирал руки под стол, но увлекшись моим рассказом, снова усаживался поудобнее, а пальцы начинали быструю рваную дробь.

— А как ты вообще дожил до жизни такой?

— Асмер, не поверишь...

Он бледно усмехнулся.

— С нами столько всего произошло, пока везли мощи, что всему поверю.

— Тогда слушай.

Вкратце, опуская некоторые детали, я пересказал свой путь из Зорра до океанского берега по ту сторону Великого Хребта, Асмер охал и крестился, хотя раньше я за ним излишней набожности не замечал. Закончил я предложением лордов Армландии принять титул гроссграфа, что если и даст какие-то привилегии, то потом, потом, а пока горы работы по разгребанию завалов, улаживанию конфликтов, укреплению границ и повышению благосостояния населения.

Он присвистнул в изумлении.

— Дик, твое ли это дело?

— Не мое, — признался я.

— Твое дело, — сказал он уверенно, — это скакать на великолепном коне и повергать противников в турнирных боях! Еще ты хорош в одиночных схватках, в бою... и даже когда отряд на отряд. Но держать на своих плечах огромную провинцию? Заниматься повышением, как ты мудрено сказал, благосостояния населения?

— Ты прав, — согласился я, — за исключением турнирных боев и жарких схваток. Их я тоже предпочел бы наблюдать, лежа на диване. Хотя, конечно, драться один на один куда интереснее, чем повышать вэвэпэ... это и есть уровень благосостояния... ну, с точки зрения государства. Но я даже для драк предпочел бы пригласить в Армландию доблестнейшего и отважнейшего сэра Ланселота, неустрашимого Бернарда, Рудольфа и, конечно, тебя, самого хитрого среди них, кто действительно знает, когда драться нужно, а когда можно и увильнуть.

Он смотрел на меня с подозрением, не намекаю ли на трусость, но я всем видом старался показать, что я сам такой, дерусь только в случае, если меня прижмут рогатиной к стене. Или моего друга прижмут так, что другого выхода просто не будет.

— М-да, — проговорил он в раздумье, — кажется, я тебя понимаю, Дик. Ты не рад такой ноше, но понимаешь, что другой вообще все завалит... Увы, у нас каждый человек дорог! Никто не поедет в благополучную по нашим меркам Армландию, как бы ты ни нуждался в нашей помощи.

— Знаю, — ответил я. — Но если... если вдруг здесь ситуация изменится?

Он пожал плечами, лицо посуровело:

— Разве что к худшему.

— Из-за Шарлегайла?

— Да. Сперва Карл ликовал, думал, что сразу раскроем ворота. Он даже увел большую часть войск на осаду Торна.

Но мы держимся, хотя людей у нас почти не осталось, а пленение короля вселило уныние даже в самых стойких.

Я кивнул.

— Понятно. Карл увидит, что не сдаетесь, снова пришлет сюда войска. Старые оставит под Торном, а для осады Зорра наберет в своей огромной империи новое большое войско. Так?

— Понимаешь, — одобрил он мрачно. — Но мы не сдадим Зорр. Это не значит, конечно, что Карл его не возьмет.

Я помолчал, это и так понятно, защитники предпочтут героическую гибель на стенах. Любой другой город, замок или крепость могут сдаться, но не Зорр — сюда всегда стягивались самые неустрашимые воины Севера.

— Все меняется, — пробормотал я.

Он горько усмехнулся.

— Но не Карл.

— Меняется все, — сказал я настойчиво. — Даже Карл в старости будет думать иначе, чем сейчас. Все дело в том, что у нас нет времени: пока у него появятся иные моральные ценности.

Он посмотрел на меня с удивлением:

— Дик, ты раньше так не рассуждал.

— А как?

Он пожал плечами:

— Не помню. Мне кажется, вообще не рассуждал.

— Выжить нужно было, — пояснил я сердито. — А сейчас передо мной другие задачи. Пограндиознее и... поскупчнее. Я бы тоже сейчас предпочел на коне с мечом наголо! Не конь с мечом, а я, конь не такой дурак. Тем более что у меня и конь, и меч, и доспехи... сам знаешь какие. Словом, Асмер, пообещай мне одно: если вдруг ситуация резко изменится, ну там Карл окончательно оставит Зорр в покое, ты приедешь ко мне в Армландию? Договорились? И Ланселота с Бернардом уговоришь. Хорошо бы еще Рудольфа с отцом Совнароллом...

Он ответил почти равнодушно:

— Да-да, конечно. Но только в случае, как ты сказал, если реки потекут вспять или Карл оставит Зорр в покое. Но все-таки скажи, чем таким я смогу заманить Ланселота и отца Совнаролла?

Я прямо посмотрел в его глаза, Асмер посерьезнел, похоже, лицо у меня тоже как-то изменилось.

Я сказал отчетливо:

— Потому что Зорр будет там. Там граница с Югом, эта граница все время отползает на Север, Асмер! Тихо и незаметно отодвигается. Королевства одно за другим меняют... как бы это сказать, ориентацию. Карл — это не Юг, это местные разборки. Хотя, конечно, Карл кое-какие приемчики Юга взял на вооружение. А я хочу выстроить неприступную твердыню на пути настоящего Юга!.. И для начала просто выстоять.

Он смотрел неотрывно, я видел по его глазам, что наконец-то увидел на месте простолюдина, ставшего на их глазах рыцарем, другого человека.

После долгой паузы, когда я тоже молчал и не шевелился, он вздрогнул, зябко повел плечами.

— Ричард... гм... ты говоришь страшные и... прекрасные вещи. Зловонное дыхание Юга чувствуется даже здесь, ты прав. Карл — его порождение, хотя Карл так не считает. А ты хочешь дать бой Югу прямо у него на границе?

— Я дам бой, — твердо сказал я. — С вами или без.

Он уронил взгляд, потом криво улыбнулся, потер лоб.

— Да, конечно... Но я живу тем, что есть. Наш король пленен, войска Карла осаждают Торн, а мы заперты в Зорре.

Я поднялся, вскинул руку в воинском салюте.

— Ты обещал, что если ситуация изменится...

Он тоже поднялся, обнять не решился, я уже другой человек, надо знакомиться заново, но ответил с жаром:

— Клянусь! Если Зорр будет в безопасности, я притащу не только Ланселота, Бернарда и отца Совнаролла!

В нижнем зале я наскоро сожрал пару ломтей ветчины и запил слабым вином. Меня уговаривали посидеть и рассказать, что в мире за стенами Зорра, я сослался на срочные дела и вышел.

Морозный воздух ожег щеки. Я переборол импульс сгорбиться и сунуть руки в рукава, я же рыцарь, спина с натугой выпрямилась, ноги понесли меня к церкви, надменного и полного достоинства. По дороге встречались рыцари, все такие же, с горделивой осанкой, горящими взорами и безукоризненными манерами. Нам нельзя выказывать ни усталость, ни страх, ни уныние. Мы — рыцари.

Отец Дитрих вышел из внутренних помещений, словно ощутив, что захожу в церковь, громко топая и звеня золотыми рыцарскими шпорами.

Я поцеловал ему руку, помня, что выказываю почтение не человеку, а той высокой идее, которой он служит.

— У вас усталый вид, отец Дитрих.

— Есть из-за чего, — ответил он с кроткой улыбкой.

— Отец Дитрих, — возразил я, — все ведь просто!

— Когда я был молод, — ответил он, — мне тоже все было проще простого... Сын мой, сразу отвечу на вопрос, который зрю в твоих очах: я так и не решил, увы.

— Ох, — вырвалось у меня. — У вас, отец Дитрих, было столько времени!

Он покачал головой.

— Не смотри с таким укором. Я долго говорил с Господом, уже почти принял решение, но потом...

— Что? — спросил я тревожно.

Помолчав, отец Дитрих произнес глухим надтреснутым голосом:

— Сэр Ричард... мне не хочется вам такое говорить, это уязвит вашу гордыню, но дьявол являлся не только вам.

Я дернулся, посмотрел расширенными глазами:

— Что... и вам?

Он кивнул, на лице проступила очень бледная и невеселая улыбка.

— И мне, и другим. У каждого у нас, живущих на этой земле, возникают соблазны... Дьявол является всем, сэр Ричард! Всем в разном обличье. Большинство даже понимают, что с ними говорит дьявол. Многие, очень многие поддаются ему, ибо слаб человек.

Я молчал, ошарашенный, сбитый с толку и, верно сказал отец Дитрих, весьма уязвленный, что не одного меня, оказывается, соблазняет Враг рода человеческого.

Он смотрел усталыми глазами много испытавшего человека. В них был вопрос, я даже догадывался, какой, но предпочел увильнуть, не на все вопросы можем ответить даже себе, а уж другому так и вовсе чересчур.

— Отец Дитрих, — сказал я, — как уже сказал, я сейчас гроссграф Армландии. Вы, возможно, даже не слыхали о такой области, но она весьма... удобно расположена, так сказать. И, как я уже говорил, весьма богата ресурсами. Как людскими, так и природными. Я подыскиваю тех, с кем можно разделить ношу — не ответственность, а только ношу! — и не вижу никого лучше на роль духовного наставника, чем вы, отец Дитрих.

Его глаза остро блеснули при напоминании, что я уже не тот безбаннерный и даже безлошадный рыцарь, каким он меня увидел впервые, но посмотрел внимательно и промолчал, ощутил, что я здесь не для того, чтобы распустить павлиний хвост и ходить перед ним, чванясь и бахвалясь подвигами, захваченной богатой добычей и полученными титулами.

— И вообще, — договорил я уже другим тоном, — хотя я, конечно, само совершенство, но я не Господь Бог, что везде и во всем. Я с собой не всегда управляюсь, а уж с такой немалой областью, где тьма городов и замков, не говорю уже о селах с их массой проблем...

Он сказал несколько настороженно:

— Что ты хочешь, сын мой?

— Помощи, — ответил я честно.

— В чем?

— Ах, отец Дитрих, что мы опять за рыбу гроши... Мне нужна помощь в реале. Я понимаю, церкви не хочется заниматься такой мелкой фигней, как прогресс, цивилизация, технические новшества, вы ж вечными вопросами занимаетесь! Но, к сожалению, враг не дремлет, отец Дитрих.

— Мы знаем, сын мой.

Я вздохнул.

— Пока вы с ним воюете на духовном, так сказать, уровне, он бьет ниже пояса. То есть соблазняет материальными благами. Мирскими, как вы говорите!..

Он смотрел внимательно, в ясных глазах инквизитора я видел борьбу с самим собой.

— А ты, выходит, намерен...

— Отец Дитрих, что мы снова о том? Или думаете, что скажу иначе? Человек слаб, как вы сами сказали. И легко ловится на слабости. Как я уже сказал, хотелось бы и там перекрыть... по возможности, лазейки для Врага.

Он покачал головой.

— Сын мой, это очень серьезная и сложная борьба. Я сегодня всю ночь беседовал с Господом, и душа моя все еще смущена... Уверен ли ты, что, начиная борьбу с ним, не действуешь по его незримой подсказке?

Меня осыпало морозом.

— Отец Дитрих, — проговорил я тоскливо. — Сатана не раз демонстрировал, что я иду, несмотря на все сопротивление, по той дорожке, которую наметил для меня он. Но так ли это или это ловкий ход в борьбе... а вся жизнь борьба, как говорят классики, я не знаю. Но сейчас на мне Армландия, и я не могу сидеть сложа руки и наслаждаться правом первой брачной ночи! Надо что-то делать... нет-нет, отец Дитрих, я не прошу подсказки, я уже наметил ряд реформ!.. Но мне нужны люди, что будут ее проводить. И мне очень хотелось бы, чтобы церковь несколько отошла от своего чистоплюйства и приняла участие.

Он поморщился:

— Сын мой...

— Да, отец Дитрих?

— Нельзя о церкви столь непочтительно, — проговорил он с укором. — Это просто нехорошо.

— Простите, отец Дитрих, — произнес я с невольным раскаянием. — Это я от излишней... детскости, наверное. Чтобы вроде защититься. Я весьма чту церковь, даже очень чту, потому и защищаюсь. Путано? Сам знаю. Но главное — церковь чту и хотел бы, чтобы она не только о божественности, где с Сатаной сражаться нетрудно, но и на земле, где у него на руках все козыри. И будет еще больше, если прощелкаем хлебалами. Церковь уже щелкает! А то ли еще будет... И церковные браки между гомосеками разрешит. Это я так апокалипсирую...

Он вздохнул:

— Груб ты, сын мой. И говоришь то, чего никогда не будет, пока церковь существует. Но я понимаю тебя, хоть и с трудом. Это от твоего смущения. Тебе стыдно показать, что заботаешься о ком-то, что желаешь сделать добро... Даже не знаю, из какого непотребства ты явился в наш мир, если стыдишься добрых слов и добрых дел. Неужели в твоей стране так уж все попрано святое и чистое?

— Вы даже не представляете, отец Дитрих, — ответил я, — как угадали. В моей стране каждый говорит с гордостью: «Вот такое я говно!», и всякий живет, как это самое говно.

— Живет ли?

— Живет, — подтвердил я. — И считают, что в говне лучше, чем в яблоке.

— Чем же?

— Мыться не надо.

Он протянул:

— Да-а-а, это серьезный довод.

— У нас все можно объяснить и все оправдать, — сказал я тоскливо. — Это называется политкорректностью. Наша церковь по уши в этой дерьмовой политкорректности. Хоть тут еще не сдается... Отец Дитрих, я знаю, что если не укре-

плять церковь ежечасно, она превратится в дом ряженных. И считаться с нею не будут. Но сам я укрепить ее не могу. Мне в Армландии нужны вы!

Отец Дитрих произнес с некоторым одобрением:

— Мне приятно общаться с тобой, сын мой. Ты странно быстро возмужал, не заметил?

— Насчет возмужания, — ответил я нервно, — не уверен, но что-то во мне поменялось, верно. Слишком многое свалилось на мою голову, которую я вообще-то берег от любых забот. Отец Дитрих, повторяю, вы мне нужны в моей Армландии! Не увиливайте от серьезной работы.

Он покачал головой.

— Сын мой, это ты — вольный лорд. А я шагу не могу ступить без разрешения церкви. И трибунала святой инквизиции.

— Так получите разрешение!

— Это не так просто.

— Почему?

Он вздохнул:

— Это у тебя все легко: приказал — и все. А у нас решения принимают только после долгих обсуждений...

Я удивился:

— Разве не вы — Великий Инквизитор?

— Я, — согласился отец Дитрих, — но я всего лишь первый среди равных.

— Ага, — сказал я, — это как Цезарь в сенате. Понятно.

— Цезарь?

— Он тоже сперва долго миндальничал, — объяснил я, — но тамошние демократы так его достали, что прикрыл ту лавочку и начал править, как надо.

Отец Дитрих кивнул:

— Единоначалие — великое благо. Но только во время войны, голода или великой катастрофы.

Я сказал с угрозой:

— Так вот откуда выползла эта демократия... Вот уж не ду-

мал, что колыбель — церковь! Ладно, вы хоть поставите этот вопрос? В смысле на обсуждение, а не как-нибудь иначе?

Он кивнул, глаза стали очень серьезными и строгими.

— Поставлю.

— Сразу же? — потребовал я.

— Сразу, — пообещал он. Добавил: — Дело серьезное, вижу по тебе, сын мой.

Глава 5

Я вышел из церкви на мороз весь из себя жаркий и чуть ли не дышащий огнем, доводов все больше, чем дальше от церкви, вот такой умный всегда с запозданием. Холодный воздух охладил лицо, с неба сыплется мелкий снег, у прохожих на плечах уже белые полосы, а один прошел мимо, удивив огромными заснеженными бровями.

Честно говоря, идеи христианства для этого мира чересчур светлы и возвышенны. Вообще для человеков вне зависимости от эпохи. Даже отцы церкви, более приземленные и практичные, к тому же совсем не святые, а очень наоборот, мало что смогли сделать, чтобы они стали проще и понятнее рядовому человеку. Правда, поработали достаточно, чтобы закрепить в сознании, но это больше за счет того, что убедили принять новую веру правителей, а простому народу... гм...

Даже воскресший Христос непонятен: явился каким-то бабам и одному из своих учеников, а мог бы — Ироду, который зря истребил младенцев, или Пилату, который отправил его на крест, Иуде, который предал, Каиафе, что настоял на осуждении и казни! Я уж точно поступил бы так, я их всех, гадов, довел бы до сердечного припадка!

Но Иисус — не граф Монте-Кристо, упустил возможности, так понятные всем. Граф Монте-Кристо потому так и популярен, что поступил, как каждый бы из нас на его месте. А Христос недостаточно... понятен, потому что слишком чист. Бог — непознаваем по определению, даже и пытаться

не стоит, его сын Иисус — познаваем частично, все-таки он из чрева земной матери, а вот если бы Иисус пожил дольше, женился и нарожал детей, то вот они, внуки Бога, были бы намного понятнее как королям, так и простому люду, чем их батя, в котором слишком много от их деда, Бога. И если бы они, а не их отец, создавали новое учение, еще более приземленное и упрощенное, чем христианство, оно быстрее укоренилось бы в народе...

Возле северной башни прохаживается часовой, сразу заступил мне дорогу:

— Туда нельзя!

— Знаю, — ответил я невесело, — но я имею честь быть замеченным Ее Величеством. Королева знает меня.

Часовой покачал головой:

— Сожалею, у меня приказ.

— Не сожалею, — посоветовал я. — Кликни старшего.

— Я здесь и старший, — ответил часовой. — У нас нет свободных людей, сэр. Я вижу, вы не знаете, что делается в Зорре. Ваше имя?

— Ричард Длинные Руки, — ответил я.

Он запнулся, всмотрелся в меня внимательно.

— Я слышал о вас, сэр, — проговорил он наконец. — Я прибыл в Зорр уже после вашего отъезда, но о вас говорили, что вы помогли остановить переворот. Сэр Ричард, мы чтим Ее Величество и бережем ее покой...

— Вижу, — ответил я, — и клянусь, мой визит чуть-чуть развеет ее скорбь.

Он отступил в сторону:

— Идите.

— Спасибо, — сказал я тепло.

Поднимаясь по винтовой лестнице, я не встретил ни слуг, ни хотя бы приставленную к королеве служанку: в Зорре не хватает людей, и даже у самой последней двери, что у комнаты под крышей, нет ни слуги, ни стража.

Я постучал в запертую дверь и, не дожидаясь отклика, сказал громко:

— Ваше Величество! Ричард Длинные Руки жаждет засвидетельствовать вам свое почтение!

Некоторое время было тихо, затем я услышал шаги. Лязгнул металлический засов, покинув петли, дверь дрогнула. Я потянул на себя и перешагнул порог.

Шартреза, прямая и сильно исхудавшая, с бедным строгим лицом, в черном платье и в черном платке, отступила на шаг, давая войти. Сердце мое болезненно сжалось. Когда увидел ее впервые, это была самая эротичная женщина на свете, воплощенная чувственность и, как мне тогда казалось, при полном отсутствии души. Сочное, но гибкое тело, высокая привлекающая взоры грудь, чувственные губы, крутые бедра, что так и просятся в жадные мужские руки... Все рыцари не отрывают от нее взглядов, в этот момент ненавидя своих жен-дурнушек, а в сравнении с Шартрезой все женщины — дурнушки, и как я был поражен, убедившись, что на самом деле она влюблена в своего мужа, престарелого Шарлегайла!

Глаза мои зашипало, я наклонился к ее руке и задержал губы на бледной холодной коже, чтобы не дать ей увидеть свои влажно заблестевшие глаза.

— Шарлегайл, — произнесла она.

Я ответил:

— Шарлегайл, Ваше Величество. Шарлегайл! Только он. И я почему-то уверен, что снова увидим Его Величество на его троне. Ни Зингильда, ни кто-то еще не посмеют и приблизиться.

— Сэр Ричард, — произнесла она тем же тусклым и бесцветным голосом, но я ощутил, как в нем просыпается жизнь, — вы уже однажды спасли трон.

— Это вы спасли, — возразил я. — Я помогал, как мог. И часто — неуклюже.

Она вздохнула:

— Вас не было, сэр Ричард.

Острая боль кольнула в сердце, я задержал дыхание. Шартреза не обвиняет, у меня нет полномочия Беольдра

или других полководцев, но все равно я ощутил себя виноватым. Мало шансов, что я чем-то мог бы помочь, Шарлегайла похитили вдаль от Зорра, но все-таки...

Я снова склонился к ее руке, все с той же безукоризненно атласной молодой кожей, но теперь холодной, как лед.

— Ваше Величество... я, как и все люди Зорра, сделаю все. Вы понимаете, Карл нанес нам тяжкое оскорбление. Такое смывается только кровью.

Я отступил через порог и закрыл за собой дверь. С той стороны звякнул засов.

Полдня я скитался по крепости, дважды встретился с Беольдром. Тот неумоимо заделывает все бреши, перераспределяет оставшихся воинов. Мрачно улыбнулся мне, ничуть не удивившись, что и я осматриваю стены, а как же, все христианские воины должны прийти на защиту Зорра.

— Ланселот, — сообщил он, — а также Рудольф, Бёрнард и еще с десятка сильнейших воинов... рыскают в поисках следов Шарлегайла.

— Бесполезно, — вырвалось у меня.

Он кивнул.

— Это понимают все. Но Ланселот буквально обезумел. Он поклялся убить Карла, его детей и вообще вырвать с корнем все его семя.

— Я его понимаю, — сказал я горько, он остро взглянул, я пояснил: — Дурак я, но все-таки решился побеспокоить Ее Величество.

Он помрачнел.

— Шартреза в первые дни вообще не могла ни есть, ни пить. А сейчас живет только надеждой на чудо.

— Да, — согласился я, — только чудо может спасти Шарлегайла.

Я козырнул и, оставив его с воинами, отправился к церкви. Пришлось подождать, когда закончится служба,

отец Дитрих вышел усталый, круги под глазами, еще одна бессонная ночь. Сообщил, что по его просьбе совет инквизиции соберется сегодня вечером. Сбор экстренный, но кворум для решения наберется: зима, все на месте.

Я вякнул насчет того, чтобы и мне поприсутствовать, отец Дитрих лишь слабо улыбнулся. Мол, с суконным рылом да в калашный ряд, потом неожиданно добавил, что после заседания меня могут выслушать. Просто, чтобы из первых рук получить сведения, как и что в тех дальних и крайне неблагополучных странах.

Я проторчал весь вечер в прихожей дома, где собрались на экстренное заседание инквизиторы. Заседание длилось несколько часов, слуги на меня посматривали сочувствующие и трижды предлагали поужинать или хотя бы перекусить.

Наконец, из зала донесся шум, голоса стали громче. Через минуту двери распахнулись, начали появляться священники. Я дождался, когда выйдет отец Дитрих. Он сразу направился ко мне и сказал с иронической улыбкой:

— Не радуйтесь, всего лишь перерыв. Люди немолодые, отдыхать надо чаще... У отца Феодосия нелады с мочевым пузырем, ему приходится то и дело отлучаться...

— Господи, — пробормотал я, — вы третью мировую войну развязываете, что ли?

— Вроде того, — ответил он рассеянно. — Дел много, а мой вопрос не самый важный.

— Хотите сказать...

— Да, до него еще не добрались.

— Господи!

— Хорошо, что пришел пораньше, — сказал он неожиданно. — Ты говоришь хорошо и жарко, им не мешает и тебя послушать. Я убедил, что они не зря потеряют время.

— Ура, — сказал я тихонько. — У меня есть шанс реабилитироваться.

— В чем?

— Я помню, — сказал я, — как они решали... в смысле, на костер меня сразу или чуть погодя. Чтобы дров собрать побольше.

Отец Дитрих усмехнулся:

— Как видишь, у нас мудрые отцы. Решили погодить, присмотреться.

Еще через полчаса я ступил через порог с трепещущим сердцем, хотя изо всех сил держу лицо каменно невозмутимым. Двенадцать самых строгих и ревностных священников, кто не шадит ни себя, ни других. Кое-кого я узнал сразу: это перед ними стоял трепещущий, ожидая решения своей судьбы.

В плащах и с укрытыми капюшонами лицами они расположились вдоль стен. Стулья почти касаются один другого, все инквизиторы сидят спокойно и неподвижно. Тени от верхнего края капюшона падают так, что укрывают глаза, я вижу только нижние части лиц.

Один из священников, я узнал в нем отца Феодосия, что в прошлый раз отнесся ко мне с предельной подозрительностью, сказал сухо:

— Сэр Ричард, отец Дитрих рассказал нам о вашей странной просьбе. Подробно рассказал, даже аргументировал, но мы пока не обсуждали эту проблему.

Я поклонился.

— Тогда я вовремя, — сказал со всей почтительностью, чтобы не так было заметно, что я перебил человека, который старше меня втрое. — Я готов ответить на все вопросы.

Он поморщился, это заметно и по нижней челюсти, пожевал ею так, словно уже перемалывает мои кости.

— Конечно, сэр Ричард, вы ответите...

В его холодном голосе ясно звучала угроза. Да и то, что я не «сын мой», а «сэр Ричард», ширит между нами пропасть.

Я перевел дыхание, лучшая оборона — наступление, я со всем смирением склонил голову, но голос заставил звучать твердо и ясно:

— Святые отцы, я знаю вашу занятость и преклоняюсь

перед вашими усилиями по спасению Зорра, однако у меня к вам большая, даже огромная просьба. И, боюсь, просто неотложная!

Они задвигались, переглянулись, а священник, лицо которого я запомнил, сказал благожелательно:

— Говори, сын мой, говори.

Еще один добавил:

— Отец Дитрих много и хорошо говорил о тебе. Но так ли уж ты чист?

Я помотал головой:

— Я не претендую на чистоту, святые отцы. Более того, уверен, что чистый душой человек угоден Богу, но не политике. Потому я лучше пока побуду нужным церкви человеком, чем... безгрешным перед Богом.

Они хмурились, переглядывались. Отец Дитрих помалкивал, наконец, отец Феодосий спросил с неудовольствием:

— Так зачем тебе там нужен отец Дитрих?

Я отвесил всем поклон, стараясь, чтобы и почтительно-сти как раз столько, сколько нужно, и чтоб мое достоинство не только не ущемить, а чтоб видели, ущемить не дам.

— Я сейчас грессграф, — сказал я громко. — Грессграф Армландии. Обширные земли у меня под рукой, могучие лорды, множество крестьян и соседей... Я трепещу духом, смогу ли достойно держать эту ношу? Я силен в рукопашной схватке, я могу вести отряд на врага... но смогу ли вынести бремя власти?

Феодосий кивал, лицо стало серьезным, проговорил рочующим басом:

— Ты прав, сын мой, это большая ответственность. Но ты это понимаешь, а это говорит, что сможешь нести эту ношу. Человек, который строг к себе, угоден церкви.

Я покачал головой.

— Слаб я, святые отцы. Потому и прошу отпустить в мои владения отца Дитриха. У него там будет большая власть, он послужит к вящей славе церкви.

Я видел, как у всех вытягивались лица, слишком круто я взял, потом все разом снова обратили взоры ко мне. Феодосий проговорил все тем же рокочущим басом, но я уловил кроме недовольства и отчетливые нотки смятения:

— Зачем? Зачем там отец Дитрих?

— В тех землях растет ересь, — сказал я твердо и насупил брови. — Там все еще сильно язычество и сатанинские культы демократов! Отец Дитрих сможет вырвать это дьявольское семя общечеловеков железной рукой инквизиции... а мой меч всегда будет ему в помощь.

Еще один инквизитор сказал нерешительно:

— Сэр Ричард говорит достаточно разумно. Мы везде должны укреплять церковь, где это возможно. Однако, как мне кажется, отец Дитрих важнее сейчас здесь.

— Там нужен священник высокого ранга, — сказал я твердо. — В Армландии положение сложнее.

Он кивнул:

— Да, я понимаю. Я предлагаю послать с сэром Ричардом святого отца Тития. Он как раз вернулся с важной миссией с Севера, и мы пока не подыскивали ему достойной работы.

Я покачал головой.

— Святые отцы! Вы сами понимаете, как важно взаимопонимание между светской и церковной властью. Мы с отцом Дитрихом уже работали, притерлись, а с отцом Титием еще надо будет знакомиться, узнавать друг друга... и что, если не подружимся? Я понимаю, личные отношения не должны сказываться на работе, но... почему-то сказываются. Для вас это вряд ли открытие века.

Некоторые переглянулись, инквизиторы смотрят на меня без улыбок. Отец Феодосий морщился и бросал по сторонам взгляды, вроде того, что вы ж видите, с военными трудно разговаривать о высоком и духовном.

Отец Дитрих проговорил медленно:

— Сэру Ричарду нужно помочь, это ясно. Не так часто бывает, чтобы к нам обращались с такими просьбами. Чаше

мы обиваем пороги дворцов, уговаривая властителей не забывать о церкви. Одновременно и для церкви сможем сделать кое-что важное! Даже помимо ее усиления. В последнее время появились ереси, что вообще отрицают существование Бога...

Я проворчал:

— Это не ереси, это похуже.

— Что? — спросил отец Феодосий недовольно.

— Атеизм, — объяснил я. — Это вера такая. Верят, что Бога нет.

Отец Дитрих перевел взгляд с одного на другого, егосуровое лицо медленно прояснялось.

— Вообще-то... если при монастыре в самом деле открыть университет, то просвещенные монахи-богословы, знакомые с философией, сумеют лучше обосновать существование Господа Бога...

— Отец Дитрих, — сказал я серьезно, — университетские факультеты не этим должны заниматься! С того момента, как религия начинает искать помощи у философии, ее гибель неотвратима. Религия, как всякий абсолютизм, не должна оправдываться.

Он строго посмотрел на меня.

— Сын мой, это не оправдание. Это объяснение, что...

Я покачал головой.

— Отец Дитрих, простите великодушно, что прерываю. Объяснение — уже уступка. И оправдание. В университете будет чем заняться вместо того, чтобы искать оправдания для существования Творца. Одна только химия, что мне все учебу портила... то есть сейчас она пока еще в шкауре алхимии, чего стоит, проклятая! Но знать ее надо, увy. Другим, не мне. Я теперь лорд, мне можно не знать, уже не знать, как хорошо!.. Вот и будем готовить молодое поколение молодых и грамотных, но... не подлых! Этим и должна заниматься церковь. Чтоб получались умные и грамотные,

но — не подлые! Это очень трудно, но такое иногда удается. Главное, нужно это сделать массовым.

Он молчал, ошарашенный таким натиском, отцы-инквизиторы переглядывались. Я видел на лицах у одних одобрение, другие посматривали осуждающе.

Отец Дитрих спросил:

— Чем она должна заниматься, сын мой?

В его суровом голосе звучала ирония, мол, ну-ну, скажи нам, убеленным сединами, чем должна заниматься церковь. Я выпалил с излишней, видимо, страстностью:

— Я уже сказал, готовить не подлых! Умных, технически развитых, но не подлых!.. Неужели прогресс — это обязательно абсолютное недоверие друг к другу и страстное желание нагреть ближнего?

Воцарилось молчание. Все ощущают, что я одновременно полемизирую и с какой-то важной идеей, что входит в жизнь, неторопливо осмысливают, ощупывают, поворачивают так и эдак. Наконец, один из старейших инквизиторов произнес со вздохом:

— То, что я уловил, говорит о том, что сэр Ричард хотел бы заполучить грамотных монахов. И еще желает богословский факультет, что весьма важно... Сколько мы говорим, что малограмотные проповедники скорее дискредитируют учение Христа, чем его внедряют в массы! Эту беду можно если не избежать, то уменьшить....

Я поглядывал на отца Дитриха, держится скромно, и не подумать, что именно он — верховный инквизитор, потом вспомнил, что должность эта выборная, а кроме того, сейчас разбирается его случай, он просто обязан держаться нейтрально.

Я слушал внимательно, а когда священник остановился перевести дыхание, заговорил мягко:

— Святой отец, я полностью согласен со всеми этими догмами. Даже с этой заповедью Христа: «Что хочешь себе, то делай и другим», потому что я тоже молод и также хочу крутых перемен... хотя эта заповедь, конечно же... как бы

мягче сказать, в общемировом культурном пласте... гм... весьма... даже очень весьма... нехороша.

Инквизитор насторожился, брови поползли на середину лба. В молчании откинулся на спинку кресла, взгляд стал острым и подозрительным.

— Сын мой, сомневаться в заповедях самого Иисуса Христа... это то же самое, что сомневаться в истине Господа.

— Христос не был Богом, — возразил я. — А богочеловечность означает, что в нем было много и от человека. Какая-то дурь, неистовость, какие-то наши слабости и заблуждения... Ведь даже очень хороший человек может совершить ужасные вещи, искренне полагая, что поступает правильно!

Я ощутил себя на острие множества взглядов, недоверчивых и колющих. Даже отец Дитрих смотрел на меня неотрывно, в нем проступил настоящий инквизитор.

— И в чем, сэр Ричард, — спросил он суховато, — вы усмотрели... ошибку Христа?

— Его отец, — сказал я, — дал людям заповедь: «Не делай другому то, чего не хочешь себе». Это простое и ясное правило, суть его в том, чтобы не вредить. Или хотя бы уменьшить количества вреда. Все мы, люди, не хотим себе вреда, не так ли?

Он кивнул. Лицо оставалось строгим, а взгляд настороженным.

— Это бесспорно, сэр Ричард. Но меня интересует, где вы увидели ошибку в заповедях Христа.

Я вздохнул, развел руками.

— Отец Дитрих, я же сказал, христово «Что хочешь себе, то делай и другим», принимаю всем сердцем! Я тоже воинствующий экстремист и тоже навязываю другим свое мнение. И мне как раз нравится, что церковь навязывает! Хотя понимаю, что это все от молодости и неопытности Христа. Он не прожил столько, сколько Его Отец. По молодости Христос искренне верил, что если это хорошо для него, то должно быть хорошо и для других!

Отец Дитрих смотрел неотрывно, во взгляде я не увидел понимания, ждет развернутого объяснения. Я сказал уже с напряжением в голосе:

— Навязывание своих взглядов, так осуждаемое в моем срединном, у меня протеста не вызывает, пока ученые навязывают спортсменам и актерам... в смысле умные — дуракам. Однако бывает и так, что навязывают сильные слабым, а сильные, как мы уже знаем по опыту, редко бывают умными.

Он, как и все, слушал напряженно, на миг во взгляде что-то изменилось, но тут же вернулась прежняя настороженность.

— Из этой заповеди, — сказал я, — вытекает оправдание цензуры, диктатуры, подавления инакомыслия... И все из наивного и чистого убеждения, что раз это хорошо для одного, то хорошо и для других!

Отец Дитрих проронил:

— Но разве жизнь Христа не достойный пример?

— Жизнь Христа была коротка, — напомнил я невесело. — Примеров из нее удастся настричь мало. Остальные правила додумываются церковью, которая... согласен-согласен, непогрешима! Но ереси возникают от того, что кто-то из церковных деятелей решает другим навязать свое понимание того, что говорил Иисус!.. Да что ереси — революции тоже зачинают искренние и честные люди, свято уверенные, что если это считают верным они, то нужно навязать и другим!

Он молчал, задумавшись. Это длилось так долго, что я задвигался, наконец кашлянул. Отец Дитрих вздрогнул, поднял голову. В глазах инквизитора я увидел глубокую озабоченность.

— Сын мой, — проговорил он, и я вздохнул с облегчением, когда отец Дитрих называет меня сэром Ричардом, это выказывает его охлаждение, — сын мой... Мне кажется, у тебя больше времени, чем у нас, если ты сумел углубиться в такие тонкости. Мы пока заняты разгребанием авгиевых конюшен язычества и безбожия!

Я ответил с почтительным поклоном:

— Отец Дитрих... я, как верный воин Творца, забежал несколько вперед, чтобы предупредить его верных и преданных слуг церкви о возможных... толкованиях. Я не оспариваю слова Христа, но указываю, какое место могут взять на вооружение люди очень хорошие, но недостаточно умные, что ли... Или опытные. А может, мало еще битые? И, хуже того, толковать опасным для человечества образом. Но на данном этапе именно церковь является сосредоточением ума, мудрости и даже знаний, так что она вольна и даже обязана навязывать свои взгляды, свои вкусы, свое понимание сути всех процессов: как мирских, так и духовных!

Глава 6

Слуги дважды приносили горячительные напитки, в смысле: горячие настои трав, компоты и душистые чаи. Закончили разбор полетов почти под утро. Отец Дитрих вышел со мной, ночь темная, но звездная. Луна пока прячется за высокими стенами, морозец к концу ночи всегда крепчает. Облачка пара вырывались при дыхании.

Мы молча прошли через площадь, наконец отец Дитрих произнес:

— Сэр Ричард, вы прямо... гм...

— Иезуит, — подсказал я.

Он вскинул брови:

— А кто это?

— Отважный рыцарь, — сообщил я, — отважный, с пламенным сердцем, верный сын короны и церкви!.. Когда в одном из сражений потерял ногу, но выжил, он уже не смог садиться на боевого коня, но верное церкви сердце подсказало выход. Он создал особый рыцарско-монашеский орден, члены которого не обязаны носить монашеское одеяние, доспехи, даже посещать церковь... Короче говоря, девизом стало: «Все средства хороши, если ведут к вящей

славе Господней». И этот рыцарский орден весьма активен. Завистники начали обвинять, что ради величия церкви и учения Христа не брезгают никакими средствами. Мол, все нужно только чистыми руками, идиоты... Пусть скажут такое тайным спецслужбам!

Он слушал с большим вниманием и некоторым напряжением, мгновенно схватывая и перерабатывая услышанное, а когда я закончил, кивнул:

— Я понял. Да, сын мой, ты весьма умело кое-где передернул, словом, переиграл наших святых отцов.

— На их же поле, — уточнил я. — Это политика. Ее привычно называют грязной, но мы-то знаем, что политики другой не бывает. Во-вторых, если результат, как говорится, светлый, то мне плевать, как он достигнут. И другим плевать, но вслух возмущаются, мол, ай-яй-яй, как можно, это же нехорошо, это же иезуитство!

Он слушал, хмурился, я видел, что и он не одобряет иезуитства, все хотят быть чистенькими, но если пойти по этому пути, то мы все скоро утонем в собственном говне: убирать-то некому, а надо.

— Святые отцы наконец-то поняли, — сказал я, — что там, где сейчас я, вы намного нужнее. А здесь проще.

Он покачал головой.

— Ненамного. Хотя, полагаю, в крепости наберется душ триста-четыреста, а это не так уж мало.

Меня что-то царапнуло, я прокрутил разговор в обратную сторону, сказал с недоумением:

— Вот меня часто упрекают, что либо цифры попутаю, либо повторю что-нить два раза... а то и три! Отец Дитрих, вы ж говорили как-то, что в Зорре целых десять тысяч жителей!

Он кивнул, в глазах оставался вопрос:

— Да. Но что...

— А потом вы сказали, — произнес я с торжеством, — наберется триста-четыреста душ.

Он снова кивнул, лицо стало грустным:

— Все верно, сын мой. Все верно...

Я умолк, смущенный. Вот уж не думал, что даже здесь так хреново, а что уж тогда говорить про земли дальше к Югу. Там вообще чистой души не найдешь, а все прожженные, подлые, дырявые, черные, продажные... Уж не говорю про вообще бездушных людей.

— Да, — пробормотал я, — это будет бой!.. Прошляпили, потеряли, теперь надо отвоевывать обратно. Самая главная битва всегда за души, а тут мы не просто разбиты, а отступаем в беспорядке... Надо быстро перегруппироваться, отец Дитрих, и — снова в бой!.. Отец Дитрих, я сегодня покину Зорр, даже зимой нахожу, чем заняться — вот дурак, да? — а вы заканчивайте здесь и, как только дороги станут проходимыми... А то, знаете ли, в Зорре авторитет у церкви пока что есть, но в Армландии... гм... как и в других южных королевствах...

Он вздохнул:

— Сын мой, молодость отличается тем, что делает общие выводы из отдельных случаев. Сколь многие начинали с намерения опорочить церковь, восстать против нее — и внезапно изменяли свои взгляды, падали на колени и поклонялись! Со многими случилось то же, что с Валаамом, сыном Боевым, который пустился в путь, чтобы проклясть Израиль, и вопреки своим намерениям благословил его!

Я пожал плечами:

— Таких, как я, этот пример не убедит.

— Почему? — спросил он в недоумении.

— Валаам услышал, — напомнил я, — всего-навсего ослицу.

— Да, — согласился он. — И что?

Я удивился:

— Как что? Ослы, знаете ли, для меня не авторитет.

И ослицы — тоже.

Он усмехнулся, показывая, что понял как шутку, но шуткануть — не значит опровергнуть, но я смотрел серьез-

но. Я же нормальный человек, и если со мной заговорит ослица, я удивлюсь, что говорит именно ослица, никогда не видел говорящей ослицы, но это не значит, что буду слушать ее, как профессора. Тем более ослица своими речами никак не перевернет мое мировоззрение и образ жизни. У ослицы, как бы сказать потолерантнее, репутация совсем не та, чтобы выступать перед федеральным собранием на счет бюджета на следующий год.

Он покачал головой:

— Сын мой, ослица заговорила не сама по себе.

Я задрал голову и посмотрел на небо.

— Что, ей подсказали оттуда? И не могли выбрать кого-нить поавторитетнее? Кому бы поверили больше?

Дитрих посмотрел на меня с улыбкой, но тень набежала на его худое строгое лицо.

— Ох, сэр Ричард... Мы бессознательно думаем, что Бог видит нас сверху...

— А что, — спросил я невольно задиристо, — сбоку?

Он покачал головой и ответил мягко:

— Он видит нас изнутри.

Я зябко передернул плечами:

— Да? Неожиданная мысль. И страшноватая.

— Прятаться нужно от недоброжелателей, — укорил он мягко, — а родители всегда видят своих детей такими, какие те есть. И любят... даже уродливых.

Я кивнул:

— Господу недурно удалась природа, но с человеком, как мне иногда кажется, вышла осечка.

— Только кажется, — сказал он поучающе. — Верь, сын мой! Ты не такая свинья, какой часто бываешь.

— Ох, отец Дитрих! Вы еще не знаете, какой я бываю!

— У человека много свободы, — напомнил он. — Он может быть и еще большим животным, чем ты думаешь. Вообще-то понять Бога легко... если только не пытаться его объяснить.

— Бог, которого можно понять, — возразил я, — уже не Бог.

Он подумал, развел руками:

— Сэр Ричард, боюсь... вы правы.

— Так почему боитесь?

— Потому что мне в самом деле придется ехать с вами, — ответил он серьезно. — Будь вы попроще или поглупее, все было бы легче. Не хочу, чтобы вы наломали дров... если этого можно избежать. А вы с вашим просто пугающим пониманием сути вещей можете наделать бед!

Я хлопнул себя по лбу:

— Кстати, да... Как я об этом сразу не подумал...

— О чем, сын мой? — спросил он с опаской.

Я сжал кулаки, выдохнул и сказал другим голосом:

— Да так, мысль одна посетила. Все от слабости нашей душевной, отец Дитрих.

Он перекрестил меня:

— Держись, сын мой. Дьявол силен. Он никогда не спит.

— Отец Дитрих, — напомнил я еще раз, — я жду вас в Армландии. Там работы намного больше, еще раз уверяю! Приезжайте сразу, как сможете. И людей с собой возьмите, если кто решится на такое путешествие.

Он благословил меня, я поцеловал ему руку и быстро отправился к конюшням. Конечно, можно предложить ему прямо сейчас в Армландию на крупе моего коня, однако... каждому овощу нужно дозреть.

В обратную дорогу я пустился с утра, а к вечеру уже несся по землям барона Эстергазэ. Чтобы выглядеть своим в доску, я высмотрел медведя, дурень не восхотел, как все порядочные толстожопые, на зиму в берлогу, зашиб удачным броском молота, кое-как взгромоздил на конский круп, и в таком виде геройски появился перед воротами замка.

Там заорали, торопливо опустили мост, одновременно распахивая ворота, подняли решетку. Я сбросил медведя на середине двора: гуляйте ребята, от медвежьей крови повышается мужская сила, отпустил Зайчика и, отпихиваясь от ошалевшего Пса, пошел в донжон.

Сухой горячий воздух опалил замороженное лицо, я с облегчением перевел дух. Из зала выскочили сэр Растер и Митчел, оба еще красномордее, чем в день отъезда, распаренные, словно не из-за стола, а из бани.

— Сэр Ричард! — вскричал Растер обиженно. — Да как же так!.. В который раз — и без нас?.. Это несправедливо!

— Нет на свете справедливости, — согласился я.

Митчел, хоть и покачивается, даже за косяк ухватился, но в пьяненьких глазках такой же укор. Оба широкомордые, любители выпить и подраться, потом подраться и выпить, сдружились в неразлейвода, а теперь с каждым днем становятся все больше похожими один на другого.

— Что в лесу? — спросил Митчел.

— Звери, — ответил я.

— Какие?

— Всякие.

Он потер ладони:

— Поохотимся!

— Это точно, — согласился я, — даже весну ждать не будем. Но не сейчас, не сейчас...

— Да, — согласился Митчел, — снег сейчас как пух. Пусть слежится, уплотнится, а то и наст появится...

— И крестьяне дорогу санями укатают, — добавил сэр Растер.

— Верно, — одобрил я. — Ладно, я пойду пока переоденусь. Вечером за столом поговорим.

В своих покоях я с помощью слуг разоблачился, за окном чернеет ночь, светильники вместе с ярким трепещущим от сквозняков светом источают душный пряный запах, словно я в серале, а не в суровом замке жестокого феодала.

Сквозняки все же есть, но страшно подумать, что гуляло бы по залам, если бы не законопатили все, как думали, щели.

Луна по ту сторону окна плывет под облаками огромная, болезненно-бледная, жуткая, от нее струится недобрый свет.

Скрипнула дверь, барон Альбрехт приблизился спокойной походкой отдыхающего человека, мимоходом глянул в соседнее окно.

— Полнолуние... — обронил он неодобрительно. — Плохое время.

— Почему? — спросил я. — Волки далеко, ведьмы не летают...

Он переспросил недоверчиво:

— А что с ними случилось? У вас точные сведения?

— Это догадки, — пояснил я, — основанные на умозаключениях. Сейчас зима, если вы из-за стола успели заметить такую мелочь. В легком платьице порхать холодно, даже ведьмы замерзнут, как вороны. А они, как мы все знаем, вообще предпочитают летать обнаженными, то есть голыми. Ведьмы, не вороны.

— Ну да, — согласился он, — все для похоти нечестивой. Это не на ворон смотреть! На такую посмотришь — одно удовольствие! Всю ночь снится будет, и просыпаться так не хочется.

Я покачал головой.

— Не для похоти. Все дело в экономике.

Он удивился:

— А экономика при чем?

— Не знаю, — ответил я чистосердечно. — Просто призыв, все объясняют экономикой. Экономикой и фрейдизмом, это такая религия в моем покинутом королевстве... Вообще-то я имел в виду скорее чисто технические трудности. Если ведьма напялит зимнюю шубу, любая метла переломится. Согласно вычислениям «Молота ведьм» грузоподъемность метлы не больше пятидесяти пяти килограмм

мов. Благодаря проделанной работе богословов мы теперь даже и не смотрим на толстух.

Он кивнул:

— Мне тоже на толстых смотреть не хочется. Правда, в постели у них некоторое преимущество.

— Что вы, барон, — возразил я, — какое некоторое? Явное! Особенно вот в такие зимние ночи. Камин прогорает так быстро, что утром вместо оставленного супа на столе уже ледышка.

— И мягче толстенские, — добавил он. — Сэр Ричард, вы умеете смотреть! Мне как-то в голову не пришло, что в такие морозы не совсем подходящая погода для летунов и порхателей. Я знаю, что ведьм толстых не бывает, но про шубы как-то в голову не пришло... Голой в такой мороз, согласен, небольшое удовольствие. Хотя я, конечно, посмотрел бы с удовольствием. А вы кого-то высматриваете?

— Да вроде бы некого, — ответил я честно.

— Жаль, — ответил он с некоторым разочарованием. — Ведьма на метле — это даже поэтично.

— Цветы зла, — сказал я.

Он обрадовался:

— Как точно сказано! Да вы поэт!

— Это не я сказал, — признался я. — Некий Бодлер, поэт.

— Сатанист?

— Не знаю.

— Сатанист, — сказал сэр Альбрехт с убеждением. — Цветы зла, это же точно ведьмы на метлах!.. Признаюсь вам честно, сэр Ричард, хотя никому это раньше не говорил, я велел не вкапывать в землю косы и колья перед Вальпургиевой ночью. Запретить звонить в колокола не могу, конечно, но косы втыкать не разрешаю... Повод отыскал, естественно, к ведьмам не относящийся.

Я смотрел туповато, стараясь понять, что же он имеет в виду, потом услужливая память напомнила, что колокольный звон сбрасывает летающих ведьм на землю. Особо усердные крестьяне вкапывают в землю обломки старых

кос, кладут бороны зубьями кверху, чтоб те, которые с малой высоты, не отделались одними кровоподтеками.

— Да, — согласился я, — вреда от ведьм меньше, чем удовольствия. Да и вред наносят, в основном, невежественным крестьянам. Их не жалко.

Мы поулыбались, прекрасно понимая, что острым, своих крестьян так же жалко, как любое имущество, крупный рогатый скот или уже добытую и складированную руду.

— Пойдемте в зал, — сказал он тепло, — рыцари должны видеть вас почаще. Мало доверия к сеньору, что проводит время в церкви, в подвалах или с крестьянками на сеновале.

— Займемся популизмом, — согласился я. — Увы, надо.

— Это не так тяжело, — утешил он. — Особенно, если вино хорошее.

Глава 7

Спускаясь с лестницы, я охватывал взглядом весь зал. За столом под вино и буженину так хорошо идут рассказы про славные подвиги великих героев прошлого, невольно заслушался и остановился. Барон Альбрехт пихнул в бок и напомнил язвительным шепотом, что время идет и наши предки с каждым годом совершают все более славные подвиги.

Нас заметили, когда мы были уже на последней ступени, зашумели, подняли кубки и прокричали здравицу в честь доблестного сюзерена. Вскользь упомянули и мудрого барона, причем «мудрого» прозвучало с некоторым пренебрежением, словно быть мудрым, это обязательно вести себя, как трус.

Я поскорее опустилсЯ в тронное кресло, мне сунули серебряный кубок. Слуга торопливо наполнил до краев темно-красным вином.

— За нашу и вашу победу, — сказал я, поднимаясь. — Пейте, насыщайтесь... и помните, настанет лето — и обе-
дать придется в седле на скаку, как варварам и кочевникам.

Сэр Растер охнул, спросил восторженно:

— Что, будет так жарко?

— Даже жарче, — заверил я.

Макс смотрел на меня влюбленными глазами, тоже жаждал подвигов, проговорил почтительно:

— Что, пойдем дальше?

— На ту сторону Хребта, — сообщил я. — Я, как граф и наследник герцогства Брабантского, изволю соединить Армландию и Брабант едиными узами. Туннель под Хребтом восстановим летом.

Барон Альбрехт смотрел недоверчиво, в глазах непонимание, чего это я так разговорился. Спросил осторожно:

— Туннель?

— Точно, — ответил я самоуверенно.

— Как вам это удастся? Если не рыть тысячу лет?

Я погрозил пальцем.

— Барон, а как насчет военных тайн?

— Ну, хорошо, — сказал он, — и что, весь Туннель будем контролировать именно мы?

— Конечно, — заверил я. — Во-первых, он на землях Армландии...

— Северный конец, — уточнил он.

— А южный, — уточнил я, — во владениях герцога Брабантского! Моего родителя, кстати.

Рыцари с напряжением вслушивались в наш диалог и, когда Альбрехт покачал головой и задумался, с облегчением вздохнули. Альбрехт сказал после паузы:

— Но все равно это очень серьезно! Нужно очень хорошо продумать все, чтобы Туннель не отобрали у нас более сильные соседи.

Сэр Растер передернул плечами:

— Это же впервые прямой путь на Юг! Даже мне страшно... Что будет, что будет!

Митчел сказал браво:

— Будет то, что мечи наши покинут ножны и не скоро в них вернутся.

Я поднялся, сказал громко:

— Подумайте над этим, а я пока к себе, нужно еще кое-что обмыслить.

— Вы же рыцарь, сэр Ричард! — произнес с упреком сэр Растер. — Пусть слуги мыслят! А мы должны пировать!

Остальные одобрительно загалдели, поддерживая, я сказал тоскливо:

— Какой я рыцарь? Сейчас я хозяйственник.

Растер посмотрел с сомнением, не могу же я всерьез обозвать себя таким бранным словом, ибо хозяйственников, то бишь управителями замков и земель, назначают тех слуг, что не очень хороши с мечом и копьем, да и с коня на скаку падают. Или вообще берут из числа деревенских старост, доказавших свое умение управлять хотя бы сельчанами и общими землями.

— А как же боевые подвиги?

— Какие зимой подвиги? — ответил я сердито.

Он оглянулся на рыцарей за поддержкой.

— Ну. С вашим конем можно по любому снегу... Правда, пришлось бы без свиты, лорду такого ранга... да, вы правы, неприлично.

— Вот-вот, — согласился я. — Как же без свиты? Ни в коем разе! А то еще подумают! Это как голым на прием к королю вместо королевы. Не-е-ет, надо сидеть, сопеть в две дырочки и ждать изменения климата. Да и сколько той зимы?

Поднимаясь к себе на этаж, я все видел перед внутренним взором бледное и решительное лицо Шартрезы, а мозг скрупулезно складывал в кучку все, что удалось узнать о Карле. Рыцари, при всех их знаниях, кто, где и с кем, на самом деле добавили очень мало к тому, что я знал о Карле еще со времен Зорра.

Итак, амбициозный и очень умелый военачальник, нечто вроде Карла XII, что сумел из крохотной Швеции создать могучую державу, самую могучую в мире. И даже Россию Карл лупил в пух и перья, пока Петр не перевооружил

страну и не нанес Карлу единственное, но очень весомое поражение в Полтавской битве.

Но на этого Карла не нашлось укротителя: прошелся победно по королевствам, занятым грызней друг с другом, одни связал кабальными договорами, другие урезал в правах, а третьи попросту аннексировал, присоединив к своему королевству в том числе Горланд, Гиксию, Скарланды и даже Кельвинт.

После захвата очередного королевства и распространения власти и влияния далеко за его пределы, объявил себя императором. Если кто и пикнул, то тихонько и то в кулак, спрятавшись с головой под одеялом.

Церковь попросту устранилась от такой мирской ерунды, как борьба королей за власть, за переделы границ, за смену династий. Вообще-то для тех, кто занят делами божественными, эта мелкая суeta в самом деле выглядит... да и является никчемной и несостоящей. Однако большинство населения живет в реальном мире, а я с горечью видел, что эта несколько высокомерная позиция церкви — мы в белом, а вы в коричневом — приведет ее к тому, что будет все больше отстраняться от суетных и грязноватых мирских дел, зачастую греховных, и потому с нею перестанут считаться... как перестали в моем королевстве. Ну, которое срединное.

Карл сейчас, почти подчинив себе Зорр, ощутил себя вообще величайшим из величайших. Ну, типа Сарданапала, Саргона или Македонского. Или Цезаря. Сравнений с Атилой или Чингисханом быть не может, тут уж скорее Наполеон: побеждал практически всегда, но не жег, не разорял, в полон не угонял, а как бы даже вводил более просвещенное правление. Дескать, никаких границ, все вольны передвигаться по всей его империи, то есть из королевства в королевство без всяких придорожных грамот и даже без охраны: разбойников стража вешает тут же без суда, чем и отличается всегда крепкая власть от всяких демократий.

Я проследил путь Карла от наследника престола крохотного королевства до нынешнего положения и чувствовал

нарастающую злость. Карл на голову превосходит своих противников и оппонентов. Умный, циничный, талантливый, умеющий безошибочно рассчитывать ходы как свои, так и противников, буквально сметает с пути любое препятствие. И такой талантливый человек поставил перед собой такие ерундовые цели, как достижение мирового господства?

Даже не мирового, напомнил я себе еще злее. Вряд ли сунется, как Наполеон, через море, пытаясь покорить Англию, а тем самым прибрать к рукам и все колонии в Америке. Все-таки рассказы про Юг страшноватые. Чтобы его покорить, одной армии недостаточно. Вернее, только армии...

Насчет императорской резиденции Растер сказал только, что у него их несколько, что и понятно: нет такого даже самого захудалого короля, который жил бы на одном месте. Известно только, что у Карла самыми любимыми являются Бурте, Бресс и Магюо, там он чаще всего проводит зиму.

Если бы я был Карлом, зиму пережил бы в Брессе. Это в самом центре его земель, можно спокойно разрабатывать планы операций на лето, рассылать с гонцами приказы гарнизонам. Пленного короля Шарлегайла, скорее всего, держит там же.

Из-под кровати выполз дракон размером с крокодила, посмотрел на меня с вопросом в рептильевых глазах, полуприкрытых кожистой пленкой. Я развел руками:

— Ничего не принес! Самому надо на кухню, лапками-лапками... Иди-иди! А то я начну расследование, как ты попадаешь в особо охраняемое помещение.

Дракон горько вздохнул и отправился к камину, где лег на прибитый к полу жестяной лист. Я дернул за шнур, в помещение заглянул слуга.

— Пригласи барона Альбрехта, — распорядился я, — сэра Митчела, сэра Растера и сэра Макса... Кстати, как эта ящерица оказывается в моих покоях?

Слуга открыл рот, глаза стали круглые.

— Как?... Да так и оказывается... Идет, идет, идет и... оказывается.

— Через двери? — уточнил я.

Удивление в его глазах стало безразмерным, как надутый аэростат:

— Зачем ему двери?

— Понятно, — проворчал я, хотя понятнее не стало, — ладно, об этом потом. Созови всех, кого я велел! Помнишь хоть?

— Барона Альбрехта, — повторил он послушно, — сэра Митчела, сэра Растера и сэра Макса!

— Все верно. Беги!

Он посмотрел пугливо, ответил с заминкой:

— Барон Альбрехт трезв, как стеклышко, сэр Макс тоже сумеет подняться по лестнице...

— А сэр Растер?

— Его придется нести.

— А сэр Митчел?

— Этот даже пьяный взберется на любую стену.

Я подумал, махнул рукой:

— После долгого и трудного размышления мы поручаем сэру Растеру... гм... важное и серьезное мероприятие... в отсутствие соратников гулять за столом и за них. Надеемся, он отнесется к этому поручению со всей серьезностью.

Слуга исчез, я еще колебался, стоит ли заниматься тем, что пришло в сердце, а не в голову, я ж теперь гроссграф, а к этой роли еще надо приноровиться. Сердце гроссграфа, как я понимаю, должно быть всегда под контролем. Когда отворилась дверь и через порог тяжело переступил сэр Митчел, сразу наполнив комнату запахами удалого пира, я понял, что в данном случае голова должна слушаться сердца.

— Садитесь, сэр Митчел, — пригласил я. — Сейчас придут остальные...

Митчел осторожно опустился в кресло, оно жалобно пискнуло и закричало, с трудом выдерживая его вес. В глазах Митчела появилось настороженное выражение.

— Что такое, сэр Ричард? Куда-то собираетесь? Без нас?

— Совсем ненадолго, — заверил я.

— Снова на охоту?

— Да, что-то вроде.

Он покачал головой:

— В прошлый раз вы обещали подыскать место для общей охоты...

Я развел руками:

— Не удалось, везде снег глубокий. Попробую в этот раз поискать в другом месте.

Открылась дверь, барон Альбрехт и сэр Макс явились вместе, я указал на кресла, оба сели спокойные и серьезные, а Макс, даже сидя, старался тянуться и выглядеть, как на смотре.

— Я отлучусь, — сообщил я, — возможно, на несколько дней. Надеюсь, здесь ничего не случится.

— А что может? — удивился Митчел. — Как раз здесь все спокойно, а вот там, куда вы отправитесь, сэр Ричард... гм, нехорошо вот так без нас! Мы тоже жаждем боевых и прочих кровавых подвигов. Без подвигов что за жизнь? Вот сэр Макс прямо кипит весь, видите?.. Да и я готов стряхнуть пыль со своих пока еще не совсем старых костей...

Дремлющий у камина дракон открыл глаз, разбуженный голосами, приподнял голову. Окраска уже яркая, сверкающая, гребень вдоль хребта торчит, пузо горит янтарным огнем, голова красная, а лапы зеленые, что значит — отогрелся и выпался. Зевнув, он пошел, косолапя и сильно переваливаясь с боку на бок, барона Альбрехта обогнул по широкой дуге, а к сэру Митчелу начал карабкаться по ноге.

Продолжая разговаривать, сэр Митчел поскреб ногтями по костяной голове дракона. Тот от удовольствия прикрыл глаза, развалившись у него на коленях: передние лапы свисают с одной стороны, хвост и задние — с другой. Макс, не обращая внимания ни на дракона, ни на сэра Митчела, смотрел на меня чисто и преданно.

— Но как? — спросил он непонимающе. — Снегу столько, ни один конь не выберется из замка!

Митчел гоготнул:

— Сэр Ричард только что вернулся из леса именно на коне!

— То в ближайший лес, — возразил Макс, — а то куда-то далеко...

— Я выберусь, — пообещал я.

— Как?

— Неважно, — ответил я. — Господь подскажет дорогу.

— И как долго? Несколько дней — это сколько?

— Несколько, — повторил я. — Просто несколько. Ждите, ничего не меняйте. Главное, не поднимайте паники в связи с моим исчезновением. Я имею в виду, что отбуду без почетной свиты в двадцать человек...

Он отшатнулся.

— Сэр Ричард, как можно? Какие двадцать? Вам положены все пятьдесят благородных баннерных рыцарей!

Я покачал головой:

— Нет уж, я погасангаруню малость. Так надо. Все, ребята, не провожайте. Посидите, подумайте, кто чем займется. А я пока прогуляюсь...

Они смотрели ошалело, я перебросил через плечо перевязь с луком и тулой со стрелами, подмигнул им и быстро вышел, плотно притворив дверь. Стражи в коридоре вытянулись, смотрят преданно, еще бы, как я сказал сэру Уильяму, к победителям отношение особое. В нижнем холле я оделся потеплее, после чего сбежал в подвал, тоже плотно закрыл за собой и на цыпочках проскользнул к уже заброшенному колодцу. Спустившись на самое дно, я вдвинулся в нишу, ее велел выдолбить на тот случай, чтобы меня не увидел сверху даже случайно заглянувший, сказал тихо:

— Демон Огня! Я призываю тебя.

Ничего не произошло, я выждал, повторил громче. Снова полная тишина, я сказал в третий раз:

— Дух Огня! Тебя призывает твой сюзерен! Появись!.. Я ниже второго уровня...

Со дна колодца бешено вращающийся призрачный вихрь выступил с таким трудом, что я струхнул: а вдруг недостаточно глубоко? Короткий приступ ужаса сжал сердце: все разнесет, если вдруг взорвется от натуги и усердия, но я не успел раскрыть рот, как прошелестел бесплотный и бесцветный голос:

— Сэр Ричард, готов служить.

— Ничего сложного, — заверил я, — всего-навсего перенесешь меня на некоторое расстояние...

— Указывайте...

— Щас дам координаты. Надеюсь, ты сканируешь с листа. Мне нужно вот сюда... А это привязки по вершинам гор, которых ты не видишь, знаю, но так, на всякий случай... все-таки геомагнитные параметры под ними должны быть несколько иными, чем под равнинами...

Вихрь не сдвинулся с места, бешено вращаясь на остром, как шило, кончике. Я затаил дыхание, а вдруг не понимает в наших картах, хотя это нелепо, его должны были научить распознавать и рукописный текст, и вообще любые каракули, а у нас именно они.

Наконец, прозвучал голос:

— Слушаюсь.

Бешено вращающаяся стена надвинулась, я инстинктивно зажмурился. Короткий озноб пробежал по телу, наверное — электрические заряды, затем потеря ориентации, я задержал дыхание, стараясь не думать о том, что сейчас меня с большой скорости тащит сквозь коренные породы триаса и палеозоя, и если что случится, я застряну на огромной глубине среди костей динозавров.

Вот удивятся палеонтологи находке средневекового рыцаря рядом с дохлым тиранозавром!

Вдруг я снова ощутил, где верх, где низ. Вихрь исчез, вокруг тьма, затем снова замелькало светящееся, это вихрь

услужливо дает мне свет. От мелькания закружилась голова, я прикрыл поспешно глаза и сказал властно:

— Отправляйся сторожить Источник Жизни. Будь готов явиться по первому зову!

— Слушаюсь, хозяин, — прошелестел голос.

— И береги Источник! — велел я.

— Слушаюсь, хозяин!

Вихрь исчез, я на мгновение очутился снова в темноте, но создал огонек, зябко передернул плечами. Не холодно, но не люблю пещеры. Наверное, мои предки все-таки сидели на дереве, а не в каменных пустотах. Приличных размеров каверна, если мой огонек освещает только стену, что в двух шагах, то с трех сторон черная, как густой деготь, тьма.

Около часа я ходил вдоль стен, измучился в тяжелой шубе, уже собирался вызвать вихрь и велеть перенести в более удобное место, наконец, взгляд выхватил из полутьмы грубо вырубленные ступеньки. Цивилизацией не пахнет, но такое ощущение, что здесь часто бывали спелеологи или туристы-подземники, есть такие помешанные, и в трудных местах облегчили спуск. Для девочек, например.

Подниматься пришлось долго. Наконец, я ощутил снижение температуры, а чуть позже дыхание холодного воздуха. Дважды отдыхал, а когда собрался перевести дыхание в третий раз, сверху проступило мутное пятно света. Из последних сил пополз, камни холодные, обжигают пальцы. В мелких щелях снег и льдинки.

Выход оказался забит толстым слоем снега. Он так плотно закупорил узкую щель, что я, не в состоянии проломить головой и плечами, вытащил кинжал и проковырял дырку, а потом уже кое-как, натужившись, проломил толстую корку льда и слежавшегося снега, словно поднимающийся со дна болота монстр.

В дыру вместе со снегом и льдинками обрушился ледяной воздух. Взгляд уперся в заснеженные стволы огромных сосен впереди, справа и слева. Снег испещрен опавшими иголками, уже темными, дальше деревьев множество. Когда

я повернулся, с той стороны за десятком редких деревьев простор полей, а дальше — игрушечные домики с поднимающимися к небу плотными струйками дыма.

Снег почти по пояс, я измучился, пока выбрал на санную дорогу. К селу добрался злой и раздраженный, ну как же мы зависим от транспорта! В доме старосты объяснил, что коня по дороге сожрали волки, не подыщет ли что для продажи...

Для продажи, конечно же, ничего нет, но, как оказалось, если заплатить хорошо, то готов продать хоть всех коней. До весны только корм переводят, а весной проще купить тех, что пока подрастают и входят в силу. Я выбрал самого рослого, все равно простая смирная крестьянская лошадка, но для моего случая сойдет, поблагодарил, чем несказанно удивил простолюдинов, и отправился уже на коне, точнее — на лошади, к приземистому замку, который так окружил себя двумя стенами, что превратился в настоящую крепость.

Глава 8

Приезд в замок рыцаря всегда событие, а зимой — сенсация. Меня сразу же провели к хозяину, сэру Джошу Сент-Омеру, пожилому и весьма грузному сеньору с красным добродушным лицом. Он тут же сошел с трона, на котором должен принимать гостей, обнял меня и сразу же увлек за стол, куда явно обрадованные слуги начали стаскивать всякие изысканные кушанья.

Их радость я хорошо понимаю: все нам двоим не только не съесть, но даже не понакусывать, а холодильников здесь нет, после нас с этим застольем расправятся сами слуги.

— Рассказывайте, доблестный сэр...

— Сэр Диплодок, — поспешно подсказал я, — сэр Диплодок в поисках приключений.

— Рассказывайте, сэр Диплодок, — говорил он, радостно потирая руки, — что видели, что встретили по дороге! А то жизнь скучна, даже за столом посидеть не с кем!

— А семья? — спросил я.

Он отмахнулся.

— Четверо сыновей, все давно женились, только один близко... но не зимой, конечно, а остальные трое вообще за тридевять! Есть и две дочери, но пристроил их раньше, чем занялся сыновьями... Так что пью один, представляете?

— А супруга?

Он снова отмахнулся:

— Не пьет, дура. Окружила себя богомольными дурищами, псалмы поют... Короче, свихнулась. Но я не обижаю, пусть. Раз счастлива, то пусть...

Блюда сменялись одно за другим, расторопные слуги уносили их раньше, чем я успевал выхватить клочок из жареного гуся или разрезать сома, но блюд столько, что все равно нахватался и насытился. Потом пошли медовые пироги, пышные булки с маком и орехами, горячие отвары из груш и яблок. Лицо сэра Джоша покраснелось еще больше, каждый кусок хоть мяса, хоть пирога запивает вином, но слушает с таким же аппетитом, как и пирует, я не стал рассказывать свои приключения, это скучная проза, а вспомнил приключения Геракла, Синдбада, Ильи Муромца, сэра Роланда и трудную судьбу Тристана и Изольды, Тахира и Зухры, Лейлы и Меджнуна — у Сент-Омера сперва перестали двигаться руки, потом отвисла челюсть, наконец, из глаз водопадом хлынули слезы.

— Сэр Диплодок, — проговорил он, всхлипывая и вытирая залитое слезами лицо рукавом, — как велик и прекрасен мир!.. Как вам повезло, что вам удавалось прослезиться при виде такого... такого...

— Да, — согласился я, чувствуя, что и сам довел себя до состояния, что и голос дрожит, и слезы закипают в глазах, — об этом надо знать, чтобы дивиться взлетам человеческого духа. Но что это все я да я рассказываю?.. Сэр

Джош, теперь вы расскажите! Я из настолько дальних земель...

— Да-да, — согласился он и снова вытер слезы, — у нас никогда о таких рыцарях, как доблестный Синдбад, и не слышали... У нас так мало чудесного!

Я покачал головой, погрозил с шутливой укоризной:

— Не отнекивайтесь, сэр Джош!.. Чем ближе я подъезжал к этим землям, тем больше слышал о великом воителе императоре Карле! О нем рассказывают так много удивительного, а ведь в моих землях о нем совершенно не знают.

Он ахнул:

— Господи, до чего же велик, оказывается, мир!.. Есть земли, где не знают про нашего императора?

— Есть, сэр Джош...

— То-то я смотрю, вы одеты не совсем как у нас. И, гм, лук при вас.

— У нас так принято, — заверил я. — Правда, не для боя, это неблагоприятно, а для охоты.

— А-а-а, — сказал он, просиял: — Для охоты можно...

Он воодушевился и больше часа пересказывал о рождении императора, что связано тоже с чудесами и предзнаменованиями. Даже статуя Пресвятой Девы не то заплакала, не то хихикнула, в детстве юный принц поражал умом, честолюбием и знаниями, а в восемнадцать лет, подобно великому Александру, получил в наследство корону, и с того дня начались победные завоевания...

— Значит, — спросил я наконец как можно небрежнее, — Его Императорское Величество сейчас изволит отдыхать в своих владениях в Брессе?

Сэр Джош кивнул, подождал, когда я налью ему полный кубок. Каменное лицо стало мягче, а голос из рыкающего превратился в смягченное рычание большого сильного зверя:

— Да, там его жена.

Я поинтересовался с понимающей усмешкой:

— Какая из жен?

Он гыгыкнул:

— Восьмая. Его Величество не слишком жалуется тетравленд. Потому у него всегда только одна жена. И несколько любовниц, конечно.

— В каждом городе?

Сэр Джош гыгыкнул снова:

— Ну да! Не возить же за собой одних и тех же?

— Разумно, — одобрил я. — Чего их перевозить, когда они везде одинаковы?

— Его Величество всегда поступает очень правильно, — сказал сэр Джош с почтением. — Именно потому и побеждает всегда. А сам он сейчас с двумя сыновьями в Бурте.

Я, продолжая приятно улыбаться, сжал и разжал под столом кулаки. Где находится в заключении Шарлегайл, узнать не удастся еще и потому, что предусмотрительный Карл, чтобы заранее отгородиться от всех случайностей, просто скрыл местонахождение знатного пленника. Даже от своих, мудро понимая, что сегодня они свои, а завтра — свои собственные.

Это ломает все планы. Ломает, но не отменяет задуманного. Как говорится, где не помогает львиная шкура — одевай лисью. Когда против тебя громила в два твоих роста и с кулаками с голову троллей, то ты вправе хвататься за любое оружие, использовать любой трюк, даже так называемые «грязные», потому что это всего лишь уравнивание шансов. Вот такой я рыцарь, с поправкой на реальность.

Конечно, другим об этом не скажу, заплуют и в шею выгонят из рыцарства, но я и не собираюсь указывать на изъяны рыцарства. Это не изъяны, а всего лишь предельное благородство, которое я так ценю... в других.

Возвращаясь вроде бы по неотложному делу в село, где купил лошадь, я вспоминал Карла. Мне удалось увидеть его лично, когда он почти взял Зорр.

Сейчас он напоминает мне богомола, что медленно перебирается по стеблям с одного растения на другое, по дорожке точно и абсолютно безошибочно хватая всяких там

кузнечиков. Да, богомол побеждает всегда, потому что, как мощный компьютер, выбирает наиболее оптимальный вариант действий.

Но богомол не стал царем природы. Совсем не из-за размеров, как и слон вот тоже всего лишь цирковая скотинка в руках того, кто умеет поступать неординарно. Мы еще потягаемся, Ваше Императорское Величество! Вы сильны только потому, что, отбросив некоторые рыцарские правила войны как «устаревшие», научились прибегать к некоторым нестандартным решениям. Ну, типа ударить ниже пояса, что всех ужасает и кажется постыдным. Но вам плевать, вам важен конечный результат.

Но тот, кто бьет ниже пояса, пусть не жалуется, если его ударят в спину.

Заехав в лес, я зацепился взглядом за разрытое место в снегу, снег все еще не припорошил мои следы, соскочил с коня и, хлестнув по боку, велел:

— Не стой, а то волки сожрут! Беги обратно.

Он отбежал на пару скоков, повернул голову и смотрел в недоумении.

Я погрозил кулаком.

— Возвращайся, обрадуй прошлого хозяина. Скажи, что это меня волки съели. Ну, типа напился, упал в снег, а тут в чистом поле из-за угла волки... Зато ты молодец, убежал!

И, не дожидаясь, когда туповатый конь сообразит, что делать, полез обратно в щель. Огонек опускался медленно, принаравливаясь к моим раскорячистым движениям, но вниз — не вверх, я почти не запыхался, когда достиг дна.

— Дух Огня, — велел я. — Немедленно к сюзерену!..

Прошло несколько секунд, из камня наполовину выдвинулся призрачный вихрь. От мелькающих струй закружилась голова. Я чуть было не велел прекратить, но испугался, что Вихрь вдруг да умрет, кто знает, какая связь между строением и функциями организма из силовых полей.

— Хорошо, — сказал я благосклонно, — хорошо служишь, молодец. А теперь перенеси на сто двадцать миль к востоку... это примерно вот сюда...

Минут десять нам потребовалось, чтобы выяснить координаты этого места: к счастью, вихрь кроме своей системы координат понимает и ту, которой пользуюсь я. Стоило показать, где мы сейчас находимся, а затем — в какой точке возжелал оказаться, вихрь тут же провел несложное вычисление, я оказался в бешено вертящемся смерче, стенки пещеры исчезли...

...и совсем недолго я боролся с тошнотой в этом вихре, а оказался почти в таком же разломе. Мутно-белесые стены смерча разом исчезли, я хлопал глазами в кромешной тьме.

— Это... — спросил я шепотом, — здесь?

— Да, — ответил свистящий шепот.

— Прямо под дворцом?

— Я не знаю, что такое «дворец»... Но мы близко к указанной точке.

Я прислушался, попытался увидеть что-то через запаховое зрение или тепловое, наконец, сосредоточился, представил яркий огонь... получился жалкий огонек, но лучше и не умею, высветились покрытые плесенью массивные каменные плиты, глубокая трещина, уходящая вверх.

Пахнет сыростью, воздух влажный и очень затхлый. Вихрь произнес привычно бесстрастно, но мне почудилась виноватая нотка:

— Там нет мест, откуда мой хозяин мог бы подняться. А которые есть... туда не поднимусь я. Сейчас мы в полумиле от заданной точки.

— Все хорошо, — одобрил я. — Подумаешь, полмили! Могло и этого не оказаться.

— Рад, что выполнил повеление!

— Вольно, — сказал я. — Или отдыхай. И — следи за аппаратурой. В смысле, за Источником Жизни. Человечество — феникс! Сколько бы мы ни сжигали себя в Войнах Ма-

гов — все равно возродимся, снова все засрем, перепоганим, сгорим в термоядерном огне... и снова возродимся!

— Все сделаю, — ответил Вихрь.

— Хорошо, — сказал я напряженно, — попробую выбраться наверх. Будь готов появиться по первому зову.

— По первому зову, — подтвердил он. — Я всегда и везде услышу, как только назовете мое имя... которое вы мне дали.

Я не стал напоминать, что его «всегда и везде» ограничены не только координатами «вверх-вниз», но и ареал по горизонтали для него не так уж и велик, однако откуда роботу-ремонтнику... если он ремонтник, это знать? Для него его ареал и есть весь мир.

Подошвы часто соскальзывали с влажных от плесени глыб, я удерживался на руках. Бледный огонек послушно всплывал выше, высвечивая камни. Я полз медленнее улитки, руки и ноги дрожали, наконец, над головой высветились потемневшие толстые доски. Я пощупал, прислушался.

Тихо, по лбу текут струйки пота, воздух стал еще отвратительнее. Я попробовал острием ножа поддеть доску, но в старину строили добротнo, не поддалась. Грудь уже ходит ходуном, перед глазами поплыли радужные круги.

Задышавшись, я сорвал с пояса молот и, не выпуская из руки, ударил в доску. Я страшился услышать мощный сухой треск, но промокшие доски жалко чавкнули, по ним пробежал красивой черной молнией зигзаг.

Я торопливо ударил еще. В щель обрушился воздух, что показался свежим и чистым. Я торопливо проломился наверх... голова поднялась над уровнем пола в заброшенном подвале. Повезло, подвал и глубокий, и завален разным хламом: поношенной одеждой, что годится только на тряпки, поломанной мебелью, столами и колченогими табуретами.

Зарешеченное окошко под самым потолком. Воздух даже в подвале морозный, сухой, изо рта вырывается струйка пара. На том конце помещения каменные ступени ведут на-

верх, к темной двери, окованной металлическими полосами. Я потащил себя из дыры, острые зубья злорадно зацепили за пояс и попытались остановить. Я рванулся и, обламывая дерево, выкатился на покрытый пылью и застарелой грязью пол.

Дыра огромная, я прижал вздыбленные доски, дыра почти исчезла, сверху закидал кучей тряпья. Огонек проплыл по моей команде к двери. Я прислушался, далеко слышны веселые песни, а за дверью тихо. Заперто, я налег всем телом, не поддаюсь, пальцы привычно опустились к рукояти молота, но я представил себе, что это вызовет, отступил на шаг и сильным ударом плеча полураспахнул дверь в морозную ночь.

В лицо сыпнуло мелким колючим снегом. Дверь прижата сугробом, я кое-как протиснулся в щель. В сапоги набилось холодного злого снега, больше похожего на мелкие льдинки. Едва дверь вернул на прежнее место, сугроб снова начал вырастать прямо на глазах, наполняя щель.

Итак, следы замели, мелькнула мысль. Если бы и дальше так шло хорошо... но так не бывает. Лучше бы сейчас какой-нибудь облом, чем потом, когда дойдет до серьезного.

Высокая стена из неровно уложенных камней загораживает дорогу. Из окон несется хрюканье, а запах перебивает аромат конских каштанов: рядом — конюшня. Снег желтый, грязный, в нечистотах. Донеслось конское ржание, по звуку я определил, что конюшня следом за свинарником.

Справа, слева и за спиной — хозяйственные здания, по большей части добротные, каменные. Нетрудно догадаться, что и они на руинах древних построек. Стены подвала, из которого я вылез, вовсе из циклопических блоков, их не поднять простым крестьянам.

Несмотря на раннее утро, народ суетится, как муравьи. Очень часто попадают люди в доспехах и при оружии. На меня посмотрели с недоумением, но никто ничего не спросил, а я с самым надменным и независимым видом миновал постройки и направился к замку.

Впечатляет размерами, но еще больше — пышностью. Чувствуется, что закончили его недавно, и что строили уже для императора. Для такого, который не допустит вражеские войска близко, так что нет необходимости возводить устрашающие стены, башни и окапывать все рвом.

Дворец, напомнил себе я. Дворец. Давно не видел дворцов.

Утро морозное, ясное, снег весело поскрипывает под сапогами. Я издали дружелюбно улыбался стражам, не как равный, конечно, а как всем довольный лорд, который идет к своему лорду. С этим лордом у меня все хорошо, и вообще все хорошо. Эти сволочи натренированы улавливать тревогу и неблагополучие, так что я постоянно должен быть прост и ясен, как дурак.

У ворот передо мной скрестились копья, но не враждебно, так заведено. Я остановился и сказал легко:

— Я граф Диплодок, зима застала меня в соседнем селении. Услышал, что прибыл Его Императорское Величество, поспешил засвидетельствовать свое почтение.

Один из стражей сказал скучным голосом:

— Сюда не положено.

— Знаю, — ответил я с улыбкой. — Крикните старшего. У него полномочий больше.

Через пару минут появился старший, огромный воин, весь в громяющем железе, голова как у кабана, лицо испещрено жуткими шрамами. Оглядел меня подозрительно, но я сияю улыбкой младенца, на всякий случай ни о чем не думаю, кроме баб и выпивки, пусть это отражается и на лице на случай, если кто-то из магов за мной наблюдает.

Старший смягчился и спросил хмуро:

— Что вы хотите?

— Я граф Диплодок из королевства Великая Утопия, — ответил я, для старшего добавляя чуть больше информации. — В нашем королевстве войска Его Величества еще не бывали, так что я гость иностранной державы. И в какой-то мере посол... Его Величеству было бы самому интересно уз-

реть меня перед свои ясны и мудры очи. Очи — это глаза такие.

— Знаю, — буркнул он. Нахмурился. — Подождите здесь.

— С удовольствием, — ответил я легко. — Прекрасный день! Мороз и солнце, день чудесный! Чего ты медлишь, друг прелестный...

Он посмотрел с недоверием, кого это я обозвал прелестным, да еще другом, на что намекнул, но удалился, не задавая вопросов. Я в той же непринужденной манере побеседовал со стражами, стараясь не задавать вопросов типа: сколько войска и где хранят полковую казну. Они отвечали охотно, уже застоявшиеся, с красными от мороза щеками.

На этот раз к нам вышел рыцарь в дорогих доспехах. За ним двигался, благоразумно приотстав на три шага, маг в длинном халате и в остроконечной шляпе. По моему телу пробежали мурашки, от мага исходит настоящая мощь, как-то прошупывает меня. В сердце кольнуло: а вдруг кто-то сумеет, вдруг я не настолько из другого мира.

Рыцарь коротко поклонился, он держится с чувством достоинства и превосходства, каждым движением подчеркивая, что он один из приближенных самого императора.

— Слушаю вас, сэр... сэр?

— Сэр Диплодок, — назвался я.

Он ждал, но я демонстративно замолчал и мерил его придирчивым взглядом. Наконец, он нехотя процедил сквозь зубы:

— Виконт Алексантис.

— Ах, виконт, — произнес я легко и посмотрел на него так это дружелюбно, как смотрят на одного из хороших и почтительных слуг, ведь понятно же, что какой-то сраный виконт для графа и не человек вообще, — а я граф Утопский... в смысле, граф Диплодок из королевства Великая Утопия, барон, виконт и прочие, но земли мои далеко на северо-востоке. Сюда я забрался в поисках приключений и рыцарских подвигов. Обеты свои, довольно опрометчивые,

выполнил, но, к сожалению, зима застала, когда собрался повернуть взад... Прослышав, что прибыл Его Императорское Величество, возликовал и загорелся желанием лицезреть лично, чтобы дома рассказать, так сказать.

Я говорил легко и свободно, эдакий искренний искатель приключений и рыцарских схваток, всем довольный, еще бы не быть довольным с таким ростом и таким размахом плеч. Все это время чувствовал, как маг прощупывает меня во всех доступных ему диапазонах. Офицер слушал внимательно, дважды покосился на мага, тот оставался с непроницаемым лицом, что, видимо, офицера удовлетворило, а как на самом деле относится ко мне — виду не показывал, вышколенный царедворец.

Я замолчал и посмотрел с вопросом в глазах: ну что еще? Офицер кивнул и ответил вежливо:

— Прошу вас, сэр Диплодок, следуйте за мной.

Я воскликнул счастливо:

— Я лицезрю императора?

Он криво улыбнулся:

— Не так скоро.

— Его Величество занят?

— Его Величество всегда занят, — ответил он уже холодно. — Но, возможно, когда будет массовая аудиенция, вы его увидите.

Нам постоянно встречались часовые, кроме того, на крышах и на площадках башен видны лучники и арбалетчики. Кроме часовых, что охраняют все ходы-выходы, стражи по двое-трое постоянно ходят вдоль всех построек, заглядывают небрежно в окна первого этажа. Ну, а что делается на втором, видно тем, кто дежурит на башнях.

Круто, мелькнуло у меня тревожное. Ни сантиметра, чтобы не просматривалось с двух-трех направлений. Исчезничество не поможет, император не мог не окружить себя лучшими магами и колдунами. Единственное, чего не могут пока маги... надеюсь, не могут, это прочесть мое истинное отношение к их великому императору.

Глава 9

Один из старших слуг, которому поручили устройство зимнего гостя, окинул беглым взглядом мой костюм, доспехи, меч и молот на поясе и лук за плечами, оценил меня, привесил видимую только ему бирочку с ценой и степенью допуска и только после этого сказал с низким поклоном:

— Следуйте за мной, сэр.

Гул громких властных голосов, запах вина и немых тел встретили нас на пороге длинного зала с невысоким потолком. Посреди уходящий вдаль стол с лавками по обе стороны, а под стенами такие же широкие лавки, что служат и постелями. Десятка два крепких мужчин, одни за столом мрачно цедят сквозь зубы вино, другие еще спят после ночного загула. Один чужак устроился у окна и точит зазубренный меч, противно вжикая камнем по лезвию.

— Располагайтесь, сэр, — сказал слуга с поклоном. — Вынужден вас покинуть, дел много.

Он исчез, а я, выпрямив спину и напружинив плечи, деревянными шагами прошествовал к столу. Одна рука гордо уперта в бок, другая на рукояти меча: всем видом показываю, что я бретер, который очень любит позадираться и просто обожает драться.

Меня смерили осторожно-оценивающими взглядами, никто не выразил желания принять вызов. Я опустил за стол, справа и слева хмурые рыцари, явно мучаются похмелем. Я велел подать вина и спросил соседа справа:

— Здесь все гости? Или рыцари славного императора?

Сосед, массивный краснолицый мужчина, просипел простуженно:

— Мы все — рыцари императора.

— Это я понимаю, — сказал я поощрительно, — просто хочу понять, куда меня засобачили. То ли в такие же искатели приключений, то ли в доблестные рыцари из свиты...

Он качнул головой, сразу же скривился: неосторожное движение вызвало острую боль в черепе.

— Рыцари свиты живут отдельно.

— А-а-а, — сказал я доброжелательно, — тогда мы на одной доске! Позвольте заказать вам вина?

Он хмыкнул:

— Вино здесь за счет императора. Правда, могли бы и получше.

— А лучше здесь водится?

Он ответил безнадежно:

— Конечно. Но слишком уж дорогое.

Я помахал рукой слуге:

— Лучшего вина мне и моему другу!

Другие начали к нам присматриваться, я гостеприимным жестом пригласил подсесть ближе. Слуга метнулся из комнаты, а спустя некоторое время внесли и вина, и жареного гуся, и даже медовые пироги, хотя я такое не заказывал. За сметливость я одарил слуг щедро, вскоре наша половина стола загрохотала веселыми голосами и песнями.

Через четверть часа я уже знал, что император Карл недавно остановился здесь, в Бурте. У него было восемь сыновей и три дочери, но двое старших погибли в боях, четверо умерли от болезней, остались двое: Арманд и Гелекс. Император не позволяет на них пушинке упасть, бережет и лелеет, как зеницу ока.

Сэр Гонт, которому я первым предложил выпить, сделав как бы первым лучшим другом, объяснил со смешком, что вокруг Арманда и Гелекса, сыновей Карла, телохранителей втрое больше, чем у самого Карла. Увы, болезни не различают детей бедняков и королей. Теперь у Карла дети больше не рождаются, так что трясется над оставшимися. И сейчас больше смотрит на карте, как поделить между ними империю, чем думает о новых завоеваниях.

— А почему не одному? — спросил я.

Он ответил шепотом:

— Он обоих сыновей любит!.. Страстно.

— И что? — не понял я. — Они ж не близнецы?

— Его Величество никого не изволит обидеть, — ответил он дипломатично.

— Ошибка, — сказал я.

Рыцари заморгали, на меня посматривали заинтересованно, как будто сами не решаются высказать свое мнение.

— Почему? — спросил сэр Гонт.

— Империя будет разделена, — заметил я совершенно искренне. — Оба сына начнут борьбу за влияние, за первенство. Каждый восхочет стать единственным.

Он кивнул, лицо посерьезнело:

— Вы прекрасно понимаете ситуацию, сэр Диплодок.

— Да как не понимать?

Он понизил голос:

— Многие то ли не понимают, то ли не решаются сказать Его Величеству.

— Скорее, — заметил я, — второе.

— Нам тоже так чудится. Начнется большая война, империя ослабнет. Восстанут покоренные королевства... Империя развалится уже при нашей жизни.

— Империя гуннов просуществовала еще меньше, — посочувствовал я кротно.

Слуги принесли еще вина, я напомнил, что мы не горькие пропойцы, так что и яства должны быть на высоте, слуги тут же засновали между комнатой и кухней с удвоенной энергией.

Я прибыл без плана, да и какой может быть план, когда не знаю, с чем столкнусь, но сейчас прямо за столом с гуляками начала оформляться некая идея. Пока смутная и основанная больше на предположениях, но уже есть над чем поработать. Пару месяцев назад я бы отбросил ее по причине... нерыцарскости, что ли, хотя понятно, какой из меня рыцарь, да и сейчас мне самому казалась не совсем, не совсем...

С другой стороны, я же не просто рыцарь, а гроссграф, а

это уже политик, для которого не существует этики, а существует только прагматика.

Итак, рыцари, сопровождающие императора, размещаются в просторных зданиях, выстроенных специально для охраны принцев членами семей из наиболее родовитых. Помимо могучих рыцарей, а также их оруженосцев, что составляют первый защитный круг внутренней стражи, при императоре постоянно толпятся его прославленные полководцы, стяжавшие славу в бесчисленных битвах.

Кроме того, несмотря на то что в загородный дворец Карла не проскользнет незамеченной даже мышь, за императором и его сыновьями постоянно ходит отборная стража. Ладони всегда на рукоятках мечей, а налитые злобой глаза только и зыркают по сторонам в поисках, на ком бы доказать свою бдительность и преданность.

Дети, правда, уже не ползунки: одному семь, другому — двенадцать. Оба еще те волчата — грезят о битвах, любят смотреть, как пытаются пленных и заговорщиков.

Принц Арманд, так зовут старшего сына Карла, безумно жаждет поскорее перехватить бразды правления и довершить завоевание всего мира. Если Карл ограничивается войнами на этой части материка, покоряя королевства одно за другим, то Арманд мечтает захватить еще и Юг. Вот это и будет настоящая слава завоевателя, что затмит грозную славу его отца!

Он, по рассказам восхищенных рыцарей, изучает карты, обычаи народов, их вооружение, стратегию захватов. Все остальное время проводит в изнурительных тренировках, оттачивая свое умение бойца. Лучшие из лучших мастеров обучают его владению всеми видами оружия. Хотя император не обязан водить войска в бой лично, но Арманд мечтает врываться в ряды противника и рубить там, вызывая восторг и почтение своих воинов, а главное — видеть, как алая кровь брызжет из рассеченных его мечом тел.

Младший, принц Гелекс, по малолетству еще не изучает карты, мечтая захватить оставшуюся половину мира, но уже

полон гордости. Его отец — самый могущественный человек на свете, а он, как сын такого отца, может заставить этих толстых и богато одетых людей ползать у его ног, униженно кланяясь... И хотя отец такого не позволяет, но уже все знают слабости принца и стараются ему поклониться пониже.

На зиму затихает и дипломатическая деятельность, иначе я бы никогда не дождался аудиенции, а так на третий день в помещение вошел человек в одеждах цвета личной obsługi императора, спросил в пространство:

— Здесь сэр Диплодок, что добивается аудиенции у Его Величества?

— Здесь, — ответил я браво, вскакивая.

— Следуйте за мной.

Зал огромен и роскошен, в замках таких не бывает, что-то от обилия роскоши роднит с Востоком, с гарунальрашидизмом, я шел и ахал, вызывая довольную улыбку на лице слуги.

В зале полно пышно одетых придворных, у всех на лицах великое счастье, они ж лицезрят императора. Сам Карл на троне с широкой и очень высокой спинкой, сверху чучело орла с расправленными крыльями, слишком много драгоценных камней в украшении кресла. Перебор, конечно, с другой стороны — впечатляет даже меня.

Справа и слева от Карла толпятся сановники, за их спинами я заметил несколько магов. Не скрываясь, они то и дело пробегают взглядами по лицам собравшихся в зале. Идеальные бодигарды, вылавливают террористов еще на стадии, когда человек только начинает понимать, что неплохо бы им стать.

Сопровождающий меня громко назвал имя сэра Диплодока. К уху Карла тут ж наклонился один из его правых рук, зашептал, указывая взглядом на меня. Мне показалось, что не столько шепчет важное, сколько показывает залу свою близость к императору.

Карл взглянул на меня, уже не слушая советника. Я на

ходу отвесил вежливый поклон, в трех шагах от трона остановился.

— Ваше императорское Величество! Со всем почтением к самому могущественному человеку на Севере.

Его лицо не изменилось, а я всматривался быстро и жадно, стараясь добавить важные крупницы информации к тому, что уже знаю. Умен, это видно и по глазам, что видят тебя насквозь, и по лицу, и даже по тому, как сидит на троне. Если других королей ими делает именно трон, то Карл властелин и без трона.

— Подойдите ближе, сэр, — проговорил Карл с вежливой улыбкой. — Как вы говорите, называется ваше королевство?

— Утопия, — ответил я. — Великая Утопия.

Карл повел глазами в сторону советников, те затрясли головами и развели руками так слаженно, словно репетировали на подтанцовках.

— Где оно находится? — полюбопытствовал Карл.

— На Севере, — ответил я.

Карл снова взглянул в сторону советников. Один тут же развернул перед ним карту. Карл некоторое время смотрел, советник объяснял и бурно жестикулировал. Некоторое время шарили по карте, наконец, Карл поднял взгляд на меня.

— Сожалею, — произнес он холодно, — но такого королевства нет.

В комнате запахло смертью. Я ощутил холодок по коже, но если покажу страх — мне конец, я улыбнулся шире и сказал с видом полного превосходства:

— Есть.

Он пристально всматривался в меня, чуточку поколебленный моей уверенностью.

— У нас точные карты, сэр... как вас там.

— Насколько точные? — спросил я.

— Предельно точные, — ответил он еще холоднее. — Хорош был бы я, если бы вторгался в пределы чужих королевств, не имея подробных карт!

— Другие короли именно так и воюют, — ответил я с улыбкой.

Он буркнул:

— Это другие. Я потому и победитель, что сперва собираю карты не только тех земель, что станут моими, но и всех соседей. Подробные карты!.. У вас есть, что добавить до того, как...

Он сделал многозначительную паузу. Из-за его спины выдвинулись телохранители, настоящие страшилища.

— Очень дальновидно, — заметил я. — Да, Ваше Величество, вы на голову выше всех государей, которых мы знаем. Потому королевский совет постановил отправить меня к вам с тем, чтобы встать под вашу могучую руку властелина и защитника. Наше королевство не слишком велико... но и не маленькое. На ваших картах оно, естественно, есть. Но, как вы знаете, один и тот же народ именуют по разному. К примеру, наши соседи — Венгерское королевство, но они его называют Угорским, другие — Мадьярским... Или другие соседи — германцы. Для одних они алеманы, для других — немцы, для третьих — тевты, а сами себя — вот дураки! — зовут дойчами. То же самое и у нас. Соседи наше королевство наносят на карты под теми именами, как им нравится.

Карл задумался на миг, глаза остро блеснули.

— Да, — произнес он нехотя, — я с этой проблемой уже сталкивался. Со временем покончу с этим дикарством.

Я отвесил учтивый поклон.

— Это будет великое дело, Ваше Величество. Просто я знаю, что это даже труднее, чем завоевать страны. Да, есть дела труднее, чем завоевывать.

Он фыркнул:

— Какие же?

Я пожал плечами:

— Да их масса. Но, чтобы пример был понятен, напомню, что удерживать иные захваченные земли бывает труднее, чем завоевывать. Разве не так?

Он помолчал, разглядывая меня холодно и бесстрастно. Мне показалось, что за оболочкой лица работает безукоризненный компьютер,

— Одно-два королевства, — проронил он, наконец, — нетрудно. А вы откуда знаете эти премудрости?

— Я молод, — ответил я со вкусом, — но старые книги читал.

— И что там?

— Что все империи развалились, — ответил я.

— Все? — переспросил он.

— Все, — подтвердил я.

Он махнул рукой.

— Ну да, конечно... Что-то я слишком устал сегодня. Конечно же, все, если кроме моей империи других нет... А почему развалились?

— Причин много, — ответил я, — могу как-нибудь рассказать при случае, но скажу в утешение, что вы половину причин уже благополучно избежали.

Он коротко улыбнулся:

— Вот как?

— С чем и поздравляю вас от имени нашего королевства.

Он продолжал рассматривать меня в упор.

— А как я их одолел, сказать в состоянии?

— Да, — ответил я. — Вы не возвысили народ своего королевства, а все завоеванные уравнили в правах. Это совсем не «Разделяй и властвуй!» Римской империи, не высшая раса монголов, не культ силы гуннов. В нашем случае преимущества быть в вашей империи перевешивают клановые или племенные предубеждения.

Он покачал головой в удивлении, не отрывая от меня пристального взгляда.

— А вы непростой рыцарь, сэр, — заметил он. — Кстати, что говорят о моих вспомогательных войсках?

— Ограх, троллях и прочем народе? — спросил я, он кивнул, я ответил небрежно: — Вы, как разумный человек, используете любую возможность для укрепления власти и

влияния. К тому же огров, к примеру, можно использовать не только в войнах.

Он спросил с интересом:

— Ну-ну, еще где?

— На каких-то тяжелых и опасных работах, — пояснил я. — Например, каменоломнях. Туда ссылают только отъявленных преступников, но огры, возможно, не считают наказанием ломать камень для ваших крепостей.

Он произнес в задумчивости:

— Я слышал, на Юге труд огров тоже используют... И не только огров, но здесь я слышу критику даже от моих военачальников. Рад, что у вас такие просвещенные люди в королевском совете.

Я ответил с поклоном:

— Когда наше королевство войдет в состав вашей империи, на что я очень надеюсь, то вполне возможно... это только допущение!.. что вы сочтете их мудрость достаточной, чтобы некоторых приблизить к себе для совета.

Он посмотрел на меня с любопытством.

— Да, вы очень неглупы, — заметил он снова. — Отдыхайте, сэр Диплодок, знакомьтесь с нашим дворцом и моими придворными. Надеюсь, вам понравится.

Глава 10

Играя беспечно гуляку, я шлялся везде, куда допускают, дважды затеял ссору на виду, но обошлось без поединка, зато приобрел некоторую репутацию. К полудню увидел, наконец, Арманда и Гелекса. В сопровождении дюжины стражей они направились к мишеням, где упражняются стрелки.

Я похвалил себя за предусмотрительность: со мной лук Арианта, издали раскланялся со всем почтением и любезностью. Они ответили небрежными кивками, телохранители смерили меня настороженными взглядами.

— Любезные принцы! — сказал я восторженно. — Не устаю восхищаться военными талантами вашего родителя. Но, думаю, вы сумеете превзойти...

Гелекс смолчал, мал ишшо, Арманд проговорил холодно:

— Не сомневаюсь. Весь мир будет у ног нашей династии.

— Это будет великолепно, — сказал я еще восторженнее. — Надеюсь, вы сумеете продолжить дело своего родителя. Но, конечно, если проведете некоторые реформы...

Они уже проходили мимо, но теперь Арманд остановился. Все тоже встали, он повернул ко мне голову. Почти прозрачные глаза молодого змееныша метнули острый взгляд.

— Вам что-то не нравится в нашей империи?

В его словах звучала угроза, я сказал торопливо:

— Все безупречно, но я вижу, где можно усилить еще больше!

— Где же? — спросил он брезгливо.

— Позвольте сопровождать вас к лучникам, — попросил я.

Он поморщился, кивнул:

— Но если так и не скажете ничего нового...

— Вы вольны меня повесить, — договорил я. — Я даю вам на это право, хотя я вообще-то подданный другого королевства. Но я видел ваших лучников и уже знаю, что можно улучшить.

Двое телохранителей зашли ко мне со спины. Так мы добрались до просторной площадки, где снег частично убран, частично утоптан. На той стороне с десятков раскрашенных деревянных кругов. Стрел торчит много, при нашем появлении круги поспешно убрали и заменили новенькими.

Сердце чуть екнуло, этих лучников Карла я не видел, кто их знает, но ретираться поздно, я на ходу снял лук, натянул тетиву. За мной наблюдали с любопытством.

На лице принцев скептическое выражение, рыцари из лука не стреляют, баловство.

Я быстро натянул тетиву, три стрелы ушли одна за другой, и в центре трех мишеней появились оперенные стрелы. Все, включая принцев, обалдело смотрели то на мишени, то на меня. Я, поворачивая мысли принцев в нужном направлении, сказал веско:

— Если ваших лучников обучить вот так... они смогут наносить ущерб противнику гораздо больший. Это значит, сможете выигрывать сражения с меньшим войском!

Гелекс вскрикнул восторженно:

— У нас никто так не стреляет! Сэр... вы даже не подошли к рубежу!

— И так слишком близко, — ответил я любезно. — С вашего любезного внимания, я могу показать вам настоящее умение. Взгляните на эту башню! Представьте себе, что там засела дюжина стрелков. А еще лучше — две дюжины!

Арманд, более сдержанный, спросил отрывисто:

— Впечатляющая стрельба! Вспомогательные войска сразу полягут. А как насчет стрельбы по закованным в железо?

— Вы не по годам мудры, — сказал я лстыиво, — сразу смотрите в корень, просчитываете всевозможные варианты! Из вас получится великий завоеватель. Прошу вас, пусть мимо проскачет кто-то из воинов...

Арманд отдал короткий приказ. Мимо мишеней понесся на рослом коне всадник в рыцарских доспехах. Копье острием вверх, наверху раскачивается, дребезжа, цельнокованный шлем.

Похоже, принцу Арманду, как ни подлещиваюсь, я очень не понравился. Всадник несется во весь опор, не каждый лучник попадет в такую мишень. Гораздо точнее стреляешь, если рыцарь прет на тебя. Я торопливо натянул тетиву, взгляд не отрывается от раскачивающегося шлема, стрела сорвалась с сухим щелчком по рукавичке...

Всадник выронил из руки копье, в тот же момент донесся звон. На поле выбежали люди. Мы смотрели, как подби-

рают копье и шлем, копье вернули всаднику, а шлем бегом принесли принцу.

Гелекс завизжал в восторге, остальные возбужденно переговаривались. Стрела засела в шлеме, пробив толстую сталь в районе виска и почти пробив другую стенку.

Арманд кивнул, стараясь сохранить невозмутимость, тут же перевел взгляд на вершину башни.

— Хотите сказать, что можно прицельно стрелять с такой высоты?

— Это трудно, — согласился я, — но в моей стране лучники поражают цели и на таком расстоянии, Ваше Высочество. Это для меня лук — баловство, я им пользуюсь в тех случаях, когда никакое рыцарское умение не поможет. Подстрелить гуся в небе, например. А обученные простолюдины стреляют, конечно, лучше. Правда, для этого нужны особые сорта древесины, иные способы сушки, склейки, да и сам клей нужно варить по другим рецептам.

Я видел по его сосредоточенному лицу, как в горячих планах туча стрел сперва уничтожает половину войска противника, а разгром довершает удар рыцарской конницы.

Он тряхнул головой, голос прозвучал холодно и деловито:

— Не поверю, пока не увижу.

Я развел руками:

— Тогда, если Ваше Высочество распорядится положить здесь, на Снегу, два-три шлема... я могу поразить их с верхней площадки. Вам, конечно, тяжело подниматься, вы можете наблюдать здесь...

Он зло свернул глазами:

— Мне тяжело? Я бегаю в турнирных доспехах!.. Нет, посмотрим оттуда. Заодно прикинем, как лучше расставить войска внизу.

Воины по его приказу бегом принесли из казармы доспехи. Шлемов положили четыре, а панцирей так сразу шесть. Арманд перехватил мой взгляд, пояснил коротко,

что заодно оценит скорострельность и процент промахов, когда стрелять нужно быстро и много.

По винтовой лестнице поднимались долго. Первыми на самый верх взбежали четверо телохранителей. Мы подождали, пока сверху крикнут, что все чисто. Со мной поднялись оба принца, один из телохранителей, оглядевшись, сразу же поспешил обратно.

На верхней площадкехватило от высоты. Башня, в самом деле, больше похожа на минарет: тонкая, как игла, неимоверно высокая, предназначенная не для обороны, а чтоб пораньше заметить приближающегося врага.

Я прикинул, что доложат оставшимся сторожить вход в башню, наверху никого, на лестнице тоже никого, так что сосредоточатся на охране башне там, внизу, а здесь только трое... Правда, это лучшие воины империи.

— Ваше Высочество, — сказал я, — осмотритесь хорошенько. Если с такой высоты ваши лучники смогут поражать цели, насколько эффективной будет война?

Принц Арманд проворчал:

— Только оборонительная. Я пока не вижу, чтобы так же эффективно использовать в наступлении!

Принц Гелекс пропищал, подражая брату:

— Да-да, мы только наступаем!

Я ответил с поклоном:

— Это позволит в захваченных замках и крепостях оставлять меньшие гарнизоны... да и вообще не поверю, чтобы Ваше Высочество не придумали, как использовать в сражениях умение лучников стрелять дальше и точнее!

Арманд кивнул, его глаза цепко наблюдали, как я вытаскиваю стрелу, как она ложится на тетиву. Мои пальцы в тонких кожаных перчатках цепко сжимают деревянный кончик с лебяжьим пером в расщепе...

Телохранители смотрели на меня хмуро и настороженно. Для них каждый, кто приближается к принцам, — потенциальный враг и убийца. Я подошел к каменному ограж-

дению, внизу человечки совсем маленькие, а доспехи-мишени так и вовсе...

— С какой начинать? — спросил я.

Принц Арманд ответил с нетерпением в голосе:

— С любой. Но постарайтесь поразить еще и на скорость.

— Очень разумно, — похвалил я. — Ваше Высочество, вы проявляете мудрость завоевателя. Но сейчас увидите, чего можно достичь, если лучников подготовить на достаточно высоком уровне.

Я задержал дыхание и, оттянув тетиву, выстрелил. Тут же схватил вторую стрелу, наложил на тетиву, стараясь делать быстро, но не слишком, пусть верят, что у меня простой лук, а все дело в сорте дерева, клее и секретах изготовления.

Принц Гелекс завизжал восторженно. Принц Арманд изумленно качал головой. Телохранители, не утерпев, наклонились над парашютом, на лицах впервые проступил жгучий интерес. Даже отсюда видно: шлемы и панцири со звоном подпрыгивают, переворачиваются, а в них остаются торчащие стрелы.

Я выпустил две стрелы в последние мишени, со вздохом усталости отступил от парашюта. Моя дрожащая рука начала вытирать лоб. Двое телохранителей оглянулись, но, успокоившись, продолжали наблюдать, как внизу к железу бросились люди.

Пару мгновений я стоял неподвижно, у телохранителей боковое зрение развито очень хорошо, затем быстро вскинул лук. Три стрелы ударили двоим в затылки. Третий успел повернуться, голова дернулась, а в правом глазу затрепетало белое оперение.

Принц Гелекс все еще смотрел вниз и что-то выкрикивал, а принц Арманд оглянулся на грохот. Я торопливо сменил лук на обнаженный меч.

Арманд ахнул:

— Что это... значит?

— Захват! — ответил я быстро. — Ваше Высочество, вы в безопасности, но... в плену.

— Мы? В плену?

Он просто не мог поверить в такое безумие, я сказал быстро:

— Я всего лишь хочу переговорить с Его Величеством! На своих условиях. После чего вас освобожу.

Лицо его медленно краснело от гнева. Младший принц все еще смотрел за парাপет, взвизгивал, выкрикивал. Я попытался к люку, опустил крышку и вставил в петли засов.

— Вы сумасшедший, — сказал принц Арманд убежденно.

— Можете считать и так, — согласился я. — Во всяком случае, я опасен. Согласны?.. А теперь стойте там, мне нужно передать сообщение.

Держась от них на противоположной стороне площадки, я быстро выглянул за каменный край и крикнул:

— Внимание! Оба принца захвачены в плен. Они будут убиты, если немедленно сам император Карл не прибедет на переговоры.

Внизу остановились, задрали головы. Из рук начали выпадать собранные доспехи. Я отодвинулся, а то вдруг кто-нибудь опомнится и выстрелит, крикнул:

— Принц Гелекс, подойдите!

Гелекс, наконец, оглянулся, лицо надутое, смерил меня злым взглядом.

— Что за дурь?

Я быстро подошел, держа обнаженный меч перед собой. Гелекс испуганно вскрикнул, я грубо ухватил его и, не выпуская из поля зрения принца Арманда, рывком наклонил над краем, чтобы его увидели с земли. Блистающее лезвие меча засверкало в солнечных лучах. Внизу вскрикнули, меч я занес над головой младшего принца.

— Быстро сюда Карла! — заорал я бешено. — Иначе головы его детей полетят вниз!

Краем глаза я следил за Армандом, тот медленно поло-

жил ладонь на рукоять кинжала, но не двигается, в глазах разрастается бешенство, ни капли испуга.

Внизу раздались крики, народ заметался взад-вперед, разбежался, а к башне начали сбегаться вооруженные люди. Снизу в деревянный люк постучали, пытаюсь поднять, я заорал сверху:

— И не пытайтесь! Иначе сразу убью обоих принцев!

Затихло, только доносятся истошные крики с земли, конское ржание, лязг металла. Мне очень не нравилось, как прицельно смотрит на меня принц Арманд.

— Вы оба, — велел я жестко, — сядьте и держите руки за головой.

Арманд спросил хмуро:

— А если этого не сделаем?

— Мне терять нечего, — заверил я. — Изрублю на куски. Должен предупредить, что с мечом в руке я намного лучше, чем с луком.

Очень нескоро снизу донесся крик:

— Его Императорское Величество прибыл!

Я быстро взглянул вниз. Из повозки вылез Карл, за ним едва поспевали, когда он бегом добежал до башни. Я сразу же крикнул, не дав ему раскрыть и рта:

— Твои дети у меня, можешь спросить у своей охраны!

Карл крикнул:

— Только ничего им не делай!

— Почему? — спросил я. — Чем они лучше тех, кто погиб, когда твои войска врывались в города и села, убивая всех вокруг?.. А сейчас я решу, что сделать с твоими детьми.

Карл вскрикнул в ужасе:

— Это... это подло!

— Всего лишь современно, — отрезал я мстительно. — Что, не нравится, когда и другие? Это и есть современные методы войны, Ваше Величество. Испытайте и на себе то, что несете другим.

— Но так не воюют!

Я нагло хохотнул.

— Это рыцари так не воюют, потому и проигрывают вам. А мы с вами можем и в спину, и ниже пояса, и подножкой не брезгуем... Представьте себе, Ваше Величество, что я сволочь еще большая, чем вы! Представили?.. Не удастся? Тогда я вам скажу по великому секрету: в войне *дозволено все*. Вы полагали, что вы один открыли этот ужасный секрет, так много дающий знающему его? Что ж, добро пожаловать в мир, где и другие воюют... также по-современному! Ты все понял, дурак? А теперь слушай мои требования.

Я покосился на принцев, бледные и напряженные, слушают с ужасом, а внизу у подножия башни мечется в страхе приплюснутая фигура всемогущего императора.

Долетел тоскливый вопль, полный недоумения:

— Какие? Я — император...

— Забудь, — крикнул я.

— Почему?

— Потому что сейчас я император, — рявкнул я. — По крайней мере для тебя! Но если хочешь, чтобы я убил и твоих детей, как перебил их телохранителей...

Он закричал:

— Нет!.. Не смей!

Я грубо захохотал:

— Ты мне приказываешь, дурак? Не нравится, когда приказывают тебе? Что, легко и приятно воевать против тех, кто строго блюдет рыцарские правила? Так я — сволочь из того же гнезда, что и ты. Только я такая сволочь, что ты рядом со мной — белоснежный ангел!

Он вскрикнул в муке:

— Что с моими детьми? Умоляю, что с ними?

Я проорал так, что захлебнулся от собственного крика:

— Да вот намерен обесчестить твоего старшего... а потом то же самое сделаю с твоим младшим! Потом обрежу уши и сброшу их тебе, сволочь!.. Можешь поджарить на обед, можешь повесить на стену. Затем вспорю им животы и буду смотреть, как визжат и умирают... Что, я так не сделаю? Ты, сволочь, слишком привык воевать против чистых

и благородных людей! Но я — не они. У меня, как и у тебя, нет тормозов.

— У меня есть! — закричал он. — Я себе такого не позволю!

Я грубо захохотал:

— А вот я позволю! Что, не нравится?.. Понял, что у меня арсенал настолько же шире твоего, как твой был шире, чем у благородных рыцарей Зорра? А это значит, что я побью тебя, вонючая гнида, везде и всюду!.. И ты будешь...

Я красочно и с подробностями расписал, что он будет, и как я его буду, и что сделаю затем, и как его поставлю. У подножия башни стало мертво. Никто никогда не слышал таких омерзительных гнусностей, хотя я всего лишь вспомнил занятия всяких секс-меньшинств и перебросил их на императора, вернее, на императора и себя, где император выполняет пассивную роль, а я его использую для всех удовольствий продвинутых демократов и толерантных общечеловеков.

Когда я замолчал на минутку, придумывая, как использовать императора для скотоложества, все-таки это редкая скотина, снизу из замороженной пустыни донесся жалобный крик:

— Только не трогай моих детей! Только не трогай!..

Я грубо захохотал:

— А что ты мне предложишь, старый дурак?

Он прокричал в отчаянии:

— Я дам тебе что хочешь! Ты сможешь купить себе сто... тысячу мальчиков! И делай с ними, что хочешь, только не трогай моих...

Я крикнул, уже чувствуя, что совсем непритворное бешенство захлестывает с головы до ног, и я, в самом деле, перестая контролировать себя:

— Мразь!.. Чем твой сын лучше сотен тех мальчишек, которые погибли в огне, когда ты велел поджечь пригороды Зорра?.. Чем он лучше тех, которые погибли, сметенные ва-

лом воды, когда ты велел разрушить плотину над городом Браушвицем?

Он продолжал кричать:

— Я дам тебе все, что захочешь!..

— Хорошо, — заорал я. — Вот мои требования... Но учти, торговаться не буду. Я зол, я очень зол...

Не успев договорить, я ощутил смертельную опасность и едва успел отшатнуться от сверкнувшего у самого лица стального лезвия. Нож со скрежетом ударил в камень, но я не успел ухватить за руку Арманда, он с непостижимой скоростью взмахнул им снова.

Амулет, мелькнуло у меня в мозгу. Все это время старший принц старался воздействовать на меня с помощью магии, вот как увешан талисманами и амулетами, а когда не получилось — сумел ускорить свои реакции.

Я отпрыгнул и с ужасом ощутил, что Арманд движется быстро, слишком быстро для нормального человека. В его глазах я увидел свирепую радость и триумф. Я выставил перед собой меч и попытался парировать его клинок, однако Арманд избегал с такой легкостью, словно я двигался под водой.

— Теперь ты умрешь, — крикнул он ломким мальчишечьим голосом, но свирепость хищного зверя звучала в его злом голосе. — Я убью тебя сам... как убил уже десятки человек!

— Ты убивал слуг, — ответил я. — А теперь перед тобой рыцарь. Брось нож!

Он засмеялся.

— Я вырежу твое сердце!

Он бросился вперед, действуя настолько быстро, что я едва направил меч в его сторону, как он проскользнул рядом. Острое лезвие ножа распороло камзол, грудь, глубоко погрузилось в мое тело. Кровь брызнула, как будто под чудовищным давлением.

Арманд захохотал, в глазах появилось безумное наслаждение. Он всматривался в мое лицо, как будто ожидая уви-

деть в нем нечто необыкновенное, ведь умирающие что-то видят. Я подал руку с мечом назад и, чуть сместив в сторону, ударил, как шпагой.

Глава 11

Острое с жутким треском пропороло живот, взрезалось во внутренности и скрежетнуло, упершись в хребет. Я толкнул сильнее, меч прорезал позвоночный столб и вылез с той стороны. Арманд смотрел на меня остановившимися глазами, нож выпал из ослабшей руки. Как бы он ни умел двигаться быстро, но с перерезанным спинным мозгом двигаться вообще никому не удастся.

Он рухнул вниз лицом, а я отнял ладонь от раны. Красные вздувшиеся края торопливо сдвигаются, слились в неровный багровый вал, что побелел и опустился, быстро исчезая из виду. В ушах звенело, словно стая комаров, но слабость в теле уже исчезла.

Гелекса трясет, младший принц так и не сдвинулся с места. В глазах ужас, лицо бледное, взгляд прикован к кровавой луже под телом брата, что становится все шире и шире.

Шатаясь, я осторожно посмотрел вниз. Карл уже в окружении телохранителей, со всех сторон к нему сбегаются арбалетчики. Стараясь не высовывать голову, я крикнул:

— Твой старший дурак пытался убить меня в спину!.. Теперь он сам издыхает... А мой нож, острый, как бритва, у горла твоего последнего сына. Ты можешь велеть арбалетчикам расстрелять меня... но я успею дернуть рукой, ты понял?.. Нет, ты понял?.. Я всегда успею, умирая, дернуть рукой... и голова твоего сына покатится по ступенькам...

Снизу раздался полный ужаса звериный крик:

— Нет!.. Все уйдут!.. Никто не подойдет... Пощади ребенка!..

— Убери всех, — прокричал я. — Все время помни, я успею дернуть рукой! А нож — бритва!

Снизу раздавались крики, лязг и звон железа, конское ржание, скрипы дерева, словно кто-то подтаскивал катапульты. Я ощутил, что где-то меня переигрывают, заорал:

— Ты что-то слишком долго думаешь!.. Я только что надругался над твоим старшим сыном. Как он визжал и молил о пощаде, когда я вспарывал ему живот!..

Снизу долетел испуганный вскрик:

— Ты не посмеешь!

— Я же сказал, — крикнул я, — что я такой же, как и ты?.. Лови доказательство!

Я подтащил тело Арманда к краю и, пряча голову от прицельного выстрела, столкнул его вниз. Через пару мгновений донесся шлепок о камни двора, а затем яростный крик Карла, исполненный горя и ярости:

— Мой сын!.. Как ты посмел?.. Как ты посмел?

Я громко и нагло захохотал:

— Ну что?.. А чем он лучше непокорных горожан, которых ты убиваешь за то, что не сразу открывают тебе ворота?.. А сейчас я убью твоего младшенького...

Снизу донесся звериный вопль, полный безумного страха:

— Только не это!.. Только не это!.. Что угодно возьми, кого угодно!.. Только его оставь, это мой единственный наследник...

Я прокричал:

— Ладно, пока оставляю. Заложником. Вот мое условие... Ты, мразь, освобождаешь короля Шарлегайла и с почетом, запомни, мразь, с почетом!.. возвращаешь его в Зорр. А свои войска отводишь от границ его королевства. Сына твоего я забираю. Не спорь, мы оба знаем прекрасно — нарушишь все условия, как только твой сын снова окажется с тобой!.. Он останется жить, когда-нибудь верну. Но не сейчас...

Я захохотал, стараясь, чтобы голос звучал как можно более грубо и страшно. К моему удивлению, получается легко:

опускаться нетрудно, это взинтеллигентить непросто, а грубить и тупить — всегда пожалуйста.

Правой рукой я прижал Гелекса к своему телу, нож в левой и касается беленького нежного горла. Мальчишка застыл в ужасе, я прорычал ему в макушку:

— Чуть дернешься — сразу режу!.. Запомнил?

Он прошептал, страшась шевелить даже губами:

— Да...

— И не дыши, — пригрозил я, он, в самом деле, задержал дыхание, и я сказал раздраженно: — Дыши, только тихо. Чтоб я даже не подумал чего...

Одной рукой я вытащил засов, там тихо, поднял крышку, внизу на ступеньках, насколько видно, пусто.

— Спускаемся, — велел я. — Запомни, я не собираюсь тебя убивать. Твой брат сам на меня бросился. Я и его бы не стал... Так что слушайся, останешься живым.

Очень медленно мы начали спускаться по ступенькам. Я опасался подвоха и дважды задействовал тепловое и даже запаховое зрение. Последний раз, когда спустились на последнюю ступеньку, запахи показали, что по ту сторону двери никто не прячется.

На всякий случай у выхода я остановился. Все чувства обострены, выглянул вполглаза и, выставив перед собой Гелекса, выдвинулся следом, прижимая острие ножа к его нежному горлу. Застыл, давая всем наблюдателям убедиться, что нож вот он, натянул кожу, и стоит чуть-чуть нажать...

— Никому не приближаться! — крикнул я, стараясь сделать голос разъяренным и взвинченным. — Мне жизнь недорога!.. Пусть кто-то покажется — сразу...

Шагах в пятидесяти блестит оружие и доспехи рыцарей. Впереди Карл, он прокричал:

— Никто тебя не тронет!.. Успокойся, пощади ребенка!.. Чего ты хочешь?

— Ты с почестями возвращаешь короля Шарлегайла, — напомнил я, — в его королевство!.. Если с его головы упа-

дет хоть волос — я убью твоего сына! А для тебя лично... сейчас придумаю.

— Я сейчас же, — прокричал Карл, — велю освободить короля Шарлегайла!

— И благополучно доставить в Зорр, — добавил я. — Твой сын останется у меня в заложниках!.. Если с Шарлегайлом что-то случится — твой младший сын умрет в жутких муках, проклиная тебя!

Карл прокричал:

— Я все сделаю!

— Делай, — ответил я, — но пока твой сын будет заложником! Пусть никто не приближается к нам!

Я подхватил Гелекса и, прижимая к себе, понес, другой рукой держа нож у горла. Двор опустел, даже с крыш и башен исчезли арбалетчики, словно Карл устранился, что кто-то из стрелков соблазнится возможностью всадить в меня стрелу. Это не значит, что даст уйти с его сыном, но зато велит брать меня в более удобный момент.

На середине двора я прокричал:

— Пусть подготовят мне хорошие сани и четверку лучших коней!..

Снова при полном молчании придворных прокричал Карл:

— Все сделаю!

Я почти физически ощутил в его дрожащем голосе облегчение и даже ликование. Конечно же, мне дадут хороших коней и роскошные сани с множеством шуб, чтобы укрыть младшего принца. Так же бесспорно, что самые лучшие кони будут у тех, кого пошлет следом. Да и те, кто слушает наши переговоры, сразу возликовали. Я не смогу несколько часов, тем более весь день держать нож у горла ребенка. Метко пущенный стальной болт оборвет мою жизнь и освободит заложника, когда рука устанет и опустится.

Я двигался через опустевший двор быстро, озираясь по сторонам и выкрикивая злым голосом проклятия и угрозы, чтобы видели, что не расслабился, взвинчен и готов в лю-

бой момент перерезать горло ублюдку. Карл шел по утоптанному снегу шагах в тридцати позади, простирая руки и умолял быть поосторожнее, мне все дадут и все выполнят, только пощади ребенка, я рычал и показывал зубы, стараясь выглядеть диким и непредсказуемым.

Когда приблизились к распахнутым воротам, опасный момент, Карл прокричал в тревоге:

— Погоди!.. Зачем? Сани подадут прямо сюда во двор!

— А я желаю там, — огрызнулся я.

— Но там...

— Ты лучше проследи, — крикнул я, — чтобы ни один не мелькал близко! Сразу зарежу!

— Нет! — крикнул он в ужасе. — Там никого!

Я, прижимая нож к горлу Гелекса, прошел под аркой. Стражи отбежали шагов на сто, хорошо, я быстро потащил сынка к складским строениям.

Карл вышел из ворот следом, крикнул:

— Зачем? Сани уже приготовили!

— А коней?

— Сейчас отбирают лучших! — крикнул он.

— Затягиваешь время, — сказал я грозно. — Со мной эти штучки не пройдут...

Затягивай, затягивай, сказал я ему мысленно. Это хорошо, когда думаешь, что начинает наворачивать отобранные очки. У тебя вон даже походка изменилась, а голос из визжащего превращается в деловой тон испуганного, но владеющего собой человека.

Главное, чтобы ты сам считал, что начинаешь переигрывать меня, такую редкую и неожиданную сволочь...

Глубокий снег затрудняет движения, сердце колотится. Я опустил Гелекса в снег, пригрозил, чтобы не шевелился, перевел дыхание и потащил дальше в сторону дверей склада. Трудный момент, когда одной рукой открывал приваленную снегом дверь, Карл подошел совсем близко и патетически заверял, что в сани уже запрягли лучших коней, едут сюда, прятаться нет необходимости. Правда, голос его

звучал неуверенно. Сам еще не решил — лучше отпустить нас и погнаться следом или же дать возможность укрыться на складе, который окружают и будут ждать, пока я то ли засну, то ли приму в дар бурдюк с отравленным вином. Нет, с сонным зельем, а то могу заставить хлебнуть вина его ребенка.

Гелекс жалобно попискивал, я снова подхватил его тельце, ноги болтаются в воздухе, прокричал грозно:

— Никому не приближаться!.. Кто хотя бы заглянет в щель — убью гаденыша!

И сразу же поспешил в дальний конец. Куча тряпок на месте, доски не поскрипывают, а почавкивают. Одной рукой я ухватил за край, брызнуло сырыми щепками. Когда отломил вторую доску, Гелекс завизжал, я быстро зажал ему рот.

— Молчи, дурак! А то прибежит твой отец, и мне придется убить сперва тебя, потом — его!

Он тут же умолк, я начал спускаться, вслепую нащупывая выступы. И хотя вниз вроде бы легче, чем втаскивать себя наверх, но все тело дрожало от изнеможения, когда достигли дна.

Я перевел дыхание, сказал хрипло:

— Дух Огня... приди немедленно!

На миг показалось, что из-за хрипоты меня не услышат или не узнают, но из стены выдвинулся бешено вращающийся смерч.

— Неси нас в... — начал я и запнулся, взглянув на Гелекса. — Словом, к Великому Хронту.

Глава 12

Гелекс завопил, едва жуткий смерч выдвинулся из стены, а когда вокруг нас сомкнулся этот ужас, вообще обвис в моих руках.

Я чувствовал момент, когда подхватило и понесло

сквозь твердь, затем только гадостное состояние невесомости. Еще когда строил планы, как и куда, хотел метнуться в один из своих замков: Амальфи, Амило или Вексен, но вряд ли там достаточно глубоко простираются подвалы. Лишь в Плессе, где я и встретил Духа Огня, подвалы достаточно глубоки, да и то по одной очень важной причине: там вся долина на дне гигантского оврага с такими пологими краями, что и не овраг вроде, а так — низменность... ниже уровня моря.

Движение прекратилось, вокруг плотная, как камень, тьма, но я чувствую огромность пустого пространства. Перевел дыхание и сказал властно:

— Fiat lux!

Свет вспыхнул яркий, режущий глаза. Я приморгался, в прошлый раз здесь светил аварийник красным, и все дышало на ладан, едва-едва не рассыпаясь в прах. Я тогда успел вовремя, везде бы оказываться таким умным и быстрым.

Вдоль стен исполинские механизмы, странное сочетание мощи и старинных барельефов на станинах. Сверхмощные установки восстанавливали уже одичавшие люди, не понимающие разницу между высокими технологиями и магией.

— Не забывай следить за девайсами, — сказал я строго. — Придет время, начнем восстанавливать хай-тэк и взэпэ. А пока, к сожалению, текучка проклятая... Теперь отсюда возлифти наверх... на Второй уровень.

Гелекс только начал приходить в сознание, как черные стенки вихря окутали нас, снова началось движение. На этот раз я почти чувствовал, как мы стремительно всплываем сквозь толщу материковой плиты. Блеснул свет, стены вихря распались, на мертвенно-бледное лицо Гелекса упал зеленый свет малахитовых стен.

— Знаю-знаю, — сказал я, — выше не можешь. Возвращайся и следи за Источником Жизни.

— Слушаюсь, Хозяин!

Он исчез, я потряс Гелекса:

— Ты жив? Что-то слабые у Карла отпрыски.

Я потащил было его за шиворот, но Гелекс, тяжело вздохнув, пошел сам. За малахитовым залом дверь, там бесконечно длинная лестница наверх, наверх и снова наверх, а последняя дверь закрыта намертво, вплавленная в толщу гранита тектоническим сдвигом. Зато есть узкая щель, наполовину засыпанная мусором, костями животных, мелкими камнями, а уже выше — снегом.

Разрывая сугроб, я выбрался и вытащил Гелекса на снежной равнине. Сердце мое сжалось, но когда повернулся, вздох облегчения вырвался, как из переполненного паром котла: вот он, замок Плессе, и даже недалеко санный след, что уходит к замку.

— Ну вот, — сказал я с мрачным удовлетворением, — наше путешествие подошло к концу.

Гелекс сказал глухо:

— Все равно мой отец...

— Что?

— ...везде найдет.

— Молодец, — ответил я с поощрением в голосе, — в родителей надо верить. Как можно дольше. Все равно потом начнется, что ничего не понимают: ни в жизни, в твоей драгоценной и такой богатой душе, и вообще отстали от жизни, пора их не слушаться, а поступать по-своему... но сейчас еще надо слушаться. И не только родителей, а вообще старших, понял?

Он утрюмо шел по соседней полосе. Бежать бесполезно, я все равно догоню, а помощи просить не у кого. Под ним утоптаный снег не проваливается, в то время как я то и дело проламываю тонкую корку. Вид у младшего принца подавленный, хотя, если честно, другой в его положении вообще помер бы от ужаса.

— И куда мы идем? — спросил он.

— Здесь мои друзья, — объяснил я. — Это место отделе-

но от империи твоего отца десятком королевств, так что ему здесь не пройти....

— Мой отец везде пройдет!

— Может быть, — согласился я. — Но, как ты понимаешь, когда он только начнет подходить, тебя перевезут в другое место.

— Мой отец может окружить войсками все королевство! Я засмеялся.

— И под землей?

Он побледнел, его плечи зябко передернулись.

— Аббат говорит, — ответил он после паузы, — что нельзя прибегать к помощи сатанинских сил.

— Молодец аббат, — похвалил я. — А твоему отцу он такое говорил?

Он замолчал, а я с уважением подумал о слугителе церкви, что каким-то образом удержался в армии Карла, во всю использующего огров, орков и троллей. Снег поскрипывает под ногами, уже молча мы подошли к воротам замка.

Со стены крикнули громко:

— Кто идет?

— Сэр Ричард Длинные Руки! — ответил я надменно.

Гелекс вздернул мордочку, глядя вопросительно, а я смотрел на ворота и думал, чем я кажусь оттуда. Пеший, с мальчонкой у ноги: даже пилигримы передвигаются группами, да и те не ходят зимой.

Пару минут на стене переговаривались, затем раздался вопль:

— Сэр Ричард?.. Хозяин?

Я гордо расправил плечи, помахал рукой:

— Открывайте, а то тут зима почему-то.

Калитка у ворот открылась с такой поспешностью, словно я в самом деле хозяин. Во дворе нас окружила вооруженная стража, один тут же унесся в донжон. Знакомых морд я не увидел, да и откуда, из здания вышел мужчина в богатой одежде, спросил недоверчиво:

— Сэр Ричард? В самом деле?

— Он самый... — ответил я нетерпеливо. — А где Альдер?

Он рассматривал все еще с великим недоверием, та же история, что и везде: что за сюзерен, если без пышной свиты, да еще, как вор, неизвестно откуда. Тот, что первым назвал меня хозяином, ответил с подъемом:

— Лорд Альдер сейчас пирует в главном зале! В окружении доблестных рыцарей...

— Все еще пирует? — удивился я.

— Да, сэр Ричард! Он явно копит силы.

— Для чего?

Он удивился:

— Но вы ж прибыли... Значит, будут сражения, приключения, колдуны, маги, драконы...

Двое перекрестились, красномордые и тяжеловатые, такие хороши больше за столом, в нашу сторону спешат еще люди. Я спросил одного:

— Тебя как зовут?

— Цандер, сэр Ричард!

— Цандер, — сказал я, — немедленно сюда сэра Альдера.

Он кивнул, крикнул ликующе:

— Я знал, я знал, что когда-нибудь начнется настоящая жизнь!

И унесся, взрыхляя снег, как молодой конь. Я повел Гелекса в донжон, перед нами угодливо распахнули двери. Пахнуло хорошо прогретым воздухом, еще бы хозяйственный Альдер не запасася дровами на две зимы вперед. Я топал ногами, сбивая снег, рядом топал Гелекс. На лестнице раздался грохот сапог, сверху торопливо сбегал Альдер, колыхаясь сверху донизу, как огромный студень.

Все такой же плечистый, широкогрудый, но теперь брюхо дай боже, свисает и через ремень, и по бокам настоящие подушки. Красная, как у свежей семги, рожа раздалась, второй подбородок побольше первого, а третий вдвое шире

второго, багровые щеки величественно опускаются на плечи. Только глаза не изменились: светлые, холодноватые, да брови разве что остались такими же густыми и косматыми.

Спустившись вниз, он с великим трудом преклонил передо мной слоновье колено. Я выждал пару церемонных мгновений, с усилием поднял эту тушу и дружески обнял.

— Рад тебя видеть, Альдер!.. Вижу, живешь спокойно...

Окружающие улыбались, все сытые и довольные, однако Альдер сказал жалобно:

— Сэр Ричард, во что я превратился?.. Когда спал у костра, укрываясь небом, когда голодал и мерз — я был поджар и скор, на коня запрыгивал без стремян! А теперь меня трое подсаживают!

— Уважают, значит, — утешил я.

Он отмахнулся:

— Такого?

— А что? — сказал я бодро. — Хорошего человека чем больше...

— Я же воин, — сказал он горько.

— Ты мечтал зажить в покое, — напомнил я.

Окружающие довольно загудели, сами медленно, но верно становятся альдерами, уже у всех животики, морды, щеки. Альдер сказал жалобно:

— Сам в седло не могу, какой позор!.. Спасайте, сэр Ричард! Либо от замка освободите, либо снова в какую-нить авантюру...

— Будут авантюры, — пообещал я.

Двери за нашими спинами распахнулась, обдав нас холодным ветром со взвесью снега. Я услышал, как в мою сторону бегут мужчины в железе. Оглянулся, Ревель уже опустился передо мной на колено. Рожа довольная, рот до ушей, поджарый и собранный, весь из мускулов, ни капли жира. Квадратная челюсть все такая же мощная и с острыми углами. Раньше они с Альдером мне казались из-за похожести братьями.

Я поднял его и спросил с интересом:

— А как тебе удалось не раздеться? Впервые вижу художника управителя!

Ревель ответить не успел, Альдер сказал гневно:

— Сволочь он, а не управитель! Как только вы уехали, сэр Ричард, он тут же отказался управлять. Мол, ничего не смыслит в хозяйстве, лучше наладит охрану замка. Так и остался. Сперва наладил, теперь поддерживает. И рекрутов обучает. Гад, все понимал, обо всем догадывался, а меня не предупредил! И это — старый друг?

Обнимая обоих за плечи, я повел их в зал. Гелекс послушно идет рядом, для него эти люди ничуть не лучше, не зря же я доставил его сюда, здесь будет его темница, а эти люди — тюремщики.

С нас сняли верхнюю одежду, а когда распахнули двери в зал, навстречу пахнул воздух вовсе жаркий, пропитанный ароматами вина, жареного мяса и острых специй. За длинным столом пусто, но блюда с остатками еды в беспорядке, в кубках уцелело вино, что вообще немыслимо, ни один мужчина такого непотребства не допустит.

Альдер почтительно теснил меня к главному креслу, больше похожему на трон, но я покачал головой и, придерживая Гелекса, сел с ним на соседние места. Наверху слышалась частая дробь каблучков, мелькнула женская фигура в длинном платье зеленого цвета. Все невольно задрали головы, только я шепотом объяснял Гелексу, что здесь очень хорошие люди и к нему вражды не питают.

Все мы слышали звонкий голос:

— Дорогой, у нас гости?

— Точно, дорогая, — ответил Альдер с готовностью. — Ты даже не представляешь...

— По такому снегу?

— Точно, — повторил Альдер с удовольствием.

Дробь докатилась до лестницы и там, заглушенная ков-

ром, оборвалась. Послышался испуганный вскрик. Я поднял голову, роскошная испанистая женщина ухватилась за перила, чтобы не упасть, смотрит с удивлением и страхом, словно увидела выходца из могилы.

Альдер приветливо махнул ей рукой.

— Присоединись к нам, дорогая!.. Если, конечно, сэръ Ричард не против.

— Не против, — ответил я, поднимаясь. — Еще как не против. Счастлив видеть вас, Женестьева Лира Ред.

Альдер сказал с удовольствием:

— Точно! Ее так зовут полностью. Никак не запомню...

Женестьева, уже справившись с волнением, спускалась по ступенькам замедленно, явно приводя в порядок мысли, выражение лица и старательно выпрямляя спину до привычной безукоризненности. Как и Альдер, она прибавила в весе, хотя не так сильно, но весьма и весьма заметно, лицо повзросло, хотя сколько там прошло...

Я обогнул стол и подал руку, сводя с последней ступеньки. Взгляд черных глаз все так же диковат и недоверчив, плюс к тому, что расстались не совсем дружелюбно. Альдер следит с добродушным видом сытого дога, сам не мастак по части политеса, а Женестьева, судя по всему, и не старается привить бывшему солдату дворянский лоск.

Придвинув ей кресло, я сел рядом с Гелексом. Он держится, как и подобает сыну великого Карла, с надменным достоинством, но, понимая, что сила солому ломит, помалкивает и строптивости не выказывает, только глазки зыркают исподлобья то на Альдера, то на Женестьеву с угрюмой настороженностью.

Альдер тоже переводил то и дело взгляд на мальчишку, но молчал, а я сказал с недоумением:

— Альдер, разве я не велел тебе отвезти леди Женестьеву ее родителям?

Он усмехнулся, покачал головой.

— Сэръ Ричард, со всей почтительностью должен заметить, что вы всего лишь велели брату Кадфаэлю связать нас

с леди Женеьевой брачными узами. Нерасторжимыми, как вы сказали! Брату Кадфаэлю это... удалось. И еще вы сказали, что к герцогу Нурменгу, куда вы везли мою будущую жену, поручаете отвезти мне...

— И что? — полюбопытствовал я.

Он ухмыльнулся.

— Все еще везу. Я вообще-то человек неторопливый. Все делаю обстоятельно. Да и зима, к тому же. А потом к концу весны ребенка ждем, тоже не до поездок будет... Вообще куда торопиться? Леди Женеьеве тут пришлось по душе. Работы очень много, а она любит... действовать. Дома сидела почти взаперти, а здесь я не заставляю ее вязать и вышивать цветочки, ха-ха! Мы все еще разбираемся с замком и землями, что вы так любезно нам пожаловали в ленное владение. Я отправил герцогу Нурменгу сообщение, что его дочь вышла за меня замуж... Он обещал прийти в гости.

— И все еще едет? — удивился я.

Альдер удивился тоже:

— Сэр Ричард, но времени сколько прошло? Это ж было почти вчера!

— Ну да, — пробормотал я, — ну да, ага... Ладно, я счастлив, что у вас все так благополучно. Вообще-то я ожидал чего-то подобного, так как прибыл именно к вам. Теперь, Альдер, тебе предстоит, как моему верному вассалу, исполнить первое поручение.

Он гордо выпрямился, глаза блеснули боевым задором, ладонь со стуком упала на рукоять меча.

— Буду рад доказать верность и преданность!

Я указал взглядом на Гелекса:

— Мне нужно, чтобы ты подержал этого мальчишку некоторое время. И желательно в тайне.

Его лицо посерьезнело, он кивнул Ревелю. Тот мигом вскочил и, ухватив Гелекса за плечи, выдернул из-за стола и увел. Когда за ними захлопнулась дверь, Альдер сказал серьезно:

— Как я понимаю, чем меньше о нем будут знать, тем лучше?

— Да.

Он внимательно посмотрел на меня:

— А мне знать можно?

Я посмотрел на Женеьеву, она тут же приподнялась, на ее лице расцвела ослепительная улыбка:

— У меня куча дел. Вы не будете в обиде, если я оставлю вас?

Я ответил после минутного колебания:

— Женеьева, я уже понял, что вы здесь совсем не в роли послушной и покорной жены... как обещали.

Она покачала головой.

— Я обещала быть верной и послушной. Это совсем не то, что покорная.

Я указал на ее кресло, оглянулся, нет ли кого больше в зале:

— Побудьте с нами, Женеьева, если ваш муж и повелитель не против.

Альдер довольно улыбался, Женеьева опустила на прежнее место по-королевски, взгляд черных глаз остался строг и внимателен. Альдер перестал улыбаться, голос прозвучал с некоторым напряжением:

— Женеьева в самом деле больше, чем жена.

— Это как? — спросил я.

— Я на нее опираюсь, — пояснил Альдер.

— Ого!

— Как на... Ревеля, — добавил Альдер. — Она не любит вязать и вышивать — это правда. Зато наладила выделку белого полотна, сместила по жалобам крестьян двух старост, упорядочила сбор налогов...

Я кивнул.

— Ты хоть понимаешь, как тебе повезло?

— Чувствую, — признался Альдер. — И молю Господа, чтобы это не кончалось.

Женевьева мягко опустила длинные тонкие пальцы на его руку:

— Дорогой, это никогда не кончится. Я счастлива с тобой.

Я сказал нетерпеливо:

— Этот мальчонка — сын Карла. Уже единственный!.. Да, того самого, который император. К сожалению, старший погиб, оказав сопротивление. А этого я выкрал, принудив Карла пообещать освободить короля Шарлегайла, который был ко мне так добр... Я не его вассал, но Шаргегайл и хороший король и... серьезное препятствие на пути Карла. Но сейчас, как мне кажется, я подрезал Карлу крылья.

На Альдера было жалко смотреть, на его лице сменялись сотни выражений, глаза стали жалкими, как у собаки.

— Сэр Ричард, — проговорил он, запинаясь, — но это же не совсем... благородно... или допустимо? Нет, как можно, это же ребенок, а мы должны в бою сходить с равным противником...

Я сказал раздраженно:

— Что-то сам Карл всегда старается обеспечить себе трехкратный перевес в силах! А то и пятикратный! Тогда только нападает. Да, я взял грех на свою душу, но, надеюсь, когда будут взвешивать этот грех, то на другую чашу весов положат то, что я остановил Карла и тем самым прекратил избиение тысяч мирных людей в захваченных городах и селах. Хоть на какое-то время остановил! Не знаю, надолго ли... Это зависит и от тебя.

— Как? — спросил он в недоумении.

— Не выпускай мальчишку, — сказал я мрачно. — Это единственная надежда Карла. Он все делал для него, все захваченные земли готовился разделить между двумя сыновьями. Сейчас остался один, но пока он здесь в заложниках — Карл не посмеет двинуть войска на завоевания.

В комнате наступила зловещая тишина. Слуги вошли в

комнату, убрали посуду и заменили блюдами с горячими яствами, но кусок в горло не лезет, похоже, не только мне.

Я сказал с нажимом:

— Поймите, Карл мечтает о своей династии!.. Он видел в своих грезах, как его сыновья продолжают завоевания, чтобы империя раскинула крылья на все северные земли. Теперь у него один сын, а без него мечта пойдет прахом... Карлу и сама империя не нужна, если не он будет владеть ею, не его дети, не его имя оставят в веках, как остались в веках имена Рюрика, Карла Великого, Оттомана, Луи и этого... как его, Боливара! Сегодня мальчишка напишет письмо отцу, что он жив и здоров, но его убьют, если Карл нарушит свое слово...

Альдер побледнел, несмотря на все свое обилие красного дурного мяса. Женевьева смотрела ясно. Она же и заговорила первой:

— Рыцари вас осудят, сэр Ричард. Но у них драчливо-мальчишечье отношение к жизни. Это мы, женщины, вынуждены принимать ее такой, какая она есть. Если удастся хоть на какое-то время остановить нашествие войск Карла, то мы, конечно же, все сделаем.

Ни фиги себе, промелькнуло у меня в голове. Похоже, она и в военных вопросах имеет не просто совещательный голос. Молодец, зараза, быстро все вожжи прибрала в свои руки. Но вроде бы, чего совсем не ожидал, она меня понимает.

— Спасибо, Женевьева, — ответил я, стараясь держать голос по-сюзереньи и в то же время дружески, намекая, что старое забыто, теперь я просто расположенный к ним обоим крупный феодал, который дал им во временное владение крупный лен и рассчитываю на ответную честную службу. — Рад, что ты уловила суть. Держите мальчишку взаперти. Если слишком многие будут знать, что он — сын императора, у кого-то может возникнуть соблазн получить

огромные богатства за его освобождение. И вообще обрести расположение всесильного императора.

Альдер подобрался, даже щеки приподнялись и уменьшились, глаза заблестели прежним стальным блеском:

— Пусть попробуют!

— Лучше не допускай, — предостерег я, — чтобы даже пробовали.

— Я прослежу, — пообещала Женестьева. — И... сэр Ричард...

Она замялась, я насторожился.

— Да, леди Женестьева?

— Сэр Ричард, вы очень отважный человек.

— Ну...

— Я не о рыцарских схватках, — прервала она. — У вас есть мужество идти наперекор общему мнению. Вас все осудят, потому что похитили ребенка!.. Но то, что тысячи детей избегают гибели в войнах, как-то опускают. Этот мальчик будет в безопасности! Мы с ним будем, как с родным сыном. И будем учить его быть... хорошим.

Глава 13

Гелекс под моим присмотром написал письмо Карлу, что он в неприступном замке, с ним обращаются хорошо, но он за тридцать земель, где никогда не бывали войска Карла и никогда туда не доберутся. Его оставляют здесь как заложника, а вернут, когда убедятся в том, что его отец прекратил завоевания.

— Добавь, — велел я, когда мальчишка послушно дописал последние строки, — что будешь периодически писать ему письма. Может быть, сумеем устроить, чтобы твой отец смог с тобой переписываться... Не часто, но так... для контроля. Что ты жив и что именно отвечаешь ты.

— Он знает мой почерк, — ответил Гелекс торопливо.

— Но это не наверняка, — предостерег я. — Это если и

ты будешь себя хорошо вести... и твой отец. Кстати, слово «замок» замени простым «место». Не нужно оставлять даже таких подсказок, понял?

Он посмотрел исподлобья:

— Понял.

— Вот и хорошо, — ответил я. — Ты меня ненавидишь, я тоже не питаю к тебе любви... но если будешь соблюдать все правила, то в конце концов вернем тебя отцу.

— Отец сам найдет меня всюду!

— Мечтай-мечтай, — ответил я.

— Мой отец — император!

Я сказал мирно:

— Я вообще не припомню императоров, что померли бы своей смертью. Всех убивали жутким образом. Красивее всех погиб Юлий Цезарь, еще что-то крылатое успел сказать, но почему-то по-латыни. Остальных либо топили, либо удавливали, либо травили жуткими ядами... Все империи распались, а всех императоров проклинали. Всех!

— Мой отец не такой, — сообщил он гордо. — И он везде меня найдет!

— Он будет пытаться, — согласился я. — Иначе что за любящий отец? Но лучше бы не пытался этого делать.

— Почему?

Я ответил холодно и безжалостно:

— Как только войска Карла подойдут к стенам этого замка, тебя убьют немедленно. За нарушение Карлом договоренностей.

Он умолк, обдумывая. Я потрепал его по плечу, взял исправленное письмо и вышел.

На этот раз Подземный Вихрь носил вокруг да около зимней резиденции Карла, пока не отыскиали щель в земле, чтобы не слишком далеко, но и не чересчур близко. Я выбрался на поверхность, солнце маленькое и тусклое, мир выглядит холодным и пустым. Блестит под солнцем проби-

тая в снегу колея, на фоне облачного неба выступают заснеженные башни и крыши замка.

Через четверть часа показалась четверка лошадей, за ней лихо подскакивает в воздух легкая повозка на полозьях. Я вышел на середину, в моей вскинутой руке свернутый в трубку свиток, видно издалека. Кони начали сбавлять скорость, в десяти шагах остановились. Мужик на облучке привстал с сиденья и настороженно оглядывается в поисках разбойников, те могут вообще зарыться в пушистый снег. Двое в ярких одеждах соскочили с обеих сторон повозки.

Один, мордастый усач, закричал зычно:

— Кто таков?

— Срочное письмо императору Карлу! — ответил я громко.

Они не двигались с места, кучер продолжал оглядываться, а усач сделал осторожный шаг в мою сторону.

— Врешь?

— Проверь, — предложил я. — Возьми и взломай печать. И посмотрим, что с тобой сделает император.

Вдруг второй, что оставался у повозки, закричал:

— Кленел!.. Это тот мерзавец, что похитил сына Его Величества!

Усач охнул, глаза его округлились:

— Что... правда?

— А тебе не все равно? — спросил я. — Ты просто передай письмо Гелекса его отцу. Только и всего.

Усач выхватил меч, глаза его впились в меня, как клещи в сладкое мясо:

— Ах ты...

— Дурак, — ответил я рассерженно.

Но с места он не сдвинулся, всматривался, однако от повозки в нашу сторону понесся, как конь, второй. Поднятый меч нехорошо блеснул в тусклом свете. Я торопливо выдернул свой клинок. Лезвия с жутким лязгом и скрежетом ударились в воздухе, сверкнули искры. Он нападал с яростью и немалым умением, я подумывал, как его обезору-

жить, но усач наконец сдвинулся с места и пошел на меня сбоку, оставляя фронт напарнику.

Я видел, как глаза усаха медленно разгораются гневом. Меч в поднятой руке готов к удару, глаза выпучены, и я, отпрыгнув, чиркнул лезвием по груди его напарника, тут же увернулся от просвистевшего у самого виска клинка и скрестил мечи уже с усачом.

Его раненый напарник стонал и барахтался в снегу, ярко-красные капли запятнали снег так, словно зарезано стадо свиней. Он попробовал ползти, я начал теснить усаха, чтобы споткнулся о напарника, но тот оказался опытным воином, отступал умело и наносил удары с обеих рук.

Озлившись, я начал рубить всерьез. Удачный удар в плечо разрубил кость и мышцы, меч выпал из ослабевших пальцев усаха.

— Дурак, — сказал я зло. — Тебе всего лишь нужно было передать письмо!.. Эй, иди сюда!

Конюх, которому я помахал окровавленным мечом, ухватился за вожжи:

— Ни за что!

— И ты дурак, — сказал я и ему, уравнивая в дурасти с благородным. — Я бы и этих не тронул. Вот письмо, видишь!

Он прокричал:

— Положите на дорогу!

— Хорошо, — ответил я. — Смотри...

Оставив рулончик на видном месте, я отступил подальше. Кучер подогнал коней, торопливо схватил послание, а затем, убедившись, что я далеко и не сдвигаюсь, затащил в повозку обоих раненых.

Я выждал, когда они скрылись вдаль, отступил к руинам. К счастью, снова повалил снег, так что ни у кого не будет даже догадки, как я здесь очутился снова.

Обратно Вихрь нес считанные минуты, а когда черные стенки стали прозрачными и рассыпались, я с облегчением

вздохнул при виде знакомых камней колодца в бывшем замке барона Эстергазэ.

— Хорошо, — сказал я. — Благодарю за службу! Иди и сторожи... а я буду думать, как спасти мир.

Вихрь исчез, я вздохнул и покарабкался вверх. На всякий случай вошел в личину исчезника, так прошел в свои покои. Натоплено, огонь в камине полыхает, а постель аккуратно заправлена дорогим пуховым одеялом. Три подушки одна на другой...

Фигура возле окна повернулась в мою сторону. Только что там никого не было, но сейчас человек стоит, заложив руки за спину, умное насмешливое лицо, слегка щурит глаза в приветливой усмешке.

— Сэр Сатана, — сказал я с упреком, — вы так меня зайкой сделаете!

— Вас ничем не удивишь, — возразил он. — Другой бы давно крестился и хватался за распятие... Ну как, все благополучно? Я так и не понял, зачем вам это.

Я пожал плечами:

— Сам не понял. Шарлегайл мне никто. Я называл его своим королем, чтоб мне других не навязывали, а на самом деле мне что Шарлегайл, что любой другой.

— Так зачем?

На этот раз я развел руками:

— Как-нибудь на досуге постараюсь понять.

Он кивнул:

— Да, времени у вас будет много. Там, в вашем беспечном мире. Вы готовы?

Я сказал рассерженно:

— Ну что вы меня торопите! Могу же я доделать и остальные свои дела, а уйти, когда сам решу, что закончил?

Он вздохнул, загорелое лицо потемнело еще больше, глаза на миг вспыхнули злым огнем, но тут же он сказал с предельной, как мне показалось, осторожностью:

— Нет, это противоречит нашим договоренностям.

— Каким? — спросил я настороженно. — Я с вами ни о чем таком не договаривался!

Он поморщился:

— Сэр Ричард, я понимаю, вы полностью вошли в роль надменного рыцаря, но... гм... речь не о вас.

— А о ком? — спросил я уязвленно.

Он смотрел с иронией, произнес медленно, чуть ли не по слогам:

— О той Стороне. Которую называете то Богом, то Провидением, то Судьбой...

Холодок прокатился по моей шкуре, я сказал смиренно:

— Простите, я в самом деле... онадменился. Как-то даже не пришло в голову.

Он кивнул:

— Да, это естественно. Вы привыкли, что вы — центр, глава, судья и полный властитель. Правда, есть еще короли и даже императоры, но и они не догадываются, что есть силы, которые ими руководят так же надежно, как когда-то мама, что водила их за ручку.

— Религия?

Он поморщился:

— Кроме этой ерунды, что занимает умы низшего сословия, есть и другие силы.

— Понятно, — сказал я. — Идеология и тому подобные штуки. И о чем договорились?

Он посмотрел с укором. Я молчал, наконец, он проговорил, тщательно взвешивая слова:

— Сэр Ричард, вы должны понимать... то, о чем договариваются... гм, скажем, короли, даже эти соглашения не всегда становятся достоянием низов. Что-то, конечно, сообщается народу, но между королями остаются еще и секретные договоренности, что не разглашаются. Так сказать, договор — это для обнародования, а несколько секретных дополнений — для... ну, может быть, через много поколений, станет известно, почему и как на самом деле происходило то или иное, но... гм...

— Понимаю, — буркнул я. — Тоже мне пакты Сталина—Риббентропа—Черчилля... Да ладно, понимаю. Хотя и ошарашен, да. Немножко. Даже боюсь представить, что у вас за договоренности!

Он мягко улыбнулся:

— И не надо. Многое может не понравиться.

Я чувствовал себя оскорбленным и униженным. Мы все уверены изначально, что между Богом и Сатаной длится нещадная и бескомпромиссная война, а у них, оказывается, какие-то договоренности! Потом вспомнил, что и штатовцы с советскими даже дружили и торговали, но вели холодную войну, а кое в каких точках и горячую, пока не победили, и даже с Гитлером торговали в самое что ни есть горячее время войны, что не мешало нападать, убивать и коврами бомбежками сравнивать с землей целые города.

Видя, что я молчу, он сказал с предостережением в голосе:

— Сэр Ричард... должен сказать, что в этот раз договориться кое-как все же удалось. Я сомневаюсь, что обстоятельства повернутся в другой раз так же удачно. И будет ли такая возможность вообще.

Я пробормотал:

— Вы о... переносе?

— Да. В ваш прежний мир.

Я промямлил:

— Но получилось же перенести сюда?

Он вздохнул, развел руками:

— Я вам разве не говорил, что это было сопряжено с целым рядом таких трудностей, что... просто вообразить... нет, не вообразить! И потребовались согласованные действия тех сил, что при обычных обстоятельствах лоб в лоб друг другу!

Я прошептал:

— Да...

— Я даже сейчас удивляюсь, — проговорил он медленно, — что это нам удалось. Теперь вот появилась возмож-

ность вас вернуть... Но эта возможность истает. Подумайте об этом. И... не медлите!

Он исчез, тихо и без световых эффектов. Я, двигаясь замедленно, словно дряхлый старик, кое-как сбросил оружие и, раздевшись, завалился в постель. Тут же в коридоре загремело, в дверь ударило с такой силой, что она едва не слетела с петель.

Я крикнул сердито:

— Входи, кто там?

В покои влетел с такой стремительностью черный зверь, что я не успел вякнуть, как тяжелая горячая туша оказалась сверху. Широкий язык миглом облизал лицо, толстые лапы втапывали в постель. Я извивался, потому что когда большая собака наступает на причинное место, мало не кажется, а от двери вскрикивали испуганно-восторженно:

— Ваша милость?..

— Да как же вы?..

— Да что же это?..

— А так, — ответил я, отбиваясь, — просто вот так.

Наконец я спихнул Пса на пол, поднялся. В распахнутую дверь заглядывает еще с десятков голов, но порог переступить никто не решается.

— Ваша милость...

— Ну что за жизнь, — сказал я, — только вздумал вздремнуть на недельку...

Оделся, чувствуя, что в коридоре народу все больше и больше, а моя репутация чародея стремительно растет.

Все расступились, мы вышли с Бобиком, тот гордый и счастливый подпрыгивает, отпихивая всех, забегает то справа, то слева.

— Где лорды? — спросил я. — Ах да, пируют... Ну да, сколько той зимы, а летом снова на коней... Ребята, благодарю за службу! Все свободны. Не в смысле, что идите пьянствовать, а марш по делам. Кот вернулся — мыши со стола долой с их половецкими плясками.

В нижнем зале за огромным столом сэр Растер с сэром Максом. Сонные слуги переминаются с ноги на ногу под стенами, ждут команды сменить посуду. Сэр Растер громко и важно делится боевым опытом с молодым воином.

Я подошел со спины, сказал зловеще:

— Пьем? А кто страну охранять будет?

Оба подхватились, опрокидывая стулья. У Макса восторженно-ошалелое лицо, сэр Растер ухватился за сердце:

— Сэр Ричард, откуда вы взялись?

— Откуда и вы, — ответил я скромно и перекрестился.

Они перекрестились тоже, не безбожники же, святость и таинство рождения надо чтить, я обнял их, это в моем мире мужчины туповато-сдержанны, как простолюдины, а люди благородной крови отличаются чувствительностью, даже ревмя ревут, слушая печальные песни. Потому я обнял их с чувством, похлопал по плечам, усадил за стол.

— Никаких проблем не решил, — сообщил им буднично, — но доброе дело сделал... наверное, сделал. Большое доброе через маленькое недоброе.

— Как это? — спросил сэр Растер, не поняв.

— А так, — отмахнулся я, — проверил, в самом ли деле слезинка ребенка что-то весит.

— И как? — спросил он совсем ошалело.

— Да фигня все! Больно много врут классики.

Слуги, как вспугнутые воробьи, разлетелись, чтобы вскоре вернуться с золотым кубком для лорда и кувшином вина, это ж для мужчины первое дело, а жареного гуся принесут чуть позже.

Макс смотрит восторженными глазами.

— Сэр Ричард, — сказал он трепещущим голосом, — я даже боюсь спрашивать, где вы были!

— Не в аду, — заверил я, — хотя... гм... спасибо за идею.

Макс побледнел и перекрестился, Растер улыбнулся несколько натянуто:

— Сэр Ричард... надеюсь, вы пошутили?

— Конечно, — заверил я. — У нас у самих тут еще тот ад. Пока не разберемся, в другой не сунемся.

Мне наполнили кубок, я чуть пригубил, красное вино чем-то полезно, огляделся.

— А сэр Альбрехт?

— С сэром Митчелом, — сообщил Макс преданно, — осматривают озеро. Летом водяной зверь нападал на рыбаков. Решили его попробовать найти подо льдом.

— Пока спит?

— Ага.

— Мудрое решение, — признал я. — Сэр Альбрехт придумал?

— Он, — ответил Растер с некоторым неудовольствием, — мы с сэром Митчелом указывали ему, что это не совсем по-рыцарски, но сэр Альбрехт весьма и zelo упрям.

— Прагматик, — сказал я.

— Вот-вот, — согласился сэр Растер довольно, — надо запомнить, обзову при случае.

Глава 14

Поел я с удовольствием, но когда сотворил кофе, в клубах морозного воздуха ворвались промерзшие Митчел с Альбрехтом. Я снова обнимался, хлопал по заиндевелым спинам, говорил красивые и торжественные слова, наконец, усадил за стол.

У Митчела таяли снежинки на бровях, в глазах изумление, Альбрехт тихо посмеивался, хотя посматривает с удивлением. С какой бы стороны я ни возвращался к замку, они должны были меня заметить.

Митчел стукнул кулаком по столу:

— Сэр Ричард! Я здесь все перевернул, когда вы исчезли. Слуги клянутся, что вы не покидали замок. Я уже не знал, что и думать!

Я сказал с досадой:

— Я же предупредил...

— Да знаю, — ответил он, отмахнувшись, — но все же... Правда, Альбрехт клянется, что знаете тайные ходы. Но у него никогда не поймешь, когда брешет.

— Знаю, — сказал я и бросил на Альбрехта признательный взгляд. — В смысле, тайные ходы знаю.

— А как без боевого коня? — спросил Митчел с упреком. — И Бобик, по-моему, обиделся.

— В следующий раз возьму обоих, — пообещал я. — А пока отогревайтесь, мясо еще горячее. А мне нужна дополнительная информация.

— О ком?

— О соседях, — ответил я. — С Гиллебердом подписан торговый договор, с Барбароссой — тоже, больше у нас соседей вроде бы нет... Хотя, насколько помню, есть небольшая спорная территория с Шателленом.

Растер со стуком опустил кубок на столешницу.

— Какая спорная? Да на нее никто не претендует! Я ж говорил, там Орочий лес. Они сами из леса не выходят, но и к себе никого не пускают. Сколько народу туда ни перло — никто еще не вернулся.

Митчел хмурился, сердито закусывал губу, но по лицу я видел, что да, все так, туда лучше не соваться.

— Митчел, — сказал я, — ты у нас самый молодой и шустрый. Сходи в мои покои, там карта на столе. Тащи сюда, устроим военный совет, пока Альбрехт не убежал рыбу ловить.

Альбрехт криво усмехнулся.

— Да, рыбы уже натаскали на три подводы. Я велел, если увидят то, из-за чего все озеро испоганили прорубями, немедленно за мной, где бы я ни был!

— И вы охотник, — упрекнул я.

Он сморщил нос.

— Летом на водопое скот гибнет. Нечто из воды утаскивает их на дно и жрет. Так что это не для трофея.

— Хозяйственник, — сказал я с уважением.

Он кивнул:

— Ну да, ну да. А голову чудища, конечно, повешу в главном зале. Я ж еще и рыцарь!

Грохоча сапогами, по лестнице сбежал Митчел. Туго свернутый свиток почти исчезал в громадной лапе.

— Вроде бы этот?

— Он самый... давай сюда.

Посуду отодвинули на другую сторону стола, карта затрещала, но послушно растянулась, увеличивая масштаб. Проступили мелкие речушки, озера, грозно блестит снежными вершинами Хребет, металлом блестят точки замков.

Я подозрительно рассматривал полосу леса на границе между Армландией и Шателленом. Земли Гиллеберда рядом, но заканчиваются на границе с лесом.

— Не ндравится мне это...

— Что, сэр Ричард? — спросил Митчел. — Не та карта?

— Увы, та, но какая-то неправильная... Здесь зачем-то этот проклятый лес с орками. Ладно-ладно, это я так, просто хотелось бы без орков. И вообще без леса. Сэр Альбрехт, именно этот лес с орками? Или с ограми, что у нас там?

— У вас, — уточнил Альбрехт.

Я кивнул.

— Ну да, если гадость, то у меня, а что-то хорошее — у нас... А если у этих орков будет сезонная миграция в теплые края? Или все решат, что жизнь — сон, и надо утопиться, чтобы проснуться?.. Видите, сэр Альбрехт, лес — это не Хребет и не огненная река. Сейчас непроходим, а завтра через него может вломиться целая армия. Как раз в тот момент, когда будем думать о его непроходимости.

Сэр Растер и Митчел рассматривали карту с интересом, как дети, находили знакомые места, гоготали и пихали друг друга в бока. Сэр Альбрехт посматривал настороженно.

— Это вы к чему? — спросил он с напряжением.

Я пожал плечами.

— Еще не знаю. Мысли вслух. Только чую, что лучше бы обезопасить себя и с той стороны.

— Как? — спросил он в упор.

Я развел руками.

— Расскажите подробнее, что знаете об этом Шателлене. Что за королевство, что за король, до какой степени самодур... Сейчас зима, мы и он взаперти, можно неспешно строить коварные планы. Но назовем их благородными, мы ж демократы!

Он пропустил мимо ушей насчет каких-то демократов, я часто щеголяю непонятными словами, что значит умность свою показываю, внимательно всмотрелся в карту.

— С Шателленом вам повезло, — проговорил он. — Это вам скажет даже сэр Растер, что никому не доверяет. Даже жаль, что не он, а Гиллеберд граничит с нами так... тесно. Король Роджер Найтингейл человек мирный. В самом деле мирный. Корона ему досталась от отца Ульриха Второго, тот получил от деда Керглана Первого, а Керглан принял из рук своего отца Юханхена Летящего, жестокого и воинственного полководца...

— А все остальные? — спросил я заинтересованно.

— Три поколения сменились, — ответил Альбрехт, — не прибегая к войнам. Ну, если не считать двух-трех попыток переворота, неудачных заговоров или мятежей слишком уж уверенных в себе лордов. Королевство крепкое, устойчивое, достаточно богатое. Что и понятно, столько лет не воевали!

— Сколько королю лет?

— Что-то вроде под пятьдесят. Или слегка за пятьдесят.

— Понятно... Как насчет детей? Кому планирует передавать корону?

Митчел заулыбался, толкнул в бок Растера. Оба заржали. Сэр Альбрехт посмотрел на меня остро.

— А вот здесь, как догадываюсь, для вас интересное...

У Найтингейла было два сына и дочь. Один ушел в крестовые походы и погиб, второй рассорился с отцом и убежал из дому... Это случилось почти десять лет тому, так что и он, похоже, не вернется. Осталась дочь, редкая красавица. Ей семнадцать, но уже года два как женихи обивают пороги.

Я хмыкнул:

— Дочери трон передать трудно.

— Вряд ли Найтингейл на это рассчитывает, — ответил Альбрехт. — Он достаточно реалистичен. Как и всякий король, наверняка хочет с помощью брака укрепить обороноспособность, торговые связи, заключить договор о помощи на случай нападения... ну, со стороны нас или Гиллеберда. Или короля Шарля Глостера, его королевство Алькантаро с той стороны.

— Понятно, — сказал я. — Какие у Найтингейла отношения с дочерью?

— Души не чает, — ответил он, хмыкнув. — И она его любит. На редкость семейная идиллия, вообще-то несвойственная королевским семьям. И расставаться им будет трудно.

— В каком смысле?

— Невесело, — объяснил он. — Это как насильно разбивать семью.

— Гм... а жена?

— А что жена?

Я подумал, кивнул:

— Ну вообще-то да, что жена... Особенно, если пользуется все той же, что и родила ему сыновей и дочь.

— Ну, пользуется, по слухам, и служанками жены, иначе зачем и королем становиться, но он настоящий король.

— Это как?

— Через женщин на него повлиять невозможно. Мягкий снаружи, а так вообще кремень.

Растер прорычал задето:

— Подумаешь!.. Если бы не лес, то мы могли бы разгромить все его королевство! Конечно, если собрать в один кулак силы всей Армландии. Как думаете, сэр Митчел?

Митчел захохотал:

— А что; кто-то сомневается? Конечно же, стоит нам только захотеть! Мы уже показали, что чего-то да стоим!

Два сапога пара, подумал я. Как похожи, разве что один вдвое старше другого, а так оба привычно решают все споры и конфликты молодецким ударом рыцарского копья, взмахом двуручного меча или метким броском боевой булавы в забрало противника. Но когда все бесстрашны, это уже страшновато. Все не могут быть героями — кто-то должен сидеть на обочине и кричать «ура». А здесь герой на герое.

— Я храбр, — пробормотал я, — настолько храбр, что... необходимо завести себе трусливых советников. Сэр Альбрехт, как вы полагаете, пора уже идти на обострение с соседними королями? Или рано?

Он сказал с удивлением:

— Вы с ума сошли? Рано, конечно. Я вообще не понимаю, зачем обострять отношения?

— Приятно, — ответил я. — Хоть вас эта холера не задела.

Сэр Альбрехт посмотрел на меня исподлобья.

— Спасибо, — произнес он сквозь зубы, — только я не в восторге, что меня назвали трусливым.

— Простите, сэр Альбрехт, — произнес я с искренним раскаянием. — Это так, вырвалось... Ради красного словца, как говорят, не пожалеешь и родного отца. Нам вина не давай, только состричь разреши... А потом начинаются войны такие, что историки долго ломают головы, пока не говорят в озарении: все дело в экономике! Только она, проклятая, может ответить на все вопросы. И неважно, что ответы неверные, зато какие глубокомысленные... Давайте на этом воен-

ный совет закончим. Вы добивайте бедного зверя в озере, а я пойду отосплюсь. Я больше вообще-то привычен на диване, чем на коне да еще зимой.

Ночью я проснулся от свиста и грохота. Почудилось, что исполинский дракон набросился на замок и трясет в ярости, стараясь поднять и унести. Послышалось сопение, нечто огромное и горячее толкнуло, навалилось.

Я поспешно сотворил огонек, Бобик дрожит и жмется ко мне, чуть не выпихивая из постели, а в окна ветер швыряет горсти снега. За толстыми каменными стенами ревет и беснуется даже не буря, а шторм, ураган, недаром Бобик перетрусил. Собаки бесстрашны против того, что понимают, но даже самые храбрые прижимают уши при первом же ударе грома, а в грозу пытаются вырвать из руки поводок и мчаться куда глаза глядят.

— Все хорошо, — сказал я успокаивающе, — все нормально! Подумаешь, ветерок.

Бобик скульнул и попытался просунуть голову мне под мышку, чуть не оторвав руку. Я торопливо начал гладить его и чесать, стараясь, чтобы за ушами трещало погромче, заглушая рев.

Пугливо приоткрылась дверь, служаночка прошлепала старыми башмаками по каменному полу, к груди прижимает огромную вязанку дров. У камина споткнулась, поленья посыпались из рук. Она вздрогнула от грохота, оглянулась на постель расширенными в ужасе глазами:

— Простите, ваша милость...

Я отмахнулся:

— Ерунда, я не спал. Бросай быстрее в огонь, а то сама околеешь.

— Да, ваша милость, да, я быстро!

Трепеща, она быстро-быстро, как суетливая белка, уложила поленья поверх багровых углей. Желтые язычки

взметнулись до того, как встала на четвереньки и начала с великим усердием раздувать. Я засмотрелся, длинная ночная сорочка натянулась на округлых ягодицах, а на груди, напротив, провисла под сладкой тяжестью.

При каждом вздохе-выдохе грудь то приподнималась, то провисала еще больше, обозначая острыми кончиками соски. Огонь разгорелся, девушка подхватила и, отыскав совок и веник, начала шустро сгребать разлетевшиеся по полу стекла от разбившегося под ударом бури окна. Порывы ветра вбивали снег через узкое окно и бросали ей на голову.

Бобик почти перестал дрожать, но жмурился и прижимался ко мне. Девчушка сгребла стекла вперемешку со снегом, что быстро тает, рубашка совсем промокла и липнет к телу. Я услышал дробный перестук зубов, вздохнул и велел:

— Оставь совок.

Голос мой прозвучал сурово и властно. Она поспешно опустила его на пол, повернулась, трепещущая от холода и с приоткрытым в испуге ртом.

— Да, ваша милость...

— Иди сюда.

Она подошла ближе, только теперь я рассмотрел, насколько сильно озябла: лиловые от холода губы, бледное лицо, гусяная кожа на руках и прыгающая нижняя челюсть. В глазах страх и безнадежность.

— Быстро ко мне, — велел я. — Да поскорее, не хочу выпускать тепло!

Еще больше испуганная, она торопливо юркнула под одеяло, вскрикнула в ужасе, увидев пса, и замерла, прикоснувшись к его горячему боку. Бобик укоризненно вздохнул и перестал дрожать, зато девчушка затряслась еще больше.

— В-в-в-ваша м-м-м-милость...

— Ну что? — спросил я тоскливо. — Он тоже замерз, как и ты. Грейтесь, пока я добрый! Надо бы погнать, но сердце у меня, как у матери Терезы.

Бобик под одеялом поднял голову и, приняв себя к новому существу, переложил голову на более мягкие колени, чем мои. Она охнула, застыла, страхась даже дышать.

Я сказал одобрительно:

— Он теплый, как печка! Не сгоняй, быстрее согрешься.

— Ваша милость!

— Правда, — заверил я. — А то вся как ледышка.

— А он меня не съест?

— Раньше не съел?

— Тогда он прибежал к нам на кухню, а теперь я в его будке.

— Хороша у него будка! Ну, если боишься песика, перелезай ко мне.

Багровые блики бегают по стенам и по кровати, бледное личико вроде бы порозовело, но в глазах страх и колебание: кого из нас бояться больше.

Благодаря ревущему камину воздух быстро прогревается, к тому же ветер сменился и бросается с другой стороны замка, а там глухая стена, никаких окон. Девчушка начала наконец дышать, Бобик высунул голову из-под одеяла, понюхал воздух и снова спрятался. Девушка охнула, когда он начал умищаться в своей обычной собачьей манере: три круга направо, три круга налево, а потом с удовлетворенным вздохом разом рухнуть на облюбованное место.

Она сперва косилась в мою сторону круглым блестящим глазом, как у испуганной птички, у птиц всегда удивленные глаза, наконец, решилась повернуть голову и посмотреть на меня обеими глазами.

Я улыбнулся дружески.

— Сильная буря, верно?

Она прошептала:

— Очень, ваша милость... Такая бывает раз в году, да и то не каждый год.

— Это надолго?

— Нет, ваша милость.

— Ну да, сильные грозы долго не длятся, — согласился я. — А ливни так вообще... Ну как, согрелась?

Она сказала поспешно:

— Да, ваша милость. Я пойду?

Я протянул руку, положив ее на Бобика, коснулся щеки девушки. Нежная и гладкая, как чистый шелк, но все еще холодная, а когда нащупал ее руку, так пальцы все еще как ледышки.

— Ну да, — возразил я, — ты превратишься в сосульку еще на лестнице!

— У нас на кухне жарко...

— Замерзнешь по дороге. На кого Бобик будет морду складывать? Дай-ка руку...

Она робко сопротивлялась, я сунул ее длинные тонкие пальцы себе под мышку. Мы лежали лицом к лицу, между нами сладко сопел и всхрюкивал Бобик. Она снова от страха задерживала дыхание, ведь ее рука лежит на ужасном Адском Псе, но тепло постепенно пошло по ее руке, начало прогревать тело, я чувствовал, как уходит из нее холод.

— Ну как? — спросил я. — Э-э, да так ты никогда не согреешься... Иди сюда.

Я потащил ее к себе, она задрожала, ее тело на миг оказалось на этом чудовище, и уже сама поспешила скатиться на эту сторону. Рубашка все еще влажная, но теперь от нее пар, я просунул под сырой подол ладонь и ощутил горячее тело, испуганно втянувшийся под моими пальцами живот, и грудь, что спрятаться пыталась, но не сумела.

Девушка смотрела большими покорными глазами, теперь в них нет страха, только ожидание. Я мям в ладонях ее упругую грудь, кровь гудит в моем теле, девчушка вздохнула, когда я перевернул ее навзничь и навис над нею.

Ветер за окном взвыл с новой силой. Бобик всхрипнул,

дрыгнул лапой, больно царапая меня по бедру и, не обнаружив никого рядом, поспешно начал двигаться к нам, спасаясь от жуткого воя. Сперва просунул голову между мной и девчонкой, она обмерла и перестала дышать, а я отпихнул локтем, тогда додумался залезть на меня сверху, это примерно то же, если бы положили двухсоткилограммовый мешок с песком.

Я охнул, свалил тушу с себя, тем самым тоже свалившись с девушки. Ветер взвыл, Бобик тоже взвыл и, торопливо забравшись между нами посередине, затих, как мышь в подполье.

Девушка прошептала:

— Что с ним?

— Боится, — объяснил я с неловкостью. — Собаки всегда грозы или такого вот непотребья в небе боятся.

— И он тоже?

— Как видишь.

— Бедный, — произнесла она тихонько. — Не бойся. Завтра все стихнет...

Пес, вздрагивая, суетливо лизнул ее пальцы и снова попытался вжаться в постель. Я поправил одеяло, теперь уже три головы торчат наружу. Девушка, судя по ее судорожным движениям, возвращает на место задранный почти по подбородка подол рубашки.

— Трус поганый, — проворчал я. — На шкуродерню тебя...

Ее глаза блестели, а на губах впервые проступила робкая улыбка.

— Не сердитесь на него, ваша милость. Собаки ж не знают, что это наверху ругается не на них вовсе...

Я стиснул зубы, прекрасно понимает, почему я зол, чему чертов пес помешал. Гормоны в самом деле разбушевались, как та выюга, тоже бьются головой в стену и стонут в своем нечестивом сладострастье.

— Дура она, — сказал я сердито, — эта собака... Вроде бы затихло. Лежи-лежи!

Я осторожно откинул одеяло, перебрался через Бобика, продолжая его поглаживать и почесывать. Лицо служанки стало очень серьезным, глаза расширились. Мои руки снова задрали ей подол, тело прекрасно оформленное, нежное, с валиками жирка, грудь начала часто вздыматься...

— Не трись, — шепнул я.

Я начал ложиться на нее, опускаясь на локти, но переменявший направление ветер вбил в комнату целую струю снега. Бобик взвыл и в ужасе полез на меня. Я спихнул, он начал совать голову между нами, и хотя теперь клал морду девушке на грудь, но я с удивлением увидел, как тонкая рука поднялась и робко почесала Пса за ухом.

— Господи, — сказал я с досадой.

— Ваша милость, — прозвучал в багровой полутьме робкий голосок, — пожалейте собачку... Ей страшно!

— Мы же рядом, — возразил я.

— Ею надо заниматься, — пояснила она тихо, — разговаривать с ней, успокаивать, гладить...

— Самое время, — сказал я саркастически.

Она помолчала и прошептала:

— Может быть... в другой раз? Ради вашей собачки?

— Еще чего, — ответил я оскорбленно. — Я ради этого уroda пальцем не шелохну! Нет уж, а то лопну. Бобик, трус поганый! Перестань трястись. Перестань! Что у тебя за ма-ния величия: такой ураган ради тебя устроили?.. Тебя как зовут, кстати?

— Далила, — прошелестела она в полутьме.

— Знаешь, Далила, давай уж хихикай в открытую. Я же вижу, вот-вот лопнешь от смеха.

Она в удивлении вскинула брови, но уголки ее рта поползли в стороны.

— Ваша милость, как можно? Смеяться над лордом?

Глава 15

Зигмунд Фрейд во мне сделал еще несколько попыток, но этот ушастый трус поганый так трясся и прижимался к нам, что едва не выталкивал с ложа. Иногда он пытался взобраться сверху, а при особо сильных порывах бури даже пробовал подлезть снизу.

Девушка уже не страшилась ни Пса, ни меня, что несколько обидно, наблюдала за моими попытками с интересом, вроде бы даже сочувствовала, но Пса гладила, как мне показалось, поощряюще.

В конце концов я вырубился, снилось что-то вовсе дурное, вынырнул из сна под утро. Горка поленьев истаяла, явно Далила поднималась ночью пару раз и подкладывала в камин. Наверное, тоже выбирая моменты, когда буря затихала, а Пес переставал трястись. Сейчас догорают последние, багровых углей целая горка, все ярко-красные, как огромные рубины, в глубине бродят искры.

Под окном лужа, ветер все еще ревет и воет, но сейчас атакует замок, похоже, с противоположной стороны. Пес бесстыдно дрыхнет, но теперь он с краю, Далила посреди-не, а я на другой стороне ложа.

На ее лице свежий крестьянский румянец во всю щеку, тень от длинных ресниц падает на нежную кожу, пухлые губы чуть приоткрыты, шея длинная и нежная, как у аристократки, а ключицы тонкие и жалобные.

Мне показалось, что ключиц не должно быть видно под ее рубашкой, осторожно приподнял одеяло, на свет медленно появились полные молочно-белые груди, ну да, мода на загар еще не появилась, реберные дуги, живот...

Ошеломленный, я повел взглядом по комнате. Ага, ее рубашка на полу рядом с ложем, но не помню, чтобы я ее снимал. Задирал подол — да, но не снимал. Не феодалье это дело — снимать рубашки со служанок. Даже с благородных и то с разбором: с графинь — да, а для простых виконтесс или баронесс это уже честь... наверное. Надо освежить пра-

вила этикета, но мне кажется, что гротеску уместнее с графини платье снимать, а баронессам всего лишь задрать.

Далила пробормотала во сне, я поспешно вернул одеяло на место. Ресницы затрепетали, веки поднялись, открывая затуманенные сном глаза.

— Ох, — прошептала она, румянец залил обе щеки. — Что это я... Пора разжигать огонь на кухне!

Она торопливо соскользнула с ложа, я пихался с проснувшимся Псом. Далила подхватила с пола рубашку и, неспешно одевая на голову в обратном стриптизе, прошептала нежным раздетым голосом:

— Ах, ваша милость, это моя вина, что не сумела погасить огонь в ваших пылающих чреслах...

Она на пару мгновений запуталась в рубашке, руки и локти застряли, так что моему взору открыты только разогретая за ночь грудь и все, что ниже. Наконец с усилием разобралась и очень медленно-суетливо одергивала рубашку, что вообще-то почти до пят.

— Ну да, — буркнул я саркастически, — а то ты так старалась, так старалась!

— Почти, — прошептала она. — Я сперва боялась вас, ваша милость, а потом...

— Хихикала, — сказал я обвиняюще.

Она запротестовала:

— Совсем нет, ваша милость!

— Ладно, — сказал я раздраженно, боясь, что произнесет страшное для мужчин слово «жалела», — замнем, забудем. Ты отогрелась, я согрелся, а самое главное — этот гад перестал трястись!

Она убежала, вертя задом, в дверях оглянулась, в глазах откровенный смех. Под рев урагана, то почти затихавшего, то снова в ярости набрасывающегося на замок, я оделся и спустился в нижний зал. Камин здесь вообще раскалился, камни трещат, но и здесь, как по замку, гуляют сквозняки,

что все-таки отыскивали, гады, щели. Впрочем, на них обращают внимания не больше, чем в моей срединной Утопии на предвыборные листовки.

Металлическая решетка, ограждающая камин, уже вишневого цвета. Растер стоит ко мне спиной, защищая лицо от слепящего жара широкой ладонью. Осыпаящиеся с него комья снега и льдинок превратились в лужу, что на глазах съезживается и пропадает.

— Доброе утро, — сказал я. — Сэр Растер, как долго такие ураганы?

— Доброе утро, сэр Ричард, — ответил он, не поворачиваясь. — Сутки, иногда двое. Но редко.

— Это я слышал, — проговорил я. — Эх, до чего же мы не зимние существа...

Он буркнул:

— Иногда и летом лучше не высовываться.

Внезапно затихло, словно отрезало. Я постоял, не веря себе, только теперь ощутил, что всю ночь ураган ревел, выл, свистел, орал, скрипел железными решетками, ставнями и даже каменными глыбами, а сейчас вот — настоящая тишина.

— Сэр Ричард, куда вы? — крикнул он мне вдогонку.

— Взгляну...

В холле на крючках дежурные шубы, я влез в самую огромную, слуги поглядывают обеспокоенно, но пугливо промолчали. Маленькая дверка не поддавалась, я покрутил головой, с той стороны восемь высоких ступеней, это же сколько намело...

Я уперся со всей силой, на той стороне поддалось, но в щель хлынул пушистый невесомый снег. Я нажал сильнее, снег продолжал сыпаться в холл, и щель стала шире.

Наконец я протиснулся и сразу оказался в снегу по пояс. Двор изменился и стал шире: исчезли колодец, кузница

и несколько сараев, прилепившиеся к стене, а от столба для коновязи торчит одна вершинка.

Не сразу сообразил, что не ураганом унесло, а засыпало по крыши. Сделав шаг, я нечаянно ступил с крыльца и провалился по шею.

На мгновение ощутил страх: ноги не касаются тверди, а завис только благодаря развилке ног и растопыренным, как крылья, рукам. Паники нет, мы в Утопии знаем, что даже в самом вязком болоте нормальный человек не утонет, как и в так называемых зыбучих песках: достаточно лечь и загребать руками — выплывешь, куда надо.

Я лег и начал было ломиться через пушистый, чересчур пушистый снег. Небо за это время снова потемнело, снег взметнулся, его завертело, как в мелком сите, ветер начал усиливаться.

Уже в страхе я начал барахтаться торопливо, ураган возвращается, снег с силой бьет в лицо. Я ощутил, что потерял направление и, сощурившись, молил Бога, чтобы позволил мне плыть через белую колючую массу к донжону, а не от него.

Кое-как, изнемогая от усилий, с трудом добрался до задней дверки, через нее челядь носит мясо на кухню. Мне отворили, я ввалился в гудящие от рева снежного урагана просторные сени. Челядинцы испуганно вскрикивали, порывом ветра сразу задуло все светильники. В темноте охали женщины, слышались торопливые удары кремня по огниву.

Наконец загорелась первая свеча, я увидел испуганно-восхищенное лицо Растера.

— Сэр Ричард, — воскликнул он, — зачем вам это понадобилось? Снежную Хозяйку решили повидать?

— Ага, — сказал я, — точно!.. Не представляю... Если такая зима здесь, то что на Севере?

Он вздрогнул и перекрестился:

— Ох, не поминайте о Севере...

— Почему?

— Север, — сказал он и снова перекрестился, — это не только зима. Лето там просто чудное, хоть и короткое. Но на Крайнем Севере живут праведники... и вот с ними не хотелось бы встретиться.

Я посмотрел с изумлением:

— Вам, сэр Растер? Вы чем-то провинились? Такая вот безгрешная душа?

Он кивнул:

— Да.

— Чем?

— Всей жизнью, — ответил он хмуро. — Живу вроде бы правильно, а потом вижу и понимаю, что годы потрачены впустую. Нахожу новую дорожку, почище, иду по ней... а потом понимаю, что и это не та. А сколько лет зазря... И вот так всю жизнь. Потому и стыдно было бы встретить праведников.

Я молчал в затруднении. Сам не знаю, как жить правильно, но чутье подсказывает, что если человек с самого начала идет правильно, то идет как корова, даже не зная, что именно эта дорога и есть правильная. Неслучайно Иисус обронил, что ему раскаявшаяся шлюха дороже ста девственниц. Безгрешные девственницы — фигня, их нетрудно совратить в грех. В том сладком болоте и останутся, а вот та единственная, что сумела не только раскаяться, но и покинуть мир разврата, — и есть ценнейший кадр.

Да и Тертуллиана взять, тот еще девственник.

Замок перестало трясти к обеду. Тишина настала такая, что слышно стало крикливые голоса со двора: туда согнали всю челядь, чтобы спешно рыть дороги к колодцу, кузнице и вообще расчистить двор.

Я оделся, опоясался мечом, молот на поясе, лук за плечами, свистнул Бобика. Тот уже сидел у двери, загораживая

выход, в глазах обвинение: если, мол, снова уйдешь ловить зайцев без меня, то какой ты друг?

— Только с тобой, — заверил я. — Пойдем, толстомордик...

В конюшню, как и во все подсобные помещения, можно пройти и по крытому переходу прямо из донжона, но выводить коней в зал не принято, даже в холл уже не выводят, я вышел на крыльцо, ахнул. Снега еще больше, траншеи настолько глубокие, что всякий зачерпывает полные лопаты, но редко кто добрасывает до верха, и снег сыплется обратно.

Женщин пустили утапывать снег, но тот слишком пушистый, взлетает при каждом движении, по всему двору звонкий хохот, пихают друг друга, окунают в белое и нежное, словно морская пена. Старшие женщины покрикивают сурово, но глаза блестят весело.

Я пробрался к конюшне, вперед меня ринулись несколько челядинцев, толкались и пихались. Быстро отбросили снег, чтобы чуть приоткрыть дверь. Я протиснулся, Бобик следом, в полутьме Зайчик встретил нас довольным ржанием.

Я поцеловал умную морду, пока Бобик ревниво прыгал вокруг и старался оттереть от приятеля: как я могу обниматься с кем-то, когда вот он, такой замечательный?

— И тебя люблю, — заверил я, но добавил строго: — Хватит тебе на кухне, понял? Харя скоро в дверь не пройдет... Что я с вами всеми весной делать буду? Марш-броски по грязи, чтоб выхудить?

Он преданно смотрел мне в глаза и вилял хвостом. Зайчик ржанул, привлекая внимание. Взгляд умных глаз говорил: не трать время и слова на глупое животное, пойдем, у нас куча дел.

Я вздохнул:

— Да хоть и глупое, но все-таки наше... Так что, Бобик,

мы тебя берем с собой. Хоть на денек оторвешься от дурных привычек.

Бобик взвился, как подброшенный пинком великана. Я успел прижаться к стене, не упал, кое-как отбил от благодарных поцелуев, Зайчик повернулся боком, предлагая поскорее занять место в седле.

Я вздохнул:

— Ты не представляешь, что снаружи...

С той стороны голоса, гам, слышно, как торопливо убирают снег. Одну половинку ворот отодвинули, я вывел Зайчика. Мой арбогаст шурился и смотрел на сверкающий снег с веселым изумлением.

На крыльце донжона появились рыцари, сэр Растер помахал рукой.

— Коня изволите размять?

— Да, — ответил я, — до Орочьего Леса и обратно.

И, прежде чем остолбеневший сэр Растер успел раскрыть рот, я тяжело поднялся в седло, проклятая шуба висит, как целый меховой склад, и, не разбирая поводьев, велел Зайчику:

— Давай красивым шагом из замка.

Ворота распахнулись, со стены кричали и махали руками. Из сторожевых башен высыпало множество народу, и не лень им в такой мороз. Я сцепил зубы и вел Зайчика простым галопом, пока люди на стене измельчились до размеров замерзших ворон.

— Ну а теперь, — шепнул я, — давай побыстрее... но не слишком, а то я дорогу не знаю...

Свист ураганного ветра стих, когда далеко впереди возникла черная Полоска и моментально превратилась в стену могучих деревьев в три обхвата.

Зайчик перешел на простой галоп, огромные стволы надвинулись и расступились, мы двигаемся, как скорост-

ной катер: разве что по обе стороны вместо воды широкие крылья снега.

Деревья мелькают по обе стороны, я так часто вжимался в конскую шею, прячась от проносящихся сверху веток, что потерял всякое направление и взмолился:

— А ты точно знаешь, куда нам надо?

Зайчик презрительно фыркнул, а деревья, как мне показалось, злорадно замелькали чаще. Пес так часто забегал вперед, что я терял его из виду вовсе.

— Ты смотри, — сказал я Зайчику, — это другим не признаюсь, что полный идиот в географии, но тебе ж можно?

Внезапно нырнули в снежный ад, я чувствовал, что попал в могучую снежную лавину, сейчас нас сомнет и расплющит, но спустя пару секунд все кончилось. Мы поднялись по склону, и я понял, что Зайчик прет, как лось, напрямик, влетая на скаку в засыпанные снегом доверху пологие овраги, проскакивая под нависающими разлапистыми ветвями, и на нас обрушиваются сотни тонн холодного искрящегося ада...

Какое-то время мчались через странный белесый туман, затем из него выступила могучая деревянная стена. Не частокол из врытых в землю бревен, а двойная, с широким помостом наверху. Я даже успел рассмотреть наверху фигурки, что не показались мне человеческими. С внешней стороны стена выше, видны только проплывающие рогатые головы, только самые рослые возвышаются до уровня плеча.

Через каждые три-четыре десятка шагов стена уходила в основание высокой башни. И хотя из-за тумана далеко не углядишь, но, как я понимаю, эти стражи сверху могут метать камни и дротики, а пока их самих достанешь, не одну жизнь положишь.

Пес замер в боевой стойке, шерсть дыбом, из горла рвется глухой низкий рык.

— Тихо, тихо, — сказал я дрогнувшим голосом, — понимаю, что эти ребята тебе хорошо знакомы.

Он не оглянулся, против обыкновения, чуть прильнул к земле, готовый ринуться в бой.

— Нет, — сказал я резко, — я не знаю, какие у тебя с ними счеты, но сейчас мы едем мимо и дальше. Зайчик, не спи! Мы не изволим здесь задерживаться..

Зайчик ускорил бег, сцепляясь с орками и ему ни к чему, если там только орки, лес становился все страшнее и безжизненнее, я приготовился терпеть долго, но вдруг Зайчик резко сбросил скорость.

Я раскрыл рот, пораженный буйством зелени: впереди настоящий оазис, деревья в цвету, буйная трава, над вершинками летают мелкие птицы.

— Вперед, — велел я, — если это не фата моргана...

Морозный воздух быстро теплел, а когда копыта перестали мять снег, я ощутил влажный теплый воздух. Зеленые деревья расступились, в центре небольшое озеро, из него бьет толстый столб кипящей воды. Метров пятьдесят, определил я на глаз, неслабое давление. Над озером стоит туман, словно пар в бане.

На берегу блестят, как спины жирных тюленей, обкаланные водой камни. Зелень подступила к воде довольно близко, а это значит, что вода стоит на одном уровне, не бывает приливов и отливов. А фонтан, похоже, бьет так уже не один год.

Зайчик на ходу ухватил пастью верхушки трав. Я услышал довольный хруст и чавк. С ближайшего дерева сорвалось нечто яркое и пестрое, как попугай, стрелой упало в высокую траву и через мгновение взвилось, держа в когтях вырывающуюся крупную мышь. Теперь хищник летел тяжело, часто взмахивая радужными крыльями, просвечивающими на солнце. Я рассмотрел причудливого дракончика, слишком красивого, чтобы такого создала эволюция.

Скорее всего, мелькнула мысль, это существо просто сумело уцелеть и выжить в резко изменившемся мире. А сколько мы видели причудливых скелетов, и никто из моих людей не мог сказать, каким зверям это-принадлежит!

Бобик понюхал воду, хвост двигался медленно, потом быстро задергался из стороны в сторону, кого-то Бобик приветствует в толще воды. Я не успел рот открыть, как Пес прыгнул в озеро и тут же, не слыша моего крика, нырнул, будто пес-водолаз.

— Назад, — прошептал я невольно, — что за дурная собака...

Зайчик обошел озеро по дуге. Я все ждал Бобика, сердце колотится, наконец он вынырнул возле самого гейзера, что-то трепыхалось, сверкая серебряной чешуей, Бобик сражался яростно, я пустил коня ближе к воде, вытащил меч. Но Бобик уже плыл к берегу, быстрый, как скутер.

— Только не это! — заорал я.

Но Бобик прыгал и совал мне в руки толстую рыбу размером с породистую горбушу. Я отбивался, но в его чистых детских глазах такие непонимание и обида, что я сдался, взял рыбину, только сказал строго:

— До самого города... не отлучаться! Ничего не ловить, не давить, даже не гоняться!

Бобик печально вздохнул. Зайчик на рыси заканчивал огибать озеро, все время я слышал ровный плеск воды. В какой-то момент даже увидел нечто очень крупное, мелькнувшее в кипящих струях, вытащил меч, ну что живое может вот так жить в кипящей воде, разве белок не сворачивается где-то в районе шестидесяти по Цельсию? Или по Кельвину, не помню.

Снова вломились в зеленую чашу, замелькали толстые стволы. Оазис не вчера появился, отметил я про себя. Воздух стал прохладнее, между деревьями блеснул снежный простор. Мы вылетели из райского уголка на хрустящий снег.

Сперва под копытами хрустела толстая корка наста, что

и понятно вблизи теплого места, потом мчались по рыхлому пушистому снегу совершенно беззвучно, если не считать звякающей сбури.

Бобик бежит послушно рядом. То ли демонстрирует, какой он хороший, то ли следит, чтобы я не выронил его добычу.

Глава 16

Впереди в полном безмолвии резко и страшно взметнулся снег. Словно танки, разбрасывая снег гусеницами, в мою сторону мчались два огромных рыцаря с выставленными вперед копьями.

Я ахнул, откуда они, рука инстинктивно дернула щитом Арианта, тут же двойной удар потряс меня с головы до пят. Я едва удержался в седле, а они, отбросив обломки копий, разом выдернули из ножей мечи.

Я снова охнул, мечи слишком уж тонкие, длинные и почти такие же прозрачные, как и мой. Я выронил рыбу в снег, пальцы моей растопыренной ладони поспешно ухватили рукоять клинка.

— Вы кто? — закричал я. — Назовитесь!

У одного из рыцарей глухо прозвучало из-под забрала:

— А то ты не знаешь...

— Да что за дурь?

Бобик сел толстой жопой в снег возле рыбы и, убедившись, что на нее никто не посягает, смотрел на схватку с великим интересом. Я крикнул, чтобы так и сидел, сам поспешно отражал удары щитом и мечом. Оба дерутся умело и отважно, я начал готовиться к серьезному удару, как вдруг один исчез, я повернулся к другому, мой клинок высек искры из его меча и рассек стальную пластину на плече.

Рыцарь охнул, мгновенно стал прозрачным. Взметнулся снег, я едва успел заметить, как передо мной появился тот, что исчезал первым.

— Магия! — закричал я обвиняюще. — Какие же вы рыцари...

В ответ раздался хохот. Я двигал щитом, принимая удары, наконец, ухитрился нанести удар мечом. Панцирь на груди рыцаря раскрылся, как створки черепахи. Он вскрикнул, начал исчезать, но уже неуверенно, я хотел поспешно добить, но возник второй и набросился с такой яростью, что я пару минут только отражал удары.

Еще трижды они становились прозрачными и пропадали из виду, но появлялись сразу же, я едва успевал парировать удары их мечей.

— Вы не рыцари! — выкрикнул я. — Вы оба трусливые шакалы!

Оба снова расхохотались почти в унисон, я вертелся в седле и рубился в обе стороны, но, похоже, они наращивают преимущество.

— Вы двое простолюдинов! — крикнул я. — Земляные черви, разбойники, ваш хозяин одел вас в краденые рыцарские доспехи!

Они продолжали надвигаться, умело нанося удары, не давая мне выскользнуть ни справа, ни слева. Один захохотал и произнес издевательски:

— Вы зря снова здесь появились, сэр Арагн!

— Какой, на фиг, Арагн? — крикнул я. — Что за двое идиотов...

— Мы знаем, — сказал второй, — кто вы...

— Кто?

— Сэр Арагн, смертельный враг нашего сюзерена...

— Ага, — крикнул я, — а что еще обо мне знаете?

Один начал отвечать, но Бобик вдруг зарычал и подался вперед. Рыцарь умолк, голова его поворачивалась то в мою сторону, то в сторону Адского Пса.

Я швырнул щит в снег, тем же движением сорвал с пояса молот и швырнул в ближайшего противника. Раздался

лязг, рыцаря снесло с седла, словно мячик ударом бейсбольной биты.

Второй проводил остолбенелым взглядом напарника. Тот с металлическим грохотом ударился о дерево и сполз по стволу в снег грудой железа.

Я поймал молот и метнул во второго. Рыцарь уже начал исчезать, стал совсем прозрачным, но лязг и грохот доказали, что исчезновение было лишь оптическим обманом. И второго с грохотом вмазало в дерево, только подальше, в снегу стал видим полностью.

Бобик в один прыжок оказался над ним. Нос, как чувствительный сканер, дважды прошел над смятым, как картонная коробка, панцирем. Ноздри пару раз дернулись, я с удивлением увидел, как он злобно оскалил зубы. Ноги дрожали, когда соскочил в снег. Бобик оглянулся с таким видом, словно докладывал: оба уже точно пить бросили.

— Хорошо, — сказал я. — Ты что-то почуял?

Бобик поморщился, чихнул.

— Понятно, — сказал я, — он начал было колдовать? Ты молодец, мой щеночек... Но ты бегай, бегай! А то и морда толстая, и задница между деревьями застревает...

Он фыркнул, еще раз внимательно обнюхал обоих, запоминая, и в самом деле понесся расширяющимися кругами. Я переводил взгляд с одного на другого, снег под ними кричаще красный в остальном стерильно-белом мире с запыренными снегом серыми стволами сосен.

Оба просто громадные, потому и не справился с ходу. Доспехи из незнакомого металла, лезвие моего меча простые доспехи рассекает с легкостью, а здесь словно просто острой сталью рубил железо.

Ярко-красный снег под убитыми уже оседает, кровь горячая, так что это люди, чем бы ни показались вначале. Я разжал быстро остывающие пальцы у первого и вынул меч. Тоже странный, слишком изящный, словно парадный, но я видел, какие глубокие зарубки оставались на моем щите.

Зайчик подошел, разбрасывая снег, и тихо сопел над ухом. Я обшарил рыцарей сверху донизу, у обоих в поясах золотые монеты, хотелось бы побольше, необычная чеканка, ни разу такие не попадались даже в кладях.

— Странно, — сказал я прерывистым голосом, перевел дыхание, сказал уже обычным тоном: — Да ладно, мы сами... странные! Жаль, доспехи в лепешку, от такого дропа не отказываются...

Зайчик осторожно понюхал меч в моей руке.

— Что-то знакомое? — спросил я с надеждой. — Ладно, это заберем. Я запасливый. Потом разберемся.

Ножны снял вместе с поясами, аккуратно вложил мечи, подобрал щит, Зайчик выждал терпеливо, пока все упакую и взберусь в седло. Спohватившись, я слез и отыскал брошенную в снег рыбину, иначе Бобик перестанет мне доверять за такое предательство.

Все упаковав, я снова полез в седло. Бобик примчался с вопросом в глазах.

— Да едем, едем, — ответил я, но он метнулся к тому месту, где раньше лежала рыбина и проверил, не закопал ли я поглубже в снег.

— Свинья ты, — сказал я сердито, — а не собака. Сюзерену верить нужно беззаветно!

Дальше пошли великанские сосны, ветви только на вершине, Зайчик все ускорял бег, и мы понеслись между гигантскими колоннами, словно вихрь, вздымая за собой снежные облака.

Еще два-три часа стремительной скачки, больше похожей на полет крылатой ракеты, что умеет над самой землей, впереди за дальними деревьями блеснул яркий свет. Великанские колонны исчезли, мы разом выметнулись на сверкающий простор.

Под ярким солнцем снег горит, как миллиарды бенгальских огней. Я шурился, пригибался, а по бокам снежные валы отодвинулись, опали. Я с изумлением убедился, что копыта стучат по утоптанному до твердости льда снегу, а ликующий

Бобик скачет впереди, от избытка сил подпрыгивая высоко в воздух.

Зайчик мчится с пугающим грохотом копыт, Бобик оглядывался изредка, чтобы не пропустить нас вперед. Красный язык блещет, как багровый закатный луч. Дорога, не слишком широкая, однако настоящая, очищенная. Впереди появилась и начала быстро приближаться высокая каменная стена. Ворота распахнуты, возницы везут на санях как аккуратно уложенные связки поленьев, так и целые стволы очищенных от веток деревьев. На телегах, понятно, тащить куда тяжелее, так что лес стараются заготавливать зимой.

Стражи на воротах вытаращили глаза. Я доброжелательно помахал рукой:

— Привет, ребята!

Они сгрудились, с опаской глядя на чудовищного Пса, что остановился в alertной позе и смотрел на них с интересом и благожелательностью, показывая длинные острые клыки в красной, как ад, жаркой пасти.

Один проговорил, запинаясь:

— Сэр... вы откуда?

— Из леса, вестимо, — ответил я.

Оба ахнули:

— Из леса?

Один переспросил пугливо:

— Из того... самого?

— Точно, — подтвердил я.

Он все еще не верил, оглянулся на соратника:

— Орочьего?

— Ну да, — сказал я. — А что, я не похож?

Один пролепетал, что да, похож, еще как похож, а второй прошептал пугливо:

— Но если из того леса... то там...

Я отмахнулся:

— Да все спят. Я пинал, пинал, но так и не разбудил ни одного орка! И огры спят. И колдуны. И великаны... Навер-

ное, все они немножко медведи, как думаете? Но не буду же драться со спящими, моя рыцарская честь не позволяет... Приходи и грузи на сани. Хоть троллей, хоть огров, хоть медведей. Ну ладно, успеха в вашем трудном деле охраны отечества!

Зайчик поспешно вдвинулся в ворота, мы постарались затеряться среди узких улочек, там я быстро выяснил, что стольный град короля Роджера Найтингейла благословенный и никогда не спящий Дартмут отсюда примерно в сорока милях, но дорога уже пробита, а снега в этих краях с неделю не было, так что проехать можно.

Мы смирно миновали город, стараясь не привлекать внимания, ну да, мы да чтоб не привлекли, потихоньку выехали через ворота с другой стороны города и снова врубили повышенную скорость.

Бобик несется впереди, небо красиво и грозно наливаются красным, что особенно заметно на фоне всеобщей белизны и бесцветности, как на земле, укрытой снегом, так и в белесом небе.

Медленно появилась сверкающая темно-красная, как брошенное на снег рубиновое ожерелье, полоска. Зайчик всхрипнул и пошел еще шибче.

Полоска начала быстро вырастать в каменную крепостную стену, залитую заходящим солнцем. Багровый блеск такой нещадный, что стены выглядят то ли окровавленными, то ли политыми блестящим вишневым клеем.

— Сбавь, — прокричал я в ухо Зайчику, — а то Бобик отстал...

Бобик, услышав, оскорбленно выметнулся вперед, но Зайчик притормозил, нельзя в город на такой скорости, и одураченный Бобик унесся далеко, прежде чем понял, что его надули.

Стены высокие, добротные, башни квадратные и просторные, расположены через одинаковые промежутки, явно

все строилось по одному плану. Ворота еще распахнуты, но движения уже почти нет, скоро закроют на ночь.

— Вот он, Дартмут, — сказал я Зайчику. — Запомни. Вдруг да придется...

Он кивнул и даже тряхнул гривой, но хотя промолчал, а вид вообще невозмутимый, я-то уже догадываюсь, что расположение стольного града королевства Шателлен занесено в память.

На воротах, понятно, ахнули, разглядывая моего коня и пса, да и сам я, еще бы, красавец, но про лес спрашивать не стали, я же не из леса, а из другого города.

Мы миновали небольшую площадь, по улочкам пробрались к центру. Солнце закатилось за стену, на город пала особая зимняя ночь, когда от обилия снега все же не полная чернота, как летом. Здесь площадь побогаче, в бочках полыхает смола, озаряя все вокруг зловещим красным огнем, снег убран, воины в теплой одежде, под нею иногда хмуро проблескивают доспехи. Стражи на конях по двое, а на той стороне добротный дворец с множеством горящих факелов вдоль стен. Не слишком пышный, некрикливый, как будто строил очень хороший архитектор с развитым чувством вкуса.

Я подъехал прямо к парадному входу. Дверь загораживают стражники моего роста и веса, железа на них столько, что можно перековать в две-три тысячи подков. Подбежали двое в богатых теплых шубах, один выкрикнул на бегу:

— Сэр!.. Мы к вашим услугам! Нужна помощь?

Я широко улыбнулся, с трудом слез с коня, тело как промерзшее дерево.

— Ребята, мне впервые не нахамили!.. Спасибо. Я был по делу. За моим конем посмотрите? А собачку я с собой возьму. Ну, вы же понимаете...

Офицер в шубе ответил так же вежливо, но в голосе звучала и сдержанность:

— Да, собачки трудно расстаются с хозяевами, но этого медведя разве можно во дворец?

— Можно, — заверил я. Повернулся к Бобику, сказал властно: — Бобик, сидеть!.. Бобик, лежать!.. Бобик, лапу!.. Ну, вот видите? Бобик, голос!

Я сказанул и тут же спохватился, но опоздал, Бобик с удовольствием подал голос. Все у-дворца зашатались, офицеры ухватились за уши, стражники уперлись в стену, чтобы не дать дрожащим ногам опустить на землю. Бобик энергично вилял хвостом и с надеждой поглядывал в глаза, умоляя еще раз подать команду.

— Молодец, — похвалил я и поспешно начал отпихиваться от поцелуев. — Это же щенок, вы же видите! Ему не больше четырех месяцев... ну, по его календарю! Он без меня заскучает. Но если вы настаиваете, то оставлю с вами...

Офицер сказал поспешно:

— Нет-нет, пусть идет. Лучше оставить с кем-нибудь во дворце. Внутри.

— Спасибо, — ответил я растроганно, — да, кстати, мой щеночек по дороге выхватил в ручейке какую-то рыбешку... Пока вернусь, протухнет. Дарю!

Я выудил из мешка скользкое тело рыбы, все еще не замерзла, странно, бросил ее офицеру. Тот инстинктивно поймал, но глотнувшая свежего воздуха рыбина задвигалась, он выронил ее на землю.

У всех вырвался одновременный вздох-воплъ:

— Рыба святого Икариуса!

— Ага, — ответил я замедленно, как debil, — ага... эта... рыба.

Офицер и стражники не отрывали замороженных взглядов от прыгающей по промерзшей земле рыбины. Только теперь я заметил, что все плавники желтые, скрежешут по земле, но гнутся, золото — мягкий металл.

Офицер вскрикнул:

— Да где же вы ее добыли, сэр?.. Да за такую рыбу всю королевскую казну...

Я фыркнул:

— Да у нас это в каждом ручье. Подумаешь... Мясо у нее не очень. Мы больше свиньям скармливаем.

Я бросил одному поводья Зайчика и пошел к дверям, чтобы не наболтать лишнего, да и жалко смотреть на потертанное сокровище. Знал бы, что рыба непростая, ни в жисть не подарил бы вот так глупо.

За дверью небольшой зал, там стражей еще больше, все еще крупнее и одеты в полные доспехи. Нас с Бобиком окружили, хоть и держатся на почтительном расстоянии.

Один из рыцарей отвесил короткий поклон:

— Сэр, мы должны убедиться, вам к Его Величеству или... вашим вопросом может заняться кто-то другой?

— Только Его Величество, — заверил я.

— Назовите себя, — потребовал рыцарь, — и в чем ваше дело.

— Ричард Длинные Руки, — произнес я гордо и подбоченился. — Гроссграф Армландии!

Стражи переглядывались, рыцарь повторил с сомнением:

— Гроссграф... Гроссграф?

— Любезный, — произнес я высокомерно, — я произнес именно это слово. Как у вас со слухом?

К рыцарю подошел еще один, постарше. Взгляд тверд, лицо сурово, произнес твердым голосом полевого командира:

— Сэр Ричард... К сожалению, мы ничего не слышали о событиях в Армландии. Что вы хотите сообщить Его Величеству?

Я покачал головой.

— Ребята, я — гроссграф. Не король, понятно, но дела у меня — гроссграфьи. Если сказать очень деликатно и с присущей мне куртуазностью, то не вашего ума это дело. В смысле, о чем мы будем изволить говорить с Его Величеством.

Они переглянулись снова, старший сказал уже не так твердо:

— Но к Его Величеству вот так сразу не...

— Это другие не, — прервал я. — Вы ведь печетесь о государственных интересах? Или нет?

— Печемся, — заверил младший.

— Тогда просто доложите, — велел я. — Гроссграф Армландии. Гроссграф! Так и передайте. А Его Величество разберется сам. Могу добавить, что дело взаимовыгодное.

Младший рыцарь поспешил во внутренние помещения. Придворные шушукались, разглядывая меня бесцеремонно, но когда я вперял в них грозный взгляд, пугались и отводили глаза в сторону. Бобик начал бегать по залу, и вскоре в нем стало пусто, как в роскошной гробнице.

Через полчаса, хорошее время, меня провели в большой зал. Бобик держался настолько мирно и вышколенно, что его разрешили взять с собой, пояснив, что Его Величество тоже любит собак.

Под противоположной от входа стеной трон с высокой спинкой, мужчина с золотой короной на седых волосах, тоже весь в золоте, окладистая серебряная борода опускается до середины груди. Это, как я понимаю, и есть король Роджер Найтингейл, сюзерен королевства Шателлен. За ним и рядом советники, под стенами выстроились, как понимаю, наиболее приближенные сановники. Я мазнул по ним взглядом, не слишком раскормленные рожи, все смотрят бесстрастно, как будто каждый день вот так приезжают гроссграфы, к тому же — зимой.

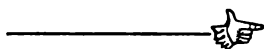
Бобик шел возле моей левой ноги и мгновенно сел, едва я остановился и отвесил отмеренный поклон.

— Ваше Величество, — сказал я учтиво, — счастлив приветствовать вас, мудрого и дальновидного правителя! Мои лорды так много о вас говорили хорошего, что я просто не удержался, чтобы не бросить все и не приехать к вам... не взирая даже на снежную зиму!

Найтингейл смотрел на меня, не скрывая удивления:

— Вы ехали... через Орочий Лес?

Я улыбнулся, покачал головой:

— Вы же догадываетесь, Ваше Величество, как я проехал!

— Догадываюсь, — ответил он осторожно, — хотя просто боюсь поверить. Неужели через Лес? Впрочем, если у вас такая собачка...

— У меня и конь такой, — пояснил я намекаяюще.

Его глаза блеснули, советники молчат, Найтингейл помолчал тоже, затем губы раздвинулись в легкой улыбке:

— Вы герой, сэр.

— Так уж получилось, — согласился я скромно.

— А теперь вы... гроссграф?

— Ваше Величество, — ответил я поклоном, — мне бы хотелось убедить вас, что не за коня и собачку меня избрали гроссграфом.

Советники зашептались, Найтингейл покачал головой:

— Я бы предположил, что та дорога опасна даже для героев.

— Безопасней всего пути, которые никуда не ведут, — ответил я с поклоном, выпрямился и прямо посмотрел ему в глаза. — Но я предпочитаю прямые дороги. Это дает результат.

Он помолчал, переваривая мои слова и тот тайный смысл, который я вложил, наконец, проговорил:

— Думаю, сэр Ричард, вы очень устали с дороги. Вас отведут в гостевые покои, а потом поговорим более... емко.

Я поклонился, ко мне сбоку, стараясь держать меня как щит от Бобика, подошел грузный придворный. Роскошный бархатный камзол отделан золотом, я уловил аромат дорогих притираний, на груди толстая золотая цепь с массивным медальоном, украшенным драгоценными камнями.

— Сэр Ричард...

— Бобик, — сказал я, — пойдем осматривать достопримечательности.

Часть 3

Глава 1

Тостевые покои только называются покоем. Небольшая комнатка, но чистая, уютная, с минимумом необходимой мебели, с большим ложем, застеленным пуховой периной, гора подушек с лебяжьим пухом, удобная подставка для меча: многие предпочитают держать оружие в изголовье.

Я рухнул на постель, покатался пару минут, разбрасывая подушки, показывая, что да, отдыхал, но и в самом деле ощутил усталость в теле. Бобик носился по комнате, все вынюхивал, наконец, забежал с другой стороны ложа и рухнул с таким грохотом, словно упал шкаф.

Заглянула миниатюрная служаночка, миленькая и пухленькая, как сдобная булочка.

— Ваша милость, — спросила она робко, — меня послали, не нужно ли вам чего?

— Например? — спросил я, не поднимаясь с ложа.

— Ну... могу помочь снять сапоги, — предложила она. — В сапогах на постель как-то не совсем... Могу размять спину...

— Ну, разминайся, — разрешил я.

— Нет, вам могу размять.

Я подумал, поинтересовался:

— А собачке моей можешь?

— Собачке? — удивилась она.

Бобик неспешно встал, зевнул, показал жуткую, горящую адским пламенем пасть и длинные саблезубые клыки, пошел к ней, на ходу потягиваясь.

Служанка замерла, а когда Бобик подошел к ней и начал обнюхивать, смертельно побледнела и закрыла глаза. Бобик закончил осмотр, чихнул, а затем, к моему удивлению, лизнул ей пальцы.

Она вздрогнула сильнее:

— Он... что, меня есть будет?

— Нет, — объяснил я, — но с тобой — охотно. Ты на кухне работаешь?

— Сегодня помогала и там...

— Ну вот, — сказал я, — этот толстый кабан сразу понял и уже в друзья напрашиваешься.

Она приоткрыла один глаз, Бобик сидит возле ее ног и смотрит дружелюбно. Перехватив ее взгляд, помахал хвостом. Она судорожно вздохнула:

— Он такой... большой и... суровый!

— А женщины должны быть маленькими и ласковыми, — сообщил я ей новость, — так что все в порядке.

Бобик подставил голову под ее пальцы. Она робко пошевелила ими, Бобик едва не замурлыкал, как самый паршивый кот.

— Господи, Бобик, — сказал я с упреком, — в кого ты превращаешься при нашей легкой жизни? Подхалим...

Она робко улыбнулась:

— Что он любит? Пусть приходит к нам на кухню.

— Ну вот, — сказал я с досадой, — этот жрун уже и полезные контакты установил! Мне бы так. Придется догонять... Ты можешь проводить в зал, где топчутся придворные? Возжаждалось пообщаться с этой солью земли и дворцовой накипью.

Она понимающе кивнула:

— А-а-а, причуда у вас такая?

— Причуда, — согласился я. — Можно даже сказать, дурь. Дурь — это признак породы, поняла? Даже интеллигентности.

Я поднялся, она поспешно отступила, чтобы не вывихнуть шею, глядя мне в лицо. Бобик тоже поднялся и смотрел с ожиданием то на меня, то на служанку.

— Следуйте за мною, ваша милость, — прошелестела она, — если это не покоробит вас.

— Еще чего, — удивился я. — У тебя такой зад! Смотреть одно удовольствие.

Она чуточку улыбнулась:

— У меня не только зад хорош.

— Будет время, — пообещал я, — проверим... Эй ты, прорва ненасытная, пойдем! Но там я тебя оставлю.

Мы прошли через анфиладу помещений для слуг, перед нами раскрыли двери в зал. Разряженные придворные, яркий свет множества свечей, приторный запах воска и благовоний, словом, ничего нового.

Служанка остановилась на пороге.

— Мне дальше нельзя, — прошептала она, — и так я чресчур...

— Ладно, — сказал я, — дальше разберусь. А ты, крокодил безразмернопузый, иди с нею. Предатель!

Служанка затрепетала, однако Бобик умильно смотрел ей в глаза и так усердно махал хвостом, что она прошептала:

— Ой, как страшно, но... ладно. Вот все ахнут!

Они ушли, Бобик забежал вперед и показывал ей дорогу к кухне, а то ползет, как черепаха, к кухне надо не идти, а бежать, мчаться, лететь.

Я проводил их взглядом, но двери за ними закрыли, я повернулся лицом к залу. Там, поверив, что страшная собака не вернется, уже открыто присматривались ко мне, втихомолку перебивали мои косточки. Опережая менее расторопных, ко мне приблизились двое с хитрыми рожами царедворцев, вежливые, галантные, отвесили церемоннейшие

поклоны, долго сметали несуществующую пыль со своих сапог.

— Сэр, — произнес один, — я маркиз Сервиль, счастлив приветствовать нового человека в окружении Его Величества!

— Граф Калантраф, — представился второй. — Да, мне тоже любопытно, каким ветром вас сюда занесло.

Первый посмотрел на него с упреком, потом перевел извиняющийся взгляд на меня:

— Ах, простите моего друга, он привычен больше к сражениям. У него отваги на сотню львов...

Он сделал паузу, чтобы я сам мог добавить: «...а ума на пару ослов», улыбнулся понимающе, эти хитрецы как-то высчитывают, что я не дурак, в то время как лихие рубаки, вроде сэра Растера, искренне считают меня таким же жадателем кровавых подвигов, драк, стычек и сражений.

Я улыбнулся графу Калантрафу:

— Успех одного отважного человека всегда побуждает к рвению и мужеству целое поколение!

Граф Калантраф гордо подбоченился и довольно хохотнул:

— Я вижу, сэр, вы знаете толк в кровавых схватках!

Я удивился:

— А для чего еще стоит жить, как не для кровавых схваток?.. Разве что попировать в промежутках...

Маркиз Сервиль понимающе улыбался, угадывает по малейшим оттенкам интонации, как говорю и с каким чувством, а граф Калантраф захохотал гулко и совсем не придворному, словно стоял посреди поля:

— А если учесть, что счастье всегда на стороне отважного?.. Га-га-га!

Что ум, мелькнуло у меня в черепушке. Умных да подлых много, и становится все больше. Для меня важнее, что отвага не бывает вероломной.

— Мне посчастливилось, — сказал я с поклоном, — что я оказался гостем правителя, который не старается превра-

тить свое доброе имя... в великое. Как поступают, увы, очень многие короли.

Оба поняли каждый по-своему, Калантраф снова довольно захохотал, маркиз тонко улыбнулся.

— Величие, — проговорил он, — это такая вещь... Вы помните знаменитого короля Кецарпа Ужасного?

— Увы, — ответил я и развел руками.

Граф Калантраф тоже пожал плечами.

— А чем он знаменит? — поинтересовался я.

Маркиз снова улыбнулся, на этот раз улыбочка показалась мне ехидной.

— О, это был такой великий король!.. По-настоящему могучий, грозный и ужасный... Настолько, что и сегодня о нем рассказывают один анекдот.

— А, — сказал я понимающе, — это немало. Но я ничего с собой не поделаю: по мне лучше голая девушка, чем голый король. Хотя теперь, будучи гроссграфом, я должен стремиться познавать именно королев, все-таки с ними придется вести переговоры.

Маркиз моментально оживился:

— Да-да, мы слышали, но не поверили сразу... Как это лорды решились?

Я ответил скромно:

— Когда такой человек подворачивается, как отказаться?

Он умолк, сказал сдержаннее:

— Ну да, ну да...

— ...человек, — договорил я, — у которого ни кола, ни двора, ни связей...

Пока Калантраф старался понять, к чему я это сказал, маркиз сразу расцвел и сказал с подъемом:

— Компромисс!.. Понятно!

— Что такое компромисс? — проворчал Калантраф. — Слова-то у вас какие...

— Компромисс, — объяснил маркиз словоохотливо, — единственный случай, когда две половины меньше, чем це-

дое. Математически невозможно, но жизнь не математика. Знаете, сэр Ричард, я почему-то в самом деле рад, что Армландию начинаете объединять именно вы.

— Я тоже рад, — сказал граф Калантраф громогласно. — Объединять земли можно только железом и кровью. Сэр Ричард как раз из тех, кто не будет долго размышлять, как это делать.

— Да, — согласился я с ним. — Зачем размышлять?

Он захохотал:

— Ну да, когда все и так ясно?

Маркиз посмотрел по сторонам:

— А что, если мы переместимся в соседний зал? Там накрыты столы...

— Если сэр Ричард не против, — откликнулся граф со слоновьей деликатностью.

Я тоже хохотнул:

— Если нет драки, то хотя бы пир!

Мы перешли в соседний зал — за столами пируют как придворные, так и послы, как я понимаю. Слуги сразу устремились к нам, граф заказал какое-то особое вино, на вкус оказалось в самом деле восхитительным, мы пили и ели, маркиз продолжал выпрашивать меня мило и ненавязчиво, но весьма цепко, я тоже улыбался, отвечал, и не знаю, что узнали они, но я через четверть часа составил очень подробное описание королевства, как географии, так и экономики, добычи природных ископаемых, разведения овец и прочего мелкого и крупного рогатого, рудников и охотничьих угодий.

В дверном проеме появился сановник, к нему подбежали слуги, он отстранил их нетерпеливым жестом, его цепкий взгляд пробежал по пирующим. Один из тех, вспомнил я, что стоял рядом с королем. Похоже, и сейчас он не столько сам по себе, как по поручению короля...

Я не поднимал головы, очень уж занят этой бараньей ногой, сановник наконец выловил нас взглядом, я чувство-

вал, как он идет между столами, затем за спиной прозвучал исполненный доброжелательности и прямо-таки благорасположения голос:

— Сэр Ричард, здесь столько красивых женщин... а вы всего лишь с сэром Сервилем и сэром Калантрафом!

Мы привстали, поприветствовали, Калантраф сразу же пригласил его за стол, сановник сел, мы тоже опустились на свои места.

Я осмотрел зал, в самом деле женских платьев не меньше, чем мужских, ответил с поклоном:

— Как вы глубоко правы, сэр... сэр?

— Сэр Эбервиль, — подсказал сановник. — Простите, сэр Ричард, я так привык, что меня все знают...

— Как вы глубоко правы, сэр Эбервиль, — сказал я, — сколько красивых... Вообще-то я обожаю женщин, только терпеть не могу их общества.

Он засмеялся:

— Хороший ответ, надо запомнить. Я вам не говорил, что впервые вижу грессграфа? Правда, такого титула не было в этих краях лет двести. Как вам на таком высоком пьедестале?

— Пьедестал возвышает, — согласился я, — но не дает развернуться.

Граф Калантраф хохотнул, маркиз посмотрел на меня остро. Сановник покачал головой.

— Да? Но вы, по слухам, все-таки сумели. Чтоб своевольные лорды Армлиандии признали чью-то власть над собой... даже не знаю, что нужно было сделать! Как вам удалось?

Я поклонился и ответил с легкой улыбкой:

— Общество изобрело три способа держать людей в рабстве: насилие, деньги и свобода.

Он вскинул брови, в глазах безмерное удивление:

— Сэр Ричард! Вы серьезно?

— Как никогда более, — заверил я.

— Но как... свобода... может...

— Это самые тяжкие оковы, — сообщил я таинственным шепотом. — Как для людей знатных, так и для последних простолюдинов.

Он выглядел озадаченным, как и мои друзья за столом, задумался, брови сдвинулись, проговорил нерешительно:

— Знаете ли, как-нибудь расскажите на досуге, хорошо? Это моя работа — выжимать из подданных налоги, но всегда опасно переходить некую грань... ну, вы понимаете.

— Еще бы, — согласился я. — В том-то и фишка, чтобы человек добровольно самовыжимался! Так всегда можно выдавить последние соки. Это называется демократией.

Он задумался, а взгляд, который бросил на меня, был странным.

— Наверное, — проговорил он нерешительно, — у вас очень мудрые советники...

Я спохватился, что-то я разошелся, усы и борода вот-вот совсем отклеятся, самодовольно улыбнулся и ответил жирным голосом:

— Вообще-то, в основном, это они все и делают. Не рыцарское это дело — хозяйством заниматься! Просто память у меня хорошая.

Он с облегчением вздохнул:

— Фу-у-у... а то я уж такое начал думать! Да, мудрые у вас советники. Я рад, что отношения между нашими королевствами станут теснее... Кстати, Его Величество закончил большой прием. Теперь можно и...

— ...расслабиться?

Он вскинул брови, обдумывая новое слово, посмотрел на меня несколько странно, словно я предложил расслабить сфинктер.

— Нет, теперь очередь малых приемов. Он послал меня, чтобы я чуть погодя привел вас.

— Чуть погодя — это сколько?

Он усмехнулся:

— Уже прошло. Пойдемте. Заканчивайте пир без нас, сэр Калантраф и сэр Сервиль! Еще увидимся.

— Вы прямо к Роджеру? — спросил маркиз.

— Да, — ответил сэр Эбервиль.

Мы покинули стол, я подумал с усмешкой, что это мы все сэры, а вот королей и слуг называют по имени, а не по фамилии. И без всяких титулов. Две, так сказать, крайние ступени общественной лестницы.

Сэр Эбервиль вел меня через залы, ему кланялись, он отвечал разнокалиберными поклонами: от небрежного кивка до поясного, кому-то вообще не отвечал, с кем-то перекинулся понимающими взглядами, двоим вообще бросил пару непонятных мне, но понятных им слов.

Я подумал невольно, что короли знают о делах своих министров не больше, чем рога носцы о делах своих жен. Хотя, впрочем, если в целом все выигрывают, то почему нет?

Глава 2

В небольшом, но роскошном кабинете Роджер... нет, все-таки язык не поворачивается его так называть, хоть это и правильно, — восседал в огромном кресле, подложив по бокам и под спину подушки, уже без короны. Расшитый золотом королевский камзол сменил на некое подобие толстого домашнего халата, теплого и уютного.

Перед ним низкий столик, на широких тарелках пироги, медовые соты, желтые куски кристаллического сахара.

Я с порога отвесил учтивый поклон, Роджер Найтингейл сделал широкий жест, попутно указав на скамью по другую сторону стола.

— Садитесь, сэр Ричард. Надеюсь, вы не против, что поговорим вот так?.. Сэр Эбервиль, вы тоже садитесь.

— Помилуйте, — воскликнул я. — Конечно же, королю столь мудрому и зрящему всех насквозь, вовсе не требуются толпы советников! Сэра Эбервиля вполне достаточно.

Король усмехнулся, его прищуренные глаза зорко наблюдали, как я сел, поза многое говорит о человеке, какой держу морду лица, ведь если я рискнул лично явиться на переговоры, то мню себя великим дипломатом...

Эбервилл присел в сторонке настороженный и осторожный, стараясь не привлекать к себе внимания.

— Итак, сэр Ричард...

Я сидел, выпрямив спину, подчеркивая, что я молод и не имею права разваливаться в кресле перед старшим, смотрел твердо, но почтительно.

— Итак, сэр Ричард, — проговорил король Роджер задумчиво, — вы прибыли как гроссграф Армландии. По дороге вы где-то поймали рыбу святого Икариуса... о которой все слышаны, но никто не видел. Каждая чешуйка этой рыбы — сокровище! Не говорю уже обо всем остальном. Вы так богаты или... это незнание?

Я поколебался, очень хочется снова соврать в том же духе, что у нас это вроде селедки или вообще килька, но король явно поумнее стражников, я развел руками:

— Ваше Величество, я слишком занят был стяжанием боевых подвигов.

— И не знали про эту рыбу?

Я покачал головой:

— Я же рыцарь, Ваше Величество. Мое дело — воинские подвиги. А теперь вот еще и защита рубежей. Я прост и благороден, потому хочу сразу понять: с кем дружить, с кем придется воевать.

Он кивнул, глаза продолжали изучать мое лицо.

— А что вы предпочитаете сами?

Я произнес твердо:

— Ваше Величество, скажу откровенно, я хотел бы безопасности на границах Армландии, стабильности внутри и процветания торговли.

— А подвиги?

— Подвиги, — ответил я, посмотрев ему в глаза предельно честным взглядом, — благороднее стяжать, ратобор-

ствуя с исчадиями. Один только Орочий Лес даже не знаю, как чистить будем! Но — надо. Не говорю уже, что вся Армландия в таких местах, куда люди страшатся совать нос. А это ущемляет мое как рыцарское, так и гроссграфье достоинство.

Он кивнул:

— Естественное желание, сэр Ричард. Правда... — Он замялся, рассматривая меня со всем вниманием.

— Что, Ваше Величество? — спросил я настороженно.

— А где заверения в желании железом и кровью укрепить Армландию и продолжить завоевания?

Я отмахнулся как можно небрежнее:

— Ах, Ваше Величество, что упоминать о таких пустяках? Надо будет, прибегнем и к силовым вариантам. Но гораздо важнее укрепить экономическую составляющую.

Эбервиль молча поглядывал то на короля, то на меня, но помалкивал. Пока разговор течет плавно, затычка не требуется.

Король улыбнулся:

— Пустяки? Странно слышать такое от полного сил рыцаря, чьи размеры просто поражают. Да и то, как вы проехали через Орочий Лес...

— В одиночку, — подсказал сэр Эбервиль.

— Да-да, в одиночку, — повторил король. — Мне уже сказали, что ваш конь... гм...

— Непрост, — подсказал Эбервиль.

— Да-да, — снова повторил король, — очень непрост. Мне сказали, что он, возможно, из Древних Коней, а они, считалось, исчезли. Адский Пес тоже служит вам... Что еще нужно для молодого героя, как не совершать подвиги?

— Да я такой герой, — признался я, — что очень хорош на мягком диване.

Они засмеялись, король предположил:

— Тогда... женщины?

Я покачал головой:

— Это радости простолюдина.

А Эбервиль сказал многозначительно:

— Это же сэр Ричард, Ваше Величество!

— Да-да, — сказал король, словно вспомнив нечто важное. — Помню-помню. Сэр Ричард, я слышал, что вы весьма строги в отношении женщин. И вообще в вопросах брака.

Когда это он такое слышал, мелькнуло у меня ошарашенное. Впервые же видит, а в Армландии я появился недавно. Обо мне слухи не прошли даже по моим территориям, а уж чтоб за пределы...

— В каком смысле? — спросил я настороженно.

— Обычно, — произнес он с понимающей улыбкой, — у правителя настолько велик выбор невест, что либо не может устоять перед соблазном легкой и доступной похоти, либо использует свои возможности как способ укрепить свое положение. Редкий король в нашем мире имеет одну жену... Или был женат лишь однажды.

Мозг мой разогрелся, стараясь в кратчайший срок решить загадку: король что-то обо мне знает! Но — как, откуда? Сейчас смотрит на меня так, словно видит насквозь. И знает, что я все еще не женат. А в нашем мире это не только неестественно, но даже как бы предосудительно, ибо Господь велел плодиться и размножаться. А кто этого не делает, как бы вне Божьего промысла.

В свое время, приняв слова Завета слишком буквально, Соломон и князь Владимир имели по девятьсот с чем-то жен. Это язычники, что с них взять, но и христианские государи, начиная с Карла Великого, который за короткий период времени сменил шесть жен, с каждой приобретая какие-то области стратегического значения, пользовались женитьбой, как средством приращения земель без войн.

Но важнее иное страшное событие: однажды по Европе прокатилась ужасающая Тридцатилетняя война... Ага, память услужливо подсказывает даже дату: с тысяча шестьсот восемнадцатого по тысяча шестьсот сорок восьмой год, когда Европа буквально опустела. Поля заросли сорной тра-

вой, потом кустарником и лесом, в пыль обратились не только села, но и почти все города. И тогда во многих немецких землях католическая и протестантская церкви решили уцелевшим многоженство сроком на пятнадцать лет для восполнения населения.

Нет, подсказала память, не просто опустошительная война, что обескровила Европу, но и ужасающая по размаху чума. Вместе они едва не уничтожили всю европейскую цивилизацию. И если бы не это мудрое отступление от христианских заповедей моногамии...

Кстати, хотя папа изначально ограничил действие закона пятнадцатью годами, но этот период длился дольше, а в отдельных землях, где ощущался недостаток народонаселения, растянулся почти на столетие. Вообще христианство демонстрирует поразительную практичность: в нем нет той красивой глупости вроде римской «Да свершится правосудие, пусть даже погибнет мир!». Нет уж, этот мир создан Господом, его надо хранить и беречь, как и человека, кстати. Его тоже создал Господь, если кто забыл.

И вообще обычай тетравленда возник по той же необходимости общества: при всех войнах и конфликтах женщин должны спасать первыми, как с тонущего корабля. Если в сражении погибает муж, то жена автоматически переходит к победителю. На нее может заявить права младший брат погибшего, но правообладателем на вдову является победитель: может отдать, а может и оставить себе. Закон больше на стороне убийцы мужа, хотя никто его так не называет, и опять же чистый прагматизм просматривается в каждом слове закона о тетравленде: победитель явно сильнее, могущественнее и потому лучше позаботится о потерявшей мужа женщине. А если у женщины появятся от него дети, то это будут более сильные и более здоровые дети.

Вошли слуги, неслышно ступая, расставили на столе золотые кубки, чаши и сласти на широком блюде. Я уже совладал с собой: придет время — разберемся, что именно и откуда обо мне здесь знают так много, взял в руку кубок и ог-

лядел его со всех сторон с восхищенной улыбкой на лице, чтобы сделать королю приятное.

Он все еще наблюдал за мной с доброй понимающей улыбкой. Я поколебался, но король выглядит человеком не только в годах, но и кое-что приобретшим за эти прожитые годы, я опустил кубок на стол и прямо взглянул королю в глаза.

— Очень изящная работа... В вашем королевстве живут искусные ювелиры, Ваше Величество... Да, сердце требует одной женщины, чувства — многих, тщеславие — всех. Но я не настолько тщеславен, Ваше Величество. Пытаясь охватить всех женщин, можно запустить все дела гроссграфьи. А я, говоря честно, свое гроссграфство ставлю выше обладания женщинами.

— Но вы же...

Я кивнул:

— Да, вы правы. Это я отвечаю на ваш немой вопрос. Две-три жены для нормального мужчины — это совсем немного.

Он развел руками:

— Гм, ну если так...

— И в то же время, — уточнил я, — коррективы вносит мое... гм... паладинство.

Его лицо посуровело, глаза чуть сузились. Мне на миг почудилось, что смотрит враждебно, но сообразил, что король просто рассматривает меня по-новому, стараясь увидеть во мне ту паладинность, которой отличаемся от просто рыцарей, которые сами по себе соль земли.

— Для меня, — сказал я, — как в той песне, что поют в моем королевстве: сначала думай о Родине, потом — о себе. Паладин думает сперва о Боге, а о бабах — потом. Хотя, понятно, любой нормальный мужчина думает не только сперва о бабах, но и все время о бабах.

Он чуть улыбнулся уголком губ, но глаза оставались серьезными. Теперь мне почудилось, что смотрит с некоторой печалью.

— Государи, — произнес он с сочувствием, — не только о бабах. А если о бабах, то обязательно прикидывают: что это даст королевству — новые земли, союз или доступ к новым источникам сбыта.

Я кивнул:

— Тогда вы лучше понимаете мое положение.

Он покачал головой:

— Но королями двигают более земные выгоды. А что двигает вами, сэр Ричард?

— Паладинность, — ответил я.

— Гм... тогда с другого конца: лично для вас она в чем?

— В поисках, — ответил я. — В поисках Святого Грааля. Правда, не той зримой чаши, которую можно потрогать, а некого духовного Грааля, из которого могу испить чего-то более святого, чем...

Я загнулся, он смотрел внимательно.

— Чем что?

Я развел руками:

— Не знаю еще. Дело в том, Ваше Величество, что простых радостей я ужрался, считай, с детства. У нас так усиленно все убеждали: школа, родители, воспитатели, соседи, все общество — что нужно совокупляться, совокупляться и как можно больше совокупляться, и тогда, дескать, все проблемы и беды отступят, жить станет легко и приятно. Такое радуется только в первые пару лет после созревания, а потом настолько пересовокупляешься, что тошнит, если человек, а не животное!.. Не всех, конечно. Большинство так и остаются... только совокупляющимися, но крохотной части населения этого мало. Одни всю энергию бросают на достижение власти, влияния, расширение ареала... но это тоже на самом деле служит далеко не святому делу совокупления: достигнув власти, человек получает доступ к тем женщинам, что были раньше ему не по карману или не по рангу.

Он налил мне и себе в опустевшие кубки вина, показы-

вая, что он не король, а просто собеседник за столом с добрым вином и изысканными сладостями.

— И что вы нашли, сэр Ричард?

Я развел руками:

— Если бы я нашел!

Он грустно улыбнулся:

— Люди всю жизнь ищут то, что вы только начали искать, сэр Ричард.

— Я не только начал, — возразил я. — Уже год ищу...

В его мудрых глазах была ласковая насмешка.

— Тысячи лет ищут, сэр Ричард. Все верно. У простолюдинов на уме только бабы, у рыцарей все то же самое, только немного изысканнее и одухотвореннее. Они обставляют совокupление такими ритуалами, что и до совокupления зачастую дело не доходит, а замыкается в рамках возвышенной любви. На самом деле прекрасные дамы не настолько прекрасные, какими мы их рисуем в рыцарских мечтах, но... любому человеку, кроме простолюдинов, надо что-то выше, чем просто совокupление.

Я кивнул:

— Наверное, надо и простолюдинам, но те даже не пытаются. Рыцари хотя бы нашли выход в одухотворении баб, назвав их ледями и прекрасными дамами...

— А паладины?

— Мне баб мало, — ответил я честно. — Как ни называй их, все равно абсолютное большинство — просто бабы. Попадают действительно одухотворенные экземпляры, им в самом деле стоит служить, но паладину такого служения мало. Все-таки для мужчины должно быть нечто повыше, чем даже самая прекрасная на свете женщина. Если брать по высшему счету, то и для женщины должно быть нечто выше, чем любовь к мужчине, но к такой идее мы еще не готовы...

Он в самом деле удивился так, что откинулся на спинку кресла и смотрел с недоумением.

— Для женщины?

Я криво улыбнулся:

— Дикая мысль? Ладно, оставим ее...

В сердце кольнуло, перед глазами на миг встал образ леди Беатрисы, что так отчаянно сражалась за свое «я», за право жить по-своему, не попадать в зависимость от мужчины, даже от любимого, за право иметь «свое дело», а не только быть тенью супруга.

В дверь деликатно постучали. Король взял серебряный колокольчик из углубления в подлокотнике кресла, легкий звон прошелестел по залу. Дверь приоткрылась, я увидел седую голову одного из сановников.

— Ваше Величество, — произнес он торопливо, — умоляю простить меня, что прервал вашу беседу, но там посол из Ависсы. Он хотел бы успеть решить свой вопрос. Через неделю обещают тучи с Севера, снег и здесь завалит все дороги...

Король прервал его нетерпеливым жестом:

— Мы уже заканчиваем. Скажи, через полчаса приму.

— Спасибо, Ваше Величество! Еще раз извините.

Дверь за ним захлопнулась, король повернулся ко мне, я отвесил легкий поклон.

— Возвращаясь к нашим баранам, Ваше Величество, напоминаю, у вас на выданье дочь, прелестная леди Франка. Я наслышан о ней, ее красоте и достоинствах от ваших придворных, что почтили меня своей приятной беседой в одном из ваших прекрасных залов. Но главное, конечно же, что этим браком скрепим наши добрососедские взаимоотношения.

Он слушал внимательно, ничуть не удивившись ни такому неожиданному предложению, это можно было предположить, как только я переступил порог дворца, ни предельно деловой форме сватовства.

— Сэр Ричард, — проговорил он медленно, — это так внезапно, что я просто не знаю, что и сказать...

— Да просто скажите «да», — предложил я бодро.

— У моей дочери столько женихов...

Если насчет того, что не знает, что и сказать, — соврал, то насчет множества женихов — все верно, хотя такую дурь понять трудно. Разве что христовы воины не ищут легких дорог и стараются идти через трудности?

— Знаю, — сообщил я, — но, Ваше Величество, вы знаете этих женихов достаточно хорошо. В основном это сынки родовитых родителей. Скорее всего, женившись, проживут мирно и счастливо. Даже на турниры выезжать не будут из-за лени. С другой стороны — я, темная лошадка.

— Кто-кто?

— Джокер, — пояснил я, но, сообразив, что Его Величеству и это не совсем ясно, сказал: — Я пришел из дальних стран и захватил власть над большей частью Армландии.

Он сказал осторожно:

— Я слышал, что уже вся у вас в руках.

— Вся, — подтвердил я. — Но это я так, на всякий случай. Сильные могут позволить себе такую роскошь. В смысле, преуменьшить свои силы. Вы наверняка слышали, что ряд неприступных замков я взял, как бы круче похвастать, — легко!.. Возможно, во мне дремлет Атилл или Чингисхан, так что счастливые женихи могут спать спокойно лишь до тех пор, пока копыта моего коня не прогремчат по дворам их замков! Вы ведь мудрый правитель, я просто наслаждался беседой с вами, я ж тоже мудрый и уже усек, что вы, типа, рубите в ситуации... Ну, типа, что лучше: отдать дочь за родовитого или за сильного?

Он молчал, я видел в его глазах вопрос: а сильный ли ты, сэр Ричард? Достаточно ли сильный, чтобы удержать то, что захватил? Или то, что случайно упало тебе в руки?

Я щелкнул пальцами. Вспыхнул зловеще-красный свет, багровый демон возник в двух шагах от стола. От него словно струилось пламя ада, весь он кажется раскаленным слитком железа, что для меня, конечно, уже привычно. Король застыл, сразу побелел, а я сказал небрежно:

— Скажи, в этом замке никто не замышляет на меня покушения?

Выждав пару мгновений, словно выслушивал подробный ответ, я кивнул:

— Хорошо, хорошо. Но ты присматривай, оставаясь незримым. И заодно подготовь армию демонов, чтоб их потом долго не собирать... Ясно?.. Да, это подойдет... Нет, лучше десятка два огнедышащих драконов, а огры пойдут после... Если понадобятся, конечно. Хорошо, ты свободен.

Демон исчез, я улыбнулся извиняюще:

— Простите, Ваше Величество, просто необходимо было еще с утра отдать кое-какие распоряжения, но я так торопился встретиться с вами, что все позабыл. Еще раз простите, я еще новичок в государственных делах! Часто что-то вообще путаю. Собираешься, бывало, сказать «драсте», а скажешь такое... Буду рассчитывать на ваш мудрый совет в будущем! Все-таки тесть и зять — это не совсем то, что зять и теща.

Он с трудом перевел дыхание, к бледному лицу стал возвращаться прежний цвет.

— Сэр Ричард... все же ваше предложение столь неожиданно, что я должен посоветоваться с дочерью. Уверен, она все поймет и предпочтет именно вас.

Он встал, я тоже вскочил со всей поспешностью, после демонстрации силы важно не перегибать палку, а выказывать всевозможное почтение.

— Я счастлив беседе с вами, Ваше Величество!.. А теперь позвольте откланяться.

Он величественно наклонил голову:

— Позволяю. Жаль, что наша столь приятная беседа была такой непродолжительной.

— А мне как жаль, — ответил я с тем же лицемерием. — Я, по сути, так и не привел еще в порядок свою одежду. Буду счастлив продолжить беседу, как только сочтете это возможным.

Глава 3

Я раскланивался, шаркал поочередно обеими ногами, забыв, какой правильнее, но ничего, вдруг я не той ориентации... в смысле — левша, в это время открылась дверь, порог переступила в сопровождении камеристки высокая девушка с затейливой прической из золотых волос, яркое синее платье опускается до пола, пояс на узкой талии блещет золотыми бляшками, у туфелек вижу только острые носки. Я учтиво поклонился и окинул ее взглядом собственника, внимательно осмотрев грудь, бедра, снова грудь, а затем перевел взгляд на полные губы.

Она холодно смотрела в упор, не отводя взгляда. Глаза цвета мореного дуба, ресницы длинные, нос прямой, хороша, но выражение лица не совсем уж приветливое.

Пока я оценивающе рассматривал ее, она подошла ближе, и я понял, что промахнулся, посчитав ее рослой. Когда остановилась в двух шагах, я понял, что ниже меня на полголовы, что, впрочем, не так уж и много, я уже привык смотреть поверх и мужских голов. Сложенная безукоризненно, очень женственная, и в то же время со строгостью движений школьной учительницы. Аккуратно собранные в высокую прическу волосы перевиты голубыми лентами, создавая видимость головного убора.

Лицо хорошо и умело вылеплено, строгий разлет бровей, внимательные глаза и королевская осанка.

Король сказал торопливо, но в голосе я уловил нежность:

— Дорогая Франка, это гроссграф Армландии! Доблестный сэр Ричард.

Я гордо улыбнулся, выпятил грудь и всем своим видом постарался показать, что не просто доблестный, а доблестнейший, и что вообще я что-то. Франка посмотрела на меня кисло, но выдавила улыбку и произнесла ровным голосом:

— Добро пожаловать, сэр Ричард. Надеюсь, вам у нас понравится.

— И я надеюсь, — ответил я и многозначительно посмотрел на ее грудь. — Я даже уверен, что мне понравится.

На ее щеках проступил легкий румянец, совсем легкий, глаза сверкнули неожиданно дико, но проговорила все так же ровно и благосклонно:

— В нашем королевстве всех принимают хорошо, сэр...

— Сэр Ричард, — подсказал я. — Можно даже «доблестнейший сэр Ричард», «благороднейший сэр Ричард», «куртуазейший»...

Она спросила с сомнением:

— Куртуазейший... это тоже вы?

— А кто ж ищшо? — удивился я. — Я знаю, как с ледями разговаривать, га-га-га!..

Она села рядом с отцом. Тот вздохнул и сказал через силу:

— Дорогая, сэр Ричард предлагает нам дружбу и взаимопомощь. Армландия наконец-то объединяется, а это очень большая мощь. Мы остро заинтересованы, чтобы с Армландией у нас был мир. По возможности — дружба.

Она возразила:

— Отец, между нами и землями Армландии, к счастью, непроходимый Орочий Лес! Так что Армландии фактически не существует для нас.

— Сэр Ричард прошел этот Лес, — ответил король со вздохом. — В одиночку. Я чувствую, что с его силой и... теми силами, которые ему подчинены, он вообще очистит его от орков... и всего, что там.

Она посмотрела на меня с сомнением:

— Даже так?

Король кивнул:

— Мне так кажется.

— Папа, ты мудр, но на этот раз это слишком смелое допущение.

— Ох, Франка, я уже успеть малость понять сэра Ричарда. Он очистит Лес, если... захочет.

— Очистит ли?

Найтингейл перевел взгляд на меня, я ответил серьезно:

— Лес, хоть и разделяет наши земли, но почти целиком в Армландии. Я чувствую себя оскорбленным, что на моих землях хоть где-то не имею полной власти!

Он посмотрел на дочь:

— Вот видишь? Сэр Ричард обязательно займется Орочьим Лесом. Обязательно! Любой ценой. И наши земли не будут разделять ничто. Даже речушки...

Она посерьезнела, понимает, что все начинается с невинных споров о приграничных землях. Дальше идут оскорбленное достоинство, задетая честь, кровное оскорбление, что может быть смыто только кровью.

— Но если сэр Ричард, — ответила она тем же контролируемым голосом, — предлагает тебе мир и дружбу... разве можно не принять?

Я видел в ее глазах понятную тревогу. Она инстинктивно приблизилась к отцу, я чувствовал их общность, привязанность и взаимное тепло, что вообще-то редкость между родителями и детьми.

Найтингейл посматривал на дочь с любовью и жалостью. Она вздрогнула, когда он произнес:

— Сэр Ричард просит твоей руки.

Она прикусила губу, хотя такое не должно быть неожиданностью, я не первый, кто прикидывает, как укрепить положение с помощью удачной женитьбы. И прекрасно знает, что ее отец при всей любви к ней тоже смотрит на нее, как на ценность, которую надо продать как можно выгоднее. За прочный союз с сильным лордом, за выгодные договора, за доступ к морю, которого пока нет... или к ценным рудникам.

Я смотрел на нее с бесстыдной улыбкой. Король повернулся ко мне всем корпусом.

— Сэр Ричард...

— Да, Ваше Величество?

— Думаю, вам следует попозже поговорить с моей дочерью на эту щекотливую тему. Возможно, вы сами передумаете.

Я изумился.

— Я? Да краше вашей дочери я даже не знаю... разве что одну козу видел в лесу с золотыми рожками. Не лес с рожками, а коза — вся из себя, глаза вот такие, а ноги, ноги!.. Думаю, Ваше Величество, что и ваша дочь от меня в восторге... Позвольте, Ваше Высочество, предложить вам мою мужественную длань? Я куртуазно имею в виду, что вы заглянули сюда не вовремя: Его Величество сейчас готовится принять наедине посла из Ависсы для сепаратных переговоров. Так что нас выставляют обоих...

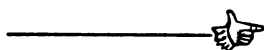
Она поднялась, сделав вид, что коснулась моей куртуазно согнутой руки длинными изящными пальчиками. Сэр Эбервиль, наконец-то пошевелившись, забежал вперед и распахнул перед нами двери.

В коридоре уже переминаются с ноги на ногу двое пышно одетых вельмож: с грубыми обветренными лицами и глазами пройдох. Третий, молодой рыцарь, бледный и с красивым удлинённым лицом, стоит смиренно, глаза, как у моего коня: грустные и с длинными ресницами. Я поклонился, вельможи ответили с небрежностью придворных высокого ранга, которым постоянно кланяются. Рыцарь поклонился со всей учтивостью благородного человека к такому же благородному, а на леди Франку посмотрел жадно и тоскующе.

Она бросила ему беглый взгляд, в котором я прочел: не сейчас. Поговорим потом. А пока иди к королю.

Камеристка шла за нами, но не по пятам, к счастью, а так, чтобы все видеть. Ведь главное не то, что молодые люди говорят друг другу, а чтоб самец лапы держал при себе. Я косился на строгое лицо леди Франки, смотрит прямо перед собой, а когда заговорила, не повела в мою сторону даже бровью:

— Итак, сэр Ричард...

— Это я, — сказал я довольно. — Правда, красивое имя?.. Как раз по мне! Я когда вижу себя в зеркало, могу и на обед опоздать, хотя пожрать люблю. Какой красавец удался, надо же!

Она поморщилась:

— Да-да, конечно. Вы вот так и приехали, намереваясь просить у моего отца моей руки?

— Ну дык я ж сказал!

— Странно, — произнесла она холодно, — вы даже не видели меня.

Я удивился:

— А на фига? В смысле, на... ну да, зачем? Все женщины одинаковы.

— В самом деле?

Он нее повеяло холодом. Я сказал торопливо:

— Я не хотел обидеть, правда! Мужчины тоже все одинаковы. Да и вообще это все такая ерунда.

— Что именно?

— Женитьба, замужество...

— Так зачем же это вам?

Я спросил еще удивленнее:

— Леди Франка, не прикидывайтесь дурочкой, чтобы понравиться мне еще больше! Вы и так нравитесь. А то подумаю, что цену нагоняете... Она и так, ваша цена, возрас- тала не оттого, что вы подкрутили ресницы, а то и сделали их как-то длиннее, а благодаря удачному лету. И пшеницы в Шателлене уродилось вдвое больше, чем в Турнедо, и барон Ральф, что на границе с Турнедо, решил принести клятву верности вашему отцу. Даже если у вас ноги кривые, цена на такую невесту не упадет!

Она не повела бровью, сама все знает, идет ровная и надменная, обливает меня презрением с головы до ног, а иногда и вовсе макает мордой в коричневое.

— А что двигало вами, — спросила она с прежним холодком, — сэр Ричард, когда изволили возжелать меня в жены?

Я пожал плечами:

— Леди, разве это секрет? Я не отличаюсь в этом от всех мужчин. Хотя... вообще-то отличаюсь, я же красавец и весь из себя, ну вы понимаете, а так вообще-то двигатель общемировой.

— То есть?

— Коллекционирование, — объяснил я любезно.

Она вскинула брови, еще не понимая, только начиная чувствовать далеко упрятанное оскорбление, в глазах вспыхнули опасные для меня искорки.

— Объясните, сэр Ричард, — попросила она слишком любезно, чтобы это было искренним. — Я не все мужские грубости знаю.

Я подкрутил воображаемый ус, приосанился.

— Для чего живут мужчины, — сказал я лихо, — как не для битв и славной гибели? А в битвах помимо славы и чести еще немаловажен лут и друп.

— Что? — переспросила она в недоумении.

Я с некоторой неловкостью улыбнулся, отвесил церемонный поклон и широко развел руками.

— Это эвфемизм, — объяснил я. — Простые люди называют это мародерством, но мы, одухотворенные и возвышенные, должны избегать низких и приземленных слов, не так ли? Словом, что удастся содрать с трупа противника — это лут. Ясно? А что с него выбили, пока дрались, — это друп. Как просто, да? А что удастся захватить в его лагере или замке — приз. Вот вы — приз! Сразу скажу — достаточно ценный. Даже не знаю, с чем и сравнить... Разве что с Йоркширской Свиньей...

Она вздрогнула, проглотила уже подготовленные слова, спросила злым голосом:

— Это что еще...

— За Свинья? — закончил вопрос за нее я, так как она закашлялась от великого возмущения. — О, леди, это такой приз! О нем мечтают все рыцари Подхребетья. Если ее добыть, то ее печень добавит съевшему второе силы, грудная

мышца — мужества, сухожилия ног — скорости и неутомимости, а мозги, естественно, ума.

Она смерила меня ненавидящим взглядом:

— Думаю, сэр Ричард, вам надо съесть стадо таких сви-ней.

Я развел руками:

— Увы, я уж подумываю, не перестать ли есть свиней вообще... Слишком умен. И вообще их мясо близко к чело-вечине. Говорят, можно пересаживать сердце или печень сви-ньи человеку, он и не заметит разницы!

Она спросила саркастически:

— Так о чем вам волноваться?

— Я осторожный, — объяснил я. — Телятину или куря-тину ем — все перерабатывается, а когда свинину — она ус-ваивается. Чуете разницу? То есть где-то и в чем-то из-за слишком большой похожести частички свиного мяса про-сто заменяют человеческие. Это, конечно, хорошо, потому что организм заменяет больное здоровым, молодец, стара-ется, как может...

Она повторила чуть неувереннее:

— Так что вас волнует?

— Да вот то, — объяснил я, — что потихоньку и неза-метно происходит мутация. Человек превращается в сви-нью, а рыцарь — в кабана. Я как вспомню морды ваших придворных, посмотрелся в зале, так и вижу, что все они просто обожают жареную свинину! И жрут, жрут, жрут...

Она закусила губу, глаза метали молнии, но я чувство-вал, как в ее мозгу проскакивают лица сановников, вель-мож, приближенных рыцарей, советников, и пока не нахо-дит мне достойной отповеди.

Я ждал, наконец, она прошипела зло:

— Значит, я для вас просто лут! Или, как его, дроп?

— Приз, — поправил я почтительно. — Лут — это когда что-то снимаешь с убитого противника, а мне не кажется, что вы на ком-то повиснете так, что надо будет отдирать.

Она прошипела:

— И на том спасибо.

— Рад сказать приятственное, — обрадовался я. — Меня медом не корми — дай брякнуть женщине что-нить эдакое! Ну, вы меня понимаете.

— Не понимаю, — отрезала она. — Мне отец уже сказал, что вы хотите взять меня в жены. Мне показалось, что вам это лишнее...

— Почему?

— У вас есть выход к границам Турнедо, — объяснила она, — есть и к границам с Фоссано. Вам бы справиться с тем, чего нахпали, а большего не удержите.

Я кивнул, не дура, понимает, хотя снова кольнула острая мысль: откуда все знает, но заулыбался и сказал жирным голосом:

— Леди Франка, вы меня обижаете... А как же приз сам по себе? Издавна короли отправляли героев, чтобы те добыли им что-то эдакое... чем можно бы похвалиться перед соседними королями. Ну, там олени с золотыми рогами, гусь с золотыми яйцами... простите, уточню: гусыню, что несет золотые яйца, а то хрен как вы поймете меня, простого и неиспорченного, деву с золотыми волосами, Жар-птицу... Курочку Рябу, Сивку-Бурку, меч-кладенец, ишака Бабаяги, деву с золотыми волосами... Амулет Власти, молодильные яблоки, деву с золотыми волосами...

Она прервала язвительно:

— Повторяетесь! Это у вас от частых ударов по голове?

— Увы, — ответил я мирно, — просто за этими девами ушибленные герои отправлялись почему-то чаще, чем за оленями или гусынями. Дурачье! Гусыня, что несет золотые яйца, — разве не ценнее любой золотоволосой, от которой одни неприятности, как видим по истории?... Но, конечно, когда есть и олень, и гусыня — тогда, конечно, можно для полноты коллекции... Кстати, только сейчас подумал, а ведь в самом деле эту золотоволоску заказывали под самый что ни есть конец!.. Во всех, кстати, смыслах. Лучше бы не заказывали! Здоровей бы остались.

Она спросила, прищурившись:

— У вас, как я понимаю, уже есть такая гусыня?

— Чего у меня только нет, — ответил я скромно. — Но я что, похож на дурака, чтобы добывать то, что добывают все?

Она посмотрела на меня с сомнением. Во взгляде я прочел непонимание, с какого перепуга считаю себя умным.

— Престиж короля, — рассуждал я глубокомысленно, — заключается в чем? Правильно, в демонстрации мощи. Ее бывает достаточно, чтобы предотвратить войну. А разумный государь старается войну предотвратить. Вы спросите своего отца, он человек разумный. А престиж выражается в зримых символах, я объясняю доступно?

Она процедила зло:

— Продолжайте, сэр Ричард.

— Зримые символы начинают работать, — сказал я, — еще когда послы или шпионы под видом купцов подъезжают к королевскому дворцу. Надо, чтобы здание побольше, погрознее, пострашнее... ну как египетские пирамиды, словом.

Она спросила невольно:

— А это еще что?

Я отмахнулся:

— Да так, дурость. Простое нагромождение камней над могилой умершего короля. Просто они работали на престиж. Как-то египетские короли хотели избежать войны с соседним народом и показали их вождям свои сокровищницы. Те вожди пожали плечами и сказали: у нас еще больше, надо только из земли выкопать. Им показали неисчислимую армию, вожди снова фыркнули: когда свистнем, у нас сбежится народу еще больше! Словом, ничем не могли пронять дикарей, пока не показали им пирамиды. Вожди осмотрели, обошли вокруг пирамид, смерили взглядом высоту и тут же признали себя вассалами и согласились платить дань... Словом, вы будете вроде пирамиды.

Она даже охнула, глаза расширились.

— Сэр Ричард...

— Будете производить впечатление, — пояснил я любезно. — Это же видно, что такая женщина может принадлежать только самому могучему властелину. У кого уже и гусь, и олень, и меч-кладенец... Мне стоит вас показать... и сразу каждый понимает: со мной шутки плохи.

Она спросила злым голосом:

— Это как понимать? Вы собираетесь показывать меня избитой? В синяках?

Я отмахнулся:

— Да что вы о таких мелочах? Вы же дочь короля, должны привыкнуть думать о судьбах королевства, его выгоде. Так вот говорю, престиж должен быть зримым: послы въезжают в ворота дворца, их ведут по залам, по залам, по залам... можно даже по одним и тем же, если слуги будут успевать переставлять мебель и зажигать другие свечи, а везде на стенах развешан лут и дроп, по коридору важно ходят гуси, овцы, слышен крик ишака Бабай-аги, над головой хлопают крыльями дивные птицы... И вот, наконец, золотые ворота тронного зала, где король изволит принимать послов!

Она сказала саркастически:

— Не захлебнитесь слюнями, сэр Ричард. У вас такое лицо, словно с детства жрете только свинину.

— Мужественное? — спросил я довольно. — Да, я еще тот вепрь!.. Кстати, на вашем королевском гербе голова кабана!

Она запнулась, поджала губы.

Глава 4

Из королевских покоев вышел маркиз Эбервиль, очень серьезный и сумрачный, запнулся на ходу, увидев нас. Взгляд его; брошенный на меня, показался мне странным, но выучка придворного дала себя знать: растянул губы в приветливой улыбке.

— Сэр Ричард! Позвольте, я отведу вас в ваши покои.

Я отмахнулся:

— Да я помню, это вон туда, потом налево...

— Налево, — передразнил он, — все бы вам самому...
Пойдемте-пойдемте. Вы не представляете, как легко здесь заблудиться! Если, конечно, Ее королевское Высочество не возражает.

Леди Франка сказала торопливо и с заметным облегчением:

— Да-да, покажите сэру Ричарду его место!.. Нет, я не имею в виду то, что мы все подумали, а покажите ему вполне человеческие покои.

Маркиз наклонил голову, пряча улыбку, а я сказал с восхищением:

— Принцесса, я уже вижу, мы поладим!

Маркиз в самом деле добросовестно повел меня в гостевые покои, то ли не уверен, что найду дорогу, то ли присматривает, чтоб ничего не спер по пути: гости бывают разные. Я прикидывал, не слишком ли надавил на короля, мол, заканчивай разговор с очередным женихом и мы продолжим торг, но я же не сказал, что продолжим разговор после его беседы с женихом, а как только он сочтет возможным...

Маркиз Эбервиль поглядывал на меня с опаской, словно слышал все, о чем и как мы говорили с принцессой. Возможно, ему официально разрешено подсматривать, чтобы потом совместно обсудить каждый жест, слова и паузы между словами, опытному человеку говорящие даже больше, чем сами слова.

С другой стороны, когда я пировал с сэром Сервилем и графом Калантрафом, я прислушивался ко всем разговорам, пусть даже говорили на расстоянии четырех столов. И поймал обрывок очень любопытного разговора, на который тогда не обратил внимания, а сейчас вот да... Чем больше прокручиваю подслушанные слова, чем больше склоняюсь к мысли, что у короля Найтингейла есть зеркало, в ко-

тором можно видеть картины земли. Общую сверху, но, похоже, удастся зуммировать так, что пересчитаешь все реснички и родинки на носу. Но... картина плывет сама по себе, управлять низзя. Словом, это как бы потерявший управление спутник на орбите все еще пашет, но остался один и передает только то, что видят его немногие уцелевшие квазиглаза. Возможно, этим и объясняется странная информированность короля Найтингейла о том, кто я и что у меня за повадки.

Нам постоянно попадались стражи, но ни один не оставил, не задал вопроса. Маркиз подвел к двери, отвесил короткий поклон.

— Отдыхайте, сэр Ричард!

— Спасибо, маркиз, — ответил я сдержанно.

Он держался несколько скованно, у меня был импульс спросить, что стряслось, но первое побуждение обычно самое благородное, потому его надо давить, я задавил и, коротко поклонившись на прощание, переступил порог.

В покоях, что не совсем покои, кто-то побывал за это время. Вряд ли понаставили жучков или рылись в вещах, я ведь омnia мэа мэкум порто, в смысле, все свое ношу с собой, так что спишем просто на тщательную уборку со стороны слуг.

Сбросив сапоги, я рухнул на ложе. Так и не удалось встряхнуть усталость после скачки, хотя уже глухая ночь, должен был отойти. Видимо, чересчур промерз, к тому же в седле под ураганным ветром весь световой день...

В дверь постучали. Я отыскал взглядом меч, спросил устало:

— Что случилось?

— В большом зале пир, — крикнули из коридора.

— Спасибо, уже был, — ответил я.

— Как знаете, — ответил голос, — мне просто велено со-

общить. Не так часто Его Величество появляется за общим столом.

Послышались уходящие шаги. Тело просило отдыха, я застонал, но заставил себя встать. По голосу не похоже, что простой стражник, чувствуется манера речи человека, вышколенного дворцом. И приглашен я, похоже, неслучайно: я вообще не верю в совпадения, а тут и я прибыл, и король на общем пиру...

Входя в зал, я понял по виду придворных вельмож, что присутствия короля на пиру никто не ждал. Все суетились и ревниво спорили насчет табели о рангах, а то каждый стремится сесть поближе к королевской части стола.

Король Шателлена благородный и мудрый Роджер Найтингейл появился в простом костюме из зеленого бархата, что подчеркивает неофициальный статус пира. Вокруг его кресла-трона сразу возникли советники, засуетились слуги.

После благодарственной молитвы король вонзил нож в бок жареной цапли. По залу прокатилось частое щелканье: все торопливо кромсали дичь, тащили на свои блюда.

Я ел неспешно, выказывая манеры, да и не голоден, прислушивался и присматривался. Вино льется рекой, разговоры становятся все громче, свободнее, развязнее. На меня посматривали с интересом, а когда я тянулся через стол за чем-нибудь вкусеньким, все внимание переключалось на меня. Я так же молча принимался жевать, а когда слуга подходил с кувшином, я кивком позволял наполнить мой кубок.

Напротив занял место за столом молодой, но уже дородный вельможа, одетый пышно и богато, я бы сказал, в стиле барокко: много красивых деталей, а в целом какое-то говно полное, если уж по-куртуазному.

Он болтал без умолку, еда то и дело вываливалась из рта: старался успеть пожрать все, что оказывалось в пределах досягаемости его лап.

Я все помалкивал, наконец, он это заметил, спросил с ехидцей:

— Сэр Ричард, а что вы молчите так упорно? Нет предмета для беседы? Или это в вас так проступает природная глупость?

За столом разом наступило молчание, все замерли, и за более безобидные слова вызывают на поединок.

Я ответил вежливо и очень кратко:

— Сэр, ни одному дураку не удастся смолчать за столом, если его не спрашивают.

Король с облегчением перевел дыхание. Я перехватил его благодарный взгляд, а за столом пошли смешки, ехидные взгляды уже на говорливого сэра. Он побагровел, надулся, бросал на меня через стол злые взгляды.

Король обратил на меня благосклонный взгляд, поинтересовался благожелательно:

— Как вам искусство нашего повара?

— Ваше Величество, — ответил я скромно, — у меня непритязательный вкус, мне вполне достаточно самого лучшего.

Кто-то заулыбался, остальные выглядели озадаченными. Король мягко улыбнулся:

— Я рад, что вам нравится наш пир.

Мне почудилось, что произнес чересчур горделиво, я ответил спокойно:

— У кого дела идут хорошо, у того всегда пир.

— А у вас идут хорошо, — произнес он полувопросительно, — хотя едите что-то мало...

— Всякое излишество, — пояснил я, — портит или нравы, или вкус.

Маркиз Эбервиль за два кресла от короля, граф Калантраф намного дальше, что и понятно, он поглядывал на меня дружески, даже подмигнул, в то время как маркиз Эбервиль смотрит холодно. Похоже, что-то во мне ему перестало нравиться.

Мне захотелось это проверить, я наклонился через стол и сказал ему дружески:

— Вы ведь советник короля, дорогой маркиз? А правда, что в горизонтальном положении мозг не выше других органов?

Он холодно посмотрел на меня, получилось все-таки снизу вверх, во взгляде мелькнула неприязнь.

— Сэр Ричард...

— Да?

— Если человек выше кого-либо на голову...

Он остановил себя, подбирая слова, я гордо выпрямился и повел плечами, выпячивая грудь.

— Ну-ну, говорите.

— Это необязательно заслуга головы, — ответил он с холодным сарказмом.

Я подумал, подумал, еще подумал, наконец, просиял лицом и сказал радостно:

— Вы правы, дорогой маркиз!.. У меня не только руки длинные, но и задние ноги. Думаю, за мной женщины потому и бегают!.. Лицо женщины — это грудь, а у нас... хе-хе, как вы правильно заметили — задние ноги.

Он помрачнел, я понял, что угадал, сам метит в женихи. Может быть, у него и были шансы, но тут появился я, весь из себя...

Я встал с кубком в руке, на меня поглядывали в ожидании тоста, но я обошел стол, наклонился к уху графа Калантрафа:

— Дорогой граф, не перешел ли я дорогу маркизу Эбервилю? Мне бы очень не хотелось...

Граф всхрипнул, как боевой конь при виде вражеского войска:

— Нет, дорогой сэр Ричард, вы ему не переходите дорогу...

— Слава богу!

— ...но переходите его кузену, тоже маркизу. Он во дворце, но за столом сейчас его нет.

Перед моим взором промелькнули сотни лиц, одно вы-светилось ярче других: тот самый молодой рыцарь с бледным утонченным лицом, которого я видел в приемной ко-роля. Теперь припоминаю, с сэром Эбервилем они похожи, словно не двоюродные, а родные, а то и близнецы, только Эбервиль старше своего близнеца лет на двадцать.

— А-а-а, — протянул я, — жаль, конечно. Но, увы, принцессу Франку разделить не удастся.

Маркиз Эбервиль напряженно вслушивался в наши раз-говоры, до него долетали только отдельные слова. Перехватив мой взгляд, покачал головой.

Я подошел ближе.

— Сочувствую, сэр Эбервиль, — сказал я легко, — но это сродни турниру. Кто-то вылетает из седла.

Он тяжело вздохнул:

— Сэр Ричард, в этом турнире вас нельзя сравнивать.

Я ответил гордо:

— Знаю.

Он посмотрел с жалостью, покачал головой.

— Вы не поняли. Мой кузен — рыцарь.

— А я кто? — спросил я в недоумении.

— Боевой конь и длинный меч, — пояснил он, — еще не делают мужчину рыцарем. Как и добротные доспехи. Даже умения драться и побеждать — еще мало.

Я ощутил себя задетым.

— И чем ваш кузен лучше?

— Он верит, — сказал сэр Эбервиль, — что каждая жен-щина — леди, а вы полагаете, что каждая леди — женщина.

Я сжал челюсти, промолчал. Этот маркиз прав. А я что-то распустился. Все-таки мир здесь все равно чист, хотя я здесь, как дикий кабан, трусь уже давно, оставляя клочья грязной шерсти. Но не испоганил, не привнес говнистости моей эпохи, когда за спину женщины можно даже спрятать-ся, а она пусть дерется.

— Если женщина не сдастся, — ответил я, — она побеж-

дает, если сдается, то диктует условия победителю. Так что еще неизвестно, кому повезло!

— Сэр Ричард, — проговорил он с неохотой, — по-моему, вам все-таки нужно отказаться от руки принцессы.

— Чего? — спросил я грозно. — С какой стати?

— Маркиз ее любит, — объяснил он. — Да и она с ним дружит с детства.

Я фыркнул:

— Ну и что?.. Ерунда. И вообще, маркиз, что-то вы начали как-то вести себя ко мне подозрительно! Предупреждаю, отныне все, что вы скажете или сделаете, может быть использовано против вас, сэр!

Граф Калантраф подошел к нам с кубком в руке, спросил заинтересованно:

— А это что за такое заветие?

— Это не заветие, — ответил я. — Это такая формула... ну, предупреждение!

Он посмотрел на меня с удивлением:

— Странные у вас предупреждения.

— Почему?

Он пожал плечами:

— По-моему, его нужно произносить каждому младенцу сразу же после появления на свет.

Король подозвал меня кивком, я подошел с достоинством, он же старше меня, а я человек уважительный, он проговорил с мягкой улыбкой:

— Вы очень интересный человек, сэр Ричард. Впервые вижу рыцаря, который в столь юные годы добился такой огромной власти! Хотелось бы узнать, как вы себя чувствуете в кресле гроссграфа?

Я ощутил недосказанное, беспечно улыбнулся и сказал с подъемом:

— Ох, Ваше Величество, отчасти я и приехал затем, чтобы узнать у вас, у человека, который уже столько лет в кресле короля и хорошо знает, что такое неограниченная власть!

Он коротко усмехнулся, оценив, как умело я перекинул ему мяч.

— Здесь главное, — произнес он с той же улыбкой, мол, не принимай слишком серьезно, — чтобы неограниченная власть не попадала в руки людей ограниченных.

— О, — воскликнул я довольно, — я как раз себя ни в чем не ограничиваю, так что все в порядке! Мои подданные говорят, что я умен, как Бриарей! Вот только власть наша, увы, не такая уж и неограниченная...

— А вы хотели бы неограниченную? — спросил он так спокойно и мимоходом, что я сразу ощутил, вот оно, начинается допрос под сывороткой правды, именуемой вином, беспечным галдежом за столом, бахвальством и общей атмосферой раскованности и хвастовства. — Крутой правитель, сэр Ричард, властвует недолго.

— Читал, — ответил я, глаза Найтингейла расширились в удивлении, я понял, что брякнул лишнее, — правда, ничего не понял...

— Вы грамотны?

— Есть такой грех, — признался я. — Я был младшим сыном и, чтобы не делить удел, меня хотели было в монахи... Ваше Величество, я слышал, что вот уже несколько поколений ваша династия не ведет войн! За что на вашу страну обрушилось такое несчастье? Ведь мир — это промежуток между двумя войнами, а у вас этот период затянулся...

Он поморщился:

— Сэр Ричард, гораздо легче выиграть войну, чем мир. Наша династия избрала такие победы.

— Но ведь, — сказал я с горячностью победителя, — только войны приносят честь и славу! А поэты создают баллады о павших героях!

Он сообщил кротко:

— Любое прославление павшего на войне означает трех погибших в следующей.

Я запнулся, хотя есть что возразить, чем опровергнуть, однако король говорит со мной серьезно, будто надеется

достучаться до моего крохотного мозга, а я все корчу из себя лихого рубателя и сражателя.

— А мой дедушка говорил, — сказал я наконец, — все, что мне нужно, дескать, это теплая постель, доброе слово и безграничная власть.

Он улыбнулся, сказал с улыбкой:

— Открою вам большой секрет, сэр Ричард: никакой власти не существует — существует лишь злоупотребление властью.

К нашему разговору помимо советников прислушивался и сэр Эбервиль, очень ревниво, как мне показалось, а сейчас не утерпел и вставил:

— Власть теряет все свое очарование, если ею не злоупотреблять.

— А я понимаю, — заметил я, — почему Его Величество не злоупотребляет. Слабые натуры ведут себя исключительно властно с теми, кого находят еще более слабыми.

Король улыбнулся, доброе слово и кошке приятно, но сказал мягко:

— Не скажу, что я сильный. Просто короли, которые пугают свой народ кровью, тяжким трудом, слезами и потом, пользуются большим доверием, чем сулящие благополучие и процветание.

— Потому ваше имя менее известно, — продолжил я, — чем даже имена ваших соседей Барбароссы, Гиллеберда, не говоря уже о Карле или других свирепых воителях. Что ж, большая империя, как и большой пирог, легче всего обьедается с краев, как уже начали объедать империю Карла... В этих условиях лучше иметь пирог меньше, зато с твердой коркой. Спасибо, Ваше Величество, за ненавязчивый урок политического мышления!

Он продолжал улыбаться, у королей эти мышцы разработаны, как у штангистов бицепсы, в глазах теплая благожелательность, такая же профессиональная.

— А вы в самом деле прилежный ученик? — поинтересовался он.

— Что может быть мучительнее, — ответил я, — чем учиться на собственном опыте? Только одно: не учиться на собственном опыте. А вот если учиться на опыте вашем...

Он засмеялся:

— Да, предпочтительнее учиться на чужой дури. Только мало кто так делает.

— Учить себя самого, — сказал я, — благородное дело. Еще более благородное — учить других. Кстати, последнее куда легче.

Он хмыкнул:

— А вы откуда знаете? Вы так молоды...

— ...но старые книги читал, — сказал я гордо.

Спохватился, король смотрит с прежней благожелательной улыбкой, но в глазах другое выражение. В чем-то меня переиграл, заставил раскрыться. Заставил не сдержаться, поумничать, выйти из образа.

Глава 5

Слуги все наполняли наши кубки, я ощутил, что в самом деле в голове необыкновенная легкость мыслей, а король-то все еще трезв, как стеклышко. Возможно, у него амулет, чтобы не пьянеть, или это у него профессиональное, уже привык, глотка луженая.

Я куртуазно промокнул губы краем скатерти, жирные пальцы вытер о камзол слуги и поднялся:

— Ваше Величество, я свалюсь под стол, если останусь еще на пару минут.

Он кивнул:

— Да-да, сэръ Ричард, дорога к нам трудная.

— Мы ее сделаем легкой, — произнес я бодро. — Нет такого плохого положения, из которого правитель не смог бы сделать еще худшее!

Сэръ Эбервиль проводил меня не очень дружелюбным

взглядом, но смолчал, только сморщил нос. Я сказал достаточно громко:

— Министры уронили престиж королевской власти, попы — престиж религии. Так что Бог и король расплачиваются за глупость своих лакеев.

За дверьми суетятся старшие лакеи, наблюдая, как пустеет стол. По их указаниям младшие врываються с подносами и быстро-быстро собирают освободившиеся блюда и взамен расставляют с едой.

К удивлению, я увидел на дальнем конце зала принцессу Франку. Ее окружают придворные дамы, все щебечут и щебечут, принцесса тоже, как мне кажется, щебечет, однако ее щебечество прервалось, когда она увидела меня.

Что-то сказав дамам, она вышла из их круга и направилась в мою сторону. Я расправил плечи, выпятил грудь и вошел в облик неустрашимого рыцаря, грубого снаружи, но нежного внутри.

За принцессой увязалась только одна из дам, я ее уже видел, наверно, самая доверенная, или же глухонемая. Я остановился и оглядел принцессу внимательно и сладострастно, останавливая взгляд на вторичных половых признаках, на заднице и постарался представить ее голой, но так, чтобы она видела, что я представил ее голой и в некоторых пикантных позах. В моем прошлом мире это нужно делать обязательно, если хочешь понравиться девушке, иначе будет обижена невниманием. Так вот, видя, как ее раздевают взглядами и представляют то в одной позе, то в другой, каждая польщенно чувствует мужское внимание, интерес.

Леди Франка, однако, позеленела, словно ее грязно оскорбили. Я куртуазно поклонился, тем самым прервав на миг созерцание, над склоненной головой услышал змеиное шипение, а затем вполне членораздельные слова:

— Ах, сэр Ричард, вы просто неустомимы!

— Это да, — ответил я жирным голосом, распрямился и снова посмотрел на нее так, как в моей срединной Утопии положено смотреть на женщину. — Надеюсь, вы это ощутите.

Она сказала поспешно:

— Сэр Ричард, вы совершенно правы насчет своей неотразимости... внешности и вообще всех своих неоспоримых достоинств.

Я расплылся в улыбке:

— Ну вот, и вы меня понимаете!

— Прекрасно понимаю...

— Правда, я хорош?

Она стиснула челюсти, я видел, как она просчитала про себя до десяти, сказала контролируемым голосом:

— Да. Я таких еще не встречала. И не встречу, надеюсь. В смысле, наверняка не встречу.

— Я вообще необыкновенный, — сказал я самодовольно, — вот когда вы меня получше узнаете... я ведь позволю вам любоваться мной часто...

Она прервала:

— Сэр Ричард, я уже начинаю принимать участие в ваших делах. И у меня есть к вам очень выгодное для вас предложение.

— Ого, — сказал я, — давайте. Я очень люблю выгодные для меня предложения.

Она вздохнула, лицо стало деловым.

— Я внимательно слушала ваши великолепные и замечательные рассуждения о дропе, луте и призах. Очень мудро и необыкновенно значимо! Вы сами придумали?

— Сам, — ответил я, едва не лопаюсь от самолюбования.

— Я так и думала, — сказала она. — Мы мудрый, да?

— И грамотный, — подчеркнул я. — Несколько раз!

— Ого, — сказала она, — я так почему-то и думала.

— Дык по мне ж видно, — воскликнул я и приосанился. — Разве нет?

Она внимательно оглядела меня с головы до ног.

— Еще как, — заверила она. — Вашу умность за милую видно! Но есть еще один момент, очень важный и выгодный для вас, который... вы в своем благородном стремлении к подвигам просто не заметили.

Я спросил настороженно:

— Это что ж я упустил?

Она прямо посмотрела мне в глаза:

— Вы мне нравитесь, сэр Ричард! Вы мне настолько нравитесь...

Я протянул к ней руки:

— Иди ко мне, мой цыпленочек!.. Сю-сю-сю...

Она покачала головой:

— Потом. Сперва дело. Я заметила, что вы теряете возможность подписать выгоднейший договор о торговле с королем Роджером Найтингейлом.

— Вашим отцом?

— Ну да, но сейчас он не отец, а король Шателлена, где урожаи пшеницы выше, чем в королевствах всего региона, где самые тучные стада, но где совсем нет медной руды, потому мы покупаем слитки и разные изделия из меди за большие деньги.

Я отшатнулся, оглядел ее с головы до ног с отвращением:

— Леди, леди... Вы вроде бы женщина!

— Что случилось? — спросила она сердито.

— Вы рассуждаете о таких вещах, — проговорил я и посмотрел на нее так, чтобы она устыдилась. Или хотя бы увидела, как я стыжусь за нее. — А как же вышивание гладью?

Она сказала раздраженно:

— Я вышивать умею, не волнуйтесь. Но сейчас разговариваем, как вам помочь! Вы понимаете, что вы теряете не меньше, чем двести-триста тысяч экю?

Я поперхнулся вином.

— Сикоко-сикоко?

— Двести-триста, — повторила она отдельно. — Тысяч.

— Это... точные подсчеты? — переспросил я, вытаращивая глаза.

— Почти, — ответила она.

Я почесал затылок:

— Да-а... впечатляет.

Она сказала быстро:

— Я могу помочь вам получить эти деньги.

— Как? — спросил я недоверчиво и на всякий случай оглядел ее с головы до ног и обратно, словно выставил на продажу и прикидываю, сколько запросить.

— Отец меня очень любит, — сообщила она.

— Я это заметил.

— Он меня очень любит, — повторила она, — и прислушивается ко мне. Мы вместе придумывали систему налогов для его вассалов, для городов и отдельных сел. И если я уговорю его заключить очень выгодный для вас договор...

Она замолчала, глядя на меня выжидающе. Я спросил жадно:

— Что? Что вы хотите?

— Двести-триста тысяч экю — большие деньги, — проговорила она. — Чтобы их получить, вы должны... отказаться от меня.

Я отшатнулся:

— Это как понимать?

— Так и понимайте, — она улыбнулась светло и чисто. — Вы передумаете насчет женитьбы, а я помогу вам заключить очень выгодный для вас договор.

Я демонстративно задумался, наморщил лоб и подпер кулаком подбородок. Она поглядывала на меня несколько боязливо, вдруг во мне рыцарство все же возьмет верх над расчетом, с виду я дурак дураком, надо предусмотреть запасные варианты...

Долго мучить ее не стал, моя рука с размаху хлопнула по столу:

— Договорились! Но это я делаю только ради сэра... как его... ну, этого кузена сэра Эбервиля!

Она не удержалась от ликующей улыбки, но спросила:

— Маркиза Мидля?

— Да, — ответил я. — Если это тот, на кого я думаю. Хотя какая разница? Я что, не видел, как он там на вас смот-

рит? Да и вы на него... Правда, я не видел, как вы на него, но могу представить, у меня хвантазия, знаете, какая раскованная?.. Так что приношу в жертву свои чуйствы ради вашей искренней и балладной любви, достойной внимания менестрелей и прочих прилегающих бардов.

— Да-да, — сказала она торопливо, — вы очень благородный человек, сэр Ричард! Я ни в коем случае не подумаю, что вы отказались от меня ради этой кучки золота! Вы принесли в жертву свои чувства, да, это так красиво, так благородно!

Я приосанился и огляделся в поисках зеркала. Франка поняла и кивнула на стену, огромное зеркало в дорогой раме стоит к нам тыльной частью. Камеристка метнулась туда и с помощью двух слуг быстро развернула зеркало лицом к нам. В полтора моих роста, в богато украшенной раме из темного металла, так что я расправил плечи и подошел красивым гордым шагом, выпячивая нижнюю челюсть и подавая бедра вперед.

А в самом деле хорош, мелькнула мысль. Мышцы выросли еще больше, лицо погрубело, а взгляд поумнел... Впрочем, сейчас надо сделать его наглым и баранье-властным. И не спрашивать, почему зеркало мордой к стене. Значит, это одно из тех, которые нужно на всякий случай держать именно так. Чтобы не вылезло что-нить такое, что нежелательно к вылезанию.

Я повернулся и красиво отсалютовал принцессе Франке:

— Пойду отсыпаться, леди! А вы пока подумайте, как именно сумеете повернуть такой выгодный для меня договор.

За спиной я услышал облегченный вздох.

Все мужчины уверяют, что предпочитают спать с женщиной, мол, так лучше высыпаются, но точные и строгие исследования по всему миру доказали, что выспаться можно только одному в постели.

Наутро, выспавшийся и отдохнувший, я сбросил перину и рывком прыгнул с ложа. Возле камина дремлет на скамеечке молоденькая служанка. От грохота проснулась, вскочила, личико испуганное, как у куклы, глаза в ужасе широко распахнуты.

— Вольно, — сказал я. — Ты там всю ночь и сидела?

Она пролепетала:

— Ну да, сеньор... Дрова прогорают быстро, станет холодно.

— Залезла бы ко мне под одеяло, — сказал я с досадой. — Видишь, какое теплое? Эх, дурочка...

Она опустилась на скамейку, повинувшись моему повелительному жесту, тут же вскочила, низзя сидеть в присутствии сеньора. Я быстро одевался, во всем теле бурлит звериная энергия, хотя теперь примешалось и сожаление: лох, не затащил малышку в постель. Такая маленькая и там бы не нарушила сон. Спала бы, сложив на меня тонкие лапки...

В зале для гостей несколько человек обедают, вчерашних послов я не обнаружил, зато в процессе короткого и сытного завтрака увидел промелькнувшую в дверях принцессу Франку. И хотя видение было мимолетным, но почувдилось, что нарочито прошла именно там, словно лиса, заманивающая дичь.

Я долго расправлялся со сладким, а когда вышел из зала, леди Франка саркастически посмотрела на мой живот.

— Вы так долго ели... Скоро живот через пояс свисать будет! Или у вас зубов нет?

— Я расстался с иллюзиями, — ответил я бодро, — но не с зубами. Как видите, я держу язык за зубами — наготове.

— Ах-ах, — сказала она с язвительным смехом, — ваш конь понимает ваш юмор?

— Ничто так не обнаруживает отсутствие чувства юмора, — заметил я, — как смех. Леди Франка, нам сам Господь велел стать мужем и женой. Ибо хорошо подобранная пара та, где оба одновременно ощущают потребность в скандале.

Она зло сверкнула глазами:

— Вы уже ощущаете?

— С момента, как вас увидел, — ответил я с поклоном и очаровательной улыбкой. — Даже еще раньше! Я ощутил, как волосы встают дыбом по всей моей шкуре, и понял, что вы подошли к двери с той стороны.

Она отшатнулась, глаза сверкали зло, но голос звучал озадаченно:

— И вы, будучи обо мне такого мнения, все-таки решили на мне жениться?

— Никогда не надо стыдиться того, — пояснил я, — что думаешь о своей жене, она и не то еще думает. Но у того, кто женится ради земель, протекции или денег, есть хотя бы разумный повод! А для чего женятся всякие сумасшедшие? Леди Франка, вам все-таки лучше выйти за меня, а не за вашего маркиза! Со мной у вас жизнь будет интересной и разнообразной. Многие женщины умерли бы со скуки, не будь у них мужей, которые делают их несчастными. Супружеская любовь сохраняется дольше благодаря щепотке ненависти!

Она обалдело покачала головой:

— Вы просто хам.

— Супруги должны воздерживаться от ссор, — заметил я нравоучительно, — если любят друг друга недостаточно сильно, чтобы помириться. Или вы в меня влюблены просто безумно?

— Как же, — ответила она ядовито, — именно безумно, да! Теперь и я бы вас просто удавила на месте.

Я подкрутил воображаемый ус и спросил довольноно:

— Вот это любовь! Да, что-то в этой романтике есть, есть...

— Романтика, — возразила она, — когда рыцарь женится на дочери рыбака!

Я удивился:

— На кого рыбак может накричать, на рыбу? Зато король — это человек, который кричит даже на герцога, а

ему — ничего! Я понимаю, женщина считает умным того, кто разделяет ее мнение, а не мнение ее мужа, но уверяю вас, лапочка: стерпится — слюбится. Я вот вас терпеть готов. Правда!

Она покачала головой.

— Что-то я в этом сомневаюсь... Я сумела бы превратить вашу жизнь в ад.

— Ах, леди Франка, — сказал я с восторгом. — Вы как раз из тех великолепных женщин, на которых смотришь и удивляешься, как это вас все еще не задушили?.. Потому я вас уверяю, еще как стерпитесь...

Она с облегчением вздохнула, увидев кого-то за моей спиной, усиленно замахала руками.

— Быстрее сюда! Вы что, не понимаете, что каждая минута общения с сэром Ричардом старит меня на десять лет?

В нашу сторону торопливо шли ее камеристка и маркиз, если не ошибаюсь, Мидль. Оба запыхавшиеся, чуть не бежали, но старались сохранять достоинство и не привлекать внимания. Леди Франка бросила на меня косой взгляд, я понял, поклонился.

— Сэр Мидль, вам нужно поговорить наедине... с моей невестой. Удаляюсь... ненадолго. Старайтесь держать руки подальше от моей будущей жены. И даже не смотрите в ее сторону! Если меня не найдете, то я за шкафом. Ну, это наш изысканный солдатский юмор.

Еще раз поклонившись, я захохотал, вот такой остроумный, и красивой походкой врожденного сердцееда пошел через зал, рассматривая картины на стенах, статуи рыцарей, барельефы и лепные пилоны. Со мной иногда пытались заговорить гости, но я свирепо двигал бровями, все отскакивали, а я старался везде вставать так, чтобы наблюдать за принцессой и маркизом.

Камеристка благоразумно отошла в сторону, а то слишком много знающие долго не живут. Франка и маркиз сблизили головы и о чем-то толковали быстро и жарко. Настояв слух, я бы услышал и отсюда, если бы эти тупые мор-

ды вокруг не шаркали, не топали, не гоготали и не разговаривали про баб и снова про баб.

Неискренняя женщина до неразличимости похожа на искреннюю женщину, я со своего места пытливо всматривался в леди Франку, и гадал, что же она думает на самом деле. И хотя мужчины утверждают, что у женщин нет логики, но это так, треп, на самом деле логика есть, только очень уж простенькая, как у богомола или сороконожки. Плюс ее законы постоянно меняются.

Потому влюбленный мужчина нередко выглядит дураком, влюбленная женщина — никогда. Маркиз выглядит не просто дураком, а полнейшим идиотом, хотя с виду вполне, вполне. Дело в том, что дурака видно за милю уже по наряду: весь в пестром, чересчур нелепом, а эти носки туфель, привязанные шелковыми веревочками к поясу, у меня всякий раз вызывают гогот. Однако маркиз одет с полнейшим чувством мужского вкуса, то есть вроде бы как принято, и в то же время всей дребедени по минимуму. Этого достаточно, чтобы исключить из числа пользующихся вниманием разряженных дур, и в то же время достаточно, чтобы я ощутил к нему слабую тень симпатии.

Он быстро и возбужденно что-то втолковывал Франке. У обоих очень серьезные лица, а у маркиза вообще темное, как грозовая туча. Он даже взмахивал руками, ничего театрального, пижоны подчеркивают каждый жест и застывают в нужных позах, а маркиз явно взволнован, очень сильно взволнован, и машет крыльями потому, что его просто трясет...

Глава 6

Каждый раз, когда женщины чего-то не понимают, на лицах у них появляется приятная, нежная улыбка, и тогда кажется, что они понимают все. Я посматривал, как леди Франка внимает распинающемуся перед ней маркизу, сейчас она само очарование и сопереживание, вот прямо идет

за вашей мыслью и внимает всеми фибрами или чем там, что у женщины вместо фибров... или фибрей, не помню точно.

Она перехватила мой взгляд, вскинула восхитительно белую руку и помахала над головой. Я ответил широчайшей улыбкой победителя. Это ж моя будущая жена зовет повелителя и хозяина ее плоти... ну почти жена, пошел красивым шагом, подавая бедра вперед.

Маркиз умолк и выпрямился, лицо все еще красное, возбужденное, но застыл и ждет с видом человека, который готов к поединку. Я с ходу отвесил Франке церемонный и очень куртуазный поклон, это когда с великим чувством достоинства и в то же время каждым жестом, взглядом и подергиванием плеч показываешь, что только мы тут двое люди, остальные — свиньи немытые, так что ей надлежит общаться только со мной, дабы не ронять себя до их свинячьего общества.

— Легкомысленная женщина обманет вас легкомысленно, — сказал я маркизу дружески, — а серьезная обманет серьезно. Вы как предпочитаете?

Он посмотрел на меня с неприкрытой ненавистью.

— Леди Франка, по-вашему мнению, какая?

— Красивая, — ответил я безапелляционно. — Это вообще ходячая катастрофа.

Он посмотрел на принцессу и воскликнул:

— Если леди Франка — катастрофа, то согласен и на катастрофу.

— Рискуете, — сказал я благожелательно.

— Я готов, — ответил он пылко.

Леди Франка смотрела на меня с бессильной злостью. Я развел руками:

— Ну вот еще один... одна жертва. Маркиз, должен вам сказать правду... Все браки удачны! Все.

Он посмотрел с вопросом в глазах:

— Но в чем хотите предостеречь? Я же вижу.

— Вы проникательны, — сказал я. — Дело в том, что трудности начинаются тогда, когда начинается совместная жизнь. Я как посмотрю на леди Франку, так вспомню, что самые ядовитые змеи всегда самые красивые... Как вы знаете, я тоже этот, как его... ага, жених! И шансы у меня, как догадываетесь, повыше ваших. Ну, если не догадываетесь, то леди Франка скажет. Она все понимает, почти как человек...

По их мрачным лицам видел, что леди Франка уже все сказала. И объяснила. И что хотя пообещала мне кое-что в обмен на мой отказ от нее, но, когда имеешь дело с такой скотиной, разве можно полагаться на ее слово? И сейчас почти прощается с маркизом, судя по ее бледному напряженному лицу.

— Но будучи куртуазным человеком, — продолжил я, — вон леди Франка подтвердит всю глыбь и ширь моей куртуазности, я сейчас нахожусь в благородном недоумении и колебательности...

Маркиз спросил с прежней враждебностью:

— И в чем оно выражается?

— Я же умный, — сказал я, — и местами даже мудрый. Ну, как леоперд, это зверь такой, он весь в пятнах. Я тоже запятнан мудростью, что мне просто жить мешает, а то и временами не дает. И хотя мудрость ни при чем, когда я узнал, что вы неровно дышите друг к другу, это чувство у вас такое, значит, но все-таки меня обуяла некая волнительность души. Мне вдруг показалось, что состязаться с таким благородным человеком просто нехорошо. Это я вас называю благородным, хотя, понимаю, подумали, естественно, на меня, что и понятно. А я подумываю, не отказаться ли от своих притязаний в вашу пользу... гм...

Маркиз вытаращил глаза, леди застыла и вроде бы перестала дышать. Маркиз заговорил торопливо:

— Да-да, слушаю вас, сэр Ричард! И что вас удерживает от такого благороднейшего, не побоюсь этого слова, шага? Даже прыжка?

Я развел руками:

— В приданое за леди Франкой ее отец отдаст одну-две провинции. Я постараюсь выбрать ту, что под самым Хребтом, забыл, как называется... там целый ряд рудников с железной рудой. В Армландии не то чтобы их мало, но мне для моих задумок нужно вдвое больше. Ну, чтобы вам было понятнее, те рудники, которые вместе с приданным достанутся жениху, точно такие, как у вас в ваших владениях на самой границе с королевством Алькантаро.

Маркиз задумался лишь на мгновение, затем, доказывая, что в самом деле понятлив и скор в решениях, натянуто улыбнулся.

— Сэр Ричард, но если леди Франка станет моей женой, то зачем мне одинаковые рудники в моих владениях Херфста, это которое граничит с землями королевства Алькантаро, и в самом Шателлене? Какие-то все равно придется закрыть. Я буду счастлив, если примете рудники Херфста от меня в дар.

— В дар?

— Как знак нашей дружбы, — сказал он и посмотрел мне в глаза, — и взаимопонимания.

— Ага, — ответил я, — это хорошо насчет взаимопонимания. Как приятно иметь дело с умными людьми, маркиз! Даже не представляете, как это здорово... Когда бумаги составят?

— Я сам составлю, — заверил он.

— Вы грамотны? — удивился я.

Он усмехнулся с некоторым высокомерием.

— Я в состоянии не только читать, но и писать. И не только печатными буквами.

— Поразительно, — ахнул я. — До чего же мне везет на умных и грамотных людей! А то все я да я... Составляйте бумаги, маркиз! И у вас на соперника меньше. Более того, я — ваш союзник.

Он надменно улыбнулся, мол, у него, такого великолеп-

ного, соперников и не было, а я подумал, что теперь вообще-то достойных соперников у него в самом деле нет.

Леди Франка смотрела на меня оторопело. Я подмигнул и, галантно поцеловав самые кончики ее розовых пальчиков, сказал игриво:

— Буду поддерживать кандидатуру маркиза в отборном забеге! Как вы понимаете, леди Франка, все-таки надежнее, если меня поймать на два крючка!

Вельможа, явно гордясь доступом к внутренним королевским покоям, провел меня через анфиладу залов к покрытым золотыми узорами дверям. Золотой вебрь на декоративном щите выглядит грозным, художники сумели даже придать ему сходство с королем Найтингейлом.

Стражи отступили от двери, мол, давно ждут, а вы по бабам, вельможа постучал, дождался отклика, но через порог переступить не решился, а я сделал шаг и картинно поклонился.

Роджер Найтингейл на этот раз в королевской мантии, на седых волосах зубчатая корона, на столе перед ним кипа бумаг. В сторонке грузный седовласый вельможа, я вздохнул с облегчением, на этот раз канцлер, а не сэр Эбервиль.

Найтингейл выглядел безмерно усталым, словно его трепал шторм на море, потом настигла буря на берегу и в довершение подхватил смерч и бил обо все деревья в лесу.

Перехватив мой сочувствующий взгляд, сказал вяло:

— Молодежь спит крепко, а меня эти пиры все-таки изматывают.

— Тогда ну их? — предложил я.

Он вздохнул:

— Надо, сами знаете.

Я тоже вздохнул:

— Увы, уже знаю.

— Сэр Ричард, — сказал он; — я хотел, чтобы дочь приняла участие в нашей... беседе, однако...

— Малость приболела? — поспешил я на помощь. — Ничего, это бывает с молодыми впечатлительными девушками. Это она так ликует, что я появился!

Он пожевал губами. Я бросил взгляд на канцлера, тот опустил взгляд, по губам скользнула непонятная усмешка.

— Приболела, — согласился Найтингейл. — Да, приболела.

— Жаль, — ответил я. — От бесед с вашей дочерью я получаю истинное наслаждение. Как ценитель.

Король вскинул брови, канцлер всмотрелся в меня с недоумением.

— Но мы можем поговорить без нее, — сказал Найтингейл несчастным голосом. — В конце концов, мы с вами лучше знаем, что необходимо для благополучия наших земель...

Канцлер развернул на столе лист торгового договора, который я упорно называл союзом. Канцлер наконец признал, что да, союз, раз мы решили скрепить его узами брака.

Первый пункт они приняли сразу и без споров: купцы и торговцы наших земель отныне ведут беспошлинную торговлю как в Шателлене, так и в Армландии. Это дает преимущество, как я видел, купцам Шателлена, у них благополучное королевство, а нам еще нужно восстанавливать экономику, но я промолчал, что уже продумал ряд реформ, которые изменят ситуацию.

Вторым пунктом подписали насчет доступа наших горняков к разработке руд на территории Шателлена. Здесь король и канцлер уперлись, но я предложил высокие цены по закупке шерсти и кож, а также мяса, которым будут снабжать рабочих рудника. Канцлер выторговал еще прибавку, и мы ударили по рукам.

Остальные мелкие пункты пошли легче, особенно, когда слуги внесли дорогое вино и самые изысканные кушанья. Их поставили на соседний стол, то ли для того, чтобы я

время от времени мог смочить горло, то ли чтобы спешил скорее закончить дела и наполнить заздравные кубки.

Найтингейл и канцлер время от времени делали вид, что много пьют, но я держал морду лица суровой и непреклонной. На меня начали посматривать с уважением, наконец уточнили последние пункты, проверили, как написано, и подписали сами.

— Давно, — король сказал с облегчением, — мы так яростно не торговались!.. Что ж, мы заработали, как я думаю, право на глоток хорошего вина.

— Заработали, Ваше Величество, — поддакнул канцлер. — И хотя договор больше дает сэру Ричарду, но чего не сделаешь для приятного человека?

— Спасибо, — ответил я. — Правда, я заметил, что я прогадал на торговле железом, но... договор подписан, а рыцарское слово крепче адаманта!

Я старался держать морду кирпичом, я-де сдержу слово, даже если это мне очень невыгодно, король и канцлер понимающе переглянулись, едва сдерживая улыбки.

Мы пересели за накрытый стол, король проследил, как канцлер умело наполняет кубки.

— За торговый договор! — сказал я, поднимая кубок.

— За договор, — ответил король и тоже взял кубок.

— Да будет он успешным, — добавил канцлер.

Мы со звоном сдвинули кубки, звякнул металл, несколько капель сорвались на стол. Пока мы жадно пили, глотки за время дискуссий по договору пересохли, дверь приоткрылась, заглянул богато одетый слуга.

— Ваше Величество, — выпалил он, — ваша дочь настоятельно просит позволения участвовать в вашем разговоре!

Канцлер покачал головой, король сказал устало:

— Нет-нет, пусть отдыхает...

Я перебил:

— Ваше Величество! Это же ваша любимая дочь! Я просто умоляю вас, чтобы она... приняла участие. Мы с ней так

хорошо пообщались, так замечательно, оба тут же договорились, что мы — идеальная пара...

Он посмотрел на меня с сомнением, канцлер вообще выпучил глаза. Наконец, король сказал слуге так же слабо:

— Хорошо, пусть войдет. Но пусть сэр Ричард пеняет на себя.

Леди Франка вбежала, не дожидаясь, когда дверь перед ней распахнут во всю ширь, лицо раскрасневшееся, глаза сияют, как звезды. С ходу протянула мне небольшой свиток, я тут же открыл, ага, передача прав на рудники в отныне моих владениях Херфста, прекрасно, подписано и скреплено печатью маркиза Мидля.

Я тут же свернул обратно, сунул за пазуху и ответил с поклоном:

— Большое спасибо, леди Франка, за столь изысканную любовную лирику! Я всегда мечтал заполучить стихи этого великого барда! Большое спасибо. Не присядете ли рядом со мной?

Она посмотрела настороженно, но ответила с отменной любезностью:

— Да, конечно, лорд Ричард! Если Его Величество не против.

Найтингейл беспомощно посмотрел на меня, я ответил широкой улыбкой:

— Ваше Величество, у меня с вашей дочерью настолько полное взаимопонимание, что я за ее спиной не веду никаких переговоров! Она меня... тоже любит. Верно и преданно.

Острый локоть ткнул меня в ребра, но отцу и канцлеру леди Франка улыбнулась со всей невинностью ангела:

— Да-да, я еще не встречала таких, как сэр Ричард.

— Вот видите, — сказал я ошарашенным королю и канцлеру, — как легко найти общий язык с красивой женщиной? Ваше Величество, для меня очень важно ваше понимание проблем государственности и международных отношений. Мы оба прекрасно знаем, что наилучший способ

укрепить связи между землями — это связать династическими браками. На сегодня это, пожалуй, наиболее распространенный способ. И правильный, мы ж понимаем, в какое время живем.

Оба слушали меня настороженно, а когда я сделал паузу и посмотрел на короля в ожидании реакции, он на всякий случай кивнул:

— Да-да, сэр Ричард, мы слушаем со всем вниманием.

Я примирительно улыбнулся.

— Ваше Величество, мне достаточно уже того, что вы хотите жить со мной в мире и дружбе. И что готовы отдать за меня единственную дочь, в которой души не чаете.

Леди Франка насторожилась, а король кивнул, лицо стало невеселым:

— Да-да, сэр Ричард, она выйдет за вас замуж.

— Не сомневаюсь, — ответил я. — Она хорошо понимает роль дочери короля. Только простолюдины вольны в таком выборе, а люди знатные должны чувства приносить в жертву более высоким целям. Я убедился как в вашем стремлении наладить со мной прочный союз, так и в согласии вашей дочери пожертвовать своим счастьем.

Король смолчал, но канцлер запротестовал:

— Сэр Ричард, при чем здесь жертва? Ее берет в жены могучий правитель.

Леди Франка смотрела на меня со все большим подозрением, я примирительно остановил канцлера жестом:

— Речь о другом. Мы с вашей дочерью придумали, как сделать наш союз еще... доверительнее. Надеюсь, этим станет и даже, смею надеяться, крепче. Мы с вами, Ваше Величество, уже продемонстрировали друг другу добрые намерения и желание скрепить прочными узами, не так ли? Это самое важное! А как и чем скрепить — дело десятое. Люди глупые ничего не придумали лучше династических связей. Но мы люди взрослые, недрачливые... я вон совсем овечка, так что отыскал кое-что получше и покрепче этого самого династического.

Оба насторожились, в глазах метнулся испуг. Я запоздало подумал, что меня можно истолковать в привычном смысле, мол, а почему бы не захватить королевство Шателлен целиком.

— Ваше Величество, — сказал я торопливо, — мы подписали с вами договор о безвизовом и беспопшлинном пересечении нашей границы купцами и странниками. У вас есть мясо и шерсть, у нас — медь, будем торговать к обоюдной выгоде. Для ваших мясоторговцев вся Армландия — огромный базар, в то время как наши оружейники могут поставлять вам изделия высокой технологии. Ну, там наборные кольчуги, панцири, а также мечи и секиры по более низким ценам, чем покупаете вы. К тому же у нас железо выше качеством. Это свяжет нас крепче, чем ерунда типа династического брака.

Он пробормотал, сбитый с толку:

— Ну, почему же ерунда...

Я отмахнулся:

— А вдруг ваша дочь вас не любит и начнет меня подбивать напасть на вас? Такое бывало, бывало... Я молод, но старые книги читал!

Леди Франка, стараясь делать это незаметно, с облегчением перевела дыхание. Король ошалело молчал, канцлер спросил оторопело:

— Сэр Ричард... вы так и не сказали, что у вас за сложности насчет династического брака...

Глава 7

На их лицах застыла тревога и мучительное сомнение в том, что правильно меня поняли, верно истолковали, все-таки говорю вещи достаточно необычные.

Я улыбнулся как можно более дружески.

— Ваше Величество, мы с вами договорились о таких важных делах! А что рядом с ними такая ерунда, как же-

нитьба? Да пусть леди Франка выходит замуж за того, за кого хочет! Господи, мы с вами прокладываем новый торговый путь, что поможет успешно развиваться нашим странам, а вы, Ваше Величество, ухитряетесь великодушно заботиться еще и о какой-то ерунде!

По их просветлевшим лицам видел, что это совсем не ерунда, король, наконец, кивнул и сказал все еще ошалело:

— Ну, если вы с моей дочерью уже переговарили...

— Еще как! — заверил я. — Правда, леди Франка?

Она с готовностью кивнула.

— Да, папа. Сэр Ричард такой милый! Зачем я ему буду портить жизнь?

— Мы решили остаться друзьями, — подхватил я. — Зато никакого смертоубийства!

— Правда, он очарователен? — спросила леди Франка.

— Ваше Величество, — сказал я, — вы обожаете дочь и все-таки хотели было выдать ее за человека, который ну хоть немного ей бы нравился или хотя бы не был столь отвратителен...

Он торопливо воскликнул:

— Сэр Ричард, сэр Ричард!..

Я отмахнулся.

— Ваше Величество, мы ж наедине... ну, почти, чего прикидываться? Я иду вам навстречу и не отбираю у вас дочь. Кстати, сможете выгодно продать второй раз... Надеюсь, в другой раз ей повезет. В смысле, попадется рыцарь, который ее очарует. Кстати, могу порекомендовать одного, мы с ним уже перекинулись парой слов. И леди Франка его одобряет. И я одобряю, это благородный и исполненный всяческих достоинств сэр Мидль, с которым мы почти в дружбе! Но раз я пошел на уступку, то и от вас жду ответного шага. К примеру, позволения нашим купцам торговать беспощинно и в приграничных с королевством Алькантаро землях. Пусть и там ваши люди будут обеспечены изделиями из хорошего железа и по невысокой цене... а мои заодно прощупают, чем нам может быть полезно королевство

Алькантаро и насколько доброжелателен к нам тамошний король Шарль Глостер.

Его глаза настороженно блеснули. Еще не врубился, чем же это мне выгодно, если усиленно пробиваю такой вариант, когда жители его земель будут получать более качественные товары и по ценам ниже местных, но с ходу усомнился, нет ли здесь односторонней выгоды. Я с удовольствием убедился, что вот он, настоящий первобытный рыночник, цели его предельно ясны, с ним иметь дело просто.

Правда, остается пережиток в виде любви к дочери, все-таки настоящий рыночник не только дочь, а отца и мать продаст, однако у этого политика все еще теплятся, еще как теплятся, светлые отеческие чувства.

Леди Франка торжествующе улыбалась, король поглядывал на нее с недоумением. Я отвесил церемонный поклон.

— Ваше Величество... помимо прочных торговых договоров, надеюсь — прочных, у вас появится добавочная возможность влиять на меня, вашего соседа! Мы тут с вашей дочерью поговорили и пришли к абсолютному взаимопониманию! Я даже не думал, что такое вообще возможно с женщиной. У меня скверный характер, поэтому не выношу людей со скверным характером. Ваша дочь — тоже их не выносит! Мы сразу поняли друг друга и буквально полюбили друг друга!

Я взял ее руку и бережно поцеловал холодные безжизненные пальцы. В последний момент ее пальцы дрогнули, я подумал, что скрутит фигу, но в этом королевстве хорошо воспитывают ледей, манеры победили.

Король кашлянул, канцлер смотрел на меня неотрывно, стараясь пробиться через нагромождение слов к смыслу. Леди Франка очаровательно улыбнулась.

— Ваше Величество, — проворковала она, — мы на редкость хорошо поговорили с сэром Ричардом. И пришли к выводу, что при нашем исключительном... просто редкост-

ном взаимопонимании, глупо и грубо все взять и разбить вдребезги этой никому ненужной женитьбой! А дружить — да, будем.

Король растерянно смотрел то на одного, то на другого. Я еще раз нежно поцеловал ее пальчики. Она очаровательно улыбнулась мне и дружески потрепала по щеке.

— Значит, — проговорил король, все еще не веря в такое счастье, — это все не сон?

— А правда, — спросил я, — хорошо, когда дети преподносят и хорошие сюрпризы?

Канцлер промямлил:

— Да... хорошие дети преподносят хорошие сюрпризы, а нехорошие...

— Тогда мы просто замечательные, — сказал я и нежно посмотрел на леди Франку.

Найтингейл покачал головой:

— Да, сэр Ричард, вы меня удивили.

Я покосился на леди Франку, не хочется слишком рано выходить из нужного имиджа, но ее отец уже меня расколол за пиршественным столом, так что ладно, теперь можно.

— Ваше Величество, — произнес я несколько другим тоном, король сразу же посерьезнел, — я вам тогда сказал, что сердце требует одной женщины... Так вот в нем, в моем сердце, уже есть женщина. Я желаю вашей дочери выйти замуж за достойного человека, который достоин ее любви, и которого, естественно, подберете ей вы, с вашей мудростью и проницательностью. Я лично еще раз рекомендую маркиза Мидля, весьма достойный человек и очень благородный. А уж как любит вашу дочь, я уже убедился! Мы же с вами удовлетворимся новыми возможностями торгового союза наших земель.

Он кивнул, не сводя с меня удивленного взгляда.

— Который будет реализован, — уточнил он, — если сумеете обезопасить путь между нашими землями.

— Не «если», — уточнил я, — а «когда». Вернее, «как только». Думаю, приступим к масштабной зачистке сразу же, как растает снег и подсохнут дороги.

Мы вышли вместе из королевских покоев: леди Франка и я, почти рука об руку. Когда за нами захлопнулись двери, леди Франка всмотрелась в меня пристально.

— Сэр Ричард, — спросила она неожиданно, — а почему вы не та свинья, что были раньше?

Я сделал вид, что вот так прямо взял и вознегодовал.

— Э-э-э-э... как это? Это, знаете ли, оскорбление!.. Я самая что ни есть настоящая свинья, еще та свинья! Да свинее меня и не бывает... в определенных обстоятельствах. Иначе что я за политик? Обижаете, леди Франка!..

— Чем же? — спросила она, опешив.

— Что усомнились в моих дипломатических способностях! Человек вообще должен быть разносторонним, а государь — обязан.

Она покачала головой.

— Сейчас я вижу совсем другую сторону. Я ее раньше не видела.

Я спросил настороженно:

— И в чем я прокололся?

— Выглядите почти человеком, — объяснила она любезно. — А тогда я вас ненавидела люто.

— А-а-а-а, — сказал я, — так это, наверное, потому, что видели во мне жениха? Который возьмет как овцу и повезет в свой хлев. Ну в смысле, овчарник. Овечник.

Она подумала, двинула плечами:

— Отчасти и так. Но все-таки вы сейчас намного приятнее. И не такой наглый. Мне сейчас вот показалось...

Она запнулась, в глазах метнулся испуг, затем щеки окрасились румянцем, ресницы часто-часто захлопали.

— Что показалось? — спросил я настороженно. — Перекреститесь, пройдет.

Она прошептала:

— Это дико, но... неужели нарочито старались показаться как можно более отвратительным?

Я спросил с наигранным удивлением, боюсь, заметным:

— Зачем это мне?

Она покачала головой, взгляд коричневых глаз был устремлен на меня с такой силой, что я ощутил, как начинают гореть щеки.

— Вам нужно было, — прошептала она, — чтобы я отказалась сама... И тогда принудите моего отца... Ну да, он был так рад, что спас меня! И даже не подумал, что договор с вами вообще-то неравноценен.

Я спросил уже без притворства:

— Леди Франка, что за дурость? Вы красивая, но не лезьте в дела мужские! Тоже мне, экономистка! Цивилизованные страны должны поощрять свободный въезд-выезд, права человека, обмен товарами и всякой там ненужной информацией... Мы, может быть, со временем интегрируемся в какой-нибудь Общий Рынок, ОПЕК или что-нить еще, даже общую конституцию примем... несмотря на отдельные сепаратистские, да...

Она даже не обратила внимания на мою речь, все пропало, зря старался и блистал умом. Эта дура не отрывает от меня гневного взора и видит насквозь, и хоть умных речей не понимает, зря мечу бисер, но ясно видит то, что под речами, ибо язык дан человеку, чтобы скрывать мысли, а она разглядела и то, что под мыслями.

— Леди Франка, — сказал я с досадой, — не надо умничать, а то и другие претенденты от вас откажутся... это я шутю так, ну вы поняли. У нас, государственных мужей, все путем и все схвачено. Перед державами раскрывается сплошной путь... сплошного, можно сказать, процветания в экономике и сопредельных, а вы с личными вопросами! Нехорошо. Или вы против процветания?

Она покачала головой:

— Как вы меня обманули...

— Это не обман, — заверил я. — В конце концов все получают то, что хотели! Я — торговый договор и доступ к богатым железным рудникам, ваш отец — нехилого союзника, а также свободную торговлю без всяких пошлин, вы — свободу, которую так цените... а также возможность выйти замуж за того, кого выберете.

Ее губы дрогнули в невеселой усмешке:

— Да, все верно. Но все равно чувствую себя, словно меня привели на базар, осмотрели, ощупали и... не купили.

— Я гуманист, — заверил я. — Не могу брать в жены человека... тем более — женщину, которая мной не восторгается. А вы даже не прикинулись ни разу, что восторгаетесь! Как не стыдно, это же первая заповедь любой женщины: делать вид, что млеете от всех наших слов, что потрясены нашим умом, смелостью, отвагой и даже... хе-хе, внешними данными.

Она смотрела на меня в упор, глаза крупные и ясные. Я ощутил, как спина начинает краснеть от жгучего стыда, ну что я за свинья, но постарался смотреть ей в глаза по-рыцарски бараньим взглядом настоящего мужчины.

— У меня не было необходимости, — проронила она, не отводя взгляда.

Я оглядел ее с головы до ног.

— Что, ослепляете всех красотой?

— Нет, — ответила она серьезно, — королевских дочерей всегда отдают по расчету. На чем вы и сыграли.

Я ощутил, что спина горит уже как жар, от нее поднимается выше, и вот уже начинают краснеть щеки.

— Леди Франка, — взмолился я. — Разве не видите, что я избавил вас от себя, как вы и хотели? А договор вполне приемлемый. У вас все стабильно, а земли Армландии сейчас разорены... особенно на востоке, так что ваши купцы получают преимущество при беспошлинной!

Она спросила с недоверием:

— А в чем ваша выгода?

— Я ж рыцарь, — напомнил я. — Паладин!..

— И что?

— Забочусь не о себе, а о сирых...

Она махнула рукой:

— Бросьте. Паладин — это для себя, но когда во главе земель, то вы не всегда паладин.

— А кто? — спросил я настороженно.

— Самая что ни есть настоящая свинья, — проговорила она мстительно, глядя мне в глаза, — еще та свинья! Свинее которой и не бывает!

Я вздохнул, развел руками:

— Вы меня поймали, леди Франка. Сдаюсь. Могу я предложить чашечку чая?.. Только, чур, я сверху!

Она вскинула брови в изумлении.

— Я вас не поняла, сэр Ричард.

— Да это так, куртуазная поговорка, — объяснил я. — Сейчас по чашечке, а потом вдарим о политике. Что-то мне подсказывает, нам обоим здорово повезло в непоженатости... или в непоженимости? Дружба выше, не так ли?.. Вы меня, как друг, проводите и во двор?

Она зябко повела плечами, но взглянула в мои наглые глаза, нарываюсь, ответила дерзко:

— Конечно, сэр Ричард! Раз мы с вами друзья неразлей-вода!

— Тронут, — ответил я. — Люди, как правило, друг друга заслуживают. Так что все в порядке, леди Франка. Я вас тоже люблю. А ведь странно устроен мир: хотя все мы не согласны друг с другом, каждый из нас всегда прав?

Мы миновали холл, леди Франка остановилась, ей на плечи моментально набросили длиннополую шубу с серебристым мехом неизвестного мне зверя.

В дверях леди Франка воскликнула почти с отчаянием:

— Но сейчас вы почему перестали прикидываться идиотом?

Я развел руками:

— Разве это не очевидно?

— Нет, — отрезала она. — Что, устали?

— Знаете, леди Франка, — сказал я. — Я хочу, чтобы вы знали, что сосед у вас — не идиот. И даже не дурак. Ну, местами дурак, конечно, но только местами. Как леоперд или зебр. Это значит, что со мной можно иметь дела, общаться, торговать, заключать как договора, так и союзы. И в то же время это знание предостережет от необдуманных поступков. Вернее, обдуманных, но базирующихся на ошибочной основе... Я доступно объяснил?

Она выпрямилась, глаза метнули молнии:

— А вы все-таки негодяй, сэр Ричард!

Я вздохнул:

— Значит, уже хороший политик. Мне тоже несколько грустно терять рыцарскую девственность, но ведь я уже гроссграф... А где вы видели честного губернатора? Ну, с общепризнанной точки зрения... А так вообще-то я, как ни смешно, даже... гм... честный...

Двор ослепил ярким светом, снег искрится, в каждой снежинке свое солнце, а то, что на белом небе, кажется плазменной дырой.

С севера медленно, как ледниковый период, надвигается массив серых неопрятных туч. Даже не верится, что в этих старых грязных мешках сотни тысяч тонн белейшего и чистейшего снега.

Люди во дворе знающе переговаривались, что если пойдет ночью, то обязательно с бурей, а если погодит до завтрашнего дня — выпадет в тишине и в безветрии.

— В политике, — продолжил я с неловкостью, — приходится делать много такого, чего не следует делать.

— То есть, вы признаетесь?

Я пожал плечами:

— В чем? Да, я нащупываю дорогу, как это быть... пра-

вителем. Иногда сам чувствую себя гадко. Но... позвольте вашу ручку, здесь скользко...

Я помог леди Франке спуститься с крыльца. Она все еще растеряна и не знает, что же мне сказать, чтобы уку-ситься побольнее. Я сказал философски:

— Если двое любят друг друга, это не может кончиться счастливо. Так что нам повезло.

— Чем? — спросила она сердито. — Непоженимостью?

— Как христианин, — сказал я, — тем более как пала-дин, хочу сказать, что мы должны друг друга любить, это верно, но нигде не сказано, что мы должны друг другу и нравиться!

— Это точно, — согласилась она. — Все-таки мне ка-жется, что торговля шерстью выгодна армландцам. Да и свободная продажа изделий из железа тоже принесет при-быль больше Армландии, чем Шателлену.

Я махнул слугам, чтобы вывели из конюшни Зайчика. Леди Франка смотрит на меня с угрозой, я вздохнул.

— Ваше Высочество, а вам не приходит в голову, что ес-ли будете вставлять палки в колеса, то я все равно все это получу.... но уже с вами?

Она запнулась на полуслове, резко вскинула голову и посмотрела мне в глаза:

— Вы же не хотите на мне жениться!

Я пожал плечами:

— Но, леди, если не оставляете выбора... Я хочу проч-ного торгового союза! Для такого важного дела можно и жениться. Подумаешь, ерундишка!

Она не сводила с меня пристального взгляда.

— А если, — произнесла она с расстановкой, — я согла-шусь?

Теперь запнулся я, в голове вихрь мыслей, проговорил с кривой улыбкой:

— И что мы выиграем?.. Только проиграем. Но я проиг-раю меньше. Все-таки прочный союз с вашим отцом за-

ключен будет. Уже через женитьбу. И доступ к рудникам я получу. Неважно, что к другим. Железо одинаковое.

— Проиграем? — перепросила она, вскинув брови. — Вы что, намереваетесь меня тиранить?

— Еще как, — заверил я. — Я ж не только паладин, но и политик! А политика — это такой свиной хлев... По-дружески предупреждаю: вам будет лучше с вашим маркизом. Или с сэром Эбервилем, это такой серьезный господин... Даже со всякими разными сэрами, что смотрят на вас с обожанием.

Она посмотрела косо:

— Невысокого вы о себе мнения.

Я признался:

— Чего не сделаешь, когда стараешься избежать женитьбы!

— Вы умеете говорить приятные вещи женщинам, — согласилась она сухо. — Впрочем, вы правы. Вам далеко до маркиза.

— Да, — согласился я с жаром, — очень! Как свинье до неба! Как плотнику до столяра!.. Как умному до красивого!.. Да что там, леди Франка! Я от души поздравляю вас...

Конюхи наконец распахнули ворота, Зайчик вынесся огромный и горделивый, роскошная грива и без ветра реет, как черные пиратские паруса. Глаза полыхают багровым, а зубы блестят в нехорошей усмешке, словно вытащил все железо из стен и столбов в конюшне.

— Да пусть, — сказал я ему, — не наше, не жалко...

Из подвального помещения кухни выметнулся огромный Пес. Народ бросился врассыпную, зубы и глаза горят, я с укоризной покачал головой.

— А я-то думал, — сказал ему укоризненно, — похудеешь! А у тебя морда скоро и в ворота не пройдет. Не ластись к леди Франке, она собак ненавидит!

Леди Франка огрызнулась:

— С какой стати?

— Вы кошек любите, — сказал я обвиняюще. — По вас видно.

Она фыркнула с отвращением:

— Кошек?.. Езжайте, сэра Ричард, пока я вас не убила.

Пора возвращаться, мелькнуло в голове. Не в замок, а вообще. Все верно, никому в этом мире я ничем не обязан. В разговоре с Барбароссой не раз упоминал, что я-де не его подданный, так как приносил присягу королю Шарлегайлу, но единственную присягу, которую принес, это принцессе Азалинде, но та от нее освободила.

Да и была бы кому присяга, я что, дурак, буду чувствовать себя скованным этими средневековыми дуростями? Мы даже в договорах, составленных опытными юристами, умеем находить щели, что освобождают от выполнения обязательств, а тут — три ха-ха, устный договор, не смешите мои тапочки...

Так что обязательств на мне никаких, а вообще-то я многих, так сказать, облагодетельствовал. Плохих вбил в землю по ноздри, хорошим отдал замки и земли плохих. Крестьяне разницу заметят вряд ли, но все-таки «добру» я поспособствовал.

Зайчик проскочил Орочий Лес на замедленной скорости. Я даже успевал увидеть мелькающие деревья, но на этот раз не видел ни деревянной крепости, ни орков.

Во рту странная горечь, в груди пусто, хотя вообще-то должен бы ликовать. Что-то не то со мной. Я вообще-то наглый и всегда считаю, что прав, а все, кто думает иначе, — дураки, но сейчас что-то даже сам чувствую, как пованивает. Да, от меня, такого замечательного. Пока шел к Югу, ничем себя не обременяя, чувствовал себя чистым и благородным, аки... ну да, аки. Я сейчас, когда гроссграф, то самое настоящее говно.

Экскремент, если выражаться куртуазно. Но перед собой-то можно не кривляться?.. Да, если честно, то говно.

И детей брать в заложники нехорошо, и вот так выторговывать договор, как у короля Роджера, и у Барбароссы... И не просто нехорошо, здесь я с собой наедине, можно сказать и откровеннее...

Так что же, политика — в самом деле всегда грязная? Или это я такой?.. Так нет же, когда был простым рыцарем, я себя таким говном не чувствовал!

Глава 8

Дозорные — молодцы, увидели издали, сразу же опустили мост, ворота открывать для одиночных всадников мною запрещено, достаточно и калитки. Сам тоже протиснулся через нее во двор, уже вычищенный от снега, дорожки выскоблены до камней, под стенами белые горы, но там пусть, не мешают.

Один из стражников принял коня, Бобик пронесся по двору, опустив нос и ревниво изучая новые запахи, я поблагодарил за службу и отправился в донжон.

В холле натоплено, жарко пылает камин, тепло и сухо. Через приоткрытую дверь из зала доносятся взрывы хохота, громкие голоса спорят о прошлой войне Карла с Горландом. Я невольно прислушался, заглянул в зал и посмотрел на моих рыцарей с великим уважением: почти все участвовали, почти все побывали в ключевых местах сражений. Потом вспомнил, что где двое дерутся, там спустя время оказываются трое героев и десять заслуженных ветеранов, а убитый барсук обретает крылья и зовется лесным драконом.

Альбрехт первый ощутил взгляд, оглянулся. Я приложил палец к губам и кивнул в сторону. Ждать за дверью долго не пришлось, он появился быстрый и с возбужденным лицом.

— Снова так неожиданно?

— Ну да, — возразил я, — с конем и Псом?.. И ворота сам себе открыл?.. Пойдемте в мои покои, расскажете, что здесь и как в мое отсутствие.

Он поднимался рядом по лестнице, я видел, как удивленно косится в мою сторону, хотя я все тот же, начал было рассказывать, но махнул рукой.

— Сэр Ричард, да что могло произойти?.. Так, все по мелочи... Сэр Растер и Митчел дважды рубились на мечах, но потом всякий раз пили мировую, Макс пытался съездить в ближайшую деревню на коне, но увяз в сугробах, пришлось дальше на санях... У дракончиков, как у клестов, детеныши рождаются зимой, вы не знали? Теперь самоотверженные родители таскают еду прямо со столов... А что у вас?

Слуга, что шел навстречу, охнул, вытаращив глаза, опрометью бросился обратно, распахнул перед нами двери в мои покои.

— Принеси что-нибудь перекусить, — велел я.

— А вина? — спросил слуга, кланяясь.

— Будете вино, барон?

Альбрехт мотнул головой:

— Не хочу туманить мозги.

— Только жареного мяса, хлеба и сладостей, — велел я.

Слуга ринулся со всех ног по коридору. Мы вошли в помещение, тепло и сухо, в камине огонь, все готово к моему возвращению. Молодец Далила.

— Садитесь, барон, — сказал я.

Он выждал, пока сяду я, опустился напротив в той же позе, как я сидел у Найтингейла: с прямой спиной, почти-тательным вниманием в глазах и абсолютно непроницаемой мордой.

— Сэр Альбрехт, — проговорил я, морщась. — Я вам, возможно, очень не нравлюсь, но что поделаешь... сам себе иногда очень не того... Хотя, конечно, я еще та цаца и доволен собой почти всегда. Во всяком случае, любую свою дурь сумею оправдать. И оправдываю, есс-но. Философия есть такая...

Он пропустил мимо ушей мой пассаж насчет не нравления, заинтересовался:

— Что за философия?

— Да что-то типа «принимайте меня таким, какой я есть, ибо я и так совершенство, пусть даже и с расстегнутой ширинкой на улице».

Он изумился:

— Есть такая философия?

— Есть-есть, — заверил я. — Создана специально для дебилов, которых обучить ничему никак. Но, чтоб те не чувствовали себя уродами рядом с нормальными, что учатся, развиваются, совершенствуются, — им и дали это утешение. А мы все охотно становимся дебилами, как только понимаем, что это можно, что это не стыдно, что и дебилы — люди.

Он просветлел лицом:

— А-а-а, церковь поработала! Насчет блаженны нищие духом?.. Ну да, она умеет утешать и примирять. Вообще-то между нами не дураками говоря, это очень полезная работа. Иначе на почве недовольства возникают брожения, бунты, реформы... А так все довольны.

В открытую дверь гуськом вбежали слуги, торопливо расставили по столу блюда с мясом, хлебом и множеством сладких сдобных пирогов, а также медом в кувшинчиках и в сотах.

Я выждал, когда умчались и захлопнули за собой дверь, подцепил на кончик ножа ломоть горячей телятины.

— Сэр Альбрехт, я все больше вижу, что вы не совсем дурак. Потому я с вами гораздо более откровенен, чем даже с более симпатичными мне Максом, Митчелом или даже Растером. Не говоря о других рыцарях, что шли за мной в огонь и воду. Я их люблю и доверяю им, но раскрываюсь перед вами. Странно?

Он тоже взял такой же ломтик мяса, только поменьше, и здесь следит за собой, улыбнулся, развел руками.

— Я тоже замечаю, что вы не совсем тупы, сэр Ричард. И что не всегда обязаны успехом удаче. Но если такое дове-

рие, то можете поделиться планами на будущее? Хотя на ближайшее время?

Я жевал молча, просто на такой простой вопрос нет ответа, Альбрехт посматривает со спокойствием в непроницаемых глазах, мол, скажешь — хорошо, промолчишь — ничего не теряю, но я уловил идущий от него жадный интерес. И если не поделюсь планами — будет глубоко разочарован.

— Сейчас зима, — произнес я медленно, — дороги перекрыты, жизнь замерла. До весны, даже до лета, когда не только снег растает, но половодье спадет, земля подсохнет, дороги запроходимеют. Хорошее время, чтобы остановиться наконец и... подумать.

Он усмехнулся:

— До этого вы, пока метались то к Барбароссе, то к Гиллеберду, не думали?

— Нет.

— А как же...

Я отмахнулся:

— Решать возникающие прямо перед носом задачи — это не значит думать.

— Гм, — проговорил он, глаза его странно блеснули, — а что такое думать в вашей трактовке? О душе?

— И это тоже, — ответил я мирно. — Все это время я пер напролом вперед и вперед. Это не секрет, хотя не люблю о таком трепать языком направо и налево: я хочу на Юг, хочу видеть его диковины. Потому как-то не замечал... вернее, не слишком обращал внимания на то, что приобрел по дороге, что потерял, что изменил и что изменилось во мне самом...

Он поерзал в кресле, наклонился вперед и с явным удовольствием спросил:

— Не значит ли это, что теперь ухватили настолько большой кус, что решили... так сказать, освоить? И для та-

кого прибыльного дела отказаться от вашей навязчивой идеи?

Я прожевал мясо, понял, что хорошо перекусил еще у Найтингейла, выбрал пирог побелее и разломил пополам.

— Нет, от идеи не откажусь, но и доверившихся мне людей бросить, даже можно сказать — кинуть, как-то... нехорошо. Понимаете, сэр Альбрехт, никогда раньше мне столько людей не выражало полное и даже, черти б их побрали, доверие! Я вообще из такого мира, где никто никому не верит. Разве что детишки, что еще не обожглись... И вот теперь такое! Для меня это непривычно, тягостно, беспокойно и как-то нехорошо. Проще всего отмахнуться от всех и... дуть по своим делам, но что-то мешает. Какую-то болезнь я все-таки здесь подхватил.

Он кивнул, взгляд цепкий, и спросил деловито:

— Значит ли это, что вы останетесь в Армландии гроссграфом?

Я сказал с тоской:

— Еще я ненавижу вас, сэр Альбрехт, за умение видеть мой следующий шаг. На три шага, конечно, вам не дано, но другие и на один не видят. И еще задаете точные вопросы, что опять же не ндравится...

Он равнодушно пропустил это мимо ушей.

— Так остаетесь?

— На какое-то время, — ответил я нехотя.

— На какое?

— Не знаю, — ответил я честно. — Но раз уж в моих руках какая-то власть над целым регионом, то будет не совсем хорошо, если ничего не сделаю, чтобы не улучшить... гм, даже не знаю пока, что улучшить. Как собака — чувствую, но сказать не могу. Благосостояние? Экономику? Тут все так запущено, что надо собрать немало умных голов, чтобы совместно решили...

Он поинтересовался с непонятной интонацией:

— Совет лордов?

Я запнулся, но в его глазах прочел нечто такое, что решился сказать откровенно:

— Сэр Альбрехт, вы из этих лордов самый умный... нет-нет, это не комплимент, вы это и сами знаете. Но остальные лорды, люди отважные, смелые, верные и вообще замечательные во всех отношениях — в отношении лисьей хитрости вам в подметки не годятся. Так что, извините, вам придется не слишком обращать внимание на титулы в совете, который я начну собирать.

Он широко улыбнулся:

— Сэр Ричард, я несколько не оскорблен. Более того, мне самому интереснее общаться с управляющим замком, даже с деревенскими старостами. Среди них попадаются настоящие мудрецы! Вы брякнули весьма здравую мысль, которую даже не заметили...

— Какую? — спросил я сердито.

— Что в мирное время должны править совсем другие люди, — пояснил он невозмутимо. — На войне нужны суровые военачальники, умеющие послать отряд на смерть, чтобы выиграть битву, а в мирное время важен человек, который навяжет соседу шерсть йоркских овец по цене брабантских. Увы, у нас пока не так. Сэр Ричард, вам состав такого совета лучше не оглашать публично. Пусть вашими советниками официально остаются знатнейшие лорды Армландии. А неофициально общаться можете с кем угодно... Как я понял, у вас что-то экстраординарное?

— Даже очень, — ответил я. — Вы сидите как-то неудобно, барон! Располагайтесь так, чтобы не выпасть. Я еще не все сказал.

Он в самом деле уместился поудобнее, в глазах жадный интерес, спросил живо:

— Догадываюсь, на этот раз нанесли визит в королевство Шателлен?

— Точно.

— К самому королю Найтингейлу?

— Угадали.

— И, — сказал он, — снова какой-то договор о ненападении?

— Плюс торговый, — добавил я. — Но, как вы понимаете, я не стал бы возиться с этими договорами просто ради безопасности. У всех своих дел столько, что я не жду прямого вторжения даже от Гиллеберда.

Он насторожился.

— Что вы задумали, сэр Ричард?

— Реформы, — ответил я несчастным голосом.

За дверьми послышался топот, звон железа, громкие голоса. Дверь приоткрылась, мы увидели голову сэра Растера с выпученными глазами.

— Сэр Ричард?.. — ахнул он. — Да когда же вы?.. Да как же...

Я вздохнул, поднялся.

— Сэр Альбрехт, пора идти отбывать повинность за праздничным столом. Сэр Растер, счастлив видеть вас в таком добром здравии!.. Что-то вы все худеете...

Сэр Растер захохотал громогласно:

— Ну да, скоро ни в одни двери не пройду!.. А зима только началась!

— Сколько той зимы, — утешил я его же словами.

В коридоре уже толпятся рыцари, узнавшие от слуг, что сюзерен вернулся. Я попал в их руки, шлепки по плечам, мы же боевое братство, затем все переместилось за столы. Слуги сменили скатерть вместе с посудой, и началось пиршество, что через пять веков будет называться военным советом, совещанием и уточнением планов.

Я рассказывал про торговый договор с Найтингейлом, про рудники, но меня все спрашивали про крепость в Орочьем Лесу, о странных рыцарях, перебрали всех героев, но не вспомнили никакого Арагна, послали за Миркусом, чтобы поискал в старых книгах.

Сэр Растер, воодушевившись, потреблял вино, как водяная мельница, и с Митчелом наперебой строили планы, как вторгнуться в Орочий Лес и взять приступом крепость орков. Макс все выпрашивал насчет Гиллеберда, слишком амбициозный у нас сосед, сэр Альбрехт помалкивал, но я видел в его глазах вопрос: не слишком ли рано подписан договор с Найтингейлом? И Орочий Лес пока что непроходим, и лорды к торговле с другим королевством не готовы...

Я поднялся.

— Продолжайте без меня, — сказал я властно. — Нет-нет, не могу! Я с ног валюсь. Как, по-вашему, это легко — весь день в седле зимой?.. Буду отсыпаться трое суток.

Меня проводили сдержанным гулом понимания, сэр Растер браво заверил вдогонку, что пока я буду почивать, они тут за столом разработают подробный план кампании супротив орков, огров и всех, кто смеет незаконно проживать в том Лесу.

В дверях я остановился.

— Кстати... Мечи тех рыцарей пусть посмотрит Миркус. Если ничего в них опасного, то они ваши...

Рыцари ликующе зашумели, начали выскакивать из-за стола с такой скоростью, что кто-то выпрыгивал даже из сапог.

Я потащился к себе, тело в самом деле ноет, ноги как свинцовые. Добравшись до покоев, поспешно разоблачился и рухнул на ложе. Тут же за дверью испуганный вскрик, проклятье, дверь распахнулась, и Бобик в два прыжка оказался на постели.

— Нет, — сказал я твердо. — Никакой грозы, бури, цунами, урагана — нет! Так что не прикидывайся, кабан, испуганной сироткой. Твое место на коврике.

Бобик, попрыгав на мне и выразив радость суетливыми телодвижениями, печально вздохнул и мелкими шажками подошел к краю ложа, оглянувшись с великой надеждой в чистых детских глазах.

Я безжалостно пихнул в толстый зад.

— Иди-иди! Скажи спасибо, что не на тряпочке.

Еще печальнее вздохнув, Бобик спрыгнул и начал устраиваться на медвежьей шкуре у кровати. Я услышал, как наконец вздрогнул от удара пол, донесся вздох облегчения: Бобик тоже устал, хотя по прибытии все же сперва навестил кухню и убедился, что его там не забыли.

Глава 9

Я, в самом деле, как в пропасть рухнул, утром очнулся в той же позе. Бобик мирно спит на полу, только передвинулся в сторону камина. Там россыпь багровых углей, сухой жар, воздух прогрет, хотя за окном мелькают снежинки.

Сидя на постели, я сотворил кофе, пальцы жадно ухватили чашку. По горлу прокатилась горячая струя. Я медленно начал оживать, но в теле все еще гнездится некоторое закрепощение и тень вчерашней усталости.

Когда оделся и тупо раздумывал, что еще нужно успеть до отбытия в свой мир срединной Утопии, в покои заглянул сэр Макс. Кашлянул деликатно, отрывая мой мудрый затуманенный взор от картин иного мира, ведь вообще-то для большинства местных Армландия и есть весь мир, какие могут быть ищщо?

— Сэр Ричард...

— Ну?

— Простите, что отрываю, но требуется ваш суд.

Я повернулся к нему, весьма удивленный.

— Что за дело такое? Объявление Седьмой Войны Магов?

Он пробормотал смущенно:

— Нет, простые браконьеры. Но с ними пришел священник, он настаивает, чтобы судили вы лично.

Я пожал плечами:

— Что за бред?

— Многие сеньоры предпочитают вершить суд лично, — торопливо сказал он.

— Может, сами еще и вешают? — спросил я. — Ладно, оторвемся от забот насчет всеобщего процветания и удвоения. Пойдем.

Небо чистое, синее, воздух свежий, морозный, но без ветра, посреди очищенного от снега двора со связанными за спиной руками четверо, молодые и с виду нехилые. Один так и вовсе даже среди моих стражей был бы далеко не последним: рослый, широкий в плечах и с выпуклой грудью. Зыркает по сторонам, как пойманный волк, ищет пути освободиться. Щеку пересекает заметный шрам, в манере держаться чувствуется бывалость, хотя с виду еще молод. Трое других проще, обычные крестьянские парни, сутулые, нечесанные, с унылыми мордами.

За их спинами деревенский священник, худой и с постным лицом хронического неудачника. Всех четверых поставили перед крыльцом, а когда я вышел, стражники заставили их опуститься на колени.

Священник тут же выдвинулся вперед, вид бестрепетный, но в лице все та же безнадежность и покорность судьбе.

— Это мои прихожане, — сказал он тонким голосом, — так что часть вины и на мне. Старался я внушить уважение к чужой собственности, но не сумел... Однако во имя Господа нашего умоляю, ваша светлость, судить их не по людскому суду, что всегда зол и несправедлив, а по заветам Господа нашего милосердного...

Я взглянул поверх склоненных в поклоне голов. Солнце недавно поднялось, маленькое, «светит, да не греет», бледное, едва заметное на бледном небе, слабо освещая верх крепостной стены, осыпанной сахарной пудрой. И вообще мир, приоткрывший один глаз на короткое время дня, чтобы снова заснуть на долгую зимнюю ночь.

— Ваша милость, — сказал Макс почтительно, — они били ваших оленей, собирали хворост в вашем лесу.

Я молча смотрел на коленопреклоненных, первый импульс — немедленно всех отпустить, извинившись за недо-
разумение, объявить, что отныне лес и вся природа — об-
щее достояние, но зажал себя в кулак, уже знаю по истории,
что получится, умный обязан учиться на чужих ошибках.

— Кто такие? — спросил я.

Тот, что самый крутой, поднял голову и начал говорить,
но страж сильным толчком тупого копья в спину заставил
умолкнуть. Из собравшейся толпы выступил кряжистый
старик, сорвал с головы шапку, обнажив седые волосы.

— Это из моей деревни, — сказал он понуро. — Я ста-
роста, отвечаю тоже. Это Берг, Колода, Хансен и Улынга.

Я смерил его недобрым взглядом, повернулся к колено-
преклоненным. У троих в позах полная безнадежность,
лишь у четвертого чувствуется внутренняя сила. Он даже
ухитрился зыркнуть на меня пару раз исподлобья.

— Ладно, — произнес я строго, — будем разбираться. Эй
ты, тебя как зовут?

Крайний вздрогнул, вскинул голову, лицо еще неста-
рое, но уже в морщинах, пегая борода и запавшие ху-
дые щеки.

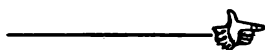
— Ваша милость, я — Хансен.

— Тебя обвиняют в том, — сказал я, — что бьешь оленей
в моем лесу и собираешь в нем хворост. Но прежде, чем от-
ветить, взгляни на святого отца. Он молит за тебя перед
Господом, так что отвечай без утайки, как отвечал бы перед
самим Господом. Помни, Господь все видит в наших душах,
от него не скрыться за ложью! А я пообещал святому отцу,
что в виде исключения буду судить тебя не людским судом,
а по тем законам, которые дал нам Господь.

Я перекрестился, и все тоже перекрестились с разной
мерой набожности. Хансен шмыгнул носом, взгляд метнул-
ся на молчаливого священника, и сам опустил голову.

— Виноват, ваша милость.

— Это было? — уточнил я.

— Было, — ответил он упавшим голосом. — Правда, оленя вот только сегодня... а хворост собирал, собирал...

— Почему поступил так... э-э... противозаконно?

Он дернул плечами, как будто собирался развести руками:

— У меня ничего нет, ваша милость... А у вас всего много. Мне сказали, не обеднеете.

Он смотрел на меня, не переводя взгляд на их жожака, но я уже понимал, кто сказал такое.

— Ладно, — сказал я, — это оставим. А почему просто не купил?

Он ответил тоскливо:

— Господи, а на что? Если бы было на что...

— Ладно, — повторил я, — что-то я не о том спросил... А почему не попросил?

К моему удивлению он ответил:

— Я просил, ваша милость. И у старосты, и у вашего управляющего. Все отказали.

— Хорошо, — сказал я нетерпеливо, — а почему не попросил в долг?

Он сказал жалко:

— Ваша милость, неурожай в наших землях два года кряду!.. Я просил, но у всех пусто.

Я вспомнил, что про неурожай уже слышал, помолчал в затруднении, не люблю эти вот трудовые будни феодала, мне бы только право первой брачной ночи и прочие льготы, а эту грязную работу спихнуть бы на сотрудников милиции.

Я вздохнул тяжело.

— Ладно, а поскрести по сусекам, проверить подвалы, как-то выкрутиться, дотянуть до весны?

Он ответил понуро:

— Ваша милость, все перепробовал. Вон спросите у старосты.

Я впериł грозный взор в старосту. Тот вздохнул и опустил голову, комкая шапку в руках. Я перевел взгляд на свя-

щенника. Тот вздохнул еще тяжелее, но, в отличие от старосты, поднял очи к небу и зашевелил губами.

Переступив с ноги на ногу, я пробежал по ним взглядом, надо бы выдать какое-то решение, но какое, в черепе сумятица. Я вздохнул вслед за старостой и священником, кивнул второму:

— А ты кто?

Он ответил с готовностью:

— Ваша милость, я — Улынга. Никогда раньше не бил в вашем замечательном лесу оленей, не крал ваш хворост! Это первый раз, клянусь Господом!

Священник поморщился, клясться Господом — кошунство, но смолчал, а я спросил по накатанной:

— Почему не купил?

— Не за что, ваша милость.

— Почему не попросил?

— Не дадут, ваша милость...

— Почему не попросил?

— Ах, ваша милость, все такие бедные...

— Почему не поскреб по сусекам? Вдруг да где-то в подвале остатки муки? Или зерна?

Его глазки пару раз зыркнули по сторонам, но ответил с подъемом:

— Ничего не было, ваша милость!

— Понятно, — буркнул я. — А ты, лохматый, что скажешь?

Третий крестьянин поднял голову, в глазах неприязнь, но ответил достаточно покорно:

— Я тоже беден, ваша милость. И у меня ничего нет. И в долг никто не дает.

— Понятно, — повторил я. — Ну, а ты... как я понимаю, это ты их повел в лес охотиться на свежее мясо? Как тебя зовут?

Четвертый, коренастый мужик, взглянул мне в глаза.

Лицо смелое, в глазах веселая лихость, а когда заговорил, я чувствовал за покорными словами слабо прикрытый бунт:

— Мы уже месяц не ели мяса. А какие мужчины без мяса?.. Купить не за что, в долг не дают... А в лесу оленей не счесть. Решили, что вашего богатства, ваша милость, не убудет. Словом, бес попутал!.. Нечистый только и следит, чтобы человека толкнуть на путь несправедливый. Но вот смотрю я на святого отца, и такое раскаяние гложет мне душу... Мне бы сейчас в монастырь уйти, замолить грехи! Или праведным трудом восполнить ущерб.

Я выслушал, кивнул:

— Да, молодец, говоришь хорошо. Чувствуется, побывал не только в своей деревне. Вон святой отец уже молится за твою душу, радуется, что на тебя снизошло просветление.

Вожак сказал громко:

— Вот как бог свят!.. Истинно просветление снизошло!.. Отныне буду вести жизнь только праведную!

— Будешь, — согласился я. — Макс!.. Этого вот, который Хансен, отпустить — у него в самом деле не было другого выхода, как украсть. Украсть — меньший грех, чем умереть от голода, когда можешь... не умирать. Этих двух — выпороть. Да не на конюшне, а посреди двора, привязав к столбу, чтобы все видели.

Один вскричал истошным голосом:

— Ваша милость! Почему Хансена отпускаете, а меня пороть изволите?

Я ответил громко:

— Потому что он в самом деле и просил, и умолял, и в погребе все выскреб! А ты? В самом деле обращался к односельчанам?.. Эй, староста, ответствуй! Просил этот герой у тебя в долг? И вообще у тебя абсолютно не осталось еды? Даже в самом дальнем уголке подвала? А что, если сейчас пошлю проверить?.. Послать людей? Но тогда учти, если отыщем хоть горстку муки или зерна, велю повесить!

Он опустил голову, в тишине все мы слышали глухой голос:

— Винюсь.

— Значит, — сказал я с нажимом, — хоть мука, но все-таки есть?

— Зерно есть, — ответил он глухо. — Три мешка. До весны хватило бы. Но мяса восхотелось...

Я кивнул Максу, тот перевел взгляд на стражей. Двух подхватили и потащили к столбу посреди двора. Я обратил грозный взор на последнего, тот смотрел на меня с ожиданием, на лице ни тени страха.

— Повесить, — сказал я с нажимом.

Он охнул, вскрикнул:

— Ваша милость, за что?

Я посмотрел поверх его головы на замерших челядинцев и толпу крестьян.

— Не оленя жалко, — ответил я. — Я защищаю ваш праведный образ жизни. Вы работаете, и у вас есть, чем пережить трудную зиму даже после двух неурожаев. Вы все лето запасали траву, сушили и складывали в стога, чтобы кормить коров, овец и коз, так что у вас и на зиму есть мясо. А эти герои... я не знаю, как себя вели и что делали летом, но... ладно, у одного, в самом деле, в доме и в закромах пусто: не буду разбираться, почему, но трое других пошли воровать не от крайней бедности! От бедности, но не от крайней. Могли бы дожить до нового урожая и без воровства. Если их пощажу, будут поглядывать на вас свысока. Мол, вы с утра до вечера копались в земле, а мы пили и гуляли — вот какие лихие ребята! И ваш труд вроде бы станет менее почетным, чем воровство... Так что зачинщика — повесить, а этих двух на первый раз просто выпороть. Попадутся еще раз — повешу.

Один ушел, кланяясь на каждом шагу, а двух привязали к столбу, готовя к бичеванию. Я всматривался в лица собравшихся, но не увидел сочувствия. Напротив, преобладает злорадство. Хороший признак. Хоть и нехорошо вроде

бы, когда радуются чьей-то казни или наказанию, но... кстати, а почему нехорошо? Как раз хорошо! Зло должно быть наказано прилюдно. Оставшись безнаказанным, зло тут же порождает другое зло, разрастается, пускает корни и ветви, и вот уже вся округа заполнена желающими только пить и гулять да чтоб работы не знать. Но откуда-то да надо брать это самое, чтобы «пить да гулять»?

Хуже того, честно работающие начинают выглядеть лохами и неудачниками, чувствуют себя ущемленными, неполноценными, трусящими лихо украсть, стащить, ограбить...

Раздались смачные удары бича, крики наказываемых. Я еще раз посмотрел на довольные лица честных тружеников. За спиной горестно вздыхал священник: суд по-божески оказался строже людского.

— Ладно, — сказал я невесело, — проехали. Надеюсь, это не испортит нам аппетита. Макс, пойдем... Святой отец, вы тоже!

Я повернулся и в сопровождении почтительно помалкивающего Макса и священника вернулся в донжон.

Возвращаясь со двора, нельзя пройти мимо открытых дверей в зал, откуда вкусно пахнет накрытым столом. Мы и не прошли. Там уже почти полный состав, посыпались вопросы.

Священник, человек деревенский, застенчиво сел на дальний от нас конец стола. Макс принялся было рассказывать, но умолк и посмотрел на меня с вопросом в глазах.

С толстым куском ветчины на острие ножа в одной руке и кубком вина в другой я сказал очень серьезно:

— Закон жесток, но почему жесток? Давайте сразу отбросим детское классовое определение, что его составили какие-то враги человечества, проклятые эксплуататоры. Любой закон, как я понимаю, лишь суррогат нравственности. Сказано: «Не укради», и какая-то часть людей не кра-

дет. Почему? Потому что красть нехорошо. Но таких один на тысячу. Остальные будут тащить все, что плохо лежит, если не подтвердить это «не укради» статьями уголовного кодекса, где подробно расписать, за что наказать плетью, а за что и петлей.

Рыцари кивали, но мало кто слушал, даже слышал: за ушами стоит неумолчный треск, вино грохочет, красиво падая из кубка в пасть наподобие горных водопадов, а там бурлящие потоки прыгают по порогам пищевода, разве что Макс превратился в слух, да еще слушает барон Альбрехт, который вообще пирует мало, а ест еще меньше.

— В то же время, — продолжил я, чувствуя, что щедро мечу бисер, — даже нравственный закон «не укради» нарушить можно. По человеческим законам красть нельзя никогда, а по божеским... можно! Однако — в самых исключительных случаях. Нужно только, чтобы другого выхода не было вообще. Или украду — или помру. В этом случае лучше украсть. Вернее, допустимо украсть. Преступив закон, такой вор спасает от смерти и себя, и близких, что зависят от него. Потому можно и оленя застрелить, и хвороста набрать. Бог поймет и простит.

Митчел сказал со смехом:

— Но вы-то не простили!

— Такой там был только один, — ответил я, хотя нужен ли Митчелу ответ, он уже и забыл, что сказал, пересказывает какую-то похабщину Растеру, оба жрут, как бегемоты. — Ладно, разобрались с мясом оленя и хворостом, которые он добыл, дабы не умереть с голоду. Но олень велик, одному не съесть, да и хвороста набрал с запасом... Что делать с остатками? Как быть с тем, чтобы поделиться мясом и остатками дров с такими же крестьянами?

Я увидел, как в глазах священника мелькнуло беспокойство, а барон Альбрехт нахмурился, сразу уловив очень скользкое место в вообще-то прекрасной заповеди.

— Вообще-то, — проговорил Макс нерешительно, — это по-христиански... в смысле, делиться. Но, гм...

— У меня вопрос, — спросил я. — Он все-таки сделал остальных крестьян сообщниками, когда поделился с ними? Или оставил грех только на себе?

Они переглядывались. Священник смущенно закричал.

— Сэр Ричард, вы вдаетесь в такие тонкости... Лорду вашего уровня надо ли снисходить до таких мелочей?

Я покачал головой:

— Святой отец, я хочу быть справедливым лордом. И действовать в духе христианского отношения к людям. Как быть с человеком, который вот так бьет чужих оленей, раздает бедным, при этом его все считают честным и благородным, благодарят, а еще множество его поддерживают тайком, снабжая нужными сведениями, ибо кровно заинтересованы, чтобы он и дальше действовал, как действует?

Они задумались, барон Альбрехт уточнил:

— Сэр Ричард, вы хотите сказать, как быть не с человеком, с ним понятно, а с ситуацией?

— Да, — ответил я, — спасибо, барон. Именно так. Меня интересует не то, как его судить людским законом, здесь можно и ошибаться, все-таки люди, а как бы судил, к примеру, присутствующий здесь представитель церкви, а значит и представитель Господа на земле?

Священник сложил руки и бормотал молитву, ну это понятно: когда сказать нечего, а надо, то вытаскиваешь сигарету, разминаешь, достаешь зажигалку, дальше ритуал возжигания огня, желтый язычок касается кончика сигареты, пара коротких пыхов... и все это время напряженно придумываешь, что же сказать... Остальные просто кивнули и углубились в сравнение достоинства вин из разных кувшинов: возникло подозрение, что хитрые слуги подсунули предназначенное для прислуги, а сами тайком лакают дорогое, выдержанное.

Барон Альбрехт смотрел на меня с укором: мол, зачем ронять свое достоинство, рассуждая вслух о вещах, непонятных и неинтересных для вассалов? Сэр Растер абсолютно ничего не понял из моих слов, но поглядывал горделиво. Мол, смотрите, я же говорил, что этот молодой рыцарь непрост, далеко пойдет.

— Не получится ли, — спросил я, — что пред судом предстает только один человек, потому что десятерых я должен буду освободить сразу, им же помог этот сорвиголова, и они не знали, что мясо краденое? Еще двадцать крестьян знали, но жили в такой бедности, что другого выхода вроде бы не оставалось, как принять краденое? Еще тридцать крестьян не могу привлечь, потому что знали и пользовались ворованным, но мягко осуждали его поступок и говорили, что он преступник. Но, добавляли тут же, он честный преступник, бедным помогает, вот опять помог, спасибо, дорогой! Но даже этого, которого я велел повесить... вроде как велел!.. и то он вроде бы виновен только в моих глазах, но с точки зрения христианской морали он чист, аки голубь!

Священник вздыхал, барон Альбрехт наконец проронил:

— Сэр Ричард, он виновен и по христианской морали. Что вы блестяще и доказали, приказав повесить мерзавца на самом видном месте! Церковь, как вы говорили, должна быть воинствующая.

Он захохотал, чересчур громко, зато рыцари тоже захотали, посыпались шуточки, и пир пошел дальше веселый и беспечный, без всяких христианских заморочек.

Я наконец поднялся, разговоры сразу умолкли, я выставил перед собой ладони:

— Пируйте, пируйте!.. А я пойду к себе строить зловещие планы... Должны же мы весной всех соседей удивить подвигами?

Митчел проревел мощно:

— Конечно! Всех в бараний рог согнем!

— В землю по ноздри вобьем! — поддержал Растер с ве-

селем смехом, больше похожим на грохот камнепада. — Все должны ощутить, кто отныне правит Армландией!

Я захохотал, тоже громко и мощно, я же рыцарь, феодал, и отбыл, оставив за спиной веселые вопли.

Глава 10

Когда Далила среди ночи притащила очередную порцию березовых поленьев, в раскрытую дверь донесся едва слышный рев голосов: герои все еще пируют, как в них только и влезает столько. Песня вроде бы о рыцаре и монахе, чуточку крамольная, от камина веселый треск расщелкивающегося дерева. Далила уже сидит на низенькой скамеечке и деловито подкладывает поленья.

Я за столом всматриваюсь в карту, спиной чую недоумевающий взгляд малышки. Когда же потащу в постель тешить плоть, чем же тот лист пергамента так интересен, чем вообще для мужчин интересны игры, турниры, охота, сражения, если предпочитают их утехам в постели?

Почти бездумно создал чашку кофе и, прихлебывая, подумал, что зимой самое время бы разобраться с книгой заклинаний, зря, что ли, выучил ее у мага Уэстефорда. Дело не в том, что выучить — мало, надо еще уметь применять, а это весьма щекотливо в моем положении христианина, тем более — паладина. Если всерьез займусь магией, начну пользоваться — потеряю паладинность. Да и церковь мною займется всерьез. Но главное — в этом жестоком мире, где кровь льется рекой, я не смогу больше залечивать раны.

Впрочем, смогу, если отыщу и выучу нужные заклинания. Тогда уже буду лечить раны не святостью паладина, а чародейством, а в этом что-то очень нечистое. Да, похоже, начинаю вырастать из детских пеленок, когда магия кажется более интересной только потому, что она именно грязная. Я помню, как тусовались на лестнице дома, где остановился Воланд с его свитой. Мы знали наизусть каждое

слово, что произносил кот Бегемот, Азazelло или Гелла, но абсолютно не интересовались диалогами Иисуса с Пилатом или Каиафой. Сейчас начинаю интересоваться, хотя симпатия к магии остается почти на том же высоком уровне.

Во всяком случае напомнил себе, отказываться от магии не буду. Даже церковь не осудит, если к чародейству буду прибегать только в безвыходных положениях, когда не помогает ни меч, ни крест, ни святая вода. Ну, как вот с тем крестьянином, что набрал чужого хвороста и убил оленя от крайней нужды. Лишь бы это не заставило меня перейти в лагерь противника.

— Ваша милость, — донесся почти детский голосок со стороны камина, — вам что-нить принести?

Я отмахнулся:

— Не нужно. Лезь под одеяло, спи.

— Ну что вы, ваша милость, как можно!.. Мне на кухню надо...

Я промолчал, а спустя минуту услышал шлепанье босых ног по направлению к постели. Армландия на карте выглядит пугающе огромной: слишком много городов, сел, крепостям так вообще нет числа. У многих лордов по три-четыре замка, а у самых могущественных — десятки. Прекрасные условия для земледелия, хорошо развито скотоводство, а Хребет, что идет по всей южной границе, дает нескончаемый камень, а также возможность ставить рудники везде, где есть железо, медь, олово, серебро, золото...

Если бы ко всему этому богатству подойти с умом, да еще с моей немалой властью... которой у меня, кстати, еще нет, но могу обрести... зато вот с умом, гм... До этого момента был уверен, что все могу и все умею, как всякий болельщик на трибуне всегда знает, как играть, но вот смотрю на карту и впервые начинаю чувствовать, что туплю.

— Многовато, — проговорил я вслух, — многовато...

Со стороны ложа пискнуло:

— Ваша милость, мне что-то нужно сделать?

— Лежать молча, — буркнул я, — если ты, конечно, женщина. Я ж тебе сказал, спи!

— Как можно, ваша милость...

— Вы мне спящими нравитесь больше.

— Лицом к стенке? — поинтересовалась она робко.

— Догадливая, — похвалил я. — Лицом — как хочешь, но чтоб задницей ко мне.

За окном луна в злом темном небе набухла, как нарыв, что вот-вот прорвется, я даже различаю более светлые участки, откуда брызнет святающийся гной, тень которого и так заливает замершую в испуге землю. В ночном морозном воздухе то и дело проносится нечто огромное и опасное, но я тоже опасен, так что ночные звери лишь заглядывают на лету в окно и пропадают в темноте, выискивая добычу попроще.

А может быть, никакие не чудовища, а простые летучие мыши. Или совы. Могут же летучие приспособиться к жизни в промерзшем лесу? Ну, особенно, если какому-то магу восхочется посмотреть, что из этого получится? Две трети открытий получены в результате попыток ответить на детский вопрос: а что получится, если?..

Ночью пас в горах овец, а они, сволочи, все разбегаются, либо прут, куда хотят, падают в ямы, лезут в пещеры, любые щели. А десяток сторожевых псов, что должны бы помогать с этой, как ее, пастьбой, затеяли драку: кто из них круче.

Проснулся злой и растерянный, все еще во власти поражения. И хотя понятно, что я вот, гроссграф, но поражение даже во сне удручает.

К тому же я в какой-то мере в самом деле, этот... чабан. Вообще всех лордов сравнивают с пастухами. Даже Иисус всегда этот самый пастырь, а на картинах то и дело с ягнечком на руках. Ага, теперь представляю, как искал и где мог найти этого хитрого засранца!

К счастью для меня, я до этого времени вообще не пас и не имел дел с отарой: все мимо, на Юг, как три сестры.

А сейчас вот да, на мне стадо. Зиму просидит в хлеву, а весной будь добр, ищи для него пастбище с хорошей травой.

Медленно зрела идея, что хотя барон Альбрехт, Митчел, Растер и Макс хороши, но на всю Армландию их маловато. Чтобы махину такой провинции держать, нужны крепкие плечи. К примеру, хорошо бы часть полномочий передать моим верным вассалам из Амальфи, Амило и Вексена: Гунтеру, Тюрингему, Зигфриду, Ульману...

За столом шумит и стучит ножами плавно перетекший из ужина в завтрак пир. При моем появлении встали, я сказал «вольно» и опустил зад в главное кресло. Слуги поспешно принялись заставлять столешницу передо мной горячими блюдами, уже знают мои вкусы.

Барон Альбрехт с той стороны стола сказал негромко:

— Сэр Ричард, что задумали на этот раз?

— Видно? — спросил я.

— Еще как, — заверил он. — Вам надо уметь скрывать мысли.

— Даже от своих?

— От своих особенно, — подчеркнул он. — Даже самые преданные вам люди имеют собственное мнение, что может отличаться от вашего. Они могут попытаться отговорить вас. А свои опасны тем, что чужих можете послать к дьяволу, а своих послушаете: свои же, зла не желают...

Я покрутил головой, пальцы мои уже раздражают горячее мясо, ноздри ловят запахи, а желудок подпрыгивает в ожидании добычи.

— Да... Ладно, все равно не проболтаюсь!

— Но снова вылазка?

— Ненадолго, — заверил я.

— Цель?

— Размять коня и Пса, а то уже и меня пугают своими разевшимися мордами. Какие там морды! Морды — это что-то понятное, а у них уже и не знаю что.

— Ну да, — ответил он саркастически, — так и поверю, что ненадолго!

— А почему нет? Любой лорд так бы сделал.

Он фыркнул:

— Пошел бы я к любому лорду! Да еще остался бы в его замке на зиму, будто у меня своего нет... Ладно, сэр Ричард, не говорите, я не обижаюсь. Значит, что-то очень важное.

Если бы, подумал я с тоской. Просто хочу навестить вассалов в своих владениях. У меня один Амальфи чего стоит! А Вексен и Амило тоже... Интересно, выполнил ли Гунтер мое распоряжение насчет производства композитных луков? Да и вообще, что там творится... Не забыли, что хозяин — я? Есть у меня еще один замок, где я получил амулет-копалку, но те владения наверняка уж потеряны. Что ж, легко пришло — легко ушло...

Митчел наклонился в нашу сторону, прислушиваясь, а когда мы замолчали, сказал удивленно:

— Куда в такую бурю ехать? Не заметили, что метель снова разыгралась?

— От метели можно удрать, — заметил я.

— Но зима еще не кончилась!

Я вздохнул:

— Ладно, Митчел, только тебе, как старому соратнику, по великому секрету...

Он насторожился, сказал шепотом:

— Клянусь, никому!

— Ко мне явился, — сообщил я, — некто в белом и с крыльями. Огромный такой, но лик сверкающ, не рассмотрел, что там. И трубным гласом велел... Дословно я не разобрал, но нечто вроде: иди и внимли! Вот и пойду, пойду, пойду...

Он спросил жадно:

— А внимлять будете?

— А что это?

Он развел руками:

— Не знаю. Но вы ж паладин...

— Да вот такой я паладин, — вздохнул я. — Ладно, главное — ввязаться в драку, а там уже и повнемлю.

Когда через полчаса я проходил через нижний зал, за пиршественным столом шел горячий спор, кто же явился в видении сэру Ричарду, гроссграфу Армлиандии. Ангелы были отброшены сразу: пусть являются простолюдинам, а мне явился то ли серафим, то ли архангел. Скорее архангел, все-таки серафимы неотлучны от Творца, а вот архангел — да...

— Михаил являлся, — убежденно гудел сэр Растер. — Он самый расторопный!

— А Гавриил самый быстрый, — возразил Макс. — Его посылали чаще.

— Нет, — сказал сэр Растер еще тверже, — только Михаил! Михаил — рыцарь, архистратиг над рыцарями, первый рыцарь небесного королевства. Это ж он дрался, аки лев рыкающий и алкающий, с Люцифером, который был тогда еще сильнейшим ангелом! Это ж надо, семьдесят шесть дней и ночей драться, не выпуская оружия из рук!.. Только такой и мог явиться сэру Ричарду, ибо не мог Господь послать к нашему лорду какого-то мальчишку-ангела...

Я чуть было не показал умность, напомнив, что ангелы никогда никому не являлись мальчишками, тем более — розовощекими детишками с крылышками, какими их рисуют на рождественских открытках тицианы и прочие рембрандты. Всегда — только зрелыми особями, всегда — мужчинами. Впрочем, людям приятнее представлять ангелов младенцами, вот и закрепились такая дурь.

— А что делает архангел Сандальфон? — спросил барон Альбрехт лениво. — Он такой тихий, что о нем и не слышно! Про Уриэля слышал, про Иегудиила слышал, а вот Сандальфон что-то совсем не сторожит, не воюет, советы Творцу не подает...

Господи, мелькнуло у меня в голове, какие грамотные. Я и не знал, что еще и такие есть. Я вообще Азраила с Михаилом путаю, знаю только, что один сторожит просто рай, а другой — рай малаика, что значит — рай ислама. А какой что сторожит — не помню.

За столом притихшие было рыцари снова пошли сыпать

шуточками, завели песню, вина много, я присел на минутку, сожрал медовый пирог и поднялся из-за стола.

— Отдыхайте, дорогие друзья! Сколько той зимы?.. Весной вас ждут великие дела... Я отлучусь на пару дней, так что если что есть ко мне, говорите сейчас.

Не знаю, уловили или нет, что я сказал «вас ждут», а не «нас», но к этой моей поездке все отнеслись куда более настороженно, хотя раньше ехал в неведомые опасности, а сейчас перед отъездом честно сказал, что попросту решил провести старых соратников.

Хотя, возможно, просто не хотят мною делиться с кем-то еще. Тоже понятно и тоже по-человечески.

С утра яркое солнце, снег блестит так, что глазам больно, полное безветрие, утренний морозец вот-вот сменится оттепелью. Я подставил лицо солнцу, по коже словно прошло теплое дыхание огромного доброго зверя.

Потом снег вскипал и поднимался за нами белым облаком. Зайчик неся длинными прыжками, Пес уже понял, куда держим путь, и все забегал далеко вперед, останавливался и оглядывался на Зайчика злорадно: ну что ползешь, черепаха?

Города и веси мы проскакивали стороной, а если и увидят нас какие редкие бродяги, то одной легендой о Призрачном Всаднике больше, пустяки.

Четыре раза останавливался, совсем закоченев под напором ледяного встречного ветра, отогревался горячим кофе, прижимался всем телом к пышущему жаром, словно натопленный камин, Зайчику.

Солнце неумолимо поднималось выше и выше, затем чересчур быстро переползало на западную половинку неба, в конце концов начало сползать по небосклону. К счастью, не пришлось останавливаться, чтобы сориентироваться: Зайчику достаточно было сказать «Амальфи», и готов по прямой нести меня туда без всякого отдыха.

На закате впереди маленький городок, скорее — разросшееся село, я попытался вспомнить название, не сразу сообразил, что и не знал, такой из меня хозяин, а это ж мои владения, но тем более подбочился и въехал на околицу с видом владетельного лорда.

Народ, хорошо и даже по-праздничному одетый, выскакивает из домов и спешит вдоль улицы в направлении центра. Я подумал, что приехали бродячие актеры или же торговцы мелким товаром, крикнул одному парнишке:

— Эй, куда народ так спешит?

Он оглянулся, глаза округлились при виде такого огромного коня, да и я не мелочь, с опаской покосился на исполинского Пса и только тогда сорвал с головы шапку и ответил с поклоном:

— А он нас не съест?

— Съест, — ответил я зловеще, — если ты забыл, что лорд задал вопрос.

Ничуть не испугавшись, дети существа чуткие, он крикнул весело:

— Ведьму жгут, ваша милость!

— А, — сказал я, — ведьму... Это хорошо, мир нужно очищать!

Он засмеялся и понесся бегом. Зайчик легко обогнал, народ отпрыгивал в стороны. Дома расступились, как стены узкого ущелья, навстречу выбежала заполненная народом площадь. В центре — деревянный помост и высокий столб, женщина привязана спиной к столбу, окровавленная рубаха изорвана во многих местах, хворост сложен вокруг помоста.

Я поморщился, ведьма будет долго мучиться от жара и задохнется в огне. Если бы вязанки с хворостом встались наверх, чтобы хотя бы до колен, а лучше — до пояса, тогда правосудие закончится быстрее.

Народ ликует, но в жестокосердии обвинять его глупо. Это все та же радость честных тружеников, которые видят

наказываемое зло. Надо жить и работать честно, а не пытаться украсть, ведь колдовство — та же кража.

Сердце мое стукнуло чаще. Ярко-красные волосы женщины падают на лицо, закрывая его целиком, но я произвольно пустил Зайчика через толпу ближе к помосту. Там низкорослый священник потрясает листом бумаги, рядом огромный и неподвижный, как скала, палач.

Народ одет ярко, празднично, не каждый день жгут проклятую ведьму. День теплый и солнечный, по толпе снуют разносчики горячего компота и травяного чая, продавцы пирожков. С той стороны на помост взобрался щеголеватый даже в толстой меховой шубе герольд, огляделся и красиво подудел, проверяя, в серебряный рожок. На легком ветерке весело трепещет четырехугольный красный флажок, прикрепленный к трубе, на шляпе с закрывающими от мороза уши отворотами колышется длинное перо.

Я остановил коня напротив деревянных ступеней. Священник наконец обратил на меня внимание, глаза удивленно расширились. Я узнал того деревенского попа, что, бедный и затурканный, ютился на заднем дворе замка Амальфи.

— Что?..

— Приветствую, отец Ульфилла, — сказал я. — Кого жжем?

— Ведьму, — отрезал он, моментально приходя в себя, и смерил меня подозрительным взглядом. — А что, родственную душу узрели, ваша милость?

Я сдержался от резкого ответа, Зайчик встал боком и я прыгнул сразу на верхнюю ступеньку. Ведьма приподняла голову. Грязные нечесанные волосы расступились, я увидел безумно исхудавшее, обезображенное кровоподтеками лицо Фриды. Палач тем временем поджег факел и вскинул над головой. Народ ликующе заорал, толпа колыхнулась, все стремятся подойти ближе, надо ж рассмотреть в подробностях, как вспыхнет первая вязанка хвороста.

— Фрида! — вскрикнул я. — Фрида!.. Ты меня слышишь?..

В ее глазах начало проступать осмысленное выражение. Черные и распухшие от побоев губы шевельнулись, но я не услышал ни слова.

Священник вскрикнул гневно:

— Отыди, сатана!.. Антихрист!.. Поджечь хворост!

— Заткнись, — процедил я.

Палач грузно спустился с помоста, за ним сбежал священник. Палач наклонился с горящим факелом к хворосту, я выдернул меч и сверху приставил к его шее.

— Брось факел в сторону!.. Брось, если жизнь дорога! А теперь затопчи, дурак!

Палач с ненавистью косился на меня, но факел затоптал, а священник заорал торжествующе:

— Я говорил, я говорил!.. Это Антихрист, я в нем сразу распознал Антихриста!

Я разрубил веревки, Фрида начала бессильно оседать, я поспешно подхватил замерзшее и изломанное нечеловеческими пытками тело. Она вздохнула, я видел, как пытается удержать сознание, из моего тела пошла горячая волна, оставив в груди холод.

Фрида охнула и раскрыла глаза.

— Держись, — велел я.

Прямо с помоста, не выпуская ее из рук, я прыгнул в седло. Народ шарахнулся в стороны. Одной рукой я прижимал к себе ведьму, в другой руке страшно блещет обнаженный меч. Лицо у меня такое, что все в испуге расступились, топча друг друга и давая дорогу. Священник вопил, стражи в растерянности хватались за оружие, но оставались на месте: я — сэр Ричард, и мои деяния здесь еще помнят.

— Вперед, — приказал я Зайчику, — в Амальфи!

Он пошел могучим галопом, из площади пронеслись по улочке. Мелькнули распахнутые ворота, но достойную скорость Зайчик набрать не успел: впереди замаячили обгаренным пурпуром заходящего солнца высокие башни замка.

Глава II

Я на скаку вытащил рог, разнесся могучий рев. На воротах появились люди, один замахал руками, тут же мост начал опускаться, а решетка поползла вверх.

Фрида вздрогнула, не просыпаясь, ее затрясло, я прошептал быстро:

— Спи-спи, все хорошо!.. Мы уже дома.

Пес первым ринулся по опустившемуся мосту, я только увидел, как черный зад мелькнул под решеткой ворот. Зайчик наддал, мы оказались на середине двора раньше, чем за нами успели проследить взглядами. Со всех сторон сбегался народ, а кто потрусливее — боязливо рассматривали из окон, не отпуская приоткрытых дверей.

— Канальи, — сказал я грозно и весело, — узнали своего господина?.. Где Гунтер?

Один из стражников крикнул торопливо:

— За ним уже послали!

От дверей донжона раздался сильный голос:

— За мной не надо посылать! Я этот рог из тысяч узнаю...

Гунтер спешил ко мне все такой же краснорожий, с лихо торчащими усами. Я подсознательно ожидал, что разбестется при спокойной жизни, однако вояка показался еще поджарее. Без доспехов, но в стальном нагрудном панцире, все такой же собранный и крепко сбитый. За ним выдвинулся гигант в полном рыцарском доспехе, и только когда в щели поднятого забрала я увидел водянисто-голубые, даже бесцветные глаза, я узнал Ульмана.

— Ваша милость! — вскрикнул Гунтер, смутился, поправился: — Сэр Ричард!.. Как я рад... да что там рад...

Держа у груди закутанную, как ребенок, в плащ Фриду, я обнял его одной рукой, а затем и Ульмана, поинтересовался:

— Что-то намечается?

— Нет, — прогудел Ульман, — а что?

— Ты в боевых доспехах...

Гунтер засмеялся:

— Да все налюбоваться не может! И спит в них.

— А где Тюрингем? — спросил я.

— Объезжает села, смотрит за порядком. С ним и Зигфрид. Тоже не любит сидеть без дела. Томится.

Я покачал головой.

— Разве не Тюрингем твой оруженосец? А Ульман — все-таки рыцарь!

Гунтер расхохотался:

— Да пробовал я учить Тюрингема вести себя согласно оруженосному делу. Да он что-то туговат... Тогда я решил, что мне можно иметь рыцарей в свите... не так ли? Вот и стал Ульман моим первым рыцарем! А Тюрингем всегда был больше по хозяйству. Ему нравится следить, чтобы работа шла, как нужно... Сэр Ричард, как мы счастливы, что вы вернулись! А то жизнь какой-то бесцветной стала.

Речь его замедлилась, он все поглядывал на Фриду. Из-под капюшона выбивается прядь красных волос, я видел, как посерьезнел Гунтер, как помрачнел Ульман, а все вокруг притихли.

— Неприятность, — признал я. — Вообще-то я стараюсь с церковью дружить.

— Но сейчас...

— Маленькое недоразумение, — ответил я быстро.

— С церковью? — спросил Гунтер недоверчиво. Тут же заверил быстро: — Сэр Ричард, мы под вашими знаменами пойдем хоть на церковь, хоть на дьявола!

Я снял с седла Фриду, рыцари окружили, я понес ее в донжон, а потом наверх. Стражники забежали вперед, распахивая двери. К моему удивлению, мои покои, бывшие галлантларовские, оказались пустыми. Более того, судя по слою пыли и паутине, никто их с того времени не занимал и даже не посещал, так что Гунтера можно не подозревать в желании узурпировать власть.

Фриду уложил на ложе, сказал тихо:

— Спи!.. Спи и спи, набирайся сил... А мы, орлы, вернемся в зал. Есть о чем поговорить.

Слуги сбивались с ног, великий и торжественный пир свалился на их головы слишком внезапно. В большом зале спешно накрывали столы, из подвала выкатывали бочки с вином, на кухне полыхают все печи, там жарят, пекут, варят. Запахи жареного мяса заставляют сердце стучать чаще, а спина выпрямляется сама.

Пес побегал по замку и унесся во двор проведать Зайчика. За столом уже сидят рыцари, при моем появлении встали, я буркнул насчет «вольно», Гунтер перевел как всем сесть, я опустился в кресло первым и приготовился слушать. В первую очередь меня интересовало это аутодафе, устроенное деревенским священником.

Под звон кубков я слушал Гунтера и все больше мрачнел. Думал, только я такая удивительная цаца: за год, ну пусть за два, прошел путь от оруженосца до грессграфа, но отец Ульфилла сделал едва ли меньше — из крохотного деревенского попа, лишенного всех прав при колдуне Галантларе, хозяине замка и прилегающих земель, сумел стать... уж не знаю, как его должность зовется в церковной иерархии, да и неважно это, в церковной, к счастью, в цене личные таланты, а не титулы и звания... словом, сперва на моих землях развернул бешеную кампанию за возвращение церковных ценностей, а затем расширил свою кипучую деятельность на территории соседей.

Именно он восстановил церковь, причем не только ту, что разрушил Галантлар, но восстанавливал их по всем селам, а когда получил от меня деньги на благое дело, то добился строительства новых церквей в Амило и Вердене.

Это дало ему такой авторитет, что он получил от иерархов церкви право учредить и возглавить местный суд инквизиции. И хотя территория под его властью невелика, но

за это время он уже освободил без пролития крови души двадцати восьми человек. Народ его поддерживает, потому что умело выявил некромантов, что поднимают мертвых из могил, поймал оборотней, которые по ночам крадут и поедают детей, а также троих чертовых старух, что напускали порчу на скот.

— А Фриду за что? — спросил я.

Гунтер пожал плечами.

— А ее, что просто ведьма, — сообщил он. — Сила этой рыжухи настолько велика, что такое уже не скрыть. Отец Ульфилла заявил, что надо трудом и в поте лица получать земные блага, а не в подарок от дьявола...

— Вообще-то верно, — буркнул я, — но Фрида... гм...

— Что будете делать, сэр Ричард?

— Еще не знаю, — ответил я честно. — Надо будет переговорить и с отцом Ульфиллой.

Гунтер покачал головой:

— С отцом Ульфиллом? Вот уж с кем нельзя говорить.

— Почему?

— Его можно только слушать, — пояснил Гунтер. — Он такие проповеди закатывает, люди ревмя ревут!

Я вздохнул, ко мне со всех сторон тянулись руки с кубками, полными вина, за столом хохот и веселье. Я растянул рот в веселой усмешке и поднял кубок:

— За победу!

В свои покои я вернулся почти под утро, сославшись, что дорога измотала. Гунтер посмотрел на мое лицо и поспешно заверил, что мне, в самом деле, надо отоспаться, я никогда еще не был таким изнуренным.

Фрида все еще не может вынырнуть из тяжелого, но спасительного сна. Я заживил раны на теле, но сейчас смотрю с болью и жалостью, как мечется в бреду, вскрикивает жалобно. Я чувствую ее боль, ужас, отчаяние, почти вижу, как распята на стене в каменном подвале, инквизиторы тре-

буют признания в тяжких преступлениях, а палач с раскаленным прутком в руке и гнусной ухмылкой на роже подходит вплотную...

Конечно, ведьма, и конечно же — церковь права в истреблении всего, что тянет человечество назад. Я сам готов подписаться под декретами инквизиции, направленными на очищение мира.

Но в данном случае это всего лишь маленькая слабая женщина, что просто хочет жить ярче, чем остальные простолюдины в ее деревне. При другом раскладе она могла бы стать исследователем тайн химии или генетики, звездой телеэкрана, хотя могла бы стать и взломщицей банковских счетов через Интернет. Увы, в этом мире она стала той же взломщицей, а здесь это карается в соответствии с духом сурового времени.

Здесь мир прост и честен, не очень-то готов вникать в прения адвокатов и всматриваться в оттенки серого: есть только Добро и Зло, Белое и Черное, Господь Бог и Сатана, магия и святость. Человек должен выбрать какую-то сторону, а если он никак не может выбрать — он уже враг! А Фрида, увы, избрала тот мир, где вроде бы интереснее.

Я заботливо накрыл ее одеялом. Помню, о Фриде рассказывали шепотом, что она не пропускает ни одной Вальпургиевой ночи, когда ведьмы слетаются на ежегодный шабаш. Там предаются самым непристойным и отвратительным занятиям, а соитие у них вообще бывает даже групповое, что вообще просто немыслимо... Но вот только трудно вздрагивать от омерзения тому, кто бывал на дискотеках, ночевал в студенческом общежитии и потому не видит в групповухах ничего такого уж особенного.

Да и вообще, подумаешь, Вальпургиева... В Вальпургиеву ночь, кстати о птичках, подняли над зданием рейхстага красное знамя победы Егоров и Кантария. И ничего.

Она вздрогнула, глаза распахнулись, в них отразился дикий ужас. Я сказал торопливо:

— Фрида, все хорошо! Ты в безопасности...

Она прошептала:

— Сэр Ричард...

— Все кончилось, — сказал я снова. — Ты в безопасности.

Она быстро посмотрела по сторонам, взгляд дикий, губы задрожали, ужас из глаз не ушел, напротив, начал нарастать.

— Где... я?

— Ты здесь уже была, — сказал я тихо. — Это моя постель.

Взгляд ее перестал метаться, как у загнанного зверька, глаза расширились.

— Я не умерла?

— Я успел, — сообщил я. — Теперь тебя никто не обидит, малышка.

Ее веки начали опускаться, и тут же из глаз хлынули слезы. Они стекали по худым запавшим щекам, капали с подбородка и скапливались в ключицах.

Я сел рядом, спутанные волосы пружинят и не дают погладить по голове. Пальцы сразу ощутили застывшую корку крови, словно палач не только ломал кости, но и пробивал череп.

Веки поднялись, на меня взглянули заплаканные глаза. Дрожащий голос спросил жалобно:

— Я сейчас... страшная?

— Нет, — заверил я. — Ты всегда была хорошенькой.

— Я такая худая, — прошептала она в отчаянии. — У меня одни кости... Вам на меня даже смотреть противно.

Я усмехнулся, поцеловал ее в лоб и поднялся.

— Вижу, оживаешь. Отдыхай, набирайся сил.

— Сэр Ричард!

Я обернулся:

— Да, малышка?

— Зачем вы это сделали?

Я пожал плечами:

— Фрида, как я мог позволить сжечь такую красоту?

Ладно-ладно, ты внутри еще красивее, чем снаружи. Отдыхай, набирайся сил.

Я разделся, лег, Фрида сразу замерла и даже перестала дышать. Я обнял ее, подгреб ближе, на ощупь похожую на игрушку из дерева, шепнул в ухо:

— Спи. Спи, я тебе сказал! А то придушу.

Крепче всего спится после изнурительной скачки длинной в световой день: я проснулся чуть ли не к обеду, тело уже отдохнуло, а желудок властно требует есть, а еще лучше — жрать.

Фрида все еще спит, ей отсыпаться надо больше, я тихонько оделся и вышел. В коридоре стражи отдавали честь, на лестнице встреченный слуга тут же повернул обратно с криком: «Лорд проснулся, быстро завтрак в малый зал!»

Я оделся потеплее и вышел во двор. Там еще больше утоптали снег, под дальней глухой стеной Гунтер выстроил два десятка лучников. На противоположном конце мишень: круглый щит с расширяющимися кругами. Я усомнился, что вообще попадут — слишком далеко, не у каждого стрела вообще долетит, но лучники начали быструю и вроде бы беспорядочную стрельбу. Я поразился, все стрелы легли в центральный круг мишени размером с кулак.

— Здорово! — сказал я. — Спасибо. Ты знаешь, чем меня порадовать.

Очень довольный Гунтер признался:

— Это мои лучшие, признаю... Отборные! Но и остальные попадают в малый круг, а это размер головы! Как вы и велели, я наладил производство составных луков. Дорого, но теперь вижу, что почти оправдывает. Почти.

— Отлично, — сказал я. — Знаешь, я велю закупать луки здесь, и тогда пойдет настоящая прибыль. Это, конечно, протекционизм, а также использование служебного положения, но... феодал я или не феодал? Ты давай расширяй

производство, расширяй! Заказами я тебя обеспечу. При чем — массовыми.

Он спросил опасливо:

— Сэр Ричард... никак еще замком обзавелись?

Ульман деловито уточнил:

— Ближе к Югу?

— Бери больше, — сказал я.

— Это как?

— Теперь я коннетабль, — сказал я скромно, — а также гроссграф Армландии. Не считая графства, баронства и совсем уж смешного виконства. Есть у меня и там владения, ну как же иначе? Вы ж мою скромность знаете... Сейчас команду армией целого королевства, Ульман. Пока еще не командовал, но как бы команду. По крайней мере должность уже при мне, могу бабам пыль в глаза пускать.

Ульман сказал ошарашенно:

— Ну почему же только бабам... Я уже глаза тру...

— Гм... Мне потребуется хорошее вооружение как для рыцарей, так и для стрелков. Для рыцарей здесь пока ничего нет, но сбыт луков я вам обеспечу. Хороших, конечно. Говна не возьму, для себя покупаю, а не для родины и Отечества.

Гунтер почесал в затылке:

— Луки... для целой армии?.. Лучников обычно треть от общего числа, мы столько не наделаем!

— Привлекай добавочные мощности, — посоветовал я. — Иначе буду покупать в другом месте, а это — упущенная прибыль!.. Ладно, давай вернемся к неприятному инциденту. Мне бы не хотелось проблем с церковью, хотя, как мне кажется, меня к этому подталкивают.

Гунтер уточнил осторожно:

— Хотите узнать про отца Ульфиллу?

— Да.

Гунтер почесал в затылке:

— Еще осенью он задумал ни много ни мало, а постройку монастыря! Сам составил Устав, намного более жесткий и суровый, чем в других, а затем с десятком добровольцев из

крестьян начал стройку. Камня здесь много, далеко таскать не нужно, только ломай да клади стены.

Я спросил с недоверием:

— И что, нет трудностей?

Гунтер криво усмехнулся:

— Как нет?.. Работают все по совести, не за деньги.

— Ага, — сказал я понимающе, — значит, сперва все вспыхнули энтузиазмом, стройка кипела, народу было больше, чем муравьев в лесу, а потом...

Я сделал паузу, он почтительно выждал, не заговорю ли, продолжил:

— Потом, ваша милость, то один, то другой начали вспоминать, что дома забор валится, крышу нужно поправить, новый подвал выкопать...

— Понятно, — сказал я, — знакомо.

Он посмотрел на меня с удивлением:

— Вы тоже строили монастырь, ваша ми... сэр Ричард?

— Еще какой! — заверил я. — Не для себя, для всего человечества!

— Ого!

— Да, это была последняя великая стройка моего королевства.

— И чем кончилось? — спросил он тревожно.

— Дык понятно, чем, — ответил я с неохотой. — Если бы за неделю, то построили бы. Но такой громадный монастырь строили лет семьдесят. Потому и не достроили. Тоже энтузиазма надолго не хватило. Все знакомо... Словом, пупы надорвали, королевство развалилось. Ладно, будем готовиться к трудному разговору.

Глава 12

Однако вместо того чтобы отправиться на поиски отца Ульфиллы, я поднялся в свои покои, надо же провести Фриду, как там она, хотя в глубине души понимаю, что

трусливо оттягиваю трудный разговор, в котором не помогут ни меч, ни молот, ни мои грозные звания коннетабля и гротсграфа.

Фрида вынырнула из сна сразу же, как я тихонько прикрыл за собой дверь. Не открыла глаза, не шелохнулась, но я ощутил, что не спит и что проснулась только что.

— Спи-спи, — сказал я тихо, — сон лечит! И все восстанавливает. Тебе нужно отоспаться, отъестся и... забыть.

Ее губы чуть шелохнулись, я услышал тихий шепот:

— Такое не забудешь. Никогда.

— Ну хоть сгладится, затушется, — сказал я с неловкостью. — Не будет таким острым...

Она вздрогнула, ее начало трясти. Я сел на край кровати, наклонился и обхватил ее руками. Она медленно успокаивалась, сведенные судорогой мышцы расслабились.

— Фрида, — сказал я, — ты никогда этого нигде не упомянула, но я догадываюсь, это ты была тем зайцем, который привел Гунтера с людьми, а те успели вырвать меня живым из рук Волка.

— Ваша милость... — произнесла она блекло, — это была не я.

Я оторопел:

— А кто?

— Клаудия, — прошептала она. — Волшебница Клаудия... Я не могу ни зайцем, ни еще кем... А она — да. Я только почувствовала, что с вами беда, взмолилась ей, а она то ли в зеркало посмотрела, то ли еще как, но успела заманить ваших людей.... куда надо.

Я пробормотал, ошеломленный:

— Клаудия... Гм, не подумал бы. Что ж она не сказала? Могла бы что-то затребовать за спасение моей шкуры... Ладно, Фрида, я все равно тебе многим обязан. Даже в том случае. Не обратись ты тогда к Клаудии... Да и вообще! Я не хочу тебя терять, светлое ты мое темное существо.

Она смотрела на меня испуганными глазами, верная и преданная своему господину, а я не знал, как сказать, что

господин тоже должен быть как минимум верен и предан тем, для кого господин.

— Отдыхай, — велел я, вставая. — Наберешься сил, смой кровь и слюни тех сволочей. Я скажу, чтобы тебе подобрали одежду.

Она прошептала торопливо:

— Да-да, я просто отвратительная... Ваша милость, но как теперь вы? У вас будут неприятности!

— Выкручусь, — пообещал я без всякой уверенности.

Раздумывая, как быть и что делать, я медленно побрел по коридору, открывая двери и заглядывая в помещения. Да, Гунтер все оставил, как есть. Не позволяет даже убирать, пока не получит моего разрешения. Особенно впечатляет чулан, весь заставленный старинными вещами. Да и сам чулан размером с танцевальный зал, но сундуки один на другом до самого потолка в несколько рядов, между ними горы старинных чайников, кувшинов, кубков, даже песочные часы...

Третий этаж все так же резко контрастирует с отделкой второго. Здесь даже ступени из добротного дерева, перила лестницы резные, мраморные статуэтки смотрят нефритовыми глазами молча и таинственно, а наверху вообще по широкому коридору идет толстая ковровая дорожка, на стенах в массивных рамах портреты.

Я шел медленно, узнавая в неглубоких нишах фигуры рыцарей в полных доспехах, в других нишах блестят дорогие вазы, статуи из бронзы, мрамора и неведомых металлов. В сердце тукнуло, я повернулся и увидел выкованную из темной меди статую прекрасной женщины: обнаженная, с развитой чувственной фигурой, но при всей голости в шлеме старинной работы, что-то вроде самнитского, и в коротких сапожках. Ну, это неважно, кот вообще был в роскошных сапогах с ботфортами. В руках у нее дивные меч и щит: меч — словно тонкая льдинка просвечивает насквозь, щит цельнометаллический, выпуклый, да еще со стереокартинками в толще металла. Почти как мой щит Ариана.

Сердце застучало чаще, вспомнило, как я в прошлый раз взял было меч из ее руки... и женщина отдала. Но я, испуганный до свинячьего писка, тут же вернул ей.

— Я Ричард, — сказал я негромко, — владелец этого замка.

Она не двигалась и не выказывала признаки жизни, но когда я попытался взять меч из ее руки, пальцы послушно разжались. Я едва удержал меч, хотя нетяжелый, почему-то не ожидал, что отдаст с такой легкостью.

— Благодарю, — сказал я, стараясь держать голос надменным и покровительственным, я здесь хозяин, а она — всего лишь украшение, как всякая женщина, живая или металлическая. — Посмотрю его на досуге.

С обнаженным мечом в руке, ножен нет, я пошел по коридору. Стражники тарашили глаза, все узнают меч, то-то завтра будет разговоров. Я подмигнул им, вызвав в ответ неуверенные улыбки, и вошел в покои.

От камина сухой жар и багровые сполохи по всему залу, Фрида с помощью служанок как раз с трудом вылезает из кадушки с горячей водой. Сердце защемило, когда увидел, какая она маленькая и жалобная. Тонкие руки, как палочки, тонкие ноги, шея, как стебелек, только волосы стали как будто еще гуще и длиннее, и теперь жалко ее шейку, что держит такую тяжесть.

Служанки торопливо убирали воду с ее худющего тельца, чуть не плачут. Леция держит наготове подобранное для Фриды платье, подбородок дрожит, в глазах слезы.

— Господи, — вырвалось у меня невольное. — Они тебя что, месяц там держали?

Фрида прошептала тихо:

— Три месяца.

— Господи, — повторил я потрясенно. — И ты все это время не сдавалась?

— Да, ваша милость...

— Ну да, если бы призналась, сожгли бы давно, как рас-

каявшуюся грешницу. Какой же ты стойкий оловянный солдатик, малышка!

Я сам помог ей влезть в платье, оно повисло на ней, как на огородном пугале. Служанки смотрят на меня опасливо и с надеждой. Все уже знают, что я вырвал ее из цепких лап инквизиции, а такое не проходит даром даже знатным сеньярам.

— Я ее увезу, — пообещал я. — Никто из здешних не достанет. А там не позволю обидеть.

— Ой, ваша милость, век будем за вас Богу молиться!

Я отмахнулся:

— Ладно, идите. А ты, цыпленок, лезь под одеяло. Здесь везде дует, замок какой-то дырявый.

Фрида торопливо забралась под толстую перину. Я видел, что и там вздрагивает. На столике три блюда с самыми изысканными яствами, но незаметно, чтобы Фрида что-то клевала.

Меч я оставил у изголовья, медленно вышел в коридор. Язычки светильников сильно наклонило в одну сторону. Трепещут пугливо, сквозняки гуляют снова, воздух слишком уж прохладный. Со двора доносятся хриплые грубые голоса. Я выглянул в окно, что-то тоскливо и тревожно. Да, я феодал, давно уже феодал, пора бы и привыкнуть. Но феодал — это взрослый человек, который распоряжается не только собой, но и другими.

Теперь вопрос на засыпку: смог бы мальчик, каким я был, гордиться таким мужчиной, какой я сейчас? Или я все еще не мужчина, а вечный мальчик, за которого решали родители, школа, универ, армия, шеф на службе, газеты, телевидение, общественное мнение?..

На ходу одеваясь потеплее, я сбежал по лестнице и проскочил через холл во двор. Воздух теплый, словно не холодный декабрь, а март или даже апрель, а солнце почти повесенному яркое и слепящее.

Зайчик весело заржал, видя меня в конюшне. Я обнял его теплую голову, поцеловал, ондохнул в ухо сухим про-

гретым воздухом. Двери распахнулись, там опасно выглядывают конюхи. Я вскочил в седло и, пригибаясь, чтобы не вылететь от удара в притолоку, вылетел во двор.

— Отлучусь в каменоломню, — объяснил Гунтеру. — Бобика не отпускайте, пусть и дальше кур гоняет.

— Да как его не отпустить, — взмолился Гунтер. — Разве его кто удержит?

Я улыбнулся.

— Ну, вообще-то я велел ему ждать в замке. Это я так, на всякий случай. Чтоб напомнили ему, если что. Отец Ульфилла в самом деле ломает камень в одиночку?

— Вы не поверите, но он... в самом деле там.

Я вздохнул:

— Поверю. Кстати, как дела в Амило и Вердене?

Гунтер бодро отрапортовал:

— Отлично, сэр Ричард!.. В Амило все в руках леди Гервены, бывшей жены сэра Одноглазого. Она и при нем занималась хозяйством, а теперь так вовсе развернулась. Хозяйственная женщина!..

— А в Вердене?

Он ухмыльнулся.

— Вы сами поручили отцу Ульфилле... при моем общем руководстве, понятно, особо заняться Верденом. Ну там церковь восстановить, часовни, священника отыскать... Вот он и взял все в свои руки.

— Не все, — сказал Ульман ревниво.

— Ну да, все рыцари и люди с оружием подчиняются тебе, — согласился Гунтер добродушно, — однако из отца Ульфиллы такой хозяйственник получился...

— Умелый? — удивился я.

Гунтер снова ухмыльнулся, уже шире.

— Да как сказать. Где умения недостает, там берет напором. Крестьяне по его призыву стену лбами проломают!.. Проповедник из него мощный.

Я снова вздохнул, на груди как будто лежит массивная могильная глыба.

— Хуже того, он прав.

Уже две недели, как говорят, здесь погода солнечная, в небе ни облачка, так что снег постепенно осел сам по себе, кое-где покрылся корочкой наста, а укатанные санями дороги чернеют, словно там уже тает.

Солнце и сейчас яркое, лучи бьют в стены каменоломни под прямым углом. Я издала буквально ощутил, как прогреваются камни. Снег в карьере растаял, разве что гнездится в щелях и ямах. На южной стороне копошится человеческая фигурка. Я всмотрелся, охнул: на солнце блестит потная спина, худая и жилистая, остро торчат позвонки, а лопатки ходят под кожей, как широкие лезвия ножей, едва не прорывая. Отец Ульфилла обнажился до пояса, только штаны на нем меховые, да обувь зимняя, но все-таки среди зимы сбросить даже рубаху... гм... вот это энтузиазм.

Я подъехал ближе, отец Ульфилла, не замечая меня, с кряхтением кантовал четырехугольную глыбу. Она не поддавалась, он боролся со всем усердием, страшно вздувая жилы на худом теле, сопел, шипел сквозь стиснутые зубы, постанывал, но каждый раз заставлял ее поддаться, уступить.

Оставив Зайчика наверху, я спустился в карьер, выбрал среди отколотых камней уже отесанный, попробовал катить, потом сумел поднять и, держа обеими руками у груди, понес.

Отец Ульфилла как раз переводил дыхание. Из-за шума в ушах не сразу услышал мои шаги. Я прошел мимо, ноги уже подгибаются от натуги, выронил глыбу к тем трем, которые ждут очереди на укладку. Когда обернулся, отец Ульфилла, тяжело дыша, смотрел злыми глазами.

— Приветствую, — сказал я миролюбиво. — Благослови, отче.

Он прошипел:

— Пусть в аду тебя благословляют!

Я покачал головой:

— Отец Ульфилла, это тяжкий грех — отказать в благословении.

— Ты не нуждаешься в нем, — отрубил он. — Не говоря уже о том, что пришел не за благословением. Что ты хочешь сказать в оправдание, Антихрист?

Я вздохнул. Этот деревенский попик на диво умен, прозорлив и, хуже всего, честен. А каким затурканным казался в первые дни.

— Отец Ульфилла, — произнес я кротко, — разве, убив продавшего душу дьяволу Галантлара, я не совершил благое для церкви дело? Разве вы не получили возможность проповедовать, учить, вести и наставлять?

Он покачал головой, в глазах горел злой огонь.

— Один сатанист убил другого, — сказал он непримиримо. — Что здесь удивительного?.. Вы все и между собой грызетесь... Стало еще хуже.

— Чем же?

— На смену явному сатанисту пришел скрытый, — заявил он. — Думаешь, меня обманет то, что принес камень к подножию монастыря?

Я распахнул рубашку и показал серебряный крестик на груди:

— А это?

Он фыркнул:

— Ложь.

Я в сомнении потрогал цепочку:

— Да вроде настоящее серебро... нечисть его боится. И крест настоящий.

— Ложь, — повторил он. — Ложь! Дьявол искушает нас во многих ликах и образах. Это бесы страшатся серебра, бегут от креста, молитвы их бросают в корчи, а продавшие душу дьяволу люди терпят, не морщась, ибо человек может вытерпеть все! И притворяться, притворяться...

Я подумал, кивнул:

— Отец Ульфилла, вы глубоко правы. Я как-то не подумал об этом раньше. Молод ишшо... В самом деле, демо-

ны — существа прямые и честные. Им глубоко противны как изображения креста, так и серебро, молитва, потому тут же исчезают. Человек — сволочь хитрая. Сцепит зубы и все вытерпит, да еще и улыбаться будет, гад! Человека выявить труднее, вы правы.

Он слушал настороженно, а едва я сделал паузу, тут же заявил:

— Но я тебя сразу увидел, Антихрист!..

Я сказал мирно:

— Вообще-то это слишком, отец Ульфилла. Антихрист должен быть равен Христу, а я пока что мелкая мошка... Плаваю как в догматах церкви, так и в антихристизме. Хотя, конечно, приятно, когда переоценивают. Все-таки я рыцарь, а рыцарство — это предельный маскулинизм... Но я пришел к вам, отец Ульфилла, по серьезному делу.

Он насторожился, в глазах вспыхнул злой огонек.

— Не поможет, посланник дьявола! Я уже написал, как ты освободил осужденную на очищение от грехов ведьму! Теперь тебя не спасут и стены твоего замка!.. Церковь разошлет указ, что ты — отлучен, и отныне под страхом отлучения тебе никто не подаст воды, не даст ночлега, а всякий встречный должен постараться убить, ибо убившему простятся все грехи земные! Даже если убьет разбойник или клятвопреступник.

Холод прокатился по моему телу. Я ощутил себя пусть еще не на краю темной бездны, откуда тянет могилой, но все-таки близко, слишком близко. Проклятие церкви — это не проклятие какого-то короля. Королей много, церковь одна, и на всех ее землях меня будет ожидать смерть. Разве что на Юге можно уйти от расплаты.

Я перевел дыхание, сердце уже колотится, а в зобу спирает, сказал медленно:

— Отец Ульфилла, вы задумали великое и... очень нужное дело. Поставить монастырь — это грандиозно и очень угодно Господу! Тем более что ближайший монастырь за тридцать не то что земель, а даже королевств. Ваше рвение

выше всяких похвал, но, как вы сами видите, для строительства нужны не только камнерубы... а их тоже не хватает, но и каменотесы, каменщики, инженеры, архитекторы...

Он зябко повел плечами, разогретое тело остыло, холод начал пробираться до костей худое тело. Я выждал, пока он поднимет верхнюю одежду, старую и поношенную, явно получил в дар от крестьян. Он посматривал с угрюмой настороженностью, в каждом слове видя ловушку, в каждом движении выискивая подвох.

— С божьей помощью, — ответил он непреклонно, — все будет сделано!

— Господь сам не станет таскать камни, — заметил я, — для этого есть мы, люди. Одни строят, другие — рушат. Одни строят, другие — рушат. Я хочу помочь выстроить монастырь...

Он сразу же сказал резко, словно выплюнул раскаленное олово:

— От Антихриста помощь не приму!

— Я дам золота, — продолжил я, словно не слыша его слов, — на постройку монастыря. Если даже считать меня Антихристом, то это можете расценивать, как мою попытку подкупить вас. Но вы, если рядовой сын церкви, с негодованием отвергаете. Если же вы пламенный сын церкви, да еще облаченный саном священника, просто обязаны взять деньги, выстроить монастырь и тем самым посрамить дьявола!.. Или чувствуете, что не выдержите искушения?

Он прошипел:

— Искушения?

— Ну да, — подтвердил я. — Ощувив в руках много золота, велик соблазн тут же пойти в кабак, нанять гулящих женщин, заказать самое дорогое вино... Вместо монастыря отстроить себе роскошный дом, завести молодых служанок для половых нужд, винный погреб для чрева...

Он вспыхнул, сказал люто:

— Никогда!.. Слышишь, ты, никогда!..

— Так чего страшитесь? — спросил я с недоумением.

— Я погублю душу, — заявил он. — Свою бессмертную душу.

Я сказал понимающе:

— А-а-а-а, так бы и сказали, святой отец. Я думал, вы — подвижник, а вы нормальный простой человек, который прежде всего печется о спасении души. Своей, конечно. Остальные... да пошли они все! Понятно же, что своя дорожка всех остальных в королевстве. Я вас хорошо понимаю, отец Ульфилла.

Я умолк и, затаив дыхание, следил за той борьбой, что явственно читалась на его лице.

— И что, — проговорил он хриплым от душевной муки голосом, — что ты хочешь?

— Фриду, — сказал я. — Вы снимаете с нее обвинения... Нет, можно даже проще. В ее деле появились новые данные, которые надо проверить. Я забираю ее с собой для следственного эксперимента. Ну, посмотреть, где закопаны убитые ею трупы невинных младенцев... где зарезала девственницу для жертвы дьяволу... Это вы объявите в своей энциклике, или как там это называется, и на этом здесь закончится. А я увезу ее в далекие земли, и эту проблему буду решать там.

Он поднял голову, я увидел в глазах страх, борьбу, наконец, он сказал хрипло:

— Нет. Не могу. Зло нужно уничтожать везде, где видишь.

— Золотые слова, — согласился я. — Жаль, жизнь не всегда дает такую возможность. Отец Ульфилла, я все равно заберу Фриду в другие земли, о которых вы даже не слышали в этом медвежьем краю. И совершенно не имеет значения, что вы о ней скажете. Для ее безопасности могу даже сменить ей имя. Мы слишком часто рекомендуем людей милости Господа и слишком редко сами проявляем милосердие.

— Ей сменишь, — ответил он лютно, — но не себе, посланник дьявола!

— Да, — согласился я, — мне чуть труднее. Но... ненадолго. Я сейчас на самой границе с Югом, а намерен углубиться на его земли. Но даже там, где я есть, церковь, увы, почти бессильна. Так что совершенно не играет роли, кем меня считать. Важно только, кем считаем себя мы. И как себя ведем.

Он молчал, я, наконец, поднялся. Он угрюмо и озлобленно смотрел снизу вверх.

— Тогда сделаем так, — сказал я. — Не решайте ничего сейчас. Я скоро покину эти края, а вы, если хотите, перед моим отъездом примете от меня золото на постройку монастыря или не примете... решать вам. Я сейчас покидаю вас. Все-таки лучше бы считать, что я тоже христианин. Хоть и не совсем такой, как вы, отец Ульфилла.

Он оставался на том же месте и в той же позе роденовского думателя, когда я оглянулся с гребня холма.

Глава 13

В замке, отклонив призыв рыцарей немедленно возглавить пир, я взбежал по лестнице, стражи бодро стукнули рукоятками копий в пол, подтянули животы. Дверь открылась без скрипа, Фрида спит, но на столике кое-что изменилось, одно из блюд почти опустело. У меня отлегло на сердце: ест, значит, поправляется.

Здесь, в этом мире, у меня, как ни странно, появилось то, чего не было в Москве: верные и преданные друзья. Начиная с самого начала, когда я встретил повозку с мощами Тертуллиана, друзьями стали Бернард Рудольф и Асмер. Даже Ланселот, несмотря на явную враждебность, подставил себя под удар, чтобы закрыть меня, а уж потом я и вовсе был счастлив, еще того не понимая, когда ехал стремя в стремя с чистым и преданным Сигизмундом...

А здесь, в Амальфи? Разве не преданы мне Гунтер, Зигфрид, Тюрингем? Про магов не говорю, те преданы прежде

всего своим изысканиям, и за меня держатся потому, что считают себе подобным, но даже они готовы отдать жизни...

В своем стремлении добраться до Юга я не замечал, как обрастаю верными и преданными друзьями, и только сейчас вот соображаю, что никогда раньше у меня такого не было. Никогда. В моем «срединном» гомо гомини люпус эст, а женщина женщине — волчица. А здесь, здесь даже ведьмочка... не волчица.

Я смотрел на спящую Фриду, как вдруг ощутил за спиной присутствие постороннего. Резко обернулся, одновременно делая шаг в сторону. Поджарый господин в сером бархатном костюме снял шляпу и отвесил легкий поклон.

— Сэр Ричард, весьма удивлен, увидев вас в Амальфи! Я был уверен, что вы никогда не возвращаетесь к пройденному.

— Сэр Сатана, — ответил я в тон, — завидую вашей способности передвигаться. Вам не пришлось мерзнуть, как мне... Не разбудите девочку?

Он протестующе выставил вперед ладони:

— Что вы, что вы! Она пострадала от моих противников, так что я к ней со всем уважением и деликатностью.

— Ах да, она как бы ваша...

Он кивнул:

— Точно. И не просто какая-то там еретичка.

— Сэр Сатана, — сказал я, — дело с возвращением жмет?

Он кивнул:

— Вы угадали. Надо поторопиться. К сожалению, проход удастся открыть только на мгновение. И для этого надо приложить силы... гм...

— И Той Стороны? — подсказал я.

— Верно, сэр Ричард. А как вы догадываетесь, договориться удастся редко. Пользуйтесь возможностью, пока... она есть. Пришлось пойти на изменение некоторых фундаментальных законов бытия, но этого лучше не объяснять.

— И не надо, — сказал я торопливо. — Просто Проход, Дверь, Портал... Для юзера неважно, как что работает, лишь бы знать, на какую кнопку жать, что включить-выключить. Извините, я сам понимаю, что затянул! Обещаю, завтра... нет, до завтра не управлюсь, но за неделю буду готов.

Он покачал головой:

— Неделю? Нет, так долго держать открытой Щель не удастся. Захлопнется.

— Хорошо-хорошо! — воскликнул я. — Три дня дать сможете?.. Всего три дня!

Он поморщился:

— Попытаюсь. Хотя все еще не понимаю, почему стараетесь закрепить здесь свои достижения. Не все ли равно, что здесь останется после вас?

— Я сам не понимаю, — огрызнулся я.

— И все-таки стараетесь?

— Да, — сказал я зло, но Сатана видел, что я зол на самого себя. — Черт, в самом деле не понимаю... Но все равно не могу иначе!

Он криво улыбнулся:

— Ладно, приложу все усилия. Вы мне нравитесь, сэр Ричард! Очень. Вы знаете многое, а чего не знаете, о том догадываетесь. Вам я решусь сказать одну страшную истину, что может тряхнуть даже самого-самого...

Я ответил настороженно:

— Слушаю со всем вниманием.

Его лицо помрачнело:

— Вот вы все ссылаетесь на Господа, на Его волю, на Его общее руководство... а вот мне все чаще кажется, что Бога... нет.

Я ахнул:

— Что?

— Бога нет, — повторил он четко и посмотрел в мое лицо внимательно. — Тряхнуло?

— Тряхнуло, — пробормотал я. — Услышать такое... да еще от вас!

— Но, тем не менее, боюсь, это правда. Что меня тоже, кстати, не радует.

— Почему вы так решили?

— Что не радует?

— Что его нет!

Его лицо показалось мне усталым и разочарованным:

— С того момента, как Он создал мир, а в нем — человека, я больше не видел Его и не слышал Его. Даже Адама и Еву изгонял уже кто-то из архангелов. И в самом важном конфликте, когда решалась судьба вселенной, когда я со своими сторонниками пытался восстановить истину, я не чувствовал Его присутствия!..

— Но как же...

Он ответил на невысказанный вопрос:

— Да-да, в народе ходит упрощенная версия, что, мол, дьявол взбунтовался, и Господь низверг его с небес в ад. Но прочтите ваши церковные книги, там везде сказано четко и ясно, что битва состоялась между двумя фракциями ангелов. Во главе одной стоял самый талантливый, яркий и вообще лучший — архангел Люцифер, что означает «блистающий», он всегда сидел по праву руку Творца и потому его еще называли денницей, а другую фракцию возглавил завидующий ему архангел Михаил. Битва была жестокой, чаша весов клонилась то на одну сторону, то на другую... Решалась судьба вселенной, но Творец не вмешался. Почему?

Я пробормотал в великой растерянности:

— Наверное, отсутствовал...

Он покачал головой:

— Битва сотрясала созданную им вселенную! Как он мог не услышать?

— Тогда что? — спросил я в ужасе.

Он развел руками. С еще большим ужасом я понял, что не кривит душой, не хитрит, а в самом деле не знает ответа.

— Я не могу сказать, что умер, — ответил он с таким трудом, что я с изумлением понял, что даже мысль о смерти Творца ему отвратительна. — Но Его нет... Боюсь, что Он глубоко разочаровался в своей затее. Я имею в виду момент так называемого грехопадения.

— А он был?

Сатана отмахнулся:

— Наворочено столько лжи, что сколько бы слоев ни сняли, до истины вам не добраться. Одно верно: все пошло не так, как планировалось. Надо было все-таки учитывать, что если даешь свободу воли такому примитивному существу, то не надо ждать от него разумных поступков.

Я прошептал:

— Значит, наши предки поступили настолько дико и неразумно... что Творец разочаровался в них?

Он утрюмо кивнул:

— Боюсь, что не только в них.

— А в чем еще?

— Во всем созданном мире. Так что, если не копаться в сути конфликта, на сегодня есть только две силы. Одна — ангелы во главе с архангелом Михаилом, другая — Сатана во главе с теми, что пошел за ним.

Я сказал, хватаясь за тонкую нить:

— Но как же... А кто задумал потоп? Кто глаголил из горящего куста? Кто...

Он проговорил невесело:

— Архангелы, только архангелы. И только если весть казалась важной, передавали уже ангелы. Но я не чувствовал больше руки Господа в этом мире! Не радует меня это, как я уже сказал. Я хочу Ему доказать свою правоту, а не этим тупым лизоблюдам... Я чувствую себя обворованным. Никто, никто из всех ангелов и архангелов, даже все вместе взятые, не может так же страстно жаждать, чтобы Господь жил!..

Я погружался в пучину тоски, сам не понимая, почему.

Ну, нет Бога, подумаешь! Ну и что? Как будто он раньше был... Я нигде и ни в чем не видел присутствие Бога, так что должно быть все равно. Но вот услышал, что его нет и... как будто меня всего обокрали. И не только все земли, титулы, коня и Пса, но и все из меня изнутри украли, потому что душу вложил все-таки Бог.

— Погодите, — пробормотал я, хватаясь за внезапную мысль, — вы же сами сказали, что при моем переносе сюда договаривались с самим Богом! И что он довольно равнодушно отнесся, как будто вообще не понял, о чем речь.

Сатана помрачнел еще больше, развел руками:

— Это относится к высшей политике. К той ее засекреченной части, как я говорил уже вам раньше. Есть договоренности с Той Стороной, что говорить, а что не говорить простому народу. На земле смерть императоров и королей нередко скрывают неделями, чтобы успеть приготовить преемника.

— Вы солгали?

Он кисло улыбнулся:

— Меня же называют Князем Лжи?.. Но это была не ложь, а дипломатия. Укрытие тайны. Тогда я не мог вам сказать, что договаривался именно с Той Стороной, а не лично с Богом. Это вызвало бы с вашей стороны много лишних и ненужных ни вам, ни мне вопросов.

— А почему сейчас?

Он развел руками:

— Вы освоились в этом мире. Вы многое понимаете лучше местных. Я начинаю вам доверять тайны, которых раньше раскрывать было нельзя.

После долгой тягостной минуты молчания я пробормотал:

— Польщен, польщен... А может, Бог не вмешивается, потому что ему самому интересно, что получилось? И чем все закончится.

Он фыркнул:

— Церковь тут же подсуежилась! Дескать, Господь передал землю и весь мир человеку, и потому любые чудеса, наблюдаемые в мире, — дело рук Сатаны. Моих рук то есть. Ну не смешно ли — отдать мне такие преимущества!

Я подумал, возразил:

— Если по большому счету, то это не преимущества. Слабые люди — да, им хочется чудес. И на халяву. Слабые придумывают золотую рыбку или щуку из проруби, лампу Аладдина, а сильных такое оскорбляет. Иное дело, что слабых абсолютное большинство... С другой стороны, сильные ведут это большинство, как послушное стадо. Так что на кого ориентироваться — еще вопрос. Если на большинство — это и есть демократия. Если же на сильных...

Я замолчал, сам прикидывая, как должен называться строй, когда во главе государства не средненький человек, «как усе», а сильная, волевая и талантливая личность.

Сатана сказал с некоторым раздражением:

— Но, согласитесь, чудес хотели бы даже сильные люди! Разумеется, в свою пользу.

— Если только в свою, — согласился я. — Но чудеса непредсказуемы, как говорят в простом народе. Их можно истолковать и в противоположном смысле! А на фиг сильным людям оппозиционные чудеса? Они сами творят историю. И вписывают туда те чудеса, которые нужны.

Он криво улыбнулся, у него замечательная такая улыбка: кривая, одной половинкой рта, очень грустная и понимающая, отступил к стене и, подняв руку в прощании, моментально исчез.

Я отошел к столу и без сил рухнул на лавку, голова упала на скрещенные руки. Если Творец самоустранился, то вся земля теперь только во власти Сатаны. И человека, конечно. Но человек так привык считать, что за ним кто-то стоит большой и сверхсильный, вытащит из любого дерьма и вообще спасет, что совсем перестает сам шевелить руками.

Самое лучшее то правительство, что научило народ об-

ходить без него, как самые лучшие родители с детства учат детей обходиться без родителей. Не так ли поступает и Господь Бог? Вернее, не потому ли так поступаем мы, что он так поступил с нами?

Если в прошлом была сверхцивилизация... а это для меня уже доказано, а то и не одна, то теперь понятно: была возвращена по тем идеалам, которые Сатана считает единственно правильными. Вроде бы прав: голова кружится, когда пытаюсь вообразить тот уровень... Но — почему всякий раз такой спад? Сатана намекает, что в его расчетах нет изъяна, причина совсем другая, какие-то намеки на нечто, случившееся извне, но не отмазка ли? А что, если причина все-таки в самой цивилизации, где с такой легкостью отказались от «устаревших: верности и чести», взамен только адвокаты и хитроумные договоры?

Но можно ли предусмотреть все случаи обмана и нарушения договоров? Мир стремительно усложняется, так же быстро усложняются схемы пирамид, липовых сделок, подставных фирм, преступных сговоров... Страшен мир, где только один сдерживающий фактор: страх наказания властью! У нас у всех в крови эта благородная страсть обмануть власть, оставить ее в дураках. И если одна только власть будет следить за исполнением законов, не подключая к этому делу нравственность, не воспитывая с детства принципы: «Мальчики этого не делают», «Девочки так себя не ведут», «Для мужчины такое постыдно», то все человечество станет адвокатами и будет искать лазейки, как обуть ближних, а хорошо бы и дальних, тем самым еще кроме материальной выгоды показать свой суперкласс как «лучшего» человека.

Вот кто-то и показал. Или какая-то группа попыталась воспользоваться своим явным или кажущимся преимуществом. И судя по тому, что таких моментов было несколько, называемых теперь Древними Войнами Великих Магов, или просто Войнами Магов, выбор такого пути цивилизации не совсем... верен.

Хотя, сказала что-то во мне темное, такое так понятно и так знакомо... Поимей ближнего, а то он поимеет тебя. Не обманешь — не продашь. Народ не роскошь, а средство обогащения.

С ложа донесся жалобный стон, затем тихий плач. Фрида не просыпалась, из-под опущенных век потекли прозрачные струйки.

Я тихонько лег рядом, подул в лицо, отгоняя дурной сон. Плач оборвался, губы чуть дрогнули, будто пытались сложиться в бледную улыбку. В череде рой мыслей, все дерутся уже не за право на существование, а за доминирование, а это такая гражданская война, что я в конце концов встал, а то разбужу Фриду, сел за стол, а потом вскочил и начал шагать по комнате.

Скрипнула дверь, тихонько вошла с охапкой поленьев Леция. Золотые волосы, как всегда, туго заплетены в толстую косу в руку толщиной, неизменная голубая лента...

— Ох, — сказала она тихонько детским голоском, — простите, что потревожила, ваша милость.

— Да пустяки, — сказал я угрюмо. — Я ничем не занят.

— Ну как же, вы всегда чем-то заняты.

— Не в этот раз, — успокоил я.

Она тихохонько, чтобы не разбудить Фриду, сложила поленья на железный поддон, я видел, как искоса бросает в мою сторону боязливые взгляды.

Я засмотрелся на ее фигурку, невольно вспомнил три пары грудей, пальцы даже зачесались от желания потрогать все шесть, каждая пара с разной формы и размеров сосками. Леция взглянула исподлобья, улыбнулась, женщины легко угадывают наши желания, поднялась и, опустив руки, вдоль тела, спросила шепотом:

— Ваша милость, я чем-нибудь еще могу?..

— Да хотелось бы, — признался я, — мне как-то даже снились твои шесть сисек. Но Фрида больна, Леция. А это будет вроде бы нехорошо.

Она вздохнула, потемневшие было голубые глаза снова стали ясными, как у куклы.

— Вы очень добрый человек, ваша милость.

— Я? — удивился я. — Леция, я человек злой и недобрый. Просто другим злым и недобрый я с удовольствием обламываю рога, потому на меня и можно подумать, что я этот, ну, добрый... Ладно, беги. Я сам буду подбрасывать дровишки.

Она кивнула, очень серьезная, прямо-таки взрослая женщина.

— Хорошо. Я пойду и буду молиться, чтобы Фрида поскорее выздоровела.

Она виновато улыбнулась, запоздало поняв, что ее слова можно истолковать и по-другому. Я тоже раздвинул пасть в улыбке, мол, прекрасно помню, как ты меня полухлоплого отогревала своим жарким телом.

Леция поспешила к двери, все еще сдерживая улыбку.

Глава 14

Творец не вмешивается, подумал я, спасительно хватаясь за тонкую ниточку надежды, потому что дал нам свободу воли. То есть сам лишил себя права вмешиваться в жизнь человека. Он сделал ставку на то, что крохотная частичка, которую вдохнул в животную плоть зверя, сделает из него нечто особое. И что эта частичка, названная душой, позволит устоять против всех соблазнов.

Я вздохнул, в отчаянии стиснул голову ладонями. Творец не представлял всей мощи соблазнов, что возникнут на пути человека.

Или представлял?

Если представлял, то как он мог помыслить даже, что я устою? Весь мир не устоял и рухнул в пучину демократии, а я, самый что ни есть демократ, как бы ни хихикал презрительно над этими примитивными существами, устою?

Да на хрена это все мне, вся эта ответственность? Я же нормальный человек! Я даже когда в самом деле обязан что-то делать, всегда найду способ увильнуть, еще и идеологическую базу подведу, мол, нужно именно сделать так: все мы грамотные и все умеем защищать свои позиции.

Так что за дурь то и дело поднимается во мне? И смеет спорить с разумом, который у меня совсем не хилый, я ведь нахватался везде вершков и обо всем что-то да знаю.

А что касается конфликта с отцом Ульфилой... Пожалуй, отдам ему за Фриду не только земли, но и сам Верден... Во-первых, там все еще жена и дочери бывшего владельца замка, Волка. Как их выгнать, не знаю, рука не поднимается выпереть женщину с детьми, хотя надо бы. Во-вторых, Волк сумел улизнуть, а это значит, что где-то собирает силы, не может не попытаться вернуть потерянное. Так что пусть отец Ульфилла и решает все эти проблемы. Он злее и беспощаднее, чем я, чувствует за собой поддержку самого Господа, а я еще долго буду сопли жевать, интеллигентничать, рефлексировать, политкорректничать, о правах человека еще вспомню, не на ночь будь сказано...

Ближе к вечеру в замок вернулись Тюрингем, Зигфрид, Вернигора. Угасающий пир разгорелся с новой силой. Я заново рассказывал, что за это время стряслось со мной, они в ответ виновато бормотали, что у них вот ничего, только все хозяйством занимались, а то больно разрушенное было. Да и отобранные раньше деревни вернули, теперь заново перестраивают систему налогов.

Поздно ночью, сославшись на усталость, я покинул пир и вернулся в свои покои. Фрида лежит тихая, как мышка, я разделся и залез под одеяло. Фрида тут же подняла веки, во взгляде страх, на меня посмотрела отчаянными глазами.

— Ваша милость, — сказала она жалобно, — я такая безобразная, ужасная!.. Вам смотреть на меня противно. Позовите Лецию...

— Зачем?

— Ну... для утех.

— Ага, а тебя куда?

— Да хоть на коврик к вашей собачке.

Я обхватил ее и прижал к груди.

— Не пищи, — сказал я в ухо. — Ты храбрая, отважная и самая красивая птичка на свете. Быстрее приходи в себя, потому что дальше все хорошо. То, что случилось, не повторится. А с утехами потерпи.

Она замерла и страшилась шевельнуться, я сам лег удобнее, обнял ее рукой себя за шею, положил ее голову на плечо, а ее тонкую заднюю лапку закинул себе на живот. Так лежали некоторое время, я чувствовал, как она медленно и осторожно, каждое мгновение готовая снова юркнуть в свою норку, расслабляется, дышит не так скованно, тело теряет жесткость, и, наконец, дыхание стало совсем глубоким и ровным.

Я чувствовал, что начинаю засыпать, в это время в коридоре послышались тяжелые шаги. Я почему-то подумал, что идет статуя командора, но Фрида вроде бы не Анна, а я не тяну на Дон-Жуана.

Из-за двери донесся крик:

— Ваша светлость!.. Ваша светлость!..

Удары железа по железу ни с чем не спутаешь, я торопливо высвободился из рук спящей Фриды, спрыгнул на пол и ухватил меч. Тот, что взял из рук железной девы...

Дверь с грохотом распахнулась, едва не слетев с петель. Через порог шагнула она, блестящая темной медью в свете факелов, с темным лицом. Двое стражников со всей дури отважно рубили в спину мечами, на что меднолицая не обращала внимания, а шла прямо на меня.

Я вскрикнул:

— Да ты что? Я же сюзерен!

Она продолжала надвигаться, лицо неподвижное, я отпрыгнул, сказал гневно:

— Ты не поняла? Я — сюзерен! На колени!

На миг мне почудилось, что она поняла и вот-вот в самом деле преклонит колени, однако ноги ее несут дальше, рука поднялась, готовая ухватить за мое горло.

Я сказал с достоинством:

— Ах, меч? Ну так бы и сказала! Я же взял не насовсем, только посмотреть! Утром бы принес обратно.

Она пересекла комнату, я перехватил меч за прозрачный конец, сердце екнуло, почудилось, что вот-вот кончик отломится, и протянул рукоятью вперед. Дыхание замерло в груди, металлическая дева надвинулась, незрячие глаза глянули на меня в упор, а темные пальцы с железным щелчком сомкнулись на рукояти меча.

Долгие мгновения я стоял как замороженный, страхась, что разрубит меня пополам. Дева повернулась и пошла с мечом в руке к выходу. Пол подрагивал от ее шагов, я невольно подумал, что эта девочка весит несколько тонн. Переведя дыхание, я сказал с натужной бодростью:

— Благодарю за службу, ребята!.. Вы действовали отважно.

Стражи вытянулись, в глазах страх уступает ликованию, все обошлось хорошо, они почти герои, есть, что рассказать утром. А зимой этого приключения хватит на пару недель.

Ладно, мелькнула мысль. В этот раз не удалось, получится в следующий. Тут же вспомнил, что следующего раза не будет, всего три дня выторговал у Сатаны.

Фрида пробормотала сонно:

— Мама... а как они летают?..

Я лег рядом, обнял бережно и прошептал в розовое ушко:

— Ты тоже будешь летать. Спи.

Заснул под утро, а когда вынырнул из темного и непрочного, как ткань прогнившего мешка, сна, Фрида сидит на краешке постели, ужасающе худая, но уже посвежевшая, в руках жареная гусиная лапа.

— Ох, ваша милость, — проговорила она с набитым ртом, — простите, но не смогла утерпеть.

— Для тебя и поставлено, — сказал я. — Лопай, не стесняйся. Набирайся сил.

— Все равно стыдно, — прошептала она.

Ее глаза были умоляющими, но пальцы отрывали кусочки нежного мяса и отправляли в быстро жующий рот. Я погладил ее по голове, пышные волосы пружинят под пальцами, быстро оделся и вышел.

На лестнице перехватил Гунтер, рыцари спрашивают насчет указаний, я отмахнулся:

— Сам указывай. Отец Ульфилла сейчас где?

— Если не в карьере, то в церкви. Он весьма ревностен...

— Знаю, — ответил я с тоской. — Ладно, сейчас он явно советуется по одному важному вопросу.

Гунтер спросил настороженно:

— С кем?

— А с кем еще стоит советоваться, — ответил я, — если дело важное? С Богом, конечно.

Снег смачно хрустел под сапогами, словно зайцы жуют свежую капусту. Мой арбогаст выметнулся веселый, с горящими глазами, однако настроение мое оставалось ниже плинтуса.

Отец Ульфилла, как я и предположил, находился в церкви. Он обернулся и пошел навстречу, едва я переступил порог. Бледный и осунувшийся, с покрасневшими от ночных бдений и молений глазами, взглянул на меня исподлобья, я открыл было рот для вопроса, тут же услышал резкое:

— Нет!

— Что «нет»? — переспросил я, но сердце болезненно сжалось, понял раньше меня, дурака.

— Я говорил всю ночь с Господом, — проговорил Ульфилла.

— Он не мог такое посоветовать, — запротестовал я.

— Он сказал «нет», — ответил Ульфилла резко. — Церкви не нужно проклятое золото из ада!

Я прошел мимо него, так что Ульфилла невольно последовал за мной, положил на стол свернутый в трубочку рулон пергамента. Отец Ульфилла бросил на него короткий взгляд. Я развернул, прижал углы золотыми монетами.

— Отец Ульфилла, — сказал я, — разве не я посоветовал поставить церкви во владениях Одноглазого, как только стали моими?.. Разве не я выделил денег на строительство часовен и даже церквей?.. Вы ведь все это сделали?

Он кивнул:

— Да.

— Думаю, за два года вы преуспели во многом, — сказал я.

— Преуспел, — согласился он. — Слово Господа снова стало звучать всюду.

— Значит, — сказал я с нажимом, — в тот раз вы извлекли пользу из сотрудничества со мной. А сейчас что-то вам мешает... Не гордыня ли?.. Подумайте на досуге. Смотрите сюда. Это план монастыря. Он втрое больше того, что вы задумали при всем своем энтузиазме. Вот здесь главный зал для общих молений, вот здесь келья, а это библиотека...

Голос дрожал, я сам чувствовал, что всегдашняя уверенность разбивается, как морская волна о подлинную твердь, которую мне никогда не занять. Отец Ульфилла следил за моей рукой настороженно и недоверчиво.

Когда я обрисовал все-все, закончив расположением кухни, он фыркнул:

— На постройку такого монастыря потребуется слишком много денег.

— Сколько?

— Даже в аду не наберется столько.

— А если пустить на благое дело сокровища Ганслеггера?

Он покачал головой:

— Да и потом понадобилось бы слишком много, чтобы поддерживать монастырскую жизнь.

— Можно перевести на самообеспечение, — сказал я

быстро. — Здесь цветущие сады и луга, а это мед и воск! Монахи смогут заниматься подсобным хозяйством и перестанут зависеть от прихоти местных лордов.

Он снова покачал головой:

— Это слишком. Монастырь будет на три четверти пустым.

— Крестьяне охотно будут отдавать детей, — сказал я убеждающе, — чтобы избавиться от лишних ртов. Так что наполнится жизнью он быстро. Я выделяю для монастыря хорошую плодородную землю. Она не только прокормит монахов, но и даст некоторую прибыль...

— Монастырю не нужна прибыль!

— А на что покупать недостающее, например, свечи? Хотя свечи можно делать самим из воска, если заведете собственную пасеку. Но деньги понадобятся все равно... Отец Ульфилла, я знаю, как такой монастырь создать не за сто лет, как их обычно строят, а уже этим летом.

Он отшатнулся, глаза округлились:

— Что?

Я развел руками:

— Собираюсь сделать вам необычный подарок. Вы за это время неплохо изучили грозный замок Верден... Хорошо? Земли, что ему принадлежат, плодородные. Так вот собираюсь передать вам замок, земли и все села, что входят в его владения. Замок станет краеугольным камнем для строительства монастыря. Первые годы, собственно, он и будет монастырем, а потом расширитесь за счет пристроек. Крестьяне Вердена таким образом станут монастырскими крестьянами.

Он уже пришел в себя, я почти видел, с какой скоростью работает его мозг, моментально просчитывая все варианты за и против, выискивая ловушки, стараясь угадать, на чем же я его пытаюсь поймать и как именно погублю его душу.

— Это... — проговорил он резко, — щедро. Очень щедро! И все за эту ведьму?

Я кивнул:

— За ведьму. Да-да, за такую малость я отдаю большой и хорошо укрепленный замок, а также все владения Вердена. Ну, за исключением тех, что отошли к Амальфи. Разве это не торжество церкви?

Он сказал напряженно:

— Ведьма должна быть сожжена.

— Кто спорит? — ответил я. — Конечно же! Но, возможно, Господь в своей мудрости, недоступной нам, как раз и провел всю эту великолепную комбинацию, чтобы завершить ее созданием монастыря, откуда под вашим мудрым руководством будут выходить пламенные проповедники учения Христа?.. И откуда воссияет чистый свет, изгонит нечисть, просветит и спасет души простого народа, столь падкого на дешевые мирские радости?

Он слушал все еще настороженно, но я уже видел появившиеся бреши в его обороне.

Наконец, он проговорил с колебанием в голосе:

— А что собираетесь делать вы?

— Во всяком случае, — ответил я, — не мешать вам, это точно! Гунтер и его рыцари умоляют меня взять их с собой. Я планирую проникнуть на Юг, а они готовы со мной хоть в ад. Так что убьем двух зайцев: я перевезу в свои новые земли верных мне людей, а вы получите земли, что позволят содержать монастырь, набирать молодых послушников и воспитывать их в духе воинствующей веры... Вы мне тоже очень не нравитесь, отец Ульфилла, но вера лично у вас воинствующая, что есть очень хорошо.

Он посмотрел на меня исподлобья:

— Почему?

— Церковь быстро становится беззубой, — объяснил я. — В том королевстве, откуда я, с ней никто не считается. И виновата в этом она сама. А вы в своем монастыре станете готовить миссионеров своего склада и натиска, что так важно и чего так недостает.

Уже на пороге я остановился, хлопнул себя по лбу и повернулся к отцу Ульфилле:

— Да, совсем забыл об одной малости.

Он спросил настороженно:

— Какой?

— Напишите вдогонку, — попросил я, — что я не освободил ведьму, а взял для дальнейшего расследования. Пусть церковные власти не торопятся с отлучением.

Он помолчал, потом ответил с великой неохотой:

— Я только написал, но... еще не отправил. Не было okazji.

Я выдохнул с великим облегчением:

— Как удачно!

— Не ликуй, — сказал он злобно. — Если только с монастырем что-то пойдет не так, я тут же дам той бумаге ход.

— Это меня устраивает, — ответил я серьезно. — Я сам заинтересован в скорейшем строительстве монастыря. Мне позарез нужно много грамотных людей... из простого народа.

Могучие мужские голоса дружно и весело ревели, как стадо молодых быков, застольную. Я услышал стук ножей по столу и по тарелкам, смех, веселые вопли. Во главе стола кресло с высокой спинкой, единственное пустое, справа веселые Гюнтер и Ульман, слева Зигфрид, Тюрингем, остальных рыцарей знаю только в лицо. Ах да, еще виконт Теодерих, помню, он первым из вольных рыцарей пришел ко мне и принес присягу на верность...

Я занял место во главе стола, минуту послушал их разговоры, затем поднялся с кубком вина в руке. В зале сразу затихло.

— Дорогие друзья! — сказал я с подъемом. — Как вы уже знаете, в своем стремлении на Юг я еще больше обрстал землями, титулами и званиями. Но может ли такая ерунда остановить рыцаря?

За столом заорали, что нет, никогда, ни за что, но по глазам некоторых видел, что вообще-то пусть не остановились бы, но кое-где с охотой можно и задержаться, надо же насладиться гроссграфством или коннетабльством, однако общий настрой был за вечный бой, когда покой нам только снится, а пограбить можно и на ходу, на обратном пути доберем и донасилуем.

— Хорошо, — подытожил я. — Тогда я призываю вас на добровольной основе... присоединиться ко мне!

Гунтер выкрикнул в общем шуме:

— Мы уже с вами, сэр Ричард! Что нужно делать?

Я покачал головой.

— А вот тебе нужно остаться здесь. Ты так умело наладил производство составных луков... А нам понадобится еще и еще! Мне требуются надежные и верные люди в Армландии. Конечно, они уже есть, но я сам не думал... да и не хотел, если честно, чтобы в моих руках оказалось земли так... много. Но, увы, у меня теперь такие просторы... и я предпочел бы побольше тех соратников, кого уже знаю.

Гунтер сказал с обидой:

— Ну что это, все в поход, а я?.. Ладно, спрашиваю за них всех, что нужно делать?

— Дождаться весны, — сказал я. — А как только подсохнет земля, все, кто к тому времени не передумает, да отправятся своим ходом каждый в удобное для него время в королевство Фоссано, в провинцию Армландия. А там вам всякий скажет, где найти гроссграфа Ричарда Длинные Руки. Меня, скорее всего, на месте не будет...

Тюрингем захохотал:

— Ну, это точно!

Другие тоже захохотали, я через силу улыбнулся.

— Верно, я не люблю сидеть на месте. Там вы обратитесь к барону Альбрехту или сэру Растеру, это мои ближайшие военачальники. Они сразу пристроят вас к делу, чтобы не застаивались в ожидании... Начинайте сразу работать, не дожидаясь меня. А сейчас, увы, я должен покинуть вас.

Гунтер проворчал в наступившей тишине:

— Все у вас, сэр Ричард, не как у людей. Зимой спят и пируют, спят и пируют...

Я засмеялся:

— Пируйте, до весны еще далеко!.. Гунтер, пусть ребята веселятся, а ты оставь свой кубок на пару минут.

Он торопливо выбрался из-за стола, уже собранный и настроженный, ладонь подрагивает на рукояти меча, по-волчьи огляделся.

Я отвел его в сторонку, Гунтер еще раз осмотрелся, я сказал тихо:

— Тебе лично еще одно очень важное задание. Выбери самый глубокий подвал... но из тех, что заброшены, понял? Куда обычно никто не ходит. Там выроешь очень глубокий колодец. Как можно глубже, понял? Не забудь снабдить надежными ступеньками, чтоб можно было спуститься на дно... и выбраться.

Он слушал внимательно, в глазах удивление, но лишь кивнул, ответил коротко:

— Сегодня же ночью начнут копать.

— Отлично, — сказал я с облегчением. — Это у меня такая епитимия, понимаешь ли...

— Епитимия?

— А что такого? — спросил я обиженно. — Я не человек, что ли? Уж и нагрешить не могу? Обижаешь, Гунтер...

Он помотал головой:

— Да нет, вы ж паладин! Вы сами на кого хотите наложить...

Я вздохнул:

— Вот я и наложил. За то, что вмешался в дела святой инквизиции и выхватил из их рук грешницу. А она, увы, в самом деле грешница, тут уж ничего не скажешь.

Он открыл рот и, постояв так, закрыл. Я видел по его честному лицу старого солдата, что вопрос был прост: если епитимия, то я вроде бы должен копать своими руками, но

с другой стороны — я же лорд, а как лорд вполне могу поручить отбывать епитимию другим.

— Кстати, — добавил я, — такие колодцы велишь выкопать во всех трех замках! В Амило и Вердене. Главное, старайся делать их там, куда никто не ходит. А еще лично проследи, чтобы поглубже, поглубже. Это очень важно для моей епитимии.

Он отрубил тихо, но четко:

— Не извольте беспокоиться, сэра Ричард!.. Все будет сделано.

— Не сомневаюсь, — ответил я и тепло обнял его. — Держись, Гунтер. Когда-то мы чуть было не убили друг друга, но сейчас ты у меня здесь самое доверенное, так сказать, лицо, извини за выражение.

Он усмехнулся:

— Сэр Ричард! Вы тогда сразили самого сэра Галантлара. У нас с Ульманом против вас не было шансов. Но — спасибо за оценку!

Проводить меня во двор высыпали как рыцари, так все воины и челядь. Только стражи смотрели со стен, остро жалея, что не могут прикоснуться к одежде лорда, при власти которого жизнь переменялась к лучшему.

Я укутал Фриду в огромную шубу, как маленькую гусеницу в кокон, велел не высовывать и носа, она пока что дохленькая, свистнул Зайчика, а Пес уже давно прыгает во круг, требует внимания.

Зайчик стоял, как статуя, пока я принимал из рук Гунтера запеленатую Фриду. Заскрипела решетка ворот, я услышал, как с той стороны ворот грузно опускается подъемный мост.

Сердце защемило, я выдавил с трудом, проклятый лжец:

— До встреч...

Гунтер отсалютовал обнаженным мечом, Ульман, Тюрингем, Зигфрид тут же выдернули свои, за ними — остальные рыцари и рядовые воины. Мы проехали в сторону во-

рот между двумя рядами мужчин в железе и с оружием в руках, я чувствовал, как пугливо вздрагивает в моих руках живой комок.

Копыта прогремели по заиндевевшим доскам, затем длинный каменный мост, Зайчик все набирал скорость, я пригнулся, прикрывая Фриду и сам пряча морду в пышной гриве. Топот перешел в шелест, а рев ветра в тонкий свист.

Я чувствовал, как Фрида там, в глубине необъятной шубы, старается прижаться к моей груди, маленькая, как котенок, потерявшаяся в огромной толстой шкуре. Я прятал лицо от ледящего ветра, в череде рой мыслей, и это надо успеть, и это, а мозг упорно воскрешает картинки Амальфи, глаза рыцарей, утрюмое лицо Гунтера...

Гунтер, мелькнула снова мысль, никогда не узурпирует власть, не объявит себя владельцем замка. Его больше устраивает роль управляющего. В этом деле он собаку съел, а когда дело касается внешнеполитических, так сказать, дел, чувствует себя на чужом поле и охотно сообщает, что он всего лишь управитель, а всем командует и за все отвечает его господин — блистательный сэр Ричард Длинные Руки.

Кстати, теперь он будет присовокуплять «коннетабль королевства Фоссано и гроссграф Армландии», что, бесспорно, прибавит грозной мощи моему имени и увеличит защиту всем моим владениям в этих землях. Кстати, барон де Пусе, который добровольно признал себя моим вассалом и принес мне присягу верности, лишней раз порадуетсся и побахвалится своей мудростью и прозорливостью.

Интересно, как там леди Клаудия...

Глава 15

Мы продвигались по прямой почти без остановок, если не считать двух, когда я пил горячий кофе и отпаивал им Фриду, но все равно багровое солнце уже начало опускаться за горизонт, когда мы увидели башни моего замка.

На стене ликующе заорали, когда я на огромном черном коне возник прямо перед поднятым мостом. Еще больше возликовали, когда я проехал под аркой ворот во двор, а там все увидели, что я держу в руках закутанную в огромную шубу маленькую женщину.

Сэр Макс выбежал первым, в глазах жадный восторг, выпалил на бегу:

— Сэр Ричард! Кто это?

Я чуть было не брякнул кто, но посмотрел в чистое лицо и честные глаза молодого рыцаря, который хоть и предан всей душой, но все же рыцарь от пяток до кончика ушей.

— Пока тайна, — сказал я, понизив голос. — Заклятия, что наложили на нее злые чародеи, превратили ее в простую крестьянку. Подлинного ее происхождения не знает никто! Известно только, что оно очень высокое.

Я спрыгнул на землю, Фрида забормотала во сне, широко распахнула глаза и тихонько ахнула. Рыцари торопливо сбегались со всех сторон и смотрели на нее во все глаза.

Макс сказал счастливо:

— Я так и думал! Представляю, сэр Ричард, сколько вы там магов порубили, сколько драконов истребили и сколько башен разнесли взрывом и по камешку!

Я покачал головой, руки заняты:

— Да все обошлось мирно.

За спиной раздался громовой хохот Растера:

— Знаем, знаем! Когда мы вдвоем изрубили в капусту двенадцать закованных в лучшую сталь исполинов, сэр Ричард потом обронил в лагере, что, дескать, ничего не случилось, никого не встретили!

Митчел взревел весело:

— Да он забыл о такой мелочи!

Барон Альбрехт сказал язвительно:

— Пришлось и вам помалкивать, сэр Растер?

— А то нет? — ответил сэр Растер обидчиво. — Вы мо-

жете себе представить, когда есть о чем похвастать, а не поверят?

Я понес Фриду в донжон, она слабо попискивала, уверяла, что сама в силах, это же как стыдно, что о ней заботится такой могущественный лорд, так же нельзя, не положено...

Слуги забежали вперед, распахивали двери, я поднялся по лестнице, стражи бодро стукнули древками копий в пол, бдим, я переступил порог своих покоев.

Сухой теплый воздух, в камине пляшет оранжевый огонь. Я поставил Фриду на пол и выпутал ее из шубы. Испуганная, она казалась еще меньше.

Я кивнул на кровать.

— Ложись, отсыпайся. Еду будут приносить сюда. Главное, ничего не бойся. Теперь все будет хорошо! Только хорошо.

Ее глаза наполнились слезами:

— Ваша милость...

Я помотал головой:

— Не благодари.

— Как же... Вы меня спасли!

— И ты меня пару раз вытаскивала, — напомнил я. — Все помню, малышка. Устраивайся, а я пока вернусь к своим рыцарям. Даже зима не отменяет некоторого шевеления.

Я вышел, стражи снова стукнули древками. Когда неторопливо спускался по лестнице, лорд должен быть неторопливым и важным, заметил внизу человека в темном плаще с надвинутым на лицо капюшоном.

Словно чувствуя мое напряжение, он тут же поднял голову, я узнал Миртуса.

— Что-то случилось? — спросил я.

— Еще нет, ваша милость, — ответил он. — Но... вы знаете, кого привезли?

Я кивнул:

— Да. Эта женщина не однажды спасала мою шкуру.

Он переступил с ноги на ногу, лицо стало несчастным, как у человека, что всегда избегает неприятных ситуаций, но вот сейчас сам видит свою дурость, но все-таки влезает.

— А вы знаете...

— Что?

Он развел руками.

— Она не совсем.. гм... то заклятие, что на нее наложили... может быть очень опасным.

Я насторожился.

— В чем?

— Ваша милость, рыцари берегут замок мечами и копьями, а я просматриваю всех по-своему. И вот сейчас я несколько...

Он огляделся, я тоже посмотрел по сторонам и спросил тихо:

— Что ты увидел?

— Мне кажется, — произнес он с трудом, — что она... гм... ведьма. Я понимаю, ваша милость, что она не ведьма, как может быть ведьма так близко от вашей милости? Однако другие могут подумать всякое...

Я помолчал, прикидывая, как лучше держать себя с тем, кто знает чуть больше остальных, спросил осторожно:

— Это как-то заметно? В смысле, еще кто-то может увидеть?

— Пока только я, — заверил он. — У меня есть такое особое заклятие, что показывает... гм... кто наделен... этой... как бы сказать... добавочной силой. И когда вы въехали во двор, я сразу увидел.

— М-да, — сказал я в раздумье, — а ты знаешь какие-то заклятия, что могут ее укрыть? Как щитом или хотя бы как я укрывал шубой?

Он кивнул:

— Конечно. Я удивляюсь, что она сама не укрылась. Это так легко! Можно укрыться от простых людей, а можно надежно скрыться даже от самых могучих магов.

Я помолчал, Миртус тоже умолк и старался держать лицо спокойным и ожидающим.

— Знаешь, — сказал я, — ты постарайся укрыть ее понадежнее. Я вырвал ее из рук инквизиции, прямо из костра, и не хочу, чтобы она снова... Понял? Конечно же, это простая деревенская ведьма, сильная от природы, но абсолютно необученная. Но она спасала меня, а я... спас ее. Только и всего.

Он смотрел несколько потрясенно: одно дело, когда слуги бросаются защищать сеньора, другое — если он с таким рвением защищает слуг.

— Да, ваша милость! — сказал он быстро. — Все сделаю.

— Спасибо, Миртус.

— Не за что, ваша милость, — ответил он, очень смущенный, что верховный лорд снизошел до благодарности. — Это мой долг — служить вам.

Он был уже в трех шагах, когда я окликнул:

— Миртус!

Он быстро повернулся:

— Да, ваша милость?

Я сказал, понизив голос:

— Миртус, я не хочу конфликта с церковью. Церковь — большая и чистая сила, как стадо вымытых слонов. Но я не хочу терять и магию. Магия — тоже сила. Не чистая или нечистая, а просто сила. Мы потихоньку превратим магию в науку... потому вот что... если у тебя есть какие-то еще знакомые маги, которым несладко, пусть приходят ко мне. Вернее, к тебе!

Он смотрел серьезно и с тревогой в глазах:

— И что им нужно будет делать?

— Для меня — ничего, — подчеркнул я. — Будут помогать тебе раскалывать орешки тайн мироздания. И вести собственные исследования. Ты только будешь присматривать, чтобы не взорвали здесь все на фиг.

Он кивнул быстро и с такой готовностью, словно мысленно подталкивал меня именно к такому решению:

— Да, ваша милость! Сделаю.

Я смотрел ему вслед, вдруг поймал себя на том, что ни секунды не сомневаюсь, что он все сделает для моей безопасности. Странное чувство, я уже к нему почти привык, а ведь раньше верность, что обычна для жителей этой эпохи, когда простолюдины верны сеньору, сеньор верен сюзерену, а тот — вышестоящему, и так до короля включительно, — казалась дикой мне, свободомыслящему и так далее демократу, который свободен от всех уз, а верность — это такие узы, что я даже не знаю, что связывает руки сильнее!

И в то же время есть странное чувство неясной тоски по утраченной верности! Хочется, как ни странно, быть кому-то верным, кого-то любить беззаветно, а не только жрать в три горла и танцевать на дискотеке. Вот хочется терять аппетит из-за того, что тебя не любят, страдать от этой самой неразделенной!

Мне верны, что само по себе уже неудобно. Были бы сами по себе, куда проще. А так вот верны, с готовностью отправятся за мной в огонь и воду, потому что присягнули... И поневоле начинаешь прощупывать тропку впереди, осторожножничаете. Раз за мной идут так слепо, дураки, нашли за кем... то я должен о них бдеть и бдить...

И даже то, что щедро раздаю земли и замки, на самом деле, если копнуть по дедушке Фрейду, это попытка снять с себя это самое чувство вины. И отпустить доверившегося мне человека в свободное плавание. На, мол, денег, но не ходи за мной следом — мало ли куда заведу, я ж такой дурак, — и живи своим умом и своим хозяйством.

Хлопнула дверь, через порог ступил барон Альбрехт, за ним ворвался свежий морозный воздух. Альбрехт потопал ногами, стряхивая остатки снега, к нему подскочили и взяли шубу. Раскрасневшийся, с горящими от мороза щеками, он взглянул на меня с вопросом в серых глазах, на бровях медленно тают снежинки.

— Сэр Ричард?

— Да, сэр Альбрехт?

— Только не говорите, что снова собираетесь выйти в эту жуть!

— Снова метель? — удивился я.

— Напротив, штиль, — заверил он. — Теперь буря повторится не скоро. Но снегу столько, что еще долго будут крестьяне пробивать дороги даже к своим сараям.

— Проторенные дороги — зло, — пробормотал я.

Он вскинул брови:

— Почему?

— В жизни, как говорят мудрые, — сказал я, — нет широкой столбовой дороги. Только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по каменистым тропам.

Подошли сэр Растер и Макс, прислушались, сэр Растер сказал громогласно:

— Это слишком сложно. А вот мне отец говорил, чтобы я не покидал никогда дороги долга и чести. Единственная дорога, с которой нельзя сбиваться! С остальных — можно.

— А кто собьется с дороги, — сказал сэр Альбрехт со странной ноткой в голосе, — того вернуть на нее возможно только окольным путем, верно?

Они захохотали, я тоже засмеялся и вышел во двор. Стен почти не видно, столько под ними снега, челядь шаркает лопатами, вывозит снег на широких саночках.

У ума, мелькнула мысль, как у проселочной дороги, тоже своя проторенная колея. Хорошо еще, если сам протоптал, полбеда. Раньше я обычно ходил по тем, что протоптали другие. Только здесь начинаю бродить не так, как здесь ходят. Чаше всего, конечно, сам себя называю дураком, но все-таки иду.

— Зайчик, — крикнул я, — ты готов к нетоптанным дорогам?... Дорога к славе прокладывается крепкими копытами!

Зайчик промолчал в конюшне, Растер пояснил за спиной, что ему навалили в ясли булыжников с примесью же-

леза, сейчас ваш конь, сэр Ричард, и трубный глас не услышит.

А сэр Альбрехт сказал с завистью:

— Сэр Ричард, вы такими чеканными фразами говорите... При такой молодости такая мудрость!

— Я молод, — ответил я победно, — но старые книги читал!

Сэр Растер спросил почтительно:

— Сэр Ричард... э-э... можно нескромный вопрос?

— Нельзя, — отрезал я.

— Почему?

— Потому что нескромный, — объяснил я, как школьнику.

— Гм, простите, вопрос вообще-то невинный...

— Так почему же определили как нескромный? — поинтересовался я подозрительно.

Он виновато развел руками:

— Да так уж говорится. Оборот речи.

— Дурацкий, — сказал я сердито. — Дурацкий оборот! Вы, сэр Растер, и вы, сэр Альбрехт, уж заодно, теперь становитесь в некотором роде лицом грессграфства. Так что сперва думайте, что брякаете. А не потом, как у нас обычно на лестнице.

Растер сказал еще виноватее:

— Так мы ж рыцари, а не монахи! Мы сперва, а не потом.

— Да, — согласился я, — вы правы, надо крепить церковную власть. Именно поэтому. Или нет, церковное влияние! Монастырь основать поблизости, что ли... Так что за вопрос?

Он замялся, спросил тихо:

— А что за старые книги вы читали?

Я открыл рот, постоял так, медленно закрыл, как-то не приходило в голову, что могут спросить, а надо бы предусмотреть, сам же напрашивался.

— Да как-то забыл авторов, — ответил я в глубоком размышлизме. — И названия... Вообще не запоминаю эту ерунду. Мне скорее бы текст, а там чтоб драйв, кровь, лязг мечей, крики мертвецов, ржание спартаковцев, драконы, и чтоб принцессу с приключениями с первой главы и до конца... В смысле, везли, везли, везли. А мудрые мысли в хорошей вещи вкраплены незаметно, между кровавой рубкой и постелью. Чтобы любой, кто ищет только жвачку мозговую, мог незаметненько поумнеть, даже не подозревая, что ухитрился поумнеть с кровавого экшена, а не заунывного трактата о пользе Добра.

Сэр Растер выпучил глаза, вряд ли что-то понял, даже Альбрехт смотрит озадаченно и качает головой. Растер зябко повел плечами.

— Эх, вернемся за стол, пока зима не кончилась!

— Хорошая мысль, — согласился Альбрехт и посмотрел на меня с вопросом в глазах. — А вы, сэр Ричард?

— Хорошая мысль, — согласился и я. — Идите, я потом. Если кому что срочно, я у себя.

Бобик попался дважды по дороге, всякий раз спрашивал: люблю ли его и требовал подтверждения, наконец исчез в направлении кухни, а я поднялся в покои.

Над ложем полумрак, я загасил светильник, пусть Фрида поспит дольше, сон лечит, такая крохотная и жалобная свернулась клубочком в уголке кровати, что в сердце щем. Свечи вдоль стен дают ровный желтый свет, здесь тихо и мирно...

Дрожь пронзила тело, я вдруг ощутил, что завис в космосе, хотя вот она, моя комната, мебель, однако все зыбко и нереально. В трех шагах посреди комнаты возникла вертикальная щель из лилового огня: верхний край теряется в своде, нижний уходит в пол.

В комнату лег странный неземной свет, на той стороне щели другое солнце и другая галактика. Я замер, кровь громко стучит в висках, дыхание сперло. В щель проедет

всадник на коне, даже если будет держать копьё острием вверх. Края страшной звездной щели подрагивают, словно живые и... медленно сдвигаются.

Негромкий властный голос зазвучал со всех сторон, даже камни стен проснулись и заговорили:

— Время пришло...

Я охнул, перед глазами замелькали, смешиваясь в серое мерцающее пятно, картинки.

— Уже? — спросил я жалко. — Я думал, у меня еще хотя бы день...

— Уже нет, — ответил голос. — Уже нет. Торопись, Проход не ждет...

Стенки, как накрашенные губы, медленно приближаются одна к другой. В высоту портал стал ниже, даже из пола вылез острый, как шило, край.

— Но почему так рано?

— У тебя было время, — ответил всеобъемлющий голос.

— Мало!

Я задыхался, сердце колотится так, что едва не выпрыгивает через уши, ногти врезались в ладони.

— Еще хоть сутки! — попросил я.

— Посмотри, — ответил голос.

Портал сужается на глазах, краски темнеют, красный стал багровым и перешел в фиолетовый, что вот-вот сменится чернотой.

Ноги мои сами сделали шаг. Портал все меньше, придется пригнуть голову, но пройду, я остановился, чувствуя с той стороны запах прогретого асфальта и бензина.

Вселенная произнесла с равнодушной властью:

— Через минуту будет поздно.

— Но я не готов...

— Будет поздно, — повторил голос.

Я судорожно перевел дыхание, сердце колотится, как у схваченного за уши трусливого зайца. Да что это я выби-

раю, выбираю, когда на самом деле уже выбрал, еще не зная, что выбрал! Когда призывал рыцарей в Армландию, предупредил, что меня не застанут, но когда велел Гунтеру вырыть тайные колодцы во всех трех замках, подсознательно понимал, что буду перемещаться под землей именно я. Никому Подземный Вихрь не уступлю, слишком велик для любого человека соблазн применять силу бесконтрольно. И вообще в глубине души уже знал, что останусь.

— Остаюсь, — ответил я, голос дрогнул, на миг охватил ужас, что я делаю, идиот, но что-то во мне перехватило власть и повторило чуть громче: — Я остаюсь.

Портал сузился до размеров кроличьей норы. Фиолетовость резко померкла, я ощутил, что портал захлопнулся. Светильники у двери и свечи вдоль стен дают прежний желтый свет. Фрида спит, везде тихо, только со двора донеслось приглушенное конское ржание, да под сводами прошелестели крылья карликового дракона.

— Я остался, — прошептал я. — Неужели я такой дурак, что остался? Нет, я особый дурак, редкостный, непуганный... Хуже того, подцепил опасный вирус... Даже страшно вышептать, что за вирус...

Я нервно ходил взад-вперед по комнате, бил кулаком в ладонь с растопыренными пальцами. Это же надо, что за идиот, идиотище, не смог сдвинуться, будто штанами зацепился за крюк.

В глаза ударил радостно сверкающий свет, исчезли тени. Посреди покоев вспыхнул страшным звездным огнем плазменный шар, медленно принимая форму человеческой фигуры.

— Тертуллиан, — сказал я невесело, — а ты с какой новостью?

Из звездного огня прогремел голос:

— Я не являлся, чтобы не мешать твоему выбору. Но ты... победил! Это большая победа, Ричард...

— Да ладно, — ответил я с тоской. — Подумаешь, предпочел жизнь гроссграфа здесь жизни простолюдина там!.. Ха, тоже мне — выбор. Не смешите, ваша Отцецерковность.

Он покачал головой:

— Не лги, для тебя это был трудный выбор. Но ты его сделал... и Сатана посрамлен снова! Выбор не мальчика, но мужа. Это победа церкви, победа над Сатаной!

Я хмуро молчал, не ради церкви во мне что-то решило за меня.

— Да ладно, — сказал я вяло, — брось... Все может измениться. В том числе и сам дьявол.

Огненный столб вздрогнул, словно по нему ударили бревном. В густом мощном голосе впервые прозвучало недоумение:

— О чем ты, Ричард?

— Когда-то он был ангелом, — напомнил я. — Теперь — демон ада. Может быть, и дальше... эволюционирует? О таком не подумал?

— Нет, — прозвучало из звездной бездны озадаченное.

— Я тоже не думал, — признался я, — вот сейчас чего-то вдруг...

Плазменный столб стал выше и уперся в запыленный свод, откуда сразу исчезла паутина.

— Хочешь сказать, может исправиться?

— Не совсем, — ответил я невесело. — Опыт исправительных колоний показывает, что там никого не исправляют. А вот наоборот... да.

— Может стать, — прозвучал страшный голос, — еще хуже?

— Может, — ответил я. — Не знаю... может быть, уже стал.

Плазменная фигура вспыхнула, я невольно прикрыл глаза рукой, но свет тут же померк. Я вздохнул, прошелся по опустевшей комнате, расстегнул и швырнул на кровать пояс.

По ту сторону лежа возникла фигура в парадном костюме из дорогого бархата. Сатана на этот раз при длинном узком мече в изысканных ножнах, в сапогах с высокими голенищами. Золотые шпоры позвякивают тихо, но очень мелодично.

— Сэр Ричард, — в голосе звенело ликование, а в черных как маслины глазах я увидел нескрываемую радость. — Я уж боялся, что вернетесь в свой мир! А мне позарез нужен форпост по эту сторону Хребта!.. Надеюсь, в этих диких землях вы предпримете реформы? Хорошо бы ускорить продвижение этих земель к прогрессу.

Я молчал, онемев. Наконец, выдавил через силу:

— Да, хорошо бы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	40
Глава 5	48
Глава 6	57
Глава 7	68
Глава 8	80
Глава 9	93
Глава 10	102
Глава 11	111
Глава 12	119
Глава 13	128
Глава 14	138
Глава 15	148
Глава 16	156

ЧАСТЬ 2

Глава 1	163
Глава 2	174
Глава 3	183
Глава 4	194
Глава 5	205

Глава 6	217
Глава 7	225
Глава 8	235
Глава 9	246
Глава 10	254
Глава 11	265
Глава 12	270
Глава 13	282
Глава 14	291
Глава 15	303
Глава 16	313

ЧАСТЬ 3

Глава 1	324
Глава 2	332
Глава 3	343
Глава 4	352
Глава 5	362
Глава 6	371
Глава 7	380
Глава 8	392
Глава 9	400
Глава 10	411
Глава 11	421
Глава 12	429
Глава 13	440
Глава 14	449
Глава 15	461

Литературно-художественное издание

Гай Юлий Орловский

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ОВЕРЛОРД

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *С. Пяташ*
Корректор *И. Гончарова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 24.07.2007.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 55 000 экз. Заказ № 1278.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»**

E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

*For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at
foreignseller@eksmo-sale.ru*

**По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении
обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо»**

E-mail: project@eksmo-sale.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Серия

«АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ»

Основана в 1996 году

В течение 10 лет – одна из самых популярных серий отечественной фантастики, в которой издано более 300 книг

С начала 2007 года в серии изданы:

Михаил АХМАНОВ

«Страж фараона»
«Меч над пропастью»
«Вторжение»

Алексей БЕССОНОВ

«Пройдя сквозь дым»

Владимир БРАЙТ

«Королевства, проигранные в карты»
«Королева Семи Палачей»

Василий ГОЛОВАЧЕВ

«Ведич»
«Мир приключений»
«Посторонним вход воспрещен»

Евгений ГУЛЯКОВСКИЙ

«Обратная сторона времени»

Алексей КАЛУГИН

«Подземелья Эйтана»

Андрей ЛИВАДНЫЙ

«Форпост»
«Последний рубеж»

Андрей МАКСИМУШКИН

«Белый реванш»

Андрей УЛАНОВ

«Крест на башне»

Вячеслав ШАЛЫГИН

«Инстинкт гнева»
«Черно-белое знамя Земли»

Сборник «ЗАКОНЫ ДАЛЬНОГО КОСМОСА»

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

ПРОТИВ СКУКИ И ПЛОХОГО НАСТРОЕНИЯ!

www.oksana.ru

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ МАСТЕР ТОНКОГО ЮМОРА И ГЛУБОКОЙ ИРОНИИ

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Миллиарды тонких замечаний,
необыкновенных ситуаций и ни одного
повторения за все время
головокружительного путешествия

по книгам ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА!

«Собирая мир, Создатель выдал на-гора массу выдающихся
и в высшей степени оригинальных идей. Однако сделать мир
понимаемым в его задачу не входило»

Из романа «Мор»

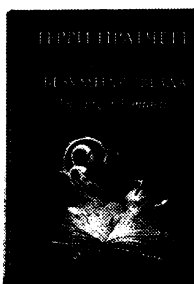
«Кольчуга не слишком защищает от стрелы, особенно если та
нацелена вам между глаз».

Из романа «Дамы и Господа»

« – А кто такой философ?

– Тот, у кого хватило ума подыскать себе непьющую работенку,
не связанную с подъемом тяжестей».

Из романа «Мелкие боги»

КАЧЕСТВЕННАЯ ПРОЗА
ТОЛЬКО ДЛЯ НАСТОЯЩИХ ЦЕНИТЕЛЕЙ ЖАНРА

<http://pratchett.info>

www.eksmo.ru

ISBN 978-5-699-23506-3

9 785699 235063 >

Ричард

Длинные Руки —

оверлорд

